

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

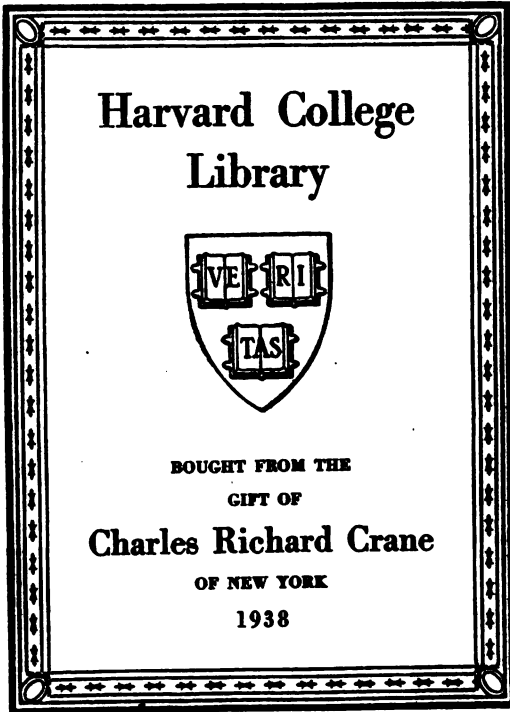
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIENER

HW XR25 U

Play 5067.8.33(1)

10 -

С. Гребенкин

СОЧИНЕНІЯ
Е. П. ГРЕБЕНКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.)

(1836—1840.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КИЕВСКАГО КНИГОПРОДАВЦА С. И. ЛИТОВА.

1862.

С. Трубецкой

СОЧИНЕНІЯ
Е. П. ГРЕБЕНКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.)

(1836—1840.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КІЕВСКАГО КНИГОПРОДАВЦА С. Н. ЛИТОВА.

1862.

Slav 5066.3.53

✓ Slav 5067.8.3 (1)

MARYARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE GIFT OF
CHARLES RICHARD CRANE
APRIL 29, 1938

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ законенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ. 7 февраля 1862 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно желанію издателя предлагаемаго нынѣ публикѣ полнаго собранія сочиненій Евгенія Павловича Гребенки, я принялъ на себя редакцію этого изданія, то-есть собраніе и подготовку матеріаловъ и распредѣленіе ихъ по томамъ.

До-сихъ-поръ было всего одно изданіе сочиненій Гребенки. Оно было предпринято самимъ авторомъ въ 1847 году, подъ названіемъ: «Романы, Повѣсти и Разказы Евгенія Гребенки» и вышло въ теченіе двухъ лѣтъ маленькими томиками, въ 16-ю долю листа. Но и это единственное собраніе сочиненій покойнаго писателя, куда вошла едва четвертая часть его произведеній (одинъ романъ, 6 повѣстей и 11 разказовъ), прекратилось, за смертію автора, на восьмомъ томикѣ. Такимъ-образомъ, почти три четверти сочиненій Гребенки оставались до-сихъ-поръ несобранными

и затерянными въ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Имя покойнаго Гребенки хорошо извѣстно русской публикѣ, и полное собраніе его сочиненій необходимо для исторіи русской литературы. Поэтому, предпринимая подобное изданіе, я прежде всего долженъ сказать, что въ немъ собрано все, какъ напечатанное самимъ Гребенкою въ теченіе своей восемнадцатилѣтней литературной дѣятельности (съ 1831 по 1848 годъ включительно), такъ и изданное послѣ его смерти, съ приобщеніемъ одного стихотворенія («Въ альбомъ женѣ»), еще небывшаго въ печати. Къ послѣднему разряду можно причислить и повѣсть «Заборовъ». Она хотя и была напечатана въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ» на 1847 годъ, но такъ-какъ этотъ альманахъ не выходилъ въ свѣтъ и, слѣдовательно, вовсе неизвѣстенъ публикѣ, то и повѣсть можетъ-быть названа появляющеюся здѣсь въ первый разъ.

Что касается порядка, въ которомъ выходятъ теперь сочиненія Гребенки, я старался, по возможности, размѣстить ихъ такъ одно за другимъ, какъ они появлялись при жизни автора. Такимъ образомъ, въ первыхъ четырехъ томахъ, заключающихъ въ себѣ романы, повѣсти и рассказы,

помѣщено: 2 романа, 17 повѣстей и 26 разска-
зовъ, расположенныхъ по годамъ, въ хронологи-
ческомъ порядкѣ. За тѣмъ пятый томъ распа-
дается на шесть отдѣловъ: 1) Стихотворенія, 2)
Типы, 3) Очерки, 4) Театральныя впечатлѣнія,
5) Мелкія статьи и 6) Малороссійскій отдѣлъ.
Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщены: одна
поэма и 40 мелкихъ стихотвореній, во второмъ —
три типа, въ третьемъ — два очерка, въ четвер-
томъ — три статьи о театрѣ, въ пятомъ — шесть
мелкихъ статей разнаго содержанія и въ шестомъ,
малороссійскомъ отдѣлѣ — одна поэма, 32 мел-
кія стихотворенія (въ томъ числѣ 26 *приказокъ*)
и двѣ статейки въ прозѣ.

Относительно ореографіи, считаю нужнымъ
сказать слѣдующее: Гребенка печаталъ свои про-
изведенія почти во всѣхъ періодическихъ изда-
ніяхъ и альманахахъ его времени, причемъ, само
собой разумѣется, каждое изданіе держалось при
ихъ печатаніи своей собственной ореографіи. При
новомъ изданіи лучше всего было бы восстано-
вить правописаніе автора, но отъ этой мысли
пришлось отказаться, такъ-какъ въ бумагахъ по-
койнаго рукописей не оказалось. Поэтому, для
сохраненія единства, я придерживался, при печа-
таніи предлагаемаго изданія, правописанія «Оте-

чественныхъ Записокъ», такъ-какъ въ этомъ журналѣ была помѣщена цѣлая треть сочиненій Гребенки, въ томъ числѣ оба его романа: «Чайковскій» и «Докторъ».

Н. ГЕРВЕЛЬ.

30 мая 1862 года.

С. Петербургъ.

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Евгеній Павловичъ Гребенка родился 21-го января 1812 года, въ отцовскомъ помѣстьѣ—Убѣжище, въ шестнадцати верстахъ отъ города Пирятина, Полтавской губерніи.

Отецъ его служилъ смолоду въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку; но рано вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и посвятилъ себя домашней жизни и хозяйству съ своими пятидесятью душами. Первая жена его жила недолго, и отъ нея осталась у него только одна дочь. Во второй разъ онъ женился на Надеждѣ Ивановнѣ Чайковской, тоже пирятинской дворянкѣ, и вторымъ сыномъ этого брака былъ Евгеній Павловичъ.

Война 1812 года вызвала отставнаго гусара изъ деревенскаго уединенія. Онъ поступилъ опять на службу — въ малороссійскіе казаки, и отправился въ походъ, оставивъ Евгенія въ деревнѣ двухмѣсячнымъ ребенкомъ. Только къ концу войны, въ 1815 году, снова снялъ онъ съ себя военный мундиръ и возвратился въ свое Убѣжище.

Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ посреди патриархальнаго сельскаго быта, по-

среди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ въ послѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Семейныя воспоминанія указываютъ, какъ на первый источникъ, питавшій живое воображеніе ребенка, на рассказы няньки, которая ходила за Евгеніемъ. Разказовъ у нея были неистощимые запасы, и она передавала ихъ охотно и съ любовью. Евгенийъ былъ очень привязанъ къ старухѣ, часто потомъ, въ зрѣлыя годы, вспоминалъ ея теплыя заботы о немъ, и, будучи уже на службѣ въ Петербургѣ, принявъ, въ память этихъ заботъ, сердечное участіе въ судьбѣ ея сына, котораго самъ пристроилъ въ столицѣ.

Непосредственно за эту первую воспитательницу Евгения слѣдуетъ назвать домашняго учителя, который приготавливалъ мальчика къ ожидавшему его общественному воспитанію. Учитель этотъ былъ Павелъ Ивановичъ Гуслистый; онъ въ послѣдствіи издалъ, говорятъ, какое-то сочиненіе о воспитаніи, но оно не попадалось мнѣ въ руки. Евгенийъ Павловичъ, по словамъ людей, близкихъ къ нему въ годы дѣтства, былъ обязанъ многимъ въ развитіи своемъ вліянію Гуслистаго.

Ребенокъ развивался довольно быстро. Домашняя изустная хроника, сохраняющая обыкновенно разныя черты понятливости умныхъ дѣтей, рассказываетъ, что Евгенийъ, будучи пяти лѣтъ, любилъ чертить мѣломъ на полу разныя фантастическія буквы и изображенія, а шести лѣтъ уже очень порядочно читалъ.

«Въ бытность мою въ домѣ г. Гребенки», рассказываетъ г. Кудрицкій, смѣнявшій Гуслистаго въ званіи домашняго наставника дѣтей Павла Ивановича: «Евгеній, раздѣвшись и легши въ постель, не могъ заснуть безъ книги. Мать, любившая его преимущественно предъ всѣми дѣтьми, страшилась за его здоровье, которое, по ея мнѣнію, разстроивалъ онъ чтеніемъ въ постели, соболѣзновала и совѣтовалась съ другими, какимъ бы образомъ привычку его измѣнить, но онъ оставался съ нею до выѣзда моего. Павелъ Ивановичъ имѣлъ особое уваженіе къ ученымъ и всегда твердилъ, при гостяхъ и въ семейномъ быту, что единственное желаніе его увидѣть Евгенія профессоромъ; для военной службы онъ назначалъ третьяго сына, Аполлона, который совершенно похожъ былъ на него, а Евгеній похожъ былъ на мать. Павелъ Ивановичъ опредѣлялъ для Евгенія верховую лошадь, но не позволилъ ему ѣздить до извѣстнаго времени; на 14-мъ году его возраста подарилъ ему ружье, изъ котораго первый опытъ сдѣлалъ онъ 29-го іюня 1824 года, въ день именинъ отца, застрѣливъ горлянку, которую отецъ приказалъ изжарить; во время стола принесли ее и отецъ съ самодовольнымъ видомъ произнесъ: «подобааетъ прежде дѣлателью вкусить отъ плода». Вообще, Павелъ Ивановичъ заботился объ извѣстности Евгенія въ дѣтствѣ. Въ одно время онъ просилъ, пріѣхавшаго къ нему, приходскаго священника отца Іоанна Яцуту, прислать «Дѣянія Апостольскія», чтобы Евгеній съумѣлъ прочесть ихъ въ церкви, во время обѣдни, для доказательства крестьянамъ и другимъ простолюдинамъ, что сынъ его уже грамотный. «Безъ этой гласности — говорилъ онъ — народъ смотритъ на него безъ вниманія». Впослѣдствіи

Евгеній не стыдился уже читать въ приходской церкви. Память покойнаго Евгенія была счастливая: онъ изучивалъ скоро и рассказывалъ уроки всегда своими словами. Любопытство его было невѣроятное. Часто уроки начинались и оканчивались его вопросами, а моими отвѣтами. Его особенно занимали славяне, малороссійскіе гетманы, Котляревскаго «Энеида», повѣрья о волшебницахъ, вѣдмахъ и прочее и прочее.»

Въ сочиненіяхъ Гребенки мы находимъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ, не смотря на вымышленную форму, ясны черты изъ его ранней поры. Такъ, не вдаваясь въ подробныя указанія, упомянемъ, для примѣра, рассказъ о выливаніи сурковъ въ степи, въ были: *Двойникъ*, и теплыя строки, посвященныя описанію перехода отъ мирной домашней жизни къ школьному ученію, въ повѣсти: *Записки Студента*.

Въ 1825 году Евгеній оставилъ родное Убѣжище и поѣхалъ съ отцомъ въ Нѣжинъ, для поступленія въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, впоследствии лицей.

«Экзаменъ оконченъ сегодня — и я вступаю въ новую жизнь (говоритъ герой повѣсти: *Записки Студента*, въ которомъ ясны на этотъ разъ черты самого автора). Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, основатель лицей! Благословляю память твою...

«Давно ли я былъ еще ребенокъ? Какъ сегодня, помню день моего отъѣзда въ лицей».

Мы пропускаемъ нѣсколько подробностейъ сбора, въ которыхъ нельзя навѣрное отличить автобіографическія черты отъ вымысла.

«Послѣ обѣда мы съ папенькой выѣхали изъ дома (продолжаетъ студентъ). Прощаясь, маменька уговари-

вала меня не грустить, общала прѣхать ко мнѣ, дала мнѣ коробочку конфектъ — и я утѣшился...

«И вотъ я въ лицѣ. Меня ввели и оставили въ этомъ огромномъ зданіи. Все незнакомыя лица; все такія страшныя, классическія фізіономіи профессоровъ; все такъ сухо, такъ важно! Папенька уѣхалъ.

«Я подошелъ къ окошку: оно было въ третьемъ этажѣ; внизу краснѣли крыши одноэтажныхъ домиковъ, далѣе стройно вытянулась улица, за нею стояла березовая роща, а тамъ — Боже мой! гладкое поле... На немъ змѣилась дорога на мою родину!»

Студентъ рассказываетъ далѣе, какъ одинокое и испуганное сердце его нашло сочувствіе въ такомъ же одинокомъ сердцѣ одного изъ его товарищей.

«Онъ (товарищъ этотъ) говорилъ, что лицей непременно долженъ сгорѣть, потому-что въ немъ много несчастныхъ, намъ подобныхъ; а когда онъ сгоритъ, мы опять поѣдемъ по домамъ. И какъ эта глупая мысль восхищала меня! Я цѣлый мѣсяцъ ложился спать, напередъ хорошенько увязавъ всѣ свои книги и платье, чтобъ сейчасъ же бѣжать, когда начнется пожаръ. Вся кровь, бывало, бросится въ голову, когда услышишь запахъ дыма, или кто пройдетъ ночью: все ждешь — вотъ загорится, вотъ будетъ тревога, вотъ разольется огонь по комнатамъ... Но угрюмо дремали во мракѣ каменныя стѣны огромнаго зданія; изрѣдка гдѣ-нибудь хлопнетъ незатворенное окошко, или въ дальнемъ корридорѣ простонутъ тяжелые шаги стараго инвалида, и опять все тихо, тихо... такъ и захочется спать!»

Евгеній Павловичъ былъ записанъ въ лицей съ фамилією *Гребетинъ*. Такъ звали его во все время студенчества, такъ подписался онъ и подъ первыми напе-

чтанными стихотвореніями своими (на малороссійскомъ языкѣ) въ 1831 и 1833 годахъ. Только съ 1834 года онъ сталъ подписываться именемъ, которое приобрѣло извѣстность въ нашей литературѣ.

Изъ числа «странныхъ, классическихкихъ фізіономій», пугавшихъ ребенка, непривычнаго къ официальнымъ формамъ школы, многіе смотрѣли на него потомъ съ теплымъ сочувствіемъ.

Учитель латинскаго языка въ лицѣ, И. Г. Кулжинскій, съ которымъ Гребенка перекидывался иногда письмами и въ свою зрѣлую пору сохранилъ намъ въ добродушномъ разсказѣ о своихъ отношеніяхъ къ лицу свѣжій отроческій обликъ своего ученика.

Вотъ этотъ разсказъ:

«Вѣчно веселый, вѣчно смѣющийся, вѣчно любимый всѣми, и товарищами, и учителями, съ открытою, умною и доброю фізіономіей, Евгенийъ Павловичъ (какъ его честили даже наставники, разумѣется, шутя) ѹчился хорошо; даже притворялся, будто любитъ латинскій языкъ; старался всякому угодить, отъ всякаго заслужить благосклонность.

«Страсть къ русской литературѣ проявилась въ немъ очень рано, когда ему еще не было четырнадцати лѣтъ.

«Нѣжинскій лицей построенъ въ предмѣстьѣ города. Эта патриархальная часть Нѣжина, именующаяся *Мазерки*, состоитъ изъ низенькихъ домиковъ, большею частью подъ соломенною крышею, отдѣляющихся одинъ отъ другаго плетневыми заборами. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ я, а черезъ плетень, въ другомъ домѣ, квартировалъ Гребенка.

«Не помню, какъ онъ сблизился со мною, но это милое, веселое дитя сдѣлалось моимъ любимцемъ, и не

проходило того дня, чтобъ Гребенка черезъ плетень не перелѣзалъ ко мнѣ. У меня онъ бралъ читать журналы и альманахи, рассказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ и наконецъ началъ показывать мнѣ свои стихи.

«Я любовался атимъ кудрявымъ, веселымъ мальчикомъ, и называлъ его *соплощенной юностью*».

Въ лицеѣ, какъ и въ большей части общественныхъ учебныхъ заведеній, воспитанники, чувствовавшіе склонность къ литературнымъ занятіямъ, не разъ принимались издавать для кружка товарищей рукописные журналы. Одинъ изъ такихъ журналовъ издавалъ Гребенка, наполняя каждый еженедѣльный номеръ его почти исключительно своими стихами и своею прозой. Стихи были большею частью сатирическіе, и цѣлью ихъ остротъ и насмѣшекъ служили преимущественно студенты-математики. Потомъ Гребенка былъ главнымъ сотрудникомъ другаго журнала, выходившаго подъ редакцію товарища его (впослѣдствіи профессора университета св. Владимира), В. О. Домбровскаго, подъ хитрымъ миеологическимъ заглавіемъ: *Аматюзія*.

Бойкій, живой характеръ мальчика часто проявлялся въ веселыхъ и остроумныхъ шуткахъ. Одну изъ нихъ съигралъ онъ разъ съ профессоромъ русской словесности.

Профессоръ этотъ былъ, можетъ-быть, человекъ и почтенный, и когда-то, въ цвѣтущее время свое, считался даже ученымъ, но въ пору преподаванія своего въ лицеѣ онъ давно забросилъ занятія наукой и вполне довольствовался тѣмъ запасомъ свѣдѣній, который прибрѣлъ многіе годы тому назадъ.

«За хлопотами жизни (рассказываетъ г. Кулжинскій, сохранившій намъ и характеристическій анекдотъ о мо-

лодомъ Гребенкѣ) онъ отсталъ отъ современнаго состоянія литературы, остановился на Херасковѣ и Державинѣ; Карамзину только изъ милости давалъ мѣсто въ исторіи русской литературы — да и то уже послѣ изданія имъ первыхъ томовъ «Исторіи Русскаго Государства» — а на Пушкина, Козлова, Дельвига и вообще на *всю эту молодежь* смотрѣлъ съ видомъ негодованія и сожалѣнія, которое доказывалъ тѣмъ, что вовсе не читалъ ихъ».

«Вотъ у какого профессора словесности (прибавляетъ г. Кулжинскій) учились Гоголь и Гребенка!»

Мы передадимъ его же словами незлобивую шутку, которую разыгралъ Гребенка надъ своимъ отсталымъ наставникомъ.

«Однажды этотъ профессоръ приказалъ ученикамъ написать стихи на произвольную тѣму.

«Когда такіе стихи были потомъ разсмотрѣны и поправлены профессоромъ, вотъ Гребенка (разсказываетъ г. Кулжинскій) послѣ обѣда перелѣзъ черезъ плетень ко мнѣ, и послѣ разныхъ разговоровъ, сопровождаемыхъ дѣтскимъ смѣхомъ, сказалъ:

— А показать вамъ штуку?

— Покажи, другъ мой.

— А никому не скажете?

— Что жъ это такое? Разумѣется, если можно, никому не скажу.

— Пожалуста, не говорите никому.

«Съ этими словами Гребенка вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ, смѣясь, стихи, которые онъ представлялъ профессору для исправленія, какъ свое собственное сочиненіе.

«Это были извѣстные стихи Козлова:

«Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ!» и проч.

«Профессоръ, не читавши ничего новаго, ужасно переправилъ эти стихи, почитая ихъ произведеніемъ *ученика пятаго класса Гребенкина*; не осталось ни одной строчки непоправленной, и въ заключеніе всего профессоръ написалъ похвалу: *изряднехонько*.

«Я хотѣлъ-было бранить Евгенія за его продѣлку, но удержался, и самъ началъ хохотать съ нимъ. Признаюсь, мы хохотали до слезъ.

«Впрочемъ, Гребенка, посмѣявшись, увѣрялъ меня, что онъ сдѣлалъ эту *штучку* совѣмъ безъ злаго намѣренія: всталъ поздно; звонокъ ужь прозвонилъ въ классъ; надобно было нести стихи, а стиховъ своихъ не приготовилъ; вотъ онъ *взялъ да и переписалъ* — изъ *Сверныхъ Цептовъ*, кажется — готовые стихи Козлова для подачи профессору».

Въ одно время съ Гребенкою воспитывались въ лицѣ Гоголь и Н. В. Кукольникъ; но оба были въ высшихъ классахъ. По словамъ Н. В. Кукольника, онъ зналъ только, что есть въ низшихъ классахъ мальчикъ, по фамиліи Гребенкинъ, но и не подозрѣвалъ, что этотъ мальчикъ занимается литературой. Вѣроятно, и Гоголю былъ онъ извѣстенъ не больше. Съ г. Кукольниковъ Гребенка сошелся потомъ, по окончаніи курса, въ Петербургѣ, уже какъ собратъ по литературѣ, а не какъ одноклассникъ. Съ Гоголемъ онъ, кажется, и впослѣдствіи не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ, кромѣ, можетъ-быть, встрѣчъ у общаго ихъ знакомаго, товарища и пріятеля Гоголя, Н. Я. Прокоповича, да развѣ еще у П. А. Плетнева.

Еще въ лицѣ, какъ мы уже упомянули, началъ Гре-

бенка заниматься литературой. Большею частью первые опыты его были на малороссійскомъ нарѣчїи. Ко времени студенчества относится, между-прочимъ, его малороссійскій переводъ *Полтавы* Пушкина. Не знаемъ, была ли переведена поэма вся въ лицей или только начата, но одинъ отрывокъ изъ перевода былъ напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» въ годъ выхода Евгенія Павловича изъ лицея, именно въ 1831 году.

Въ 1833 году былъ напечатанъ второй отрывокъ изъ перевода *Полтавы* въ «Утренней Звѣздѣ», а также и двѣ малороссійскія басни Гребенки, которыя вошли потомъ въ отдѣльное изданіе басенъ его (*Малороссійскія Приказки*), выпущенное имъ въ свѣтъ въ 1834 г.

Къ этому же году относится появленіе въ печати и перваго стихотворенія Гребенки на русскомъ языкѣ. Эта довольно-слабая пьеса (*Курганъ*) была помѣщена въ тогдашнемъ «Сынѣ Отечества».

Воспоминанія о городѣ, гдѣ воспитывался Евгеній Павловичъ, не разъ мелькаютъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Такъ онъ написалъ стихотворную легенду: *Нѣжинъ-Озеро*, такъ избралъ Нѣжинъ мѣсто дѣйствія въ повѣсти своей: *Нѣжинскій Полковникъ Золотаренко*. О прекрасной природѣ Малороссіи вездѣ говоритъ онъ съ горячей любовью...

Гребенка окончилъ лицейскій курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса, въ 1831 году, и тотчасъ же поступилъ на службу въ резервы 8-го малороссійскаго казачьяго полка; вскорѣ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Петербургъ. 1-го февраля этого года былъ онъ определенъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ.

Въ Петербургѣ Гребенка началъ усердно заниматься литературой. *Малороссійскія Приказки* его имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ, въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малороссійскій переводъ *Полтавы*, съ посвященіемъ Пушкину.

Посвященіе это познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротой своею, принялъ теплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1837 годъ два стихотворенія Гребенки. Есть даже свѣдѣнія, что малороссійскія басни молодаго писателя тамъ по-направились Пушкину, что одну изъ нихъ онъ перевелъ на русскій языкъ (именно *Воскъ и Олово*); но свѣдѣнія этого мы не принимаемъ за фактъ, а предлагаемъ его на утвержденіе или опроверженіе болѣе знающимъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкахъ, Гребенка все еще не былъ знакомъ публикѣ. Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный; русскими стихотвореніями, къ которымъ перешелъ Гребенка, было трудно обратить на себя вниманіе въ то время, какъ еще дѣйствовалъ Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Нужно было обладать силой и самобытностью Кольцова, чтобъ привлечь къ себѣ избалованный слухъ публики; а стихотворенія Гребенки только легко читались, другаго достоинства за ними не было. Онъ и впоследствии не переставалъ писать стихи; но они были у него только между дѣльемъ: всадѣятельность его была посвящена невѣтвовательной прозѣ. Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что между стихотвореніями Гребенки есть нѣсколько очень граціозныхъ, какъ, на примѣръ: *Почтальонъ* (въ «Рус-

ской Бесѣдѣ», смирдинскомъ альманахѣ 1841 г.), *Пль-omla* («Молода еще дѣвица я была»... въ «Отечественныхъ Запискахъ» того же года) и нѣкоторыя изъ «Украинскихъ Мелодій», которыя не чтó иное, какъ переводы или подражанія малороссійскимъ народнымъ пѣснямъ.

Нѣкоторая извѣстность Гребенки въ публикѣ началась съ изданія имъ въ свѣтъ въ 1837 г. небольшой книжки, подъ заглавiемъ: *Разсказы Пирятинца*. Всѣ заимствованныя изъ быта и преданiй Малороссiи, разсказы напоминаютъ и содержанiемъ своимъ, и манерой повѣствованiя «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки» Гоголя. Несомнѣнно, что повѣсти генiальнаго товарища по школѣ заронили въ Гребенку мысль его *Разсказовъ Пирятинца*, несомнѣнно, что и слогъ, и языкъ, и образъ, выраженiя въ «Вечерахъ» сильно поразили своею новостью, свѣжестью и свободой молодаго Гребенку, и положили свою печать на его манеру. Но несправедливо было бы обвинять Гребенку въ исключительномъ подражанiи Гоголю. Если на *Разсказахъ Пирятинца* и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ повѣстяхъ и разсказахъ Гребенки есть слѣды влiянiя Гоголя, то на нихъ есть слѣды и другихъ влiанiй — Марлинскаго, напримѣръ, Загоскина... Никто, перечитывая теперь повѣсти Гребенки, не назоветъ его слѣпымъ подражателемъ манерѣ Гоголя, какъ не назоветъ подражателемъ Марлинскаго или Загоскина, а только отнесетъ его къ извѣстному литературному періоду, который наложилъ на него свою печать, какъ на человѣка, необладавшаго самостоятельнымъ талантомъ, пролагающимъ новые пути въ литературѣ... Гребенка принадлежалъ къ числу тѣхъ посредствующихъ дарованiй, которыя являются въ извѣстную пору цѣлыми группами, какъ связующая нить

между гениями, создающими эпоху, и публикой. Можно ли же стать имъ внѣ всякаго вліянія? Развѣ не видимъ мы и на самомъ Гоголѣ вліянія даже столь второстепеннаго писателя, какъ Марлинскій?

Поэтому намъ кажется вполне несправедливымъ рѣзкій отзывъ Гоголя о подражательности Гребенки.

П. В. Анненковъ, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ», такъ передаетъ намъ этотъ отзывъ, сдѣланный Гоголемъ въ Римѣ, въ 1841 году.

«Разъ онъ (Гоголь) обратился ко мнѣ (говорить г. Анненковъ) съ весьма серьезнымъ, настоятельнымъ требованіемъ, имѣвшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ юмористическій оттѣнокъ, удивительно граціозно замѣшанный въ его слова. Дѣло шло о покойномъ Гребенкѣ, какъ о подражателѣ Николая Васильевича, старавшемся даже иногда поддѣлаться подъ его первую манеру разсказа.

— Вы съ нимъ знакомы, говорилъ Гоголь: — напишите ему, что это никуда не годится. Какъ же это можно, чтобъ человѣкъ ничего не могъ выдумать? Непремѣнно напишите, чтобъ онъ пересталъ подражать! Чтò жъ это такое, въ-самомъ-дѣлѣ? *Онъ вредитъ мнѣ.* Скажите просто, что я сержусь и не хочу этого. Вѣдь онъ же родился гдѣ-нибудь, учился же грамотѣ гдѣ-нибудь, видѣлъ людей и думалъ о чемъ-нибудь. Чего же ему болѣе для сочиненія? Зачѣмъ же онъ въ мои дѣла вмѣшивается? Это неблагородно—напишите ему. Если уже нужно ему за другимъ ухаживать, такъ пусть выберетъ кто поближе къ нему живетъ... все же будетъ легче. А меня пусть оставитъ въ покоѣ, пусть непременно оставитъ въ покоѣ.

«Но въ голосѣ и въ выраженіи его было такъ много комическаго жара, что нельзя было не смѣяться».

Можетъ-быть и самъ благодушный Евгеній Павловичъ посмѣялся бы этимъ рѣчамъ, какъ ни черство, какъ ни колко были направлены онѣ ему^р прямо въ сердце. Намъ кажется, что рѣзкія слова Гоголя гораздо ярче рисуютъ раздражительное до болѣзненности самолюбіе его самого, нежели достоинства скромнаго бельлетриста, никогда негѣшаго завоевывать себѣ славу, а тихо трудившагося по любви и увлеченію, приносившаго посильную пользу и *никому неврѣдившаго*.

Со времени изданія *Разказовъ Пирятинца* имя Гребенки начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разказами, очерками и стихотвореніями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходились безъ какого-нибудь произведенія Гребенки.

Повѣсти, явившіяся въ 1837 году, были частью заимствованы изъ малороссійской жизни (*Мачиха и Панночка* и *Вотъ кому зозуля ковала*), частью изъ петербургскаго быта, съ которымъ начиналъ понемногу знакомиться Евгеній Павловичъ (*Лука Прохорычъ*). Въ этомъ же году напечаталъ онъ отрывокъ (первыя страницы) изъ своей повѣсти: *Записки Студента*, которая явилась въ печати вполне только чрезъ два года. Стихотворенія, которыя потомъ рѣже попадаютъ съ подписью Гребенки, теперь еще занимаютъ его сильно: онъ пишетъ даже цѣлую поему изъ малороссійской исторіи — *Богданъ Хмельницкій*.

Въ ноябрѣ 1838 года Евгеній Павловичъ оставилъ службу въ Комиссіи Духовныхъ Училищъ и былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ (третьяго ряда) русскаго языка и словесности въ Дворянскій Цѣкъ.

Вся служба Гребенки съ этихъ поръ ограничивается преподаваніемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1841 году былъ онъ переведенъ изъ Дворянскаго Полка въ учителя словесности во Второй Кадетскій Корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ, въ Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ и въ офицерскихъ классахъ Морскаго Кадетскаго Корпуса.

Намъ не разъ случалось слышать отъ бывшихъ учениковъ Гребенки теплыя, полныя любви и участія рассказы о ихъ покойномъ преподавателѣ. Всѣ были согласны другъ съ другомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Такъ же добръ, такъ же кротокъ и симпатиченъ былъ Евгений Павловичъ и въ роли учителя, какъ въ своей домашней жизни или въ кругу своихъ знакомыхъ. По любви къ литературѣ, онъ поощрялъ учениковъ своихъ къ литературнымъ занятіямъ — разумѣется, тѣхъ, въ комъ замѣчалъ способность и любовь къ дѣлу. Въ урокахъ своихъ онъ не былъ педантомъ. Часто случалось, что онъ не умѣлъ сдержать желанія подѣлиться съ юными слушателями своими какою-нибудь замѣчательною литературною новостью и, оставляя рассказъ о прежнихъ судьбахъ русскаго слова, или какія-нибудь грамматическія объясненія, съ одушевленіемъ читалъ или новое стихотвореніе или прозаическій отрывокъ. Такъ были прочитаны имъ не одна изъ пѣсень Кольцова, не одно изъ стихотвореній Лермонтова, не одинъ отрывокъ изъ Гоголя.

Какъ примѣръ терпимости и кротости Евгенія Павловича, слѣдуетъ упомянуть, что онъ никогда не бранилъ шалуновъ въ своемъ классѣ и никогда не жало-

вался на нихъ начальству. Онъ обыкновенно обращался къ ученику только съ слѣдующими тихими словами:

«Вы нездоровы: вамъ надо бы въ больницу».

И слова эти дѣйствовали лучше всякихъ угрозъ и наказаній, затрогивая въ мальчикѣ чувство совѣстливости, но не раздражая его.

Жизнь Гребенки такъ небогата происшествіями, что на долю біографа достается почти исключительно его литературная дѣятельность, и потому мы прослѣдимъ въ хронологическомъ порядкѣ появленіе въ печати его произведеній, обращая вниманіе на особенно замѣчательныя. Мы остановились на разсказѣ: *Лука Прохорычъ*.

Каждый годъ, начиная съ 1838-го, стало являться по нѣскольку повѣстей и разсказовъ Гребенки. Малороссія, исключительно вдохновлявшая его въ первыхъ произведеніяхъ, теперь уступаетъ часть своего вліянія Петербургу и столичному быту. Почти всѣ повѣсти Евгенія Павловича распадаются съ этого времени на два отдѣла: въ однихъ описываетъ онъ родныя мѣста, въ другихъ — Петербургъ.

За *Лукою Прохорычемъ* въ 1839 году появились: *Такъ иногда люди женятся*, повѣсть (въ «Утренней Зарѣ») и *Бывальщина*, разсказъ (въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду»). Последний — пустынькій анекдотъ, разсказанный, впрочемъ, довольно-весело. Повѣсть слишкомъ эскизна, чѣмъ вообще грѣшатъ небольшіе разсказы Гребенки; но въ подробностяхъ ея много жизни и юмора.

Въ 1840 году Евгеній Павловичъ напечаталъ повѣсть *Братья* (въ «Утренней Зарѣ»), разсказъ *Путевыя Записки Зайца* (въ «Литературной Газетѣ»), который былъ перепечатанъ потомъ отдѣльною книжкой

въ 1844 году, повѣсть *Вѣрное Лекарство* (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), и повѣсть же *Горевъ Николай Ѳеодоровичъ* (въ «Цантеонѣ»).

Въ *Вѣрномъ Лекарствѣ* болѣе всего видно вліяніе Гоголя, именно его «Записокъ Сумасшедшаго». Время появленія этой повѣсти заставляетъ предполагать, что ее-то и имѣлъ въ виду Гоголь, отзываясь съ такою жесткостью о подражательности Гребенки. Нельзя, однакожъ, не признать за эту повѣсть замѣчательныхъ достоинствъ: она исполнена истинно-комическихъ чертъ; самое положеніе героя повѣсти богато юморомъ. Главная ошибка автора заключалась въ томъ, что онъ избралъ форму, въ которой послѣ Гоголя уже трудно было создать что-нибудь самостоятельное. Въ *Вѣрномъ Лекарствѣ* рассказъ ведется отъ лица главнаго дѣйствующаго лица, въ формѣ дневника, а это лицо — сумасшедшій. Какъ же было не заслужить упрековъ въ подражательности послѣ записокъ Поприщина?

Въ слѣдующемъ году Гребенка напечаталъ пять повѣстей: *Куликъ* (въ альманахѣ Владиславлева «Утренняя Заря»), *Записки Студента* (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), *Сказаніе о Горохѣ и Женитѣбѣ Василія Ивановича, что почти все равно* (тамъ же), *Перстень* и *Дальній Родственникъ* (въ «Литературной Газетѣ»).

Къ этому же году относится изданіе *Ластовку*, сборника на малороссійскомъ языкѣ, составленнаго Евгениемъ Павловичемъ и въ которомъ помѣстилъ онъ нѣсколько своихъ стихотвореній и статей въ прозѣ.

Въ *Ластовкѣ* была, между прочимъ, напечатана повѣсть Г. Ѳ. Квитки (извѣстнаго подъ псевдонимомъ Грицка Основьяненка): «Сердечная Оксана». Въ бума-

гахъ Квитки сохранились три письма Евгенія Павловича изъ Петербурга, по поводу этой повѣсти и одного несостоявшагося литературнаго предпріятія. Письма эти приводимъ мы здѣсь цѣликомъ изъ монографіи г. Давилевскаго «Основьяненко».

14 септлбра 1838.

Давно, дуже давно я васъ знаю, добродію; не одинъ разъ я одводивъ душу, балакаючи зъ вами, не разъ плакавъ видъ щираго сердца, слушаючи вашихъ казокъ, або реготавсь, якъ той казавъ, до не змогу — отъ що! А вы ёго й не знаете! Що недавно отце я вамъ казавъ, та й не я одинъ, а вси наши — превелике спасіби за *Козыр-дивку*; зъ биса десь була гарна дивчина! Я читавъ ваше такежъ рукописне, у цензури; прочитавъ, та ажъ облизавсь! Тай подумавъ: Господы мій милостивый! якъ то народъ пише гарно по нашому, и чомъ отъ у тіи журналы ничего такого не берутъ? А дали згадавъ, що и у мене ё зо дви, чи зо три приказокъ, та ё знаемый чоловікъ Котляревскій, та ще може зо два такихъ, що пишуть христіяньскою мовою, тай кажу соби: а нехай я поклонюсь добрымъ людямъ, та сберу невеличкій *Сборничокъ*, нехай соби ходить по билому свитови, хай потиша православныхъ? Эге, такъ? Такъ я до васъ зъ прошеніемъ: будте ласкави, пане Грицьку, пришлите якій небудь казень — люблящому и почитающому васъ землякови

Е. Гребинци.

P. S. Не можете ли достать чего малороссійскаго у Гулака-Артемовскаго?

2 октября 1838.

● А мабуть то мало и я зрадовавсь, якъ получивъ видъ васъ одвить, мій коханий паночку! Бо бачите, я хоть и мавъ васъ за доброго чоловіка, та все таки не

знавъ вашой натуры, думавъ и такъ и сякъ, и тее и сее. Жду и не джидусь *Оксаны!* И отбою нема одъ нашихъ хлопцівъ; а ихъ таки тутъ ё зъ московскій десятокъ! Якъ я имъ сказавъ, то тилько й речи: «а що, прііхала?» Я й гримну на нихъ, та кажу, що ни! адвьяжитця видъ мене! То воны й пидуть сердешни, носы повисивши, мовъ тїи лелеки, далеби що правда! — На ваше предложеніе объ изданіи «Литературныхъ Прибавленій» на малороссійскомъ языкѣ я говорилъ съ журналистами, и согласилъ Краевскаго издать четыре «Прибавленія» въ годъ при новомъ журналѣ, съ 1839 года: *Отечественныя Записки*. Всѣ литераторы, которые имѣють въ себѣ довольно гордости и не могутъ подчиниться деспотизму Сенковскаго, будутъ въ немъ участвовать: всѣ порядочные люди. Редакція поручила мнѣ пригласить васъ участвовать и на русскомъ языкѣ. — До зобачення же, мій коханий пане; нехай видъ васъ одмахують крыльцями Божи янгелы усяку напасть; нехай ваша доля насыпа ваши коморы борошномъ и кишени золотомъ; нехай ваша жинка и диточки цвितуть, якъ макивочки: сѣго щира бажа васъ дуже кохающій

Е. Гребинка.

P. S. Не здивуйтесь, що погано попысано! Така мая вдача: не вивчили добри люде краще писаты.

18 ноября 1838.

Добре, добре, паночку! Хиба жъ я коли видъ дила цуравсь? Я й самъ свыту знявъ бы, та робывъ бы, абы було що! — Изданіе «Прибавленій» должно быть подъ моимъ смотрѣніемъ, бо я трохи тїлю чоловічеську мову... Мы мусимо зробить чотыри книжки: першу у марти, другу у конци мая, або у іюни, третю къ Семену, або къ Воздвиженью, а четверти у Пили-

пивку, геть туды къ Риздву, після Савы, або Зачатія. А що тутъ е у мене одинъ землякъ Шевченко, що то за завзятый писать вирши, то нехай ёму сей та той! Якъ що напише, тильки цмокни, та вдаръ руками объ полы! Винъ мини давъ гарныхъ стихивъ на сбирникъ. А отги бандуристы, що вы прислали мини, щось не тее! Ноты, коли хочете прислатъ, то враще зъ басомъ, бо бась у музыци, якъ чоловикъ у семьи, не дуже то выпивуе, але дае усёму порядокъ — винъ голова... Уже, якъ хочете, а я вамъ признаюсь, паночку, що люблю вашу жинку, зроду не бачивъ, а чуючи, що вона дуже стало-быть мудрая. Краевскій чрезвычайно радъ видѣть вашего «Халаявскаго» (*)... Въ 1 № будетъ Марлинскаго: «Записки Зачумленнаго Офицера» — объяденіе! Изъ письма вашего вижу, что вы знаете Аванасьева (**); гдѣ онъ пропадаетъ? Дайте ему мой адресъ и попросите написать ко мнѣ. Бувайте здоровы, зъ жиночкою!

Изъ этихъ небольшихъ писемъ яснѣ добрый и веселый нравъ Евгенія Павловича; кромѣ того, они показываютъ снисходительный до безразличности взглядъ его на литературу: онъ въ восторгѣ и отъ Основьяненка и отъ безобразнѣйшей повѣсти Бестужева. Этотъ добродушный взглядъ объясняетъ какъ нельзя лучше ту легкость, съ которою Гребенка поддавался разнымъ литературнымъ вліяніямъ, чередовавшимся во время его писательской дѣятельности. На сочиненіяхъ Евгенія Павловича отражались поочередно и юморъ Гоголя, и остроуміе барона Брамбеуса, и фразерство Марлинскаго, и распылавшаяся чувствительность и легкость въ

(*) Романъ *Панъ Халаявскій* Основьяненка былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

(**) А. С. Аванасьева-Чужбинскаго.

литературныхъ приемахъ Загоскина. Когда, въ замѣнъ смѣшныхъ помѣшниковъ, и благородныхъ, возвышенныхъ, а потому страдающихъ героинь, литература стала обращаться къ народной средѣ, Гребенка пробовалъ свои силы въ изображеніи крестьянской жизни; у него найдутся даже историческіе анекдоты, рассказанные тономъ такихъ же анекдотовъ Булгарина и Масальскаго. Главный недостатокъ, который не позволилъ, при несомнѣнномъ талантѣ, выдвинуться Гребенкѣ изъ ряда второстепенныхъ писателей, заключался въ неразвитіи автора въ уровень съ современными требованіями. Вездѣ усваивалъ онъ только форму, не давая себѣ труда или не чувствуя способности проникнуть въ смыслъ каждаго литературнаго направленія, къ которому попеременно примыкалъ. Въ основѣ его образованія не лежало того сознанія, которое не позволяетъ писателю увлекаться то тѣмъ, то другимъ литературнымъ движеніемъ, и слѣдовать безразлично тому или другому, или обоимъ вмѣстѣ. Гребенка примыкалъ къ разряду людей, которые смотрятъ на искусство и на слово глазами дилеттанта, и видятъ въ литературѣ не выраженіе задушевейшихъ упованій и насущнѣйшихъ потребностей общества, а какую-то пріятную игрушку. Вліяніе въ этомъ отношеніи Гоголя, впервые рѣшительно двинувшаго нашу литературу на настоящій путь, не отразилось на Гребенкѣ вовсе. Издавая собраніе своихъ повѣстей, онъ взялъ эпиграфомъ къ нимъ два извѣстные стиха Кантемира:

«Знаю, что правду пишу — и именъ не значу;
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.»

Повѣсти Гребенки были впервые собраны и изданы какъ разъ въ то время, какъ литература наша, полная

вліянієм Гоголя, хорошо характеризувалась двустишієм нашего перваго сатирика. Выставляя двустишіе это въ челѣ всего, что было имъ написано, Гребенка, казалось, хотѣлъ приурочить себя тѣмъ къ современному движенію. Строго говоря, онъ не принадлежалъ къ нему, и стихи Кантемира къ повѣстямъ добраго Евгенія Павловича нейдуть. Сямые возмутительные общественные недостатки не волновали его на столько, чтобы голосъ его возвышался до громкаго клика негодованія или до горькаго сатирическаго смѣха. При появленіи въ свѣтъ собранія повѣстей Гребенки, одинъ изъ журналовъ нашихъ, справедливо укоряя его въ недостаткѣ глубины взгляда, приводитъ въ примѣръ повѣсть *Записки Студента*, очень слабую по своей поверхностности и по самому исполненію, хотя въ основѣ ея лежитъ богатая мысль. «Довольно сказать (говорить рецензентъ), что эта мысль разработана впоследствии времени въ двухъ лучшихъ русскихъ романахъ, въ *Обыкновенной Исторіи* г. Гончарова и въ эпизодѣ о смерти Покровскаго, въ *Бѣдныхъ Людяхъ* г. Достоевскаго: тутъ тоже «молодой человекъ, жаждущій благородной дѣятельности», какъ молодой Адуевъ, но только бѣдный, какъ Покровскій. Оба эти романа могутъ показать, какъ легко проскользнулъ взглядъ Гребенки по предмету, въ которомъ другіе нашли — одинъ столько близкихъ для всѣхъ насъ вопросовъ жизни, другой — столько трагическаго величія!... Въ этомъ же заключается причина, почему слабы фізіологическіе очерки Гребенки. Онъ опишетъ внѣшность какого-нибудь типа, но не дастъ ключа къ пониманію и разумному освѣщенію этой внѣшности — ключа, скрывающагося въ свойствахъ человѣческой природы вообще и выражающейся въ извѣстной формѣ подь

вліяніемъ различныхъ статистическихъ и историческихъ обстоятельствъ». Съ этимъ отзывомъ нельзя не согласиться, какъ вообще и со всею статьей «Современника», изъ которой мы выписали приведенныя строки. Далѣе мы приведемъ изъ нея еще отрывокъ.

Теперь же возвратимся къ письмамъ Евгенія Павловича къ Квиткѣ, и по поводу ихъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ Гребенка познакомился съ Основьяненкой. Первое знакомство было по письмамъ.

«Проѣздомъ чрезъ Украину (разсказываетъ г. Данилевскій въ монографіи своей, изъ которой заимствовали мы три письма Евгенія Павловича), онъ (Гребенка) завернулъ на Основу (*), и съ извозчикомъ проговорилъ объ Основьяненкѣ всю дорогу. Его радовала эта известность. Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка спросилъ у старика, читавшаго книгу: «А чи дома панъ Основьяненко?» и вслѣдъ за тѣмъ вскрикнулъ, взглянувшись въ него: «Здоровъ, батьку Грицьку?» Основьяненко (это былъ онъ) медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывавшимся отъ радости голосомъ: «А чи не Гребиночка?» Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у гостепріимнаго своего «учителя» по литературѣ, прогостилъ у него нѣсколько дней и былъ потомъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ по литературнымъ дѣламъ Основьяненка въ Петербургѣ, и поддерживалъ съ нимъ потомъ долго переписку».

Мы уже говорили, что въ повѣсти «Записки Студента» есть автобіографическія черты. Кромѣ описанія дѣтства, въ ней находится и еще много взятаго авторомъ

(*) Помѣстье Квитки близъ Харькова, отъ котораго и псевдонимъ Основьяненка.

изъ жизни. Такъ, опредѣленіе въ военную службу и скорое оставленіе ея напоминаетъ поступленіе Евгенія Павловича въ малороссійскіе казаки и его краткое служеніе въ полку. Въ исторіи переезда въ Петербургъ, начала гражданской служебной карьеры и ея неприятностей, замѣтны личныя впечатлѣнія и воспоминанія. По словамъ людей, близкихъ къ автору, самая завязка повѣсти заимствована изъ его собственной жизни. Повѣсть эта едва-ли не болѣе всѣхъ другихъ произведеній Гребенки имѣла успѣха въ публикѣ. Въ ней точно много страницъ теплыхъ и душевныхъ, но въ цѣломъ она неудовлетворительна и не лишена нѣкоторой слезливости въ тонѣ. И здѣсь замѣтна, кромѣ того, небрежность и краткость очерковъ, та эскизность о которой мы упоминали выше и отъ которой Гребенка сталъ отвыкать только въ послѣднее время. Можетъ-быть, кромѣ того, многое въ *Запискахъ Студента* принадлежало и къ первой порѣ дѣятельности Гребенки: вспомнимъ, что еще за три года до появленія повѣсти вполнѣ, изъ нея былъ напечатанъ отрывокъ.

Къ числу лучшихъ и наиболѣе выдержанныхъ повѣстей Гребенки принадлежитъ *Куликъ*: въ немъ есть и довольно-хорошо обрисованные характеры и довольно-удачно помѣщенные сцены.

Въ 1842 г. явились три повѣсти Гребенки: *Водвилъ съ Частной Жизни* (въ «Утренней Зарѣ»), *Сеня* (въ «Отечественныхъ Запискахъ») и *Нюжинскій Полковникъ Золотаренко* (въ «Литературной Газетѣ»).

По поводу первой повѣсти, которая сама-по-себѣ вовсе незамѣчательна, у насъ есть въ рукахъ смѣшной документъ, сохранившійся въ бумагахъ Евгенія Павловича. Въ этомъ случаѣ намъ приходится имѣть дѣло съ

бывшимъ наставникомъ бывшаго лицеиста, поселившимся, послѣ отставки, въ Москвѣ. Письмо написано въ апрѣлѣ 1842 года, изъ Москвы, вскорѣ послѣ свиданія достопочтеннаго профессора со своимъ бывшимъ ученикомъ. Мы приведемъ изъ письма этого отрывокъ, который объяснить все лучше нашего разсказа. Предварительно слѣдуетъ только замѣтить, что Гребенкомъ былъ написанъ очеркъ *Иерусалимъ*, для изданія г. Кукольника: «Картины Русской Живописи», гдѣ онъ и помещенъ въ 1846 году, и что въ то время ежегодно выходилъ альманахъ покойнаго Владиславлева: «Утренняя Заря», который ни разу не являлся безъ имени Гребенки подъ какимъ-нибудь стихотвореніемъ или прозаическою статьею.

Вотъ отрывокъ изъ помянутаго письма, очень характеризующій человека, бывшаго когда-то наставникомъ Гребенки:

«При свиданіи моемъ съ Вами въ С. Петербургѣ (пишетъ профессоръ), Вы мнѣ говорили, что альманахъ г. Владиславлева на будущій годъ будетъ религіозный и что вы на свою долю взяли написать въ него статью о Иерусалимѣ. Не прослушалъ ли я того, что этотъ альманахъ будетъ на слѣдующій 1843 годъ? Ибо, по пріѣздѣ моемъ въ Москву и при наступленіи новаго года — этого 1842-го — былъ мнѣ принесенъ альманахъ г. Владиславлева однимъ изъ воспитывавшихся въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, по содержанию вовсе другой. Но это стороннее; самое же дѣло вотъ въ чемъ: я нашелъ въ немъ Вашу статью: *Водосилъ отъ Частной Жизни* — разумѣется, нѣжинской или около нѣжинской. Но и это еще не настоящее дѣло, о которомъ говорить намѣренъ; а вотъ имен-

но въ чемъ оно: Вы, помѣщеннымъ тутъ эпиграфомъ, и меня къ этой статьѣ прилѣпили. Не ошибаюсь, ибо самъ очень хорошо помню, что я говорилъ подобнымъ образомъ о древности Нѣжина и происхожденіи его названія. Очень радъ и очень благодарю Васъ, что Вы помните о моей службѣ; но сожалѣю, что Вы настоящій, истинный мой смыслъ, мною говоренное—не только много измѣнили ко вреду его, но даже еще и обезобразили вовсе несвойственнымъ мнѣ произношеніемъ (гм!), постоянно употребляемымъ только одними закаленными въ ябедѣ крючками да отчаянными пьяницами. Ссылаюсь на Васъ, на Вашихъ бывшихъ товарищей, на бывшихъ до Васъ въ томъ заведеніи и послѣ Васъ, что такое произношеніе вовсе чуждо мнѣ. Зная добрейшую Вашу душу, я никакъ не могу допустить себя думать, чтобы Вы это сдѣлали съ намѣреніемъ, а приписываю это Вашей поспѣшности въ помѣщеніи ея (?), и думаю, что Вы и сами послѣ пожалѣли объ этомъ; ибо даже чуждый этого, а только принесшій мнѣ этотъ альманахъ, понимая и помня, къ кому относится такой эпиграфъ, измѣненный въ своемъ смыслѣ и какъ-будто въ насмѣшливомъ тонѣ помѣщенный, посоветился, какъ онъ мнѣ послѣ сказавъ, прямо дать мнѣ въ руки, а передалъ его чрезъ другаго, тутъ же бывшаго. Теперь я хладнокровенъ къ этому; но по прочтеніи его, признаюсь, былъ очень неравнодушенъ, тѣмъ болѣе, что и безъ того имѣю враговъ», и пр.

Эпиграфъ, который такъ возмутилъ бывшаго профессора Евгенія Павловича, былъ слѣдующій и, по видимому, вовсе необидный:

«Не думайте, господа, чтобы Нѣжинъ происходилъ отъ нѣги, гм! то-есть отъ нѣжности или изнѣженно-

сти: думать подобнымъ образомъ болѣе или менѣе неосновательно. Напротивъ, отъ низкаго своего положенія назывался городъ Низенъ, впоследствии Нижень, далѣе Нишенъ, наконецъ и вышло — Нѣжинъ».

(Изъ профессорской лекціи.)

Два послѣдующіе года, 1843 и 1844, были самыми плодовитыми въ дѣятельности Гребенки. Кромѣ двухъ романовъ: *Чайковский* и *Докторъ* (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), онъ напечаталъ девять повѣстей и рассказовъ, именно: *Прудъ* (въ «Утренней Зарѣ»), *Искатель Мѣста*, *Первый Концертъ Рубини*, *Маскарадный Случай*, *Калифъ на Часъ*, *Странная Перепелка*, *Злой Человѣкъ* (въ «Литературной Газетѣ»), *Ирокъ* и *Быль не Быль и не Сказка* (въ «Библіотекѣ для Чтенія») и поэму *Богданъ* (тамъ же), изъ которой печаталъ сначала отрывки въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ.

Замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ этихъ произведеній — романъ *Чайковский*, который есть въ то же время и вообще лучшее произведеніе Гребенки. Содержаніе его заимствовано изъ семейныхъ преданій его матери. Выше привели мы отрывокъ изъ прекрасной рецензіи «Современника», мнѣнія которой совершенно совпадаютъ съ нашимъ взглядомъ, и хотѣли еще возвратиться къ ней. Вотъ что говоритъ рецензентъ о *Чайковскомъ*, переходя отъ сужденія о лиризмѣ, замѣчаемомъ въ большей части произведеній Гребенки:

«Лирическаго элемента нельзя выпускать изъ виду, говоря о Гребенкѣ. Этотъ элементъ ему врожденъ; онъ у него тотъ же, что вѣтъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ, а въ талантѣ Гребенки большая аналогія съ этими пѣснями. Онъ совершенно не тотъ, когда говоритъ о своей

родинѣ, рассказываетъ о бытѣ минувшихъ племенъ, приводитъ преданія старины о славѣ запорожцевъ. Въ этихъ рассказахъ — онъ дома. Онъ не остритъ съ чужаго голоса, а остритъ *характерно*, и остроты его изображаютъ понятія и образъ мыслей тѣхъ лицъ, въ уста которыхъ они вложены. Онъ, не маскируясь приличіями свѣтскаго человѣка, предается всей живости впечатлѣній и этой богатой природы юга и этихъ людей; онъ сочувствуетъ ихъ прекраснымъ качествамъ, свойственнымъ еще неспорченной натурѣ, и не скрываетъ отъ васъ ихъ недостатковъ, но изображаетъ ихъ съ любовью художника, то-есть съ любовью не къ самымъ недостаткамъ, но къ своему произведенію, по мѣрѣ того, какъ эти недостатки помогаютъ ему рисовать болѣе вѣрную картину старины, людей и ихъ быта. Этой неподдѣльной теплоты, знанія старины, обычаевъ и нравовъ такъ много въ его романѣ *Чайковский*, что о недостаткахъ его, право, и говорить нечего. Нѣкоторые не хотятъ признавать въ *Чайковскомъ* всѣхъ его достоинствъ, потому-что Гоголь написалъ «Тараса Бульбу», гдѣ изображены тѣ же, и еще полнѣе, элементы казачества; но изъ того, что Гомеръ написалъ «Иліаду», а Орфей — «Походъ Аргонавтовъ», развѣ не читали греки съ удовольствіемъ другихъ поэтовъ, обработывавшихъ эпизоды изъ тѣхъ же событій и изображавшихъ тѣ же лица? Признаемся, въ «Медѣ» Аполлонія Родійскаго и мы находимъ такія красоты, которыя нисколько не заставляютъ сожалѣть времени, употребленнаго на прочтеніе этой поэмы, а въ свое время пѣвецъ ея пользовался великой славой, хотя и повторилъ старинную сказку о кораблѣ Арго, приписываемую Орфею...

«Мы не намѣрены рассказывать содержанія романа

Чайковский. Онъ былъ прочтенъ и будетъ читаться съ большимъ удовольствіемъ; скажемъ, что нѣкоторые характеры, особенно полковника Ивана, казака Никиты Прихвостня и Касьяна, очень хорошо обрисованы авторомъ; въ другихъ лицахъ много исторической вѣрности; интрига очень занимательна, хотя мѣстами авторъ впадаетъ въ мелодраму, особенно при изображеніи женщинъ; впрочемъ, женщины въ казачествѣ играли неважную роль; есть сцены эффектныя, а главное — весь романъ рисуетъ бытъ и обычаи, и образъ мыслей запорожцевъ.

«Вообще (повторяетъ далѣе рецензентъ) стародавній бытъ Украйны прекрасно отразился въ *Чайковскомъ*; самъ авторъ одушевляется, говоря о дѣлѣ, припоминая рассказы стариковъ и изъ нихъ возстановляя картины минувшей жизни этихъ странъ. Онъ самъ наконецъ возвышается до паюса очевидца, сочувствуя своему предмету, какъ-бы раздѣляя казацую удадь и принимая горячо къ сердцу страданія южной Руси отъ ея степныхъ сосѣдей — хищныхъ татаръ».

Перечислимъ вкратцѣ произведенія Гребенки за послѣдніе четыре года его жизни.

Въ 1845 году явились повѣсти: *Петербургская Сторона* (въ изданіи Н. А. Некрасова «Физиологія Петербурга»), *Чужая голова — темный мѣсъ* (въ «Иллюстраціи»), *Иванъ Ивановичъ* (въ «Финскомъ Вѣстникѣ»).

Изъ нихъ *Иванъ Ивановичъ* принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ произведеній Гребенки, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, автору повредилъ его легкій взглядъ: онъ скользнулъ только по поверхности факта, представлявшаго много глубокихъ и потрясающихъ сторонъ, которыми грѣхъ не воспользоваться художнику.

Въ числѣ послѣдующихъ повѣстей и разсказовъ Гребенки не было ни одного особенно замѣчательнаго. Кромѣ того, появленіе многихъ новыхъ яркихъ талантовъ вообще отодвинуло Гребенку на второй планъ.

Въ 1846 году онъ напечаталъ двѣ статьи въ изданіи г. Кукольника: «Картины Русской Живописи», именно: *Иерусалимъ* и *Разсказъ*, и повѣсти: *Черта изъ частной жизни Боченочка* (въ смирдинскомъ альманахѣ «Новоселье»), *Пиита* (тамъ же), *Лѣсничій* (въ «Финскомъ Вѣстникѣ») и очеркъ *Провинціалъ въ Петербургѣ* (тамъ же).

Въ 1847 г. явились: *Приключенія Синей Ассинации*, повѣсть (въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ»), *Хвастунокъ*, физиологическій очеркъ (въ «Финскомъ Вѣстникѣ») и *Газетное Объявленіе, листокъ изъ хроники добраго города С. Петербурга* (въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ»); въ 1848 году были напечатаны повѣсти: *Сила Кондратьевъ* (въ «Современникѣ»), *Заборовъ* (въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ», изданномъ редакціею «Современника»), и *Полтавскіе Вечера* (въ «Библіотекѣ для Чтенія»).

Въ это же время Евгений Павловичъ принялся за собраніе и изданіе всѣхъ своихъ бѣльетристическихъ произведеній: первые четыре тома вышли въ 1847 году, еще четыре въ 1848 году. Смерть Гребенки прекратила это изданіе, въ которое вошло только семнадцать повѣстей и разсказовъ и одинъ романъ изъ числа пятидесяти, написанныхъ Гребенкой. Гребенка во всемъ, что ни писалъ, является честнымъ и чистымъ писателемъ, что не малая заслуга въ такое время, когда колебались и отступали отъ прямой дороги писатели выше его цѣлою головою и по таланту и по силѣ вліанія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о характерѣ и частной жизни Евгенія Павловича.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, у него образовался довольно-обширный кругъ литературныхъ знакомствъ, чему, конечно, способствовало участіе его почти во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ того времени. Особенно близокъ и друженъ былъ онъ съ В. Г. Бенедиктовымъ, П. А. Ершовымъ, авторомъ «Коняка Горбунка», съ Прокоповичемъ, съ семействомъ вице-президента Академіи Художествъ графа Ѡ. П. Толстаго, и съ В. И. Далемъ, съ которымъ два раза ѣздилъ въ свою малороссійскую деревню.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатичныхъ; благодушіе его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ сходявшіеся съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особенною теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ веселостью, съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Дома Гребенка былъ радушный хозяинъ. Вечера, на которые собирались къ нему его друзья и знакомые, отличались задумчивостью и простотой. Нечего, разумѣется, и говорить о хлѣбосольствѣ: Гребенка былъ малороссъ, а хлѣбосольство одно изъ главныхъ свойствъ малороссійскаго характера.

Какъ черту радушія и доброты Евгенія Павловича мы приведемъ встрѣчу его съ старымъ наставникомъ, Кулжинскимъ. Вотъ какъ рассказываетъ о ней самъ г. Кулжинскій:

«Гребенка и возмужавши оставался все прежнимъ

веселымъ и вѣчно смѣющимся. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ продѣлки его со стихами Козлова, позднимъ вечеромъ въ іюнѣ 1843 года, я, утомленный дневною работою, пошелъ прогуляться по нѣжинской мостовой отъ лица къ монастырю. — На углу около монастыря у насъ продаются булки и бублики. Подходя къ этому мѣсту, я услышалъ громкій смѣхъ какого-то знакомаго мнѣ голоса. Продавщицы бубликовъ вторили этому добродушному смѣху своимъ смѣхомъ и звонкими голосами. Я подошелъ ближе. Смотрю—и самъ себѣ не вѣрю.

— Евгений Павловичъ! ты ли это?

Гребенка бросилъ бублики, купленные имъ, и прыгнулъ ко мнѣ на шею.

Онъ тогда ѣхалъ изъ Петербурга къ матери и везъ съ собою свою сестру, кончившую курсъ ученія въ Патриотическомъ Институтѣ.

Оставивши сестру на почтовой станціи приготовить чай, самъ онъ пошелъ купить бѣлокъ; сперва заговорился съ булочницами, потомъ увлекся разговоромъ со мною, провелъ меня до моей квартиры, зашелъ ко мнѣ и просидѣлъ у меня до втораго часа ночи.

● — Ба! а сестра моя ожидаетъ меня съ бубликами! сказалъ онъ, прощаясь со мною.

— Какая сестра? Чтò это ты говоришь?

Тогда только я узналъ отъ него, что онъ ѣдетъ съ сестрою, которая ожидаетъ его съ чаемъ на станціи»

Замѣтки наши о характерѣ Гребенки покажутся похожими на панегирикъ; но всѣ, знавшіе Евгенія Павловича, такъ согласны въ своихъ сужденіяхъ о немъ, которые мы передали здѣсь, что никакъ нельзя усомниться въ ихъ правдивости. Мы даже нарочно разширяли о недостаткахъ Гребенки, зная, что нѣтъ человѣ-

ка безъ слабостей; но видно слабости Евгенія Павловича были такъ мелки, что даже для самыхъ близкихъ друзей и знакомыхъ его достоинства заставляли не замѣчать этихъ слабостей. Къ сожалѣнію, намъ не удалось лично знать Гребенку; но изустные рассказы, слышанные нами отъ многихъ лицъ, достойныхъ всякаго вѣроятія, возсоздаютъ въ нашемъ воображеніи такой прекрасный добрый обликъ, что нельзя не желать, чтобы лица, знавшія лично и помнящія Гребенку, описали свои отношенія къ нему. Хорошо было-бъ издать и переписку его, если только письма его еще сохранились. Судя по тому, что мы знаемъ о Гребенкѣ, полное изображеніе его милого и прекраснаго характера было бы не только интересно, но и поучительно даже въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ не написалъ ни одной строки для печати.

Какъ ни незначительны были средства Евгенія Павловича по переѣздѣ въ Петербургъ онъ выписалъ къ себѣ младшихъ братьевъ своихъ Михаила и Николая (нынѣ архитекторъ), держалъ ихъ сначала у себя, а потомъ опредѣлилъ перваго въ Дворянскій Полкъ, а втораго въ 3-ю Петербургскую Гимназію.

Онъ былъ женатъ на дочери отставнаго штабс-капитана Растенберга, Марьѣ Васильевнѣ (нынѣ Масловой), и отъ этого брака, заключеннаго по чистому и постоянно, до смерти Евгенія Павловича хранившемуся чувству, у него осталась дочь Надежда, находящаяся теперь при матери.

Последняя болѣзнь Евгенія Павловича, которая свела его въ могилу, служить новымъ подтвержденіемъ общихъ отзывовъ о безграничной добротѣ его и готовности на всякое доброе дѣло. Чувствуя себя уже очень

дурно, онъ рѣшился, однакожь; выѣхать изъ дома по дѣлу одного знакомаго, и при переѣздѣ черезъ Неву (Евгеній Павловичъ жилъ на Васильевскомъ Острову), простудился, слегъ въ постель и уже не вставалъ болѣе. Онъ умеръ въ декабрѣ 1848 года. На отпѣваньи его, кромѣ знакомыхъ, друзей и литераторовъ, присутствовало много бывшихъ учениковъ его изъ военно-учебныхъ заведеній. Тѣло Гребенки перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила и дорога.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Часть I.

1

РАЗСКАЗЫ ПИРЯТИНЦА.

I.

ДВОЙНИКЪ.

БЫЛЬ.

I.

Ни холодно было, ни душно,
А самое такъ какъ въ сирякахъ;
И весело и такъ не скушно,
На великодныхъ мовъ святкахъ.

И. КОТЛЯРВСКІЙ.

Праздникъ, праздникъ! кто тебя не любить? Не самъ ли Богъ назначилъ человѣку день для отдохновенія? и это былъ вѣнецъ творчества. Шестъ дней кипѣли силы природы по волѣ святаго Зиждителя и въ седьмой юная земля, какъ невѣста, засверкала, въ алмазной коронѣ горъ, обрисованная лучами солнца, обвитая зеленью лѣсовъ и синею моря. Все было чисто, свѣтло, спокойно. Земля имѣла царя-человѣка, и Великій Зодчій смотря на свое твореніе, съ улыбкою отдохнулъ отъ трудовъ. Это былъ первый праздникъ міра; что можетъ

*

быть святѣ начала его? Говорятъ, въ . . . ской семинаріи написано много пудовъ хрїи, и *порядочныхъ* и *превращенныхъ*, о пользѣ труда, и ни одной строчки о прелести успокоенія. Очень хорошо! прекрасно! но ради чего вамъ угодно, господа писатели хрїи, не представляйте нашу жизнь аспидною доской, исчерченною • сѣренькими цифрами. Вездѣ математика, работа уму — и ничего сердцу! Утѣшительна мысль о будущей жизни: тамъ мы, усталые путники, положимъ свой посохъ и ношу . . . отдохнемъ.

Я люблю Италію за ея dolce far niente, уважаю на Востокѣ одинъ кейфъ и, какъ уроженецъ Малороссіи, могу ли не обожать праздниковъ? Только я не люблю ихъ въ шумномъ городѣ, гдѣ какой-нибудь бѣднякъ на занятые деньги нанимаетъ извозчика, надѣваетъ лучшее платье и, подѣ дождемъ и стужею, съ самой заріи отправляется бороздить уличную грязь въ возможныхъ геометрическихъ направленіяхъ, съ улыбкою на губахъ и досадою въ душѣ, записываетъ въ переднихъ свое имя, которое никто не читаетъ, или проговариваетъ заученныя поздравленія, которыхъ никто не слушаетъ. Не правда ли, это нисколько не весело?

То-ли дѣло праздникъ въ деревнѣ! поутру благочестивые собираются къ обѣднѣ; обѣдня кончилась и всѣ гуляютъ, какъ кому хочется, какъ задумается. Тамъ не косятся на меня, что я прїѣхалъ въ черномъ галстухѣ; тамъ я смѣюсь громко и еще громче спорю о чемъ мнѣ угодно. Удивительно-хороша жизнь на-распашку.

Къ моему дядюшкѣ, бывало, въ праздникъ наѣдетъ, Боже мой! сколько добрыхъ людей: ближній нашъ сосъдъ съ женою, наша сосѣдка съ своимъ мужемъ, отставной полковникъ, трехфутровая фигурка, вѣчно за-

нитая въ мундирный сюртукъ; бывшій засѣдатель Иго-
лочникъ, подлинно прямой человекъ — во всю жизнь я
ничего не видывалъ подобіе аршину — еще кто-то въ
шалоновомъ сюртукѣ, еще кто-то въ бѣлой жилеткѣ, еще
и еще... да ихъ всѣхъ и въ день не описать!

А вотъ видите ли въ углу старика, съ крестомъ на
шеѣ? Съ нимъ не шутите: онъ смотритъ въ землю, а
далеко кругомъ видитъ; «онъ дока», говорятъ мои земляки,
не имѣя ничего, дослужился до чиновъ и крестовъ и
благопріобрѣлъ въ вѣчное и потомственное владѣніе
славную деревеньку, съ лугами и лѣсами, и мельницами,
и рыбными ловлями, и прочая — такъ написано въ крѣ-
постномъ актѣ. Прочтите, когда не вѣрите; это должно
быть въ архивѣ. Говорятъ злые люди *якобы* онъ про-
давалъ... ну, продавалъ все, что можно продавать... Да
это чистая ложь: посмотрите, какой онъ смирный!

Вотъ новоиспеченный помѣщикъ Евсей Кузьмичъ
Носковъ. Онъ служилъ подпоручикомъ въ пѣхотѣ и но-
силъ подъ мундиромъ отчаянныя манжеты. Укравши,
назадъ годъ и два мѣсяца, въ нашемъ уѣздѣ себѣ
невѣсту, онъ вышелъ въ отставку и сдѣлался помѣщи-
комъ. Впрочемъ, онъ добрый малый и въ большихъ свя-
зяхъ: въ Петербургѣ его короткій пріятель въ какой-то
канцеляріи служить журналистомъ. «Можетъ», гово-
ритъ Евсей Кузьмичъ, «онъ теперь заважничалъ; а пре-
жде мы съ нимъ жили душа въ душу».

Вотъ еще Иванъ Ивановичъ, Петръ Петровичъ, Фе-
доръ Федоровичъ — рекомендую: препорядочные люди;
не смотрите, что они такъ неловко кланяются — не
столичные!

А дядюшку и забылъ-было! не того дядюшку, у ко-
торого гости, этотъ самъ-по-себѣ, а другаго дядюшку,

прелюбезнаго человека! Видите, въ сѣромъ казакинѣ съ отложнымъ воротникомъ и въ сапогахъ съ острыми китайскими носками, смѣется-себѣ мой дядюшка. Экой проказникъ! Совѣтую съ нимъ познакомиться: у него растутъ славные арбузы.

Сѣли за столъ. Между-тѣмъ какъ, хозяйка убѣдительно проситъ отвѣдать и борщу съ перепелками, и жареной индѣйки, и кашуна подь лимоннымъ сокомъ, хозяинъ предлагаетъ прохладительное:

— Петръ Петровичъ, не хотите ли рюмочку сливянки? Василий Васильчъ, вы охотникъ до рябиновки: это преподезная настойка. Я ее предпочитаю золотысячнику. А вы какую предпочитаете, Евсей Кузьмичъ?

— Чужую-сь.

Гости хохочутъ.

— Но что же вы больше пьете?

— Хмельное-сь.

Всеобщій смѣхъ. Кузьмичъ и въ полку слыгъ острякомъ.

Отобѣдали. Дамы удалились въ гостиную, гдѣ, на столѣ, покрытомъ синею ярославскою скатертью, ихъ ожидали плоды и варенье.

Мужчины закурили трубки. Разговоръ сдѣлался шумнѣе.

— Святая старина, басилъ сосѣдъ съ орденомъ: — теперь не то что было; молодежь стала просвѣщаться, мечтать, всѣ — разсуждать...

— Смѣю доложить, сказалъ Иголочкинъ: — мы имѣемъ свои формы...

— Да и какъ прежде учили! перебилъ сосѣдъ: всѣ великіе люди, небойсь, скажете изъ нынѣшней молодежи?...

— Объ этомъ-то я вамъ и докладывалъ.

— Чтобъ у меня не взоншла рожь къ назначенному сроку! кричалъ Носковъ: — а на что палки растутъ? Я поставлю на-своемъ! Охъ, это хамово племя! Громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится.

— Но входы зависятъ не отъ прикащика, а отъ погоды, замѣтилъ кто-то.

— Въ службѣ что за отговорки!

Нѣкто въ шалоновомъ сюртукѣ плюнулъ и понюхалъ табакъ. Нѣчто, въ бѣломъ жилетѣ, сидя въ уголку хотело до упаду, закрывъ лицо пестренькимъ платочкомъ. И къ чему это? подумаешь; какъ-будто лицо что-нибудь запрещенное? Я полагаю это такъ, странность.

— Да не такъ давно, въ семилѣтнюю войну, не отретируюся Апраксинъ, мы бы дали нѣмцамъ *того оно какъ ево*, пицалъ, подбоченясь маленькій полковникъ. — Вотъ, напримѣръ, подъ Грос-Эгерндорфомъ я приказалъ моимъ кирасирамъ готовиться къ атакѣ да какъ крикну *того! и ну ево* во весь карьеръ...

Разговоръ дѣлался шумнѣе. Слова и рѣченія, проти ворѣчившія другъ другу, мѣшались, сталкивались и отражались въ ухахъ, какъ цвѣтныя стекла въ калейдоскопѣ.

Я предложилъ моему пріятелю Н. прогуляться; мы подошли къ дверямъ. У самаго порога стояла наша соседка* и, крѣпко держа за полу своего мужа, спрашивала:

— Куда ты идешь?

— Я имѣю надобность.

— Какую надобность?

— Да такъ, душечка, право такъ.

— Охъ этотъ миѣ *такъ!* Ты вѣчно не бережешься,

сего-дня выпилъ два стакана холодной воды! Такъ совсѣмъ можно охолодить себя. Что со мною будетъ тогда?...

Тутъ мой пріятель затворилъ дверь и мы очутились на свободѣ.

Это было весною, подъ свѣтлымъ небомъ Малоросіи. День вечерѣлъ. Зеленые берега рѣки трепетали въ золотыхъ отливахъ; бѣлыя, пушистыя вѣтви цвѣтущихъ черешень, разрумяненные послѣдними лучами солнца, стыдливо выглядывали между темныхъ вѣтвей дуба; кудрявыя яблони наполняли воздухъ ароматомъ; спокойная рѣка, какъ перломутръ, мѣнялась въ радугахъ; рѣзвухи-рыбы сновали по ней; яркія серебряныя нити или прихотливыми всплесками брызгали жидкимъ золотомъ. А небо—Боже мой! какъ было хорошо это чистое небо!... Ни одной тучки, ни одного пятнышка. Только въ вышинѣ виляя бѣлый голубь; какъ алмазъ горѣлъ онъ въ безграничной синевѣ, все выше и выше и... свѣтлою искрою угасъ въ зенитѣ.

Люблю я тебя, милая родина! Роскошна твоя природа, чистъ и нѣженъ воздухъ твой; не земнымъ сладострастіемъ онъ наполняетъ грудь мою!

На зеленомъ лугу играютъ поселяне. Тамъ пестрая толпа дѣвушекъ: онѣ поютъ и вытягиваются длинною цѣпью, свиваются въ вѣнки, развиваются, живую вереницею мчатся по лугу, то, разсыпаясь, ловятъ другъ дружку; звонкія пѣсни ихъ оглашаютъ окрестность.

Далѣе, парубки играютъ въ мячи. Присутствіе *коханокъ* одушевляетъ ихъ; съ какимъ стараніемъ одинъ хочетъ *попятнать* другаго! какія употребляетъ хитрости и неправды, чтобъ крикомъ *наша взяла* привлечь вниманіе пары черныхъ глазъ. И въ деревнѣ для

улыбки, для ласковаго слова человѣкъ старается унижить ближняго. Бѣдные люди! вѣрно такъва ваша природа...

Игра въ мячи шла превосходно. Тутъ былъ *маткою* судовой паничъ, изъ ближняго города. Какъ чертовски играетъ онъ! Какъ теперь гляжу: онъ скидываетъ свой свѣтлозеленый нанковій сюртукъ и остается въ панталонахъ цвѣта яичнаго желтка, въ красномъ мериносовомъ жилетѣ и въ огромномъ галстухѣ; бережно кладетъ на землю клеенчатый картузъ; поплевалъ на руки, взявъ палку, взмахнулъ — и послушный мячъ летитъ высоко-высоко, чуть видимо! Грѣхъ сказать, судовой паничъ мастеръ своего дѣла.

Согласитесь, нельзя не любить эту игру. Сколько мыслей приходитъ въ голову, глядя на нее! Не похожъ ли человѣкъ на мячъ? часто я думаю, и судьба, какъ судовой паничъ, по прихоти своей заставляетъ его летѣть то выше, то ниже; во всякомъ случаѣ впереди одинъ финалъ — паденіе.

Мы подошли къ гулявшимъ.

Старики не участвовали въ играхъ, а, собравшись въ кружокъ, вспоминали свое молодечество. Старухи, глядя на парубковъ и дѣвушекъ, мысленно ихъ сватали и мечтали о будущихъ свадьбахъ. Молодѣжь существенно наслаждалась настоящимъ. Всѣ были веселы, довольны, счастливы. Чего жъ болѣе?

Я смолоду любилъ сельскую жизнь и посвятилъ не одну слезу чувствительному Геснеру. Беззаботная радость поселянъ очаровала меня; я началъ идилически вѣрить въ земное счастье людей, какъ дитя вѣрить сказкѣ няни о безбровомъ оборотнѣ, какъ невинная дѣвушка вѣрить клятвамъ своего любовника; но случай такъ жестоко уничтожилъ мои мечтанія!

Выливали ли вы сусликовъ? Вѣрно нѣтъ. А я-такъ выливалъ. Послушайте. У меня во время оно, былъ учитель-семинаристъ, высокій, тощій философъ, въ длинномъ голубомъ сюртукѣ на заячьемъ мѣху, съ неразрѣзными полами, и въ полуботфортахъ. Онъ назначить, бывало, мнѣ урокъ изъ латинскихъ вокабулъ, а самъ ходитъ по комнатѣ, закинувъ на спину руки; ходитъ дояго, ходитъ и нюхаетъ табакъ, еще ходитъ и свиститъ; потомъ беретъ картузь, беретъ ведро и отправляется на охоту выливать сусликовъ.

Латинь для меня пахла гнилью. «Отчего же», подумалъ я, «мнѣ нельзя охотиться?» бросилъ книгу подъ столъ, промыслилъ ведро воды — и вотъ я уже въ полѣ.

Приволье жить въ степи! Вышелъ за дворъ: вправо волнуются, шумятъ богатяя нивы; влѣво яркимъ ковромъ раскинулся душистый сѣнокосъ, вверху звенить жаворонокъ, а внизу такъ и шныряютъ между травомъ мои непріатели — суслики.

Я скоро нашелъ норку этого звѣря и началъ лить въ нее воду; вода заурчала и наполнила норку. Я притаилъ дыханіе. На поверхность воды взбѣжалъ пузырь и лопнулъ, за нимъ другой и тотъ лопнулъ, и вслѣдъ за этимъ показалась мокрая головка суслика. Увидя меня онъ попятился назадъ; назади вода — враждебная стихія; впереди я, человекъ — существо страшное. Бѣдный звѣрѣкъ остался неподвиженъ. Уже жадная рука моя была протянута схватить его и — опустилась: передо мной, со всею педагогическою важностью, стоялъ учитель; видъ его былъ грозенъ, лицо пылало, помы сюртука играли съ вѣтромъ и указательный перстъ былъ поднять вверхъ...

— Чтò ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ учитель.

— Выливаю суслика.

— Какъ ты могъ смѣть это дѣлать?

— Я у васъ выучился.

— Э-э-э! Знаешь ли ты: *quid licet Jovi non licet bovi* (*). Понимаешь?...

И, договаривая эту пословицу, онъ уже тянулъ меня довольно-невѣжливо домой. О проклятая латинь! Я не понималъ ее, но изъ дѣла подозрѣвалъ въ ней что-то недоброе; варварскія рѣшмы *Jovi* и *bovi* непріятно отзывались въ ушахъ моихъ. Этого мало: у насъ были гости. Сколько насмѣшекъ вытерпѣлъ я при чужихъ людяхъ отъ злаго педагога! сколько слезъ мнѣ это стоило!... Богъ съ ними, и врагу моему не совѣтую трогать сусликовъ; пусть они живутъ въ своихъ норкахъ.

Много лѣтъ прошло послѣ этого приключенія. Давно уже мой учитель сочетался законнымъ бракомъ; уже его дѣти бѣгло склоняютъ *cornu*; но я живо помню бѣднаго мокраго суслика; съ его испуганною мордочкой, съ его глазами, устремленными на меня въ какомъ-то глумомъ недоумѣніи.

Увеличьте этого суслика аршина въ два съ четвертью, одѣньте въ лохмотья, поставьте на заднія лапы—это будетъ вѣрный портретъ человѣка, который попался намъ на дворѣ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на игры, напѣвая что-то вполголоса и, казалось, не замѣчалъ насъ.

— Здравствуй, Андрей, сказалъ N., подходя къ незнакомцу.

— Здравствуйте, отвѣчалъ онъ, поворота на насъ свои оловянные глаза.

— Отчего ты не идешь гулять?

(*) Чтѣ прилично Юпитеру, то неприлично быку.

— Гулять?... гм!...

Глупая улыбка искривила лицо Андрея; онъ почесался въ затылкѣ.

— Развѣ ты не хочешь?

— Андрей не хочетъ: его не любятъ люди, а онъ ихъ боится.

— И насъ боится?

— Васъ?... Онъ пристально посмотрѣлъ на насъ и опустилъ голову, какъ-бы стараясь что-то припомнить, опять бѣгло взглянулъ и побѣжалъ, повторяя: — страшно Андрею!

— Чтò это за чудакъ? спросилъ я N.

— Сумасшедшій.

— *И по всему замѣтно.* О какомъ Андрѣ говоритъ онъ?

— Это его двойникъ. Недавно перестали говорить въ здѣшной деревнѣ о приключеніи, которое лишило ума этого несчастнаго. Если тебѣ будетъ приятно, я готовъ рассказать.

— Да какъ это можетъ быть неприятно? Служать приключеніе, въ концѣ котораго человѣкъ сходитъ съ ума, это—верхъ блаженства въ нашъ вѣкъ ужасовъ! И ты, обладая такимъ сокровищемъ, скрывалъ его!...

Странный человѣкъ N. Глядя на него, вы никакъ бы не подумали, что онъ знаетъ хоть одно подобное происшествіе! Я самъ, клянусь вамъ, не подозрѣвалъ этого, а вышло противное!

Мы сѣли на траву и N. началъ говорить.

II.

Хиба уже бидному любыты не треба?

МАЛОР. ПЬСНЯ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, не было въ С* казака краше Андрея, да и богатствомъ онъ не уступалъ самому выборному: у него было два плуга воловъ; всякое лѣто отправлялъ онъ нѣсколько огромныхъ воевъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбою. Чего, бывало, не навезуть оттуда! тарани, чабака, сельдей и всякой всячины; почти вообразить невозможно сколько! А коровы какія у него были! а овцы! а кабана, бывало, кормить къ Рождеству какого! Я самъ былъ у него въ саду: что за прелесть! Въ саду стоитъ будка, въ будкѣ сидитъ дѣдъ-сторожъ — гроза сосѣднихъ мальчишекъ. У этого-то дѣда прошу отвѣдать фруктовъ!

А въ хатѣ чего-то не было! Въ переднемъ углу, какъ въ цвѣтникѣ, между засушенными гвоздиками и васильками, стояли два образа, писанные на кипарисныхъ доскахъ, а кипарисъ, какъ извѣстно, дерево пахучее, у насъ не растетъ. Андрей на-славу заплатилъ за нихъ два съ полтиною и фунтъ воску суздальскому разнощику, и то разнощикъ по дружбѣ уступилъ такъ дешево. Добрые люди эти суздальцы.

На полѣ красовался длинный строй мисокъ, настоящихъ изъ Ични, съ глазурью, съ лапчатыми узорами. Вся печь была исписана клѣточками, звѣздочками, точками красными, черными, желтыми. Хохлатые голуби ворковали подъ печкою; на печкѣ мурлыкалъ сѣрый котъ. «Обиліе въ дому Андрея!» говаривалъ, облизываясь, нашъ приходскій дячокъ. Да какъ и не сказать этого?

Будь дуракъ да богатъ — назовутъ умнымъ. Такъ мудрено ли, что Андрей, малый неглушый, при своемъ богатствѣ, взявъ верхъ надъ всеми молодыми людьми въ деревнѣ? Гдѣ онъ, тамъ веселье и пѣсни и хохоть. Парубки старались подражать ему; дѣвушки по немъ вздыхали. Да не только въ С*, а въ цѣломъ околоткѣ.

Напримѣръ, въ Крипицѣ на ярмаркѣ народу, можетъ быть, тысяча слишкомъ бываетъ: и купечество, и духовенство, и дворянство, и даже самъ засѣдатель — Андрею все тринь-трава! Какъ разгуляется — что твои запорожцы! Найметъ скрипку да бубенъ — и пошелъ по ярмаркѣ... Шапка на немъ сивыхъ смушковъ; свитка синяя перетянута крысенымъ поясомъ; шаравары полосатой пестряди; сапоги юфтовые.

Былъ одинъ только отставной капраль, нейшлотскаго карабинернаго полка, который могъ танцовать съ Андреемъ. Гдѣ собралась куча народу, тамъ, вѣрно, они тѣшатся. Капраль вытянется въ струнку, какъ передъ начальникомъ, руки по швамъ, глаза направо; только ноги пишутъ разные узоры. Андрей станеть противъ него, заложитъ большіе пальцы за поясъ, наклонится впередъ, взглянетъ на сапоги — и пошелъ выдѣлывать такіе хитрые вензеля! ударить трепака — земля трясется! а какъ начнетъ косить въ присядку — Господи Боже, что за удалъ! Теперь нѣтъ такихъ танцоровъ.

Вдругъ Андрей пересталъ танцовать, пересталъ гулять: все груститъ, молчитъ, все думаетъ; товарищи не узнаютъ его: вѣрно его сглазили, или изурочили. Разно говорили объ этомъ, разно думали, и никто не могъ догаться; а Андрей, просто, влюбился, да еще какъ! Оно бы ничего, да лукавый попуталъ Андрея: онъ влюбился въ паяночку!

Тамъ, подъ горою, стоитъ домъ Оомы Оомича, моего двоюроднаго дѣдушки; одна сторона дома спряталась въ садъ, а другая безжизненно смотритъ своими битыми окнами на широкій дворъ; этотъ дворъ теперь заросъ травой, а прежде, при жизни дѣдушки, экипажи сосѣдей не давали ей показываться изъ земли; нерѣдко и коляска маршала гордо катилась по немъ и, стуча и хлопая ветхими членами, останавливалась передъ крыльцомъ. Хозяинъ дома, въ нанковомъ сюртукѣ, съ косою и очковскимъ крестикомъ, умѣлъ достойно принять имени-таго гостя, глубокомысленно разговаривалъ о губернскихъ новостяхъ и убѣдительно доказывалъ, отчего въ гербѣ его пѣтушій хвостъ и роза, а не другіе цвѣты.

«Оома Оомичъ человекъ сильно-мнительный, какъ по книгѣ говоритъ», нѣсколько разъ повторялъ одинъ мой знакомый, пріѣзжая отъ дѣдушки. Слѣдовательно, по крайнему моему разумѣнію, у него, должно быть, довольно-скучно; а между тѣмъ и старики и молодые и судовые паничи и офицеры ... скаго полка, всякій день являлись къ Оомѣ Оомичу, ѣли его хлѣбъ-соль, въ глаза свидѣтельствовали ему нижайшее почтеніе, за глаза смѣялись надъ нимъ и не сводили глазъ съ его дочери, милой Уляси. Это былъ магнитъ.

И правда, Уляся стоила вниманія: семнадцатая весна только-что образовала роскошныя ея формы... Но я не хочу, не стану описывать пластическія красоты: объ этомъ и безъ меня много говорили и писали. Да и можно ли сказать: мнѣ нравится дѣвушка, потому-что у нея черныя локоны, тонкая талія, маленькая ножка? Нѣтъ; такъ можно хвалить лошадь, можно хвалить охотничью собаку, но отнюдь не прекраснѣйшую половину прекраснаго созданія божія — человека. Есть особая прелесть,

неуловимая, невыразимая для языка, но понятная для сердца, которую можно чувствовать, но не объяснить, и эту прелесть имѣла Уляся. Какъ мило краснѣла она, когда майоръ Хворостинъ, подсѣвши къ ней, начнетъ, бывало, рѣчь о погодѣ! длинныя рѣсеницы ея опускались на пламенные глаза и косынка сильно подымалась на груди.

Майоръ, *знатокъ въ женщинахъ*, какъ называли его товарищи, толковалъ это въ хорошую сторону.

Бѣдный майоръ захотѣлъ формально сочетаться законнымъ бракомъ съ Улясею и, по командѣ, адресовался къ отцу ея. Чтò жь, вы думаете, сказалъ мой двоюродный дѣдушка?

Онъ просилъ жениха рассказать свое родословное дерево, а это не шутка! Майоръ потѣлъ, водилъ пальцемъ по лбу и никакъ не могъ доказать своего дворянства дагѣ перваго колѣна по восходящей линіи. Тогда Оома Оомичъ воспламенился благороднымъ гнѣвомъ, вычислялъ по пальцамъ шесть дюжинъ своихъ предковъ и, въ заключеніе, важно поправляя очаковскій крестикъ, сказалъ:

— Итакъ, знайте, милостивый государь мой, что скворцы въ орянныя гнѣзда не летаютъ.

Хворостинъ съѣлъ грязь; лицо его сдѣлалось краснѣе общеармейскаго воротника; онъ пренеловко поклонился, скорыми шагами вышелъ изъ комнаты и поскакалъ на квартиру, оглашая дорогу различными междометіями во славу геральдики.

Бѣдный деньщикъ, говорятъ, много вытерпѣлъ при встрѣчѣ своего начальника. Это неудивительно. Соглашались сами, вѣдь, надобно жь на комъ-нибудь вымѣстить свою досаду, чтобъ не испортить здоровья? Но когда

ныгъ гнѣва прошелъ, майоръ опять сталъ такимъ, какъ и прежде; выправляя рекрутъ, цѣль пушшъ изъ заграничнаго стакана, волочился за управительницею, пригоняя амуницію и въ занятіяхъ по службѣ забывъ, или почти забывъ, Улясю. Только не могъ онъ произнести имени Оомы Оомича безъ какого-нибудь кудряваго украшенія и, разумѣется, нога его болѣе не была въ домѣ моего двоюроднаго дѣдушки. Въ итогѣ вышло:

Майоръ не женился на Улясѣ.

Уляся осталась дѣвушкою.

И въ эту-то Улясю влюбился Андрей! Весьма справедливо нашъ уѣздный лекарь, прехитрый нѣмецъ, нарисовалъ амура съ завязанными глазами.

Андрей былъ человѣкъ скрытный и никому не говорилъ гдѣ и когда онъ влюбился. Впрочемъ, намъ до этого нѣтъ дѣла. Мало ли есть людей влюбленныхъ? и вѣрно и всякая интрига имѣла начало отъ какого-нибудь случая. Иной влюбляется на тротуарѣ, тотъ—въ маскерадѣ, нѣкоторые—Господи, прости! смотрятъ на дѣвушекъ несатымъ сердцемъ въ церкви божіей и, кажется, нашъ Андрей принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Гдѣ ему лучше можно было видѣть панночку, какъ не въ храмѣ? тамъ люди нѣкоторымъ образомъ уравниваются; тамъ и панъ и мужикъ — христіане, хотя все-таки существо въ фризовой шинели морщить рожу и подвигается на полвершка впередъ, когда дерзкая свитка поровняется съ нимъ. Впрочемъ, сказать рѣшительно, что такой-то де казакъ Андрей, того-то мѣсяца, дня и числа воспылялъ законопреступною любовью къ дочери вельможнаго пана, имярекъ не могу: боюсь девятой заповѣди.

Андрей любилъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и любилъ со всею страстью души пылкой, свободной, непривыкшей подчинять свои дѣйствія голосу холоднаго разсудка. Ему нравилось видѣть Улясю, и онъ безотчетно глядѣлъ на нее, какъ на радость, какъ на утѣху. Но когда взоръ ея встрѣчался съ его взоромъ, онъ чувствовалъ, какъ эти черныя очи жгли казацкую душу; онъ потуплялъ глаза; въ ухахъ у него шумѣло; горячая кровь такъ и переливалась въ сердцѣ.

Придетъ, бывало, Андрей въ церковь, станетъ подъ стѣною и все смотреть на панночку. Народъ молится, онъ все смотритъ на нее; благочестивые помолятся, да и бредутъ домой, а онъ стоитъ какъ вкопанный; ему тяжело оставить свое мѣсто: сколько минутъ онъ былъ на немъ былъ счастливъ!

Бывало, сядетъ Андрей вечеромъ на горѣ противъ дома Оомы Оомича и смотреть на окна; тамъ свѣтится. «Можетъ-быть, она что работаетъ, или сидитъ, или ложится спать; этотъ огонекъ ей свѣтитъ». И бѣднякъ завидовалъ огоньку. Вотъ мелькнула тѣнь. «Можетъ-быть, это ея тѣнь» шепталъ онъ, и воображеніе рисовало ему свѣтлицу пана и Улясю съ ея огненными глазами, съ ея милою улыбкою. Онъ готовъ былъ бѣжать, летѣть въ горницы гордаго пана и — оставался на прежнемъ мѣстѣ. Часто утренняя заря заставляла его тамъ, гдѣ покидала вечерняя.

Разгадайте, какая симпатія привязывала Андрея къ Улясѣ? Не отыскала ли душа бѣдняка въ душѣ панночки своей половины? А что вы думаете, гг. философы? Вѣдь, это можетъ быть.

Въ одинъ день въ домѣ Оомы Оомича была замѣтна необыкновенная дѣятельность: рано утромъ старая ку-

харка пронесла черезъ дворъ индѣйскаго пѣтуха; возлѣ погреба ключникъ разливалъ въ бутылки сливянку; къ конюшнямъ былъ привезенъ большой возъ сѣна; на крыльцѣ зѣвалъ и потягивался камердинеръ въ праздничномъ платьѣ; оно попало въ новыя изъ старыхъ панскихъ, а панъ былъ цѣлою головою ниже камердинера, слѣдовательно... Но кто безъ ошибокъ? Все предвѣщало праздникъ, и праздникъ не на шутку. Мой двоюродный дѣдушка не любилъ ударить лицомъ въ грязь. Событіе оправдало ожиданіе. Веселье былъ этотъ день; гости шумно пировали и разѣхались послѣ ужина, въ одиннадцать часовъ. Шутка ли?!

Но все ли тутъ веселились? По законамъ природы этого быть не можетъ. Нашъ міръ такъ чудно устроенъ, что крайности въ немъ невозможны. Природа дала человеку и розы и шипы вмѣстѣ; насадила ароматныя роши гвоздики и скрыла въ нихъ гремучаго змѣя. Зло и добро, радость и печаль смѣшаны въ картинѣ нашего быта, какъ свѣтъ и тѣнь въ ландшафтѣ искуснаго художника. Крайности исчезаютъ въ противоположностяхъ: рыданія пореодятъ въ хохотъ, продолжительный смѣхъ выдавливаетъ слезы. А у Оомы Оомича былъ пиръ горой.

У моего двоюроднаго дѣдушки были два музыкантаскрипача. Я думаю... но вы не поймете меня не слышавши ихъ; вы не вкушали этого безконечнаго веселья. Одинъ, буфетчикъ, игралъ ргімо. Чтѣ за чувствительное былъ созданіе! Подлинно, какъ говорятъ, съѣлъ собаку на скрипкѣ! всякую нотку даетъ, бывало, почувствовать; смычокъ у него такъ и юлитъ по струнамъ, пальцы дрожать, носъ шевелится, брови ходятъ; а гдѣ придется трелька, онъ, бывало, даже присѣдаетъ. Другой— не знаю какъ опредѣлять его— онъ не пахалъ земли, но

и не принадлежалъ совершенно къ огрѣнной панской дворнѣ; жилъ на деревнѣ, но вмѣсто свитки носилъ какое-то преобразование сюртука, и вмѣсто шапки — военную фуражку. Онъ былъ мастеръ сбывать на ярмаркахъ домашніе продукты, иногда, въ часъ нужды, слетать въ городъ купить рису или винныхъ ягодъ, или бутылку рому, и въ торжественныхъ случаяхъ секундовалъ буфетчику — словомъ, онъ былъ человекъ, такъ, для всякихъ порученій. Этотъ почти не двигалъ пальцами, водилъ смычкомъ тише и смотрѣлъ глупѣе. А какое согласіе выходило у нихъ! Иной и въ свѣтѣ бѣгаетъ, суетится, юлитъ, другой едва двигается, а оба играютъ одну штуку! Говорятъ, это необходимо для общей гармоніи.

У дверей залы стояли буфетчикъ и человекъ для всякихъ порученій, дружно ударяя смычками по струнамъ скрипокъ экосезъ:

Саша, ангель, какъ не стыдно
Вещь къ себѣ чужую брать?

рождаея подъ нихъ искусными пальцами, раздавался въ залѣ. Танцы начались.

Передъ растворенными окошками собралась толпа любопытныхъ; вся почти дворня глазѣла на панскія потѣхи. Андрей втерся въ толпу и пробрался до самаго окошка: ему хотѣлось видѣть Улясю. Какъ чертъ передъ заутренней прыгалъ съ нею толщій канцеляристъ, въ синемъ фракѣ, съ огромною сердоликовой печаткой на длинной цѣпочкѣ; ноги его, точно два восклицательные знака, корчились и ломались подъ разныя углы. Весело было смотрѣть на канцеляриста.

«Послать бы тебя, проклятаго дармовѣда, косить съ-

но, не такъ бы запрыгалъ!» думалъ Андрей. «Вишь, гѣсной комарь, какъ подкачивается!»

Онъ самъ не зналъ за что сердился на весь свѣтъ, и на заходящее солнце, и на деревья, и даже на воробья, скакавшаго на кровлѣ, а о канцеляристѣ и говорить нечего.

Экссезъ, какъ водится, кончился *злѣйкою*. Танцовавшіе разбрелись по комнатамъ. Уляся подошла къ окну; глаза Андрея встрѣтились съ ея глазами: она смотрѣла такъ ясно, такъ ласково! Бѣднякъ ожилъ; словно электрическая искра пробѣжала по его нервамъ, разбудила силы, зажгла душу и наполнила ее восторгомъ.

То же солнце казалось ему пышнѣе, краше обыкновеннаго; деревья непонятно-хорошо зеленѣли; воробей чиликалъ какую-то пріятную пѣсенку; самого канцеляриста Андрей готовъ былъ дружески прижать къ сердцу. И какъ недолго человѣкъ бываетъ счастливъ!

Какіе виды, надежды и тому подобное имѣлъ Андрей? спросать меня люди *ариометчики*. — Никакихъ. Слѣдовательно, онъ былъ дуракъ? — Совершенно согласенъ: это былъ дуракъ съ пылкой душой, пламеннымъ сердцемъ и свободною волей; его любовь была поэзія высокая, прекрасная, въ первообразной простотѣ; никто не зналъ, не подозрѣвалъ ее, да и сказать объ этомъ пану, все-равно, что закурить трубку на раскуморенномъ боченкѣ пороха. Панъ и казакъ — два полюса враждебные, —+ и —.

Правда, иногда посредствомъ препаратовъ нижняго земскаго суда, процесомъ, вовсе для насъ непонятнымъ, эти крайности соединяются и производятъ пресмѣнное чернильное существо, безъ цвѣта, вкуса и запаха, нѣчто въ родѣ карточнаго домика, пряничнаго конька или

суздальской живописи; существо, презирающее земледѣліе и непонимающее *благороднѣйшихъ* игръ бостона и виста, такъ близкихъ почти всякому дворянину. Андрей не терпѣлъ подобныхъ выскочекъ и любилъ Улясю безотчетно. Любовь со всѣми мученіями ему нравилась; бросившись въ водоворотъ ея, онъ не могъ изъ него выбиться; страсть Улясы имъ, кружила, подняла высоко и бросила, какъ однажды вихрь шапку чумака на лубенской ярмаркѣ. «Бѣдная шапка», всѣ думали, «она полетитъ за облака»; вихрь прошелъ, смотреть: шумитъ шапка на землю и прямо въ лужу...

Бывали минуты, Андрею казалось, что его замѣчаютъ, на него смотрять привѣтно, ласково—и подъ грубою свиткой нѣжно трепетало сердце бѣдняка; душа его утопала въ чистыхъ, безмятежныхъ восторгахъ; надежда навѣвала на него что-то непонятно-пріятное; разсудокъ закрывалъ глаза. Андрей, какъ говорится, находился *въ упоеніи*. И въ такомъ-то забытій онъ былъ послѣ экоссеза.

Экая скрипка у буфетчика! такъ и заливаается, будто словами выговариваетъ: «*mein lieber Augusten*»; другая тоже славно вторить за нею. У стараго нѣмца-садовника графа Z запрыгало ретивое; онъ громко билъ такту, и еслибъ тогда не докуривалъ своей трубки, то я навѣрное знаю, пустился бы кружиться, задыхаясь и ворча подъ носъ: *ein, zwei, drei!*...

Пфу! згинь нечистое племя! Опять этотъ канцеляристъ съ сердоликовой печаткой! Ухмыляясь, какъ дуракъ передъ широгомъ, подходитъ онъ къ панвочкѣ, беретъ ее въ охапку—и пошелъ вертѣть! Повѣрите ли вы этому? Душить въ объятяхъ да и только! И какъ Оома Омичъ ири своихъ глазахъ позволяетъ такъ помыкать дочерью?!

«О, вражій сынъ!» закричалъ Андрей въ себя отъ досады. «Черти бы тебя опановали!»

Это восклицаніе достигло слуха отца Уляси, сидѣвшаго недалеко отъ окна.

— Кто тамъ шумить? спросилъ онъ.

Любопытные брызнули въ стороны. Андрей одинъ остался на мѣстѣ; глаза его впились въ окошко; онъ былъ въ совершенномъ забытіи.

— Да это казакъ Андрей! Зачѣмъ ты сюда, какъ баранъ, смотришь? сказалъ Оома Оомичъ.

«Сто тысячъ десятковъ бочекъ чертей тебѣ, бездѣльнику», ворчалъ Андрей, не видя моего двоюроднаго дѣдушки и не слыша словъ его.

Представьте себя на мѣстѣ Оомы Оомича и вы повѣрите, что онъ разсердился.

— Гей! хлопцы! зачѣмъ всякая дрянь лѣзетъ передъ мои окна? Чего вы смотрите? Вонъ съ двора этого пьяницу Андрея!

Рѣзкій голосъ пана разбудилъ Андрея — и сердце бѣдняка судорожно сжалось; холодный потъ выступилъ по тѣлу; свѣтъ закружился, заплясалъ въ глазахъ его. Съ хохотомъ бросилась на несчастнаго голодная челядь пана и, осыпая его толчками и насмѣшками, повлекла со двора.

Пусть бы въ другое время кто изъ нихъ осмѣлился тронуть казака Андрея: худая вышла бы расправа; а теперь онъ шелъ машинально, какъ животное, не понимая, что съ нимъ дѣлаютъ; вся жизнь его, казалось, перешла въ глаза, устремленные на домъ Оомы Оомича; тамъ еще раздавался вальсъ, старій нѣмецъ билъ такту, въ окнѣ мелькала Уляся въ объятіяхъ канцеляриста.

А какъ страшно посмотрѣла на Андрея вся природа!

нанскій домъ хохоталъ, какъ старый драгунъ, переваливаясь съ боку на бокъ; садъ значительно улыбался; рѣвка злобно скалила зубы; даже кривобокая голубятня, и та строила гримасы... а люди!... они торжествовали. Но какъ страшны были они: лица ихъ вытянулись, глаза потемнѣли, уста неистово искривились, раскрылись груди; тамъ было черно-черно, тамъ кипѣлъ цѣлый адъ крови; они насмѣшливо мигаютъ на Андрея; они приближаются къ нему; они холодными перстами трогаютъ его сердце... И бѣднякъ упалъ замертво подлѣ воротъ моего двоюроднаго дѣдушки.

Слова *вынать Андрея* загремѣли въ ухахъ бѣдняка; какъ проклятіе судьбы ему показался этотъ голось выходящимъ изъ безпредѣльной пропасти, разделяющей его съ Улясею. И какъ послѣ этого любить Андрея? Несчастный разлюбилъ его — собственное свое имя.

Скоро въ С* отъ войта до послѣдняго мальчишки всѣ узнали, что Андрей боленъ странною болѣзнью: онъ представлялъ себя въ двухъ лицахъ, разговаривалъ съ кѣмъ-то, называя его Андреемъ, и рассказывалъ, что онъ скоро бы женился, да Андрей помѣшалъ ему. Жалобамъ не было конца. Старухи поили его разными травами, подкуривали подметками, перьями и всякою шерстью, сбивали голову какими-то очень полезными обручами — все напрасно! Люди добрые, качая головами, говорили: «не трогайте его, такъ ему Богъ далъ». И всѣ вообще потолковали, да и перестали, и Андрей дурачокъ сдѣлался такъ же обыкновеннымъ въ селѣ, какъ прежній Андрей-гуляка.

Тутъ мой пріятель замолчалъ.

— А Оома Оомичъ? спросилъ я.

— Онъ пилъ, ѣлъ, принималъ гостей, рассказывалъ свою родословную и спокойно умеръ.

— А что сдѣлалось съ Улясею?

— Она вышла замужъ и — сдѣлалась дамой.

1836 г.

II.

СТРАШНЫЙ ЗВѢРЬ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ.

Въ давнія времена, когда люди были добрѣе, земля плодороднѣе и по бѣлу свѣту много таскалось колдуновъ, оборотней, вѣдьмъ, упырей и всякой болотной и лѣсной сволочи; въ тѣ времена, въ сторонѣ казачьей, въ Мало-россиіи, на берегу Удая широкаго, жилъ казакъ богатый, *Иванъ добрый человекъ*. Многочисленные стада его паслись на зеленыхъ лугахъ прибережныхъ; ежегодно нивы его волновались богатыми жатвами и обширный садъ отягчался плодами.

Не два явора развѣсистые шумятъ возлѣ дуба столѣтняго — два сына-казака растутъ у *Ивана добраго человека*; не зеленая вѣтка хмѣля вѣется вокругъ пня дубоваго — молодая дочь лелѣетъ старость Ивана.

Добрый человекъ жилъ спокойно и счастливо. Но долго ли до бѣды? Въ обширный садъ его, говорятъ, по навѣту какой-то злой вѣдьмы, а, можетъ-быть, и по собственному произволу, началъ учашать незванный гость — вепрь, величины неимовѣрной; онъ дѣлалъ страшныя опустошенія, подрывая деревья плодовые. И хозяинъ

сада и сосѣди его издали обходили мѣсто недоброе и, крестясь, творили молитву ангелу-хранителю.

Иванъ призадумался и говоритъ сынамъ своимъ:

— Кто изъ васъ убьетъ звѣря дикаго, разоряющаго достатокъ нашъ, тотъ получитъ половину богатства моего.

Страшенъ былъ вепрь: много обѣщали за его голову. Корысть превозмогла страхъ, и старшій братъ, сопровождаемый родительскимъ благословеніемъ, отправился караулить опустошителя,

Тихъ былъ вечеръ, когда пришелъ старшій въ садъ заколдованный, и расположился подъ вѣтвистою яблонею. Онъ легъ на траву мягкую, душистую и разложилъ вокругъ себя оружіе разное. Тихо шептали ему листочки древесные что-то невѣдомое, но пріятное; вѣжди его смежились. Еще онъ слышитъ перекаты соловья чудесные, но то уже была не пѣсня соловьиная; ему кто-то поетъ на ухо: «спи, добрый человѣкъ; сладко спать ночью на мягкой постели». Старшій потянулся, зѣвнуль, раскинуль руки могучія, и захрапѣлъ сномъ богатырскимъ.

Ночь прошла, день насталъ и солнышко, выбѣжавъ на гору, разлило веселый свѣтъ свой на все твореніе Божіе. Медленно вышелъ старшій братъ изъ сада отцовскаго, огорченный неудачею. На лицѣ его была написана печаль и негодованіе: онъ проспалъ приходъ врага своего.

На другой вечеръ пришла очередь меньшому.

— Не ходи, сказалъ отецъ ему: — ты молодъ еще, не укрѣпились силы твои и опасна будетъ тебѣ борьба съ звѣремъ страшнымъ.

— Что Богъ дастъ, то и будетъ, отвѣчалъ меньшой, взявъ шапку, перекрестился и вышелъ.

«Братъ мой хитеръ и отваженъ» подумалъ стар-

шій: «онъ не проспигь вепря, изловить его и полу-
чить половину богатства отцовскаго. Чтò я буду передъ
нимъ? — бѣднякъ! — я, братъ старшій!... Какъ зазнается
этотъ мальчикъ! Онъ былъ въ колыбели, я трудился
уже. И за чтò онъ пожнетъ плоды трудовъ моихъ?...
Пойду, подожду его на дорогѣ, въ кустахъ калиновыхъ:
когда онъ будетъ возвращаться съ побѣдою къ отцу, я
уговорю его общаніями лестными — и онъ отдастъ
мнѣ добычу свою; въ противномъ случаѣ, у меня есть
острый топоръ, котораго не разъ трепетали дубы дуб-
ровные и, падая съ холмовъ, омывали вѣтви свои въ
струяхъ Удая быстротечнаго». И вотъ заблестало въ ру-
кахъ его желѣзо убійственное, и ветхая дверь хижины,
съ воплемъ жалостнымъ пропустила брата на дѣло па-
губное, на дѣло, доселѣ неслыханное въ Украинѣ — на
братоубійство! Вся природа содрогнулась; полуночный
вѣтеръ зашумѣлъ на *проклятой* осинѣ; стая вороновъ
спорнула съ ближнихъ деревьевъ и, злобно каркая, взви-
лась на воздухъ; луна покрылась цвѣтомъ кровавымъ.

Меньшой не бралъ съ собою, подобно брату старше-
му, вооруженія разнаго; у него не было ни пищали, ни
сабли увѣсистой, ни кинжала заговореннаго. Твердая
вѣра въ Провидѣніе, мужество и проворство казацкое
да петля арканная — вотъ было его оружіе. Наломавши
связку терновника колючаго, онъ постлалъ себѣ постель
подъ яблонею развѣсистою. Сладко шептали листья въ
саду очарованномъ; соловей запѣлъ попрежнему — и
меньшого одолѣла дремота тяжелая. Но чуть онъ скло-
нялся на постель молодецкую — иглы острия, терновыя
выводили его изъ усыпленія: вздрагивая, онъ напрягалъ
ухо чуткое, прислушивался, не идетъ ли звѣрь-чудови-
ще. И скоро гость ожидаемый запрыгалъ въ силкѣ, ис-

кусно разставленномъ; застоналъ, заметался. Не беретъ сила звѣриная; пустился на хитрости: началъ мѣняться въ разные образы: то, дѣвушкою чернобровою, предлагалъ свои прелести; то, нѣмцомъ-искусникомъ, на ножкахъ тоненькихъ, показывалъ часы съ курантами, и стѣнные спички самопалительныя, и всякія диковинки заморскія; то, жидомъ-арендаторомъ, рассыпалъ золото свѣтлое и камни самоцвѣтные.—не помогли лукавому ни сила, ни хитрости. Казакъ-простой-человѣкъ, не прельстился наважденіями богомерзкими, убилъ звѣря-опустошителя и, съ сердцемъ, полнымъ восхищенія, снѣшилъ обрадовать отца побѣдою. Уже видѣлись вдали бѣлыя стѣны хаты отцовской, озаряемая луною серебристою, и силы побѣдителя удвоились; перелетный вѣтерокъ навѣвалъ ему благоуханіе съ ближнихъ кустовъ цвѣтущей калины.

Часто бываетъ змѣя ядовитая подъ голубымъ барвинкомъ и зеленою рудою. Въ душистыхъ кустахъ крылась смерть храбраго.

Шума приняли побѣдителя вѣтви зеленыя въ свои объятія; онъ утонулъ въ кустахъ калиновыхъ.

Жалостно что-то застонало въ тѣнистой зелени и по небу чистому покатилаь звѣздочка ясная; стонъ затихъ, и звѣздочка свѣтлыми искрами рассыпалась въ синемъ воздухѣ.

Тутъ зашевелились кусты цвѣтущіе, раздвинулись вѣтви зеленыя: озираясь, вышелъ изъ нихъ старшій, неся на плечахъ вепря-чудовище; руки его были въ крови; широко шагалъ онъ; искры прыгали въ глазахъ его, змѣи ползали подъ ногами; кто-то дергалъ его за полы и шапка не держалась на головѣ. Онъ убилъ брата своего.

Страшная ночь прошла, уступая мѣсто ясному утру,

и вскорѣ веселое солнышко, выкупавшись въ синемъ морѣ, выплыло изъ дальнихъ степей востока. Въ хатѣ Ивана раздавались веселые клики пиროванья; сосѣди сходились глазѣть на звѣря чуждаго, и кубки варенухи душистыя переходили изъ рукъ въ руки любопытныхъ.

— Что же я не вижу сына младшаго моего? сказала *Иванъ добрый человекъ*, разглаживая усы.— Или онъ не радуется побѣдѣ брата своего? или неудача огорчила юное сердце его, и онъ стыдится придти на глаза мри?

Ты не увидишь его болѣе, старецъ сѣдовласый, ты не прижмешь къ груди своей сына возлюбленнаго! Тамъ, на лугу, зарытъ убійцею трупъ его, неотпѣтый, неоплаканный!

Прошелъ день, другой и третій, прошла недѣля, за нею другая, а меньшаго и слыху не было. Горько рыдалъ безутѣшный отецъ о потерѣ его, рвалъ сѣдины и ломалъ руки изсохшія.

— Кто, говорилъ онъ: — будетъ подпорою моею старости? Старшій сынъ мой, получивъ богатство, забылъ меня, и я остался одинъ съ дочерью слабою! Кто нагрузитъ возъ мой снопами тяжелыми? кто впряжетъ въ него воловъ круторогихъ и привезетъ на гумно мои богатые дары Всевышняго? кто зимою холодною, когда зашумятъ мятели по полямъ и лѣсамъ обнаженнымъ, согрѣетъ старика беззащитнаго? чей топоръ трудолюбивый застучитъ въ роцѣ ближней и чья рука пощепительная разложитъ огонь въ хатѣ моей?

— Развѣ я не осталась у тебя? прервала дочь его.

— Старикъ покачалъ головою; она бросилась въ его объятія.

Дочь *Ивана добраго человека* печалилась о братѣ, и дни молодости стали ей невеселы. Приблизился день

Купала; запылали костры горячіе; поселяне украшали головы свои вѣнками и, при пѣсняхъ согласныхъ, простоты и невинности, прыгали черезъ пламя розовое. Одна она не участвовала въ общей радости; юное чело ея не покрывалось рудою вѣчнозеленѣющею, ни гвоздичками золотистыми, ни васильками лиловыми. Настали обжинки, и колосья ржи, переплетенные съ красною калиною; появились на головахъ молодыхъ дѣвушекъ; оно одна не надѣла вѣнка въ день общей радости: печаль о братѣ тяготила сердце ея.

Такъ прошло лѣто. Подкралась осень съ длинными вечерами. Въ полѣ чисто; щебетливая ласточка спряталась до весны въ колодець, и вскорѣ снѣгъ укуталъ спящую землю бѣлымъ покрываломъ. Молодежь собиралась на вечерницы и досвѣтки; далеко звучали пѣсни ихъ и хохотъ слышенъ былъ черезъ улицу. Подъ шумъ веретена и веселыхъ прибаутокъ нечувствительно пролетѣла зима. Счастливицы! не такъ тянулась она для дочери *Ивана добраго челоуѣка*; сердце ея замерло для радости; она не выбрала себѣ друга, не видѣла вечерницъ и досвѣтковъ; а люди? люди называли ее гордою!..

И вотъ повѣялъ весенній вѣтеръ; снѣгъ исчезъ. Весело зажурчали ручейки, и дикіе гуси, съ крикомъ радостнымъ, длинными вереницами понеслись съ юга на сѣверъ. Вотъ и деревья зазеленѣли. Прибережныя взгорья Удая покрылись травою какъ бархатомъ. Насталъ часъ трудолюбія; клики пахаря раздавались на поляхъ; пастухи погнали овецъ на паству сочную. Все ожило, и могила брата невиннаго, никѣмъ незнаемая, приосѣнилась толстымъ стеблемъ *болшолова* (*). Пастухъ сръ-

(*) Вѣтвистое однолѣтнее растеніе.

залъ его и сдѣлалъ свирѣль; приложилъ ее къ устамъ своимъ и чудо-свирѣль играетъ пѣсню печальную, доселѣ имъ неслыханную:

По малу малу овчарю грай,
Не врази мого серденька вкрай.
Мене братъ убывъ, на лугу зарывъ,
За того вепря, що въ саду рывъ.

Онъ удивляется, надуваетъ ее въ другой разъ, и опять повторяется та же пѣсня заунывная. Цѣлый день игралъ пастухъ на свирѣли, и къ вечеру тихо потянулся со стадомъ въ деревню.

Былъ прекрасный весенній вечеръ. Легкій сумракъ распространялся въ воздухъ; тонкій туманъ, какъ дума грустная, подернулъ покойныя зыби Удая; ароматный воздухъ дышалъ нѣгою. Пригорюнясь, сидѣла дочь Ивана подъ хатою.

— Не крушися, дитя мое! говорилъ ей *добрый чело­вѣкъ*: — послушай, какъ поютъ *веснянку* (*) твои подруги! Какое у нихъ веселіе! а ты все плачешь о братѣ. Гдѣ онъ — Богъ знаетъ! Вотъ сегодня ровно годъ, какъ о немъ слуху нѣтъ...

— Слушай!... сказала она, схвативъ отца за руку.

Въ это время пастухъ проходилъ мимо нихъ и свирѣлка пѣла жалобно страшную повѣсть братоубійства. Старикъ ужаснулся. Давно сердце его не лежало къ старшему сыну; онъ что-то подозревалъ въ немъ недоброе, и теперь подозрѣніе осуществлялось. Старикъ подзываетъ пастуха, и предлагаетъ ему продать свирѣль. Пастухъ пожелалъ за нее овцу бѣлорунную. Сказано —

(*) Веснянки — пѣсни, посвященныя собственно весеннему времени.

сдѣлано, и свирѣль осталась въ рукахъ *Ивана добраго челоутка*.

— Сегодня праздникъ, сказалъ Иванъ, входя въ жилище сына старшаго: — пойдѣмъ въ домъ мой и раздѣлимъ, что Богъ послалъ намъ.

И вотъ они въ хатѣ старика. *Иванъ добрый челоуткъ* вынулъ изъ-за образовъ свирѣль таинственную и подалъ сыну, говоря:

— Поиграй на ней.

Чуть свирѣль коснулась къ устами старшаго, какъ заиграла печальнѣе прежняго:

По малу малу братику грай,
Не врази мого серденька вкрай.
Ты жь мене убывъ, на лугу зарывъ,
За того веоря, що въ саду рывъ.

Крупный потъ покатился съ чела преступника, судорожно сжалось лицо его, но слезы не лились изъ глазъ братоубійцы. Онъ лежалъ у ногъ отца своего.

— Прости меня, о, родитель мой! и прекрати жизнь, давно для меня тягостную, простоналъ онъ. — Я недостойнъ смотрѣть на свѣтъ Божій: алчба къ золоту подавила во мнѣ любовь родственную; я убилъ невиннаго брата и кровь его взываетъ ко мнѣ!

— Сокройся отъ очей моихъ! сказалъ *Иванъ добрый челоуткъ*: — Да будетъ Богъ судья тебѣ, а укоры совѣсти — наказаніемъ.

И старшій скрылся изъ дома отцовскаго.

Долго бродилъ онъ по лѣсамъ и пустынямъ и влачилъ жизнь, очерненную пагубнымъ злодѣяніемъ; взоры его были дики и на лицѣ видѣлась печать отверженія; совѣсть терзала душу его, внутренній жаръ пожиралъ

преступное сердце; тщетно хотѣлъ онъ погасить его, съ жадностью впивая въ себя дыханіе вѣтровъ холодныхъ: окровавленная тѣнь брата вездѣ представлялась испуганнымъ глазамъ преступника, и въ завываніяхъ бури, и въ шопотѣ листьевъ отзывалась заунывная пѣснь свирѣли. Когда рокоталъ на небѣ громъ и молнія раздирала черныя тучи, напрасно онъ призывалъ смерть: и громы и молніи не касались его, наказывая жизнью лютѣйшею смерти. Нескоро Всевышній послалъ ему конецъ желанный. Душу братоубійцы съ хохотомъ радостнымъ принялъ адъ въ свои нѣдра, а тѣло его сдѣлалось пищею вороновъ и волковъ хищныхъ.

1836 г.

III.

ТЕЛЕПЕНЬ.

БЫЛЬ.

I.

Аванасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ.

Н. Гоголь.

Давно уже умерла жена отставнато есаула Крутолоба, но онъ до-сихъ-поръ еще скучаетъ о ней; со дня смерти ея, улыбка слетѣла съ устъ есаула; онъ сдѣлался грустенъ, задумчивъ, хотя прежняя доброта его еще удвоилась. Когда онъ слышалъ про доброе дѣло или дѣлалъ какое добро, то, вмѣсто прежней улыбки, глаза его таяли въ слезахъ удовольствія, и старикъ медленно отворачивался въ сторону.

На берегу Перевода потонулъ въ садахъ скромный хуторъ Крутолба. По хутору тянется глубокая дорога, окопанная рвами, изъ которыхъ выростая, роскошные кусты бузины и калины осѣняютъ ее широкими темно-зелеными вѣтвями, увѣшанными коралловыми и сизыми гроздями плодовъ. Въ прорѣдъ кустовъ мелькаютъ богатые огороды, краснѣетъ макъ, желтѣютъ подсолнечники, бѣлѣютъ стѣны хатъ и золотится стогъ ячменя. Направо съ дороги стоятъ растворчатые ворота съ соломеннымъ навѣсомъ и скамеечкою. Это ворота на дворъ есаула. Тамъ виднѣтъ его маленькій домъ съ выкрашенными ставнями и остроконечными дверьми; по обѣимъ сторонамъ двора стоятъ кладовыя и амбары; передъ окнами дома шумитъ грушевое дерево.

Часто любилъ есаулъ сидѣть за воротами на скамеечкѣ и думать, опершись на толстую кленовую палку. А между тѣмъ солнце садилось ниже и ниже, золотя кудрявые сады и зажигая облака пыли, которую прихотливо поднимаютъ по дорогѣ стада бѣгущія на ночлегъ. Поселяне, возвращаясь съ поля, почтительно снимали передъ есауломъ шапки. И небо и земля постепенно темнѣли. На рѣкѣ кахкала утка; гдѣ-то за селомъ звучала свирѣль; далеко въ полѣ стучала ѣхавшая повозка; но и эти звуки замирали, и Крутолобъ медленно возвращался домой; тамъ уже стоялъ ужинъ и ждала его Галя.

Галя была единственная дочь есаула; для нея онъ жилъ, за нея боялся и радовался; она была существо, привязывавшее его къ этой жизни. Ей едва минуло пятнадцать лѣтъ. Скромная, тихая, робкая, еще несогрѣтая огнемъ желаній, неоживленная страстями этою мучительно-прекрасною жизнью, она была взрослое дитя, не оконченное, но прелестное созданіе природы. Хорун-

жій Шлапакъ сравнивалъ ее съ горлицею. И точно, какъ робкая горлица Галя росла въ домѣ отца своего; тѣнистый садъ былъ ея любимымъ убѣжищемъ, пѣсни — лучшею забавою. Бывало, какъ запоетъ она своимъ звонкимъ голосомъ *Могилу* или *Чайку* или *Гоминъ по дуброви* — задумается Крутолобъ, задумается крѣпко; крупныя слезы, сверкая черезъ длинныя, сѣдые усы, покатыя въ чарку; онъ броситъ ее, соблазнительницу; прижметъ Галю къ груди своей, и долго-долго цалуетъ ее, и во весь тотъ день не пьетъ ничего, даже стосильнику, хотя многіе рекомендуютъ его, какъ вѣрное лекарство въ горести.

Не любилъ Крутолобъ шумныхъ бесѣдъ. Прошла пора, когда онъ, полный огня и жизни, упивался вихремъ войны и разгульно, бѣшено пировалъ съ пріятелями. Ему теперь какъ-будто снились темныя ночи, когда, завернувшись въ косматую бурку, онъ сторожилъ и мракъ и шелестъ дикой травы. Кругомъ тянется широкая тѣнь степи; по ней ползетъ крымецъ; фыркаетъ чуткій конь и прядетъ ушами, а частый осенній дождикъ шумитъ и обдаетъ холодомъ до костей. Какъ звѣздочка, дрожитъ въ дальнемъ горизонтѣ огонѣкъ. Тамъ красныя жушаны, тамъ казацкія шапки, тамъ льется медъ и водка, брякаютъ сабли, гремятъ пѣсни; тамъ жидъ играетъ на цимбалахъ, прыгаютъ и звенятъ стальные струны, пляшетъ цыганка: по поясъ черныя косы; лицо горитъ, очи дерзко сверкаютъ; въ рукахъ кубокъ, на устахъ вольныя рѣчи... и шумъ и свистъ и хохотъ... Все улетѣло съ лѣтами! холодные свидѣтели разгульной жизни: сабля и винтовка, безмолвно висятъ на стѣнѣ; на нихъ вьется паутина. Много товарищей не досчитывалъ есаулъ: иные замучены въ Варшавѣ, другихъ засыпалъ знойный пе-

сокъ Малой Азіи, кто не вернулся изъ молдавскихъ виноградниковъ, кто остался въ Черномъ морѣ... Грустное воспоминаніе! тутъ не пойдуть на душу веселья пѣсни.

Любилъ старикъ-есаулъ своего сосѣда, стараго сотника Подопригору. Часто они просиживали вмѣстѣ длинныя вечера, вспоминая бывшее. Бывало, Подопригора пріѣдетъ съ утра въ гости къ Крутолобу, и чуть станеть смеркаться, то уже собирается домой: велитъ привести къ крыльцу своего коня, застегнетъ кунтушъ, возьметъ въ руки и шапку и нагайку. Тогда есаулъ заводитъ стороною рѣчь про старые походы: сотникъ садится, закуриваетъ трубку, кладетъ нагайку и шапку на столъ — и забываетъ свое намѣреніе. Тихо тянулась ихъ бесѣда; лѣтнвою струйкою наливался медъ въ золоченыя чарки и серебристая пѣна жемчужилась по краямъ ихъ; тонкою, едва замѣтною змѣйкою вился дымъ отъ трубокъ. Все спало; давно уже перекликнулись первые пѣтухи, и нагорѣвшая свѣчка слабо свѣтила въ комнатѣ, когда сотникъ, распростясь съ есауломъ, уѣзжалъ домой. Впрочемъ, и Шлапака любилъ Крутолобъ, любилъ и другихъ сосѣдей, но не такъ, какъ Подопригору.

Съ незапамятныхъ временъ началась ихъ дружба. Еще при покойницѣ-женѣ Крутолоба, уже вдовецъ, Подопригора часто посѣщалъ его съ маленькимъ сыномъ Петромъ; и Пётро и Галя, рѣзвыя дѣти, весело бѣгали по саду, играли, шумѣли и свыклись какъ братъ съ сестрою. Теперь уже Галя выросла; она краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, когда говорили о Петрѣ. Со дня на день ожидали красиваго, молодаго казака Петра, чтобъ праздновать его свадьбу съ Галею. Это была воля ихъ родителей. И Пётро и Галя, какъ послушныя дѣти, и не думали этому противиться.

II.

Отъ и встереглись!

Малоросс. поговорка.

— Нѣтъ, я позову весь лубенскій и прилуцкій полкъ, соберу всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Хоть полсвѣта приходи, у меня достанетъ хлѣба и вареной: пусть гуляють, да помнятъ, когда старикъ Подопригора женилъ сына!

— Оно такъ; но къ чему это? отвѣчалъ Крутолобъ. — Богачи будутъ пить, ѣсть, да тебя еще обругаютъ. Не лучше ли позвать нищихъ, раздать милостыню?

— Это само-собою; я ихъ соберу, пожалуй, цѣлую сотню, только съ условіемъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не строилъ кислой рожи и не пѣлъ про Лазаря, потому-что у меня будетъ свадьба, а не — сохрани насъ, Боже! — похороны. Я хочу въ волю повеселиться съ добрыми людьми; найму пирятинскую музыку съ барабанами, съ тарелками...

— Ты все еще молодъ!

— Помолодѣешь отъ радости, когда женишь сына-молодца на такой девчонкѣ, какъ Галя! Да ты что такъ невеселъ? Развѣ тебя не радуетъ свадьба дочери?

— Мнѣ что-то грустно; какъ-будто сердце чувствуетъ недоброе.

— Пустое, братъ! Мы проговорили за полночь, тебѣ видно, спать хочется. А все виновать мой Петро. Всѣ казаки вернулись домой, его задержали въ Прилукахъ и врядъ ли онъ сегодня будетъ... Ночь темная, ни зги не видать... Ба! слышишь ли топотъ? это онъ! вѣрно онъ. И сотникъ взглянулъ въ окно.

Въ окнѣ рисовалась страшная рожа, въ другомъ еще страшнѣе... Не успѣли пріятеля обмѣняться взглядами, какъ быстро отворилась дверь и грозно вошелъ въ комнату дюжій мужчина, въ богатомъ полукафтаньи.

— Ни съ мѣста! сказалъ онъ, вынимая изъ-за пояса длинный пистолеть: — я Телепень.

И сотникъ и есаулъ, какъ окаменѣлые, остались на своихъ мѣстахъ.

Между-тѣмъ другой разбойникъ, вооруженный съ ногъ до головы, сталъ въ дверяхъ, обнажилъ широкій ножъ и, какъ бы играя, началъ пробовать пальцемъ его лезвіе.

— Что же вы молчите, господа? сказалъ Телепень: — и не просите меня подкрѣпить силы съ дороги? Впрочемъ, я васъ не стану беспокоить, я и самъ похозяйничаю.

Онъ подошелъ къ столу, налилъ стаканъ настойки и съ жадностью осушилъ его.

— Вамъ нельзя уйти, продолжалъ разбойникъ: — всѣ тропинки возлѣ вашего хутора заняты, люди на хуторѣ перевязаны, а все-таки лучше и васъ связать. А ну-ко, Грицко! Кто покажетъ сопротивленіе, тому въ подарокъ эта пуля. И онъ навелъ дуло пистолета на испуганныхъ стариковъ. Грицко въ двѣ минуты скрутилъ имъ руки.

— Теперь пусть хлопцы пошарятъ хорошенько: всякое добро забирать; бабъ не трогать; найдете жида — прямо на осину; дѣвушекъ искать пуше золота! сказалъ Телепень выходящему Грицку, и долгимъ, сладострастнымъ поцалуемъ впился въ любезную бутылъ. Настойка, кружась и плескаясь о бока широкой бутылки, быстро уплывала въ ненасытное горло разбойника.

Невыразимо-грустно смотрѣлъ есаулъ на боковую дверь, ведущую въ свѣтлицу Гали. Приказъ, искать

дѣвушекъ пуще золота, напомнилъ ему о дочери. Сердце отца перестало биться. Онъ спокойно слушалъ, какъ буйная толпа разбивала его кладовыя, какъ предковское серебро звенѣло въ рукахъ грабителей; онъ дрожалъ объ одной дочери и отъ глубины души читалъ канонъ Дѣвъ-Заступницъ.

Между-тѣмъ Телепень окончилъ огромную бутылъ и бросилъ ее въ уголь. Взоры его повеселѣли; онъ, покручивая усы, оборотился къ плѣнникамъ:

— Что вы, вельможные паны, вдругъ присмирѣли? Давно ли, подумаешь, вы щебетали, какъ дрозды! Вѣрно теперь мнѣ приходится пѣть. Онъ брякнулъ своими костистыми руками по столу, встряхнулъ головою и запѣлъ:

Онъ бувъ соби Халемины,
Та взявъ жинку Любку!
Ой гоць го-по-по,
Гой деръ-деръ-деръ-го-цо-цо.
Та взявъ жинку Любку!

Женскій вопль раздался въ сосѣдней комнатѣ... Сердце Крутолобова облилось кровью... Два разбойника внесли полураздѣтую Галю; вилось, билось, трепетало бѣдное дитя въ рукахъ ихъ.

— Славная добыча! заревѣлъ атаманъ, дерзко лаская дрожавшую дѣвочку. — Спасибо, хлопцы! У насъ много золота, а такой дѣвушки я и не видывалъ; она будетъ красою нашего городка.

— Пощади! простоналъ Крутолобъ удушающимъ голосомъ, и повалился въ ноги Телепню.

— Чего ты валяешься, сѣдая голова?

— Пощади дочь мою! Она одно утѣшеніе моеи старости, она еще такъ молода!...

— Она будетъ моею женою—да женою. Понимаешь ли, честь, какую я тебѣ дѣлаю? И, страшно вымолвивъ, онъ обнялъ Галю. Это былъ степной жаворонокъ въ когтяхъ ястреба.

— Проклятіе на голову твою, разбойникъ! произнесъ торжественно Крутолобъ: — ты опозоришь мое семейство, но слезы отца найдутъ мѣсто на небѣ!...

Темнѣе ночи сдѣлалось лицо Телепня; рѣзкія морщины сдвинулись на лбу его въ мрачное облако; изъ-подъ густыхъ бровей, какъ молніи, злобно сверкали глаза; рука его судорожно сжала рукоять кинжала. Отъ разбойника вѣяло смертью, но онъ взглянулъ на Галю— и морщины сбѣжали съ чела.

— Дурень, дурень! сказалъ онъ, качая головою. — Дерзки твои рѣчи! Никто доселѣ не смѣлъ безнаказанно говорить ихъ предо мною; но ты отецъ Гали, и я тебя прощаю. Все ли готово, Грицко?

— Все.

— Итакъ, въ походъ!

Онъ взялъ рыдавшую дѣвушку и вынесъ ее изъ свѣтлицы.

— Прощай, моя голубка! прошепталъ Крутолобъ, и, убитый душевными муками, тихо склонился на грудь сотника.

Недолго клики разбойниковъ раздавались на хуторѣ; все глуше и глуше топотѣли кони, все тише и тише стучали повозки; и вотъ все утонуло въ море мрака и безмолвія, все исчезло для слуха, какъ исчезаетъ для зрѣнія перелетная стая утокъ, сливаясь вдали съ горизонтомъ. Въ хуторѣ Крутолоба постарому прокричалъ пѣтухъ полночь, постарому въ теплое уголку зашѣлъ сверчокъ свою однообразную арію.

III.

...Висятъ полунагіе своды,
И дряхлая стоитъ еще стѣна;
Она въ рубцахъ: ее изсѣкли годы
И вывели узоромъ письма.
Прочли ль вы ихъ? Здѣсь лѣтопись природы
На зодчествѣ людей продолжена.

В. Бенедиктовъ.

Кто не знаетъ, кто не читалъ о славѣ древняго Переяславля? Тамъ наши предки *переняли* славу, тамъ пировалъ, послѣ знаменитыхъ побѣдъ, не одинъ владѣтельный князь русскій; туда сосѣдніе данники привозили золото, серебро, и камни самоцвѣтные, и ткани узорчатые, и вина греческія и всякія хитрости заморскія. Славенъ былъ Переяславль! А теперь суровые вѣка, пролетая надъ нимъ, горько осуществили Сатурна, поѣдающаго дѣтей своихъ... Гдѣ вы, сильные земли? гдѣ ваша гордость, ваше богатство?

На мѣстѣ шумнаго Переяславля вы увидите кучу домиковъ, разбросанныхъ по берегу Трубежа и Альты. Трубежь едва струитъ свои лѣнвивыя воды между айромъ и осокою; Альта высыхаетъ въ лѣтніе жары. На этой площади, гдѣ не разъ совершался великолѣпный выѣздъ пышнаго князя, оборванный еврей мѣняетъ доврѣчивымъ украинцамъ обрѣзанные червонцы. Рука времени почти сравняла валы крѣпости; здѣсь и тамъ вросли въ землю большія, чугуныя пушки; стада козъ бродятъ по развалинамъ. Весь городъ похожъ на огромное кладбище: иногда дожди размоютъ бокъ горы и изъ обвала глядятъ на васъ желтые черецы вашихъ собратьевъ. Кругомъ города, какъ волны, тѣсняются могилы;

онѣ давятъ одна другую, будто хотятъ ринуться и засыпать его — это обломки декораций печальной драмы, разыгранной вѣками, нѣмыя, но выразительныя! Гордый временщикъ, если тебѣ доступно какое-либо чувство, посмотри на Переяславль!... Но вы, можетъ-быть, болѣе любите водевили, нежели трагедіи. Я и самъ согласенъ съ вами, что:

Водевиль есть вещь, а прочее все гиль!

и не люблю ничего грустнаго, ничего таинственнаго: не люблю точекъ, напечатанныхъ стихами, сочиненій Экартегаузена, лекцій недоученаго профессора... это, говорятъ докторъ, даже вредитъ пищеваренію. Итакъ, не угодно ли вамъ будетъ прогуляться? Путешествіе очень здорово. Поѣдемъ хоть въ Петербургъ, убѣжимъ изъ погребенной столицы въ живую, цвѣтущую, шумную... тамъ есть театры, играютъ *свѣтъ наизворотъ*, кокетничаетъ Невскій Проспектъ; тамъ есть кондиторскія, есть все, а здѣсь ничего. Поѣдемъ! поѣдемъ!

Кто въ часы досуга смотрѣлъ на географическую карту нашего отечества, тотъ вѣрно знаетъ, что Петербургъ лежитъ прямо на сѣверъ отъ Переяславля, и по этой причинѣ мы на тройкѣ тощихъ почтовыхъ лошадей выѣзжаемъ въ сѣверныя ворота; колокольчикъ плачетъ, ямщикъ бранится, кони едва вытягиваютъ ноги изъ глубокаго песка. Вамъ скучно? Потерпите, теперь вѣкъ сильныхъ ощущеній. Слава Богу! мы минули пески, выѣхали изъ лѣсу. Передъ нами разстилается прекрасная картина: вотъ цвѣтущія окрестности Яготина; вотъ дворецъ послѣдняго гетмана Малороссіи графа Разумовскаго; вотъ за рѣкою красивое селеніе Гре-

чаная-Гребля; тутъ длинная плотина, обсаженная вербами, перерѣзываетъ широкую рѣку. Переводъ; влѣво отъ дороги тянется дубовая роща, вправо гуляютъ глаза по чистой степи. «А это на степи что за насыпь?» спросите вы у ямщика. — Телепень. Стой! едва пріѣхали! Я радъ, очень радъ, что могу продолжать мою исторію. Угодно вамъ ѣхать далѣе? — Счастливыи путь; а я останусь рассказывать.

Въ то время, когда случилось происшествіе, которое я описываю, мѣсто этой гладкой степи занималъ дремучій лѣсъ; Гречаная-Гребля не существовала; не было ни Ганзеровщины, ни Лемешовки; не было и добрыхъ людей, которые тамъ живутъ теперь. Все лѣсъ да глушь, и въ той глуши свилъ себѣ гнѣздо разбойникъ Телепень. Часто рѣзкій свистокъ его шайки отзывался погребальною пѣснью въ ухахъ проѣзжихъ; часто бесполезныя мольбы и проклятія несчастныхъ оглашали берега Перевода: одно небо, робко проглядывая сквозь вѣтви столѣтнихъ дубовъ, было свидѣтелемъ ужасныхъ злодѣйствъ. Большая переяславская дорога опустѣла. Напрасно богатые купцы выпрашивали себѣ конвои— все бѣжало передъ Телепнемъ. Онъ усилилъ свою шайку до тысячи человекъ, хорошо-вооруженныхъ удалцовъ, окопался въ лѣсу крѣпкимъ валомъ, на валу поставилъ пушки и смѣялся угрозамъ пиратинскаго сотника. Даже о прилуцкомъ полковникѣ онъ говорилъ самыя дерзкія рѣчи.

Жидомъ, наномъ, монахомъ, казакомъ— словомъ, въ разныхъ образахъ скитался Телепень по Малороссіи и Украинѣ. Какъ воздухъ, онъ проникалъ всюду; его шайка, подобно облакамъ, гонимымъ вѣтромъ, налетала со всехъ сторонъ при малѣйшемъ сигналѣ предводителя—

и горе побѣжденнымъ! Людей мучили; серебро и золото увозили въ земляной городокъ, названный по имени предводителя: Телешнемъ. Въ этомъ городкѣ была заперта дочь Крутолоба, Галя.

IV.

Ватагамы ходыды хмары,
Межъ ными молодыкъ блулавъ,
Витры въ очеретахъ бурхалы
И Пселъ ревивъ и клокотаъ.

Гулакъ-Артемовскій.

Я радъ: останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра.

А. Пушкинъ.

Жаркій лѣтній день повечерѣлъ. Солнце утонуло въ облакахъ, и они, какъ бы торжествуя свою побѣду, росли, выше и выше гордо подымая головы, облитыя кровью умиравшаго свѣтила. Глухо простеналъ отдаленный громъ; вдалекѣ вспыхивала молнія. Воздухъ былъ душень, спокойенъ; ни одинъ листочекъ на осинѣ не шевелился.

«Будетъ воробьиная ночь», говорилъ поселянинъ женѣ своей, входя въ хату и жена, старалась скорѣе убаюкать ребенка, съ беспокойствомъ поглядывая на маленькое окошко и крестясь всякій разъ, когда зарница освѣщала лицо ея красноватымъ цвѣтомъ.

Не долго ждали гости. Дохнулъ свѣжій вѣтерокъ — и зашумѣла дубрава; облака понеслись быстрѣе; дождь крупными каплями застучалъ въ окна. И вотъ, взвивая до облаковъ легкую пыль, понесся духъ бури — вихорь-разрушитель: какъ робкія жены, завывли, замахали длин-

ными, косматыми вѣтвями бѣлыя березы, какъ человекъ, приналъ къ праху гибкій тростникъ, какъ мужъ, затрепалъ при корнѣ могучій дубъ. Громъ перекатывается надъ головою; молнія жгла небо... Великая природа! какъ ты прекрасна и въ торжественномъ покоѣ и въ разгарѣ страстей!

— Ай да погода! Вотъ что хвалю, то хвалю! говорилъ Телепень, пробираясь лѣсомъ впереди своей шайки. Теперь не одна баба отъ страха прячетъ голову въ подушки. Пей другую, Грицко!

Въ это время Грицко, наѣхавъ на пенъ, полетѣлъ съ лошади.

— И одною довольны, отвѣчалъ Грицко, садясь опять на лошадь. — Однако панъ-атаманъ, намъ пора бы отдохнуть; лошади измучились, словно щуки, хоть въ иголку продѣнь; да и хлопцы устали.

Тутъ сверкнула молнія, грянулъ громъ и, раскрошенный въ мелкія щепы, огромный кленъ запылалъ передъ шайкою.

— Шабашъ! крикнулъ атаманъ. — Такъ здѣсь почевать; кстати и огня разводить ненужно. Спасибо грому, есть на чемъ заварить кашу для ужина.

Атаманъ слѣзъ съ коня; разбойники засуетились вокругъ огня; сторожевые поѣхали въ стороны отъ табора.

Буря начала утихать; вдали отзывались раскаты грома все слабѣе и слабѣе; дождь пересталъ. Ярко пылалъ кленовый костеръ, на которомъ дымилась и кипѣла каша; вокругъ костра разбойники просушивали платье. Телепень сидѣлъ у самаго огня; волны свѣта обливали его съ ногъ до головы; его широкое лицо, отбѣненное длинными усами, казалось, пламѣнело. Кругомъ выказывались изъ тѣни: то голова лошади, то длинная, кудря-

вая вѣтъ дерева, то сѣдло, то чубъ разбойника; и когда огонь на кострѣ ослабѣвалъ, то все это мало-по-малу пряталось въ темноту и сливалось съ окрестнымъ мракомъ.

Атаманъ курилъ коротенькую трубку и задумчиво плевалъ на огонь. Въ это время тихо заржала въ таборѣ лошадь; въ отвѣтъ послышалось ржаніе въ лѣсу, потомъ шелестъ шаговъ, который болѣе и болѣе приближался къ табору. Телепень поднялъ брови; разбойники вскочили съ мѣсть. Но недолго продолжалось ихъ недоумѣніе, скоро явился предметъ ихъ страха: это былъ одинъ изъ караульныхъ; онъ велъ съ собою молодаго человѣка въ простомъ казачьемъ платьѣ, котораго онъ поймалъ въ лѣсу.

— Кто ты? спросилъ атаманъ плѣнника.

— Я казакъ безъ роду, племени и доли, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Зачѣмъ же ты ночью бродишь по лѣсу?

— Такъ, добродію; искалъ грибовъ, да и ночь настигла.

— Говори правду! не то... я не люблю шутить. Какой дуракъ ходитъ за грибами двадцать верстъ въ сторону отъ дороги, а особливо ночью? Тутъ что-то не такъ...

— Ей-богу такъ, добродію.

— Неправда! сказалъ Телепень, устремивъ на него испугующій взглядъ.

Незнакомецъ опустилъ глаза въ землю.

— Говори правду, продолжалъ строгимъ голосомъ Телепень: — когда не хочешь проплясать казачка, примѣрно, хоть на этой березѣ.

— Помилуйте! вскричалъ незнакомецъ, бросаясь въ

ноги разбойнику: — я расскажу вамъ всю правду, какъ отцу духовному на исповѣди, только не отсылайте меня къ сотнику... они казнятъ меня, я... преступникъ.

Телепень улыбнулся.

— Меня зовутъ Темошь Кобка, продолжалъ незнакомецъ: — много горя терпѣлъ я на свѣтѣ и отъ родныхъ и отъ чужихъ, а болѣе всѣхъ, отъ злой мачихи. Мнѣ наскучило ѣсть хлѣбъ со слезами; я хотѣлъ-было самъ кинуться въ воду, и въ одинъ день, не знаю какъ, толкнулъ въ колодець эту злую вѣдму. Въ это время мимо шли люди и увидѣли мою шалость; они погнались за мною; я въ лѣсъ, все дальше и дальше, и вотъ уже недѣля, какъ скитаюсь почти безъ пищи. Не дайте умереть бѣдному и не представляйте меня въ судъ!

— Только-то? сказалъ атаманъ: — не бойсь братъ, хоть бы ты десять мачихъ спровадилъ на тотъ берегъ, мы тебя не выдадимъ. Встань да благодари случай за то, что ты попался къ намъ: мы сами люди вольные, какъ степные ястреба; мы плюемъ на бабу, сотника и на всю долгохвостую полицію, и любимъ такихъ удалцовъ, которымъ жутко жить на свѣтѣ. Хочешь ли остаться съ нами?

— Благодаритель! Я не знаю какъ благодарить тебя; теперь я не умру съ голоду!... Я буду служить тебѣ до послѣдняго вздоха.

— Запьемъ могоричь, сказалъ Телепень, взявъ фляжку съ водкою, напился, отеръ рукавомъ усы, и передалъ ее Темошу.

Скоро сняли съ огня котелъ съ кашею; разбойники поужинали; и когда все захрапѣло, спокойнымъ сномъ, Темошь со слезами на глазахъ перекрестился и, завернувшись въ бурку, легъ между новыми своими товарищами.

V.

Но если женскими устами
Заговорить коварный адъ,
Тогда нигдѣ подъ небесами
Спасенья звѣзды не горять.

В. Соколовскій.

Два года — и какъ роскошно, какъ плѣнительно расцвѣла эта милая Галя. Природа развила юную почку — и свѣжій цвѣтокъ красуется, благоухаетъ. Легкая сорочка сладострастно ластится къ высокой, полной груди ея, а грудь волнуется, дрожить подъ ревнивымъ полотномъ. Галя хочетъ воли, воли! Ея глаза искрятся, облитые хрустальною влагою; въ нихъ отражается, блеститъ, играетъ сила юности, въ каплѣ чистой утренней росы; лицо вспыхнуло пожаромъ желаній; какая-то томность, какая-то неясная грусть слегка оттѣнила его. Она была прекрасна, заманчива какъ тайна полуразгаданная.

Съ чѣмъ сравнить этого сильнаго широкоплечаго мужчину, лежащаго на татарской буркѣ? Страсти избороздили его, лѣта оставили на немъ иней. Это остывшій волканъ, покрытый снѣгомъ; огонь и смерть когда-то вылетали изъ жерла его, въ которомъ теперь едва дымятся остатки перегорѣлой лавы и клубами виситъ черная сажа.

Угрюмо лежалъ Телепень на буркѣ, почти не отвѣчая на ласки Гали. Она съ дѣтскою шаловливостью играла его длинными, посѣдѣвшими усами, обвивала лилѣйными руками его шею, впивалась жгучими устами въ его холодныя уста; но онъ безчувственно принималъ ея лобзанія.

Такъ, пресыщенный виномъ на богатомъ пиру, изъ приличія, пьеть заздравную чашу. И Галя, живая, кипящая, приникла къ холоднымъ персямъ разбойника.

— Чего ты хочешь? хладнокровно спросилъ онъ:— вотъ золото, серебро, дорогіе камни...

— Не хочу я этого.

— Вотъ богатые парчи, шелковыя ткани—возьми ихъ, одѣвайся, радись.

— Ненужно мнѣ ихъ!

— Любви! прошептала Галя и скрыла румяное лицо свое на груди Телепня.

Телепень замолчалъ.

— Мнѣ скучно, продолжала Галя:—я умру: ты меня не любишь! Два года я живу здѣсь и не вижу никого, кромѣ двухъ-трехъ страшныхъ твоихъ товарищей. Я не была за оградю, не видѣла свѣта Божія! Меня стерегутъ, за мною смотреть, какъ за преступницею, какъ-будто я тебѣ желаю зла, какъ-будто я не люблю тебя... О мой милый!...

И она подаловала чело Телепня, на которомъ бродили мрачныя думы.

—Я старикъ: ты хочешь обмануть меня, оставить; тебѣ весело улыбаться какому-нибудь молокососу! Дà, я знаю васъ, женщинъ. Но этого не будетъ, не будетъ, пока я живъ.

Глаза злодѣя засверкали, руки судорожно сжались, грудь колебалась тяжелымъ дыханьемъ.

— Вотъ плата за любовь мою! говорила Галя, и слезы брызнули изъ глазъ ея. — Не-уже-ли ты думаешь, что я могу оставить тебя? Безъ тебя я боюсь сдѣлать шагъ: мнѣ страшно и волковъ, и людей, и оборотней. Ты одинъ мой защитникъ; одного я люблю въ бѣломъ свѣтѣ—и тотъ меня не любить!

Рыданья прервали ея голосъ.

— Перестань, перестань плакать! Забрала себя въ голову какую-то любовь— и тоскуетъ безпрестанно! сказалъ Телепень.— Тебѣ скучно? Ну, этому можно пособить: я давно обѣщаль и повезу тебя на первую ярмарку, какая будетъ въ нашемъ околоткѣ: тамъ мы повеселимся, накупимъ товаровъ, какіе тебѣ понравятся послушаемъ, какъ играютъ бандуристы, посмотримъ, какъ цыгане мѣняютъ лошадей, какъ продаютъ соль, рыбу и всякіе овощи; увидимъ, какъ танцуютъ пьяные запорожцы и пляшутъ литовскіе медвѣди... Довольна ли?

Онъ взялъ Галю за подбородокъ, поцаловалъ ее въ лобъ и вышелъ.

О, женщины! Куда дѣвалась эта грусть, эти слезы, эти рыданія? На заплаканномъ лицѣ Гали проглянуло удовольствіе, какъ ясный лучъ солнца сквозь разбитыя облака послѣ бури; не прошло пяти минутъ, какъ она уже весело напѣвала:

Болить моя головонька
Видъ самого чола;
Не бачыла мыленького
Сегодня и вчера!...

VI.

Супца нема ах с зора бистра,
И плам зраках исток зацалве.

Петар Петровна.

Ума твердаго, но простого, стрѣляетъ мѣтко,
танцуетъ разные танцы, вино пьетъ, а пьянъ
не бываетъ.

Изъ стариннаго ковдунтнаго списка.

Еще несовѣзмъ разсвѣло и природа дремала въ чуткомъ покоѣ. Слабый розовый отсвѣтъ разгорался на восточномъ горизонтѣ. Было слышно, какъ вода поти-

хоньку просачивалась подь потоками старой водяной мельницы; рѣка дымилась туманомъ, и вдругъ прорѣзала его огненная струя; грянулъ выстрѣлъ — окрестность пробудилась: съ шумомъ и крикомъ подымались изъ тростниковъ стада дикихъ утокъ, и вверху и внизу засвистѣли кулики, закричали бекасы. Изъ мельницы выскочилъ человѣкъ съ преогромными усами.

— Ого-го! какой славный выстрѣлъ! говорилъ онъ, бродя по поясъ въ водѣ и собирая убитыхъ утокъ. — Разъ ихъ, двѣ ихъ, три ихъ — хорошо! четыре ихъ — удачный выстрѣлъ! Доброе ружье! не жаль за него дать два рубля и нагайку... пять ихъ, и еще одна подстрѣленная! поди-ка сюда! шесть ихъ... ого-го! да она ныряетъ... проклятая, такъ и ускользнетъ изъ рукъ! Вотъ я тебя!...

И усатый человѣкъ прыгалъ за утку въ водѣ въ разныя стороны, какъ индѣйскій факиръ, обрешій себя при жизни разнымъ дурачествамъ для спасенія души.

— Точно, ловкій выстрѣлъ! сказалъ кто-то.

Усачъ оглянулся: на плотинѣ, подлѣ мельницы, стоялъ верховой; лошадь его, покрытая пѣтомъ и пѣною, тяжело работала боками.

— Не узнаешь меня, Шлапакъ? продолжалъ верховой.

— Что я Шлапакъ — это правда. А вашу милость, кажется, я и во снѣ не видывалъ.

— Скоро, братъ, забываешь старыхъ друзей! сказалъ незнакомецъ, слѣзая съ лошади.

— Постой, постой... ба! голосъ точно его, такъ, эта литовская бородка... Чортъ возьми! да ты, ей-богу, Петро Подопрыгора!

— А то жѣ кто?

— Господи, Боже мой! такъ ты еще живъ? И Шла-

*

пакъ, выскоча изъ воды, началъ обнимать Петра. — Да что за нарядъ такой на тебѣ? Откуда ты взялъ бороду, какъ у этой беззаконной Литвы, что ходитъ въ лаптахъ? ха-ха-ха! Гдѣ ты пропадалъ два года? Я слышалъ, что ты прѣѣхалъ изъ похода домой да на другой день какъ въ воду канулъ. Ну, что же стоишь, какъ деревянный? Пойдемъ братъ въ мельницу.

— Тутъ свѣжѣе, отвѣчалъ Петро: — мнѣ и такъ жарко, а ты тащишь въ эту душную будку.

— Будку? нѣтъ, братику, это не будка, а такая мельница, какихъ здѣсь мало. Ну, быть по-твоему: сядемъ на завалинѣ да Расскажи откуда ты? Ни свѣтъ, ни заря, а такъ угрѣлъ лошадь!

— Я сегодня о полуночи выѣхалъ изъ Сергѣевки, и къ обѣду долженъ назадъ воротиться.

— Ты, вѣрно, подрядился нечистой силѣ возить почту?

— Я спѣшилъ къ тебѣ, именно къ тебѣ: мнѣ нужна твоя помощь.

— Хорошо! рассказывай поскорѣе въ чемъ дѣло. Побить кого — я не прочь; поѣхать на охоту до ляховъ — согласенъ. Право, наскучило стрѣлять однихъ утокъ.

— А вотъ видишь: тебѣ, я думаю, извѣстно, что я былъ помолвленъ на дочери есаула Крутолоба.

— Ну какъ не знать! Еще моя Феська — помнишь? которая у меня смотритъ за порядкомъ — говорила: «вотъ будетъ парочка!»

— День нашей свадьбы положенъ былъ по возвращеніи моемъ изъ похода противъ крымцевъ, куда я ходилъ въ отрядѣ полковника Вышкварки. Долго мы бродили по степямъ, отбили два табуна коней, развѣяли нѣсколько шаекъ бусурмановъ и, очистивъ границу отъ этихъ разбойниковъ, возвратились домой. Я цѣлую ночь

скакалъ изъ Прилуки на хуторъ Крутолоба, гдѣ ожидали меня и отецъ и невѣста. Два раза разсѣдывался мой конь, два раза сбивался я съ дороги, и уже свѣтомъ прїѣхалъ на хуторъ. Хотя было утро, но ни одинъ человекъ не попадался мнѣ на встрѣчу; ворота и двери вездѣ были растворены; скоть бродилъ по огородамъ и по улицѣ, какъ будто въ хуторѣ всѣ люди вымерли отъ чумы. Я спѣшу къ панскому двору — та же пустота; кладовыя разбиты; разныя вещи разбросаны по двору. Вхожу въ свѣтлицу — Крутолобъ и отецъ мой лежатъ связанные... тутъ я узналъ свое несчастье!

— Помню, помню! Когда Телепень увезъ твою Галю, въ тотъ день я убилъ славную дрофу. Прїѣзжаю домой, а мнѣ Феська и рассказываетъ, что она слышала эту новость отъ торбаниста, который пилъ у меня въ шинкѣ водку.

— Я развязалъ стариковъ и въ душѣ поклялся освободить Галю и отмстить Телепню. Черезъ три дни я уже былъ въ его шайкѣ подъ именемъ Темоша Кобки.

— Въ шайкѣ у Телепня?

— Да! и скоро сдѣлался однимъ изъ его любимцевъ. Благодаря этому, я успѣлъ нѣсколько разъ видѣться съ Галею: она меня любитъ попрежнему. Пользуясь отлучкою разбойника и своею властью, я могъ бы бѣжать съ нею; но это бесполезно: сила Телепня извѣстна; отъ него и подъ землею не спрячешься; тогда онъ могъ бы погубить насъ обоихъ; а я хочу отмстить ему, хочу погубить его самого. Теперь Телепень откочевалъ дня на два къ Днѣпру, и я съ полночи скакалъ къ тебѣ просить помощи.

— Прекрасно! Но что я могу сдѣлать?

— А вотъ что: въ Густинѣ, въ день Успенія, бу-

деть ярмарка; Телепень туда прїдетъ, и прїдетъ пере-
раженный, а потому ты долженъ, собравъ нашихъ прїа-
телей...

— Понимаю! Но сдѣлай милость, братику, пойдемъ
въ мельницу.

— Зачѣмъ?

— Вотъ эта стая утокъ уже три раза перелетѣла
надъ нашими головами; не будь здѣсь насъ, онѣ вѣрно
сѣли бы на воду подлѣ мельницы, и я опять хватилъ
бы ихъ полдесятка... Притомъ же, тамъ у меня есть...
знаешь, охотничья бутылка доброй водки и чудесная
колбаса. Съ дороги перекусить нехудо. И Шлапакъ си-
лоу втащилъ Петра въ мельницу.

Черезъ часъ они вышли.

— Итакъ, я надѣюсь на тебя, сказалъ Петро, са-
дясь на лошадь. Не забывай Успенія!

— Скорѣ забуду какъ зовутъ меня.

— А много ли у тебя возовъ?

— Прѣдъать, штукъ двадцать будетъ, да все такіе
объемистые!

— Хорошо! Прощай.

— Прощай, братику.

Петро пригнулся къ сѣдлу и облако пыли скрыло
слѣдъ ловкаго наѣзника.

«Дѣло!» сказалъ самъ-себѣ Шлапакъ. — «А какой
богатый выстрѣлъ! да все крыжня! разъ ихъ, двѣ ихъ,
три ихъ, четыре ихъ, пять ихъ; жалко, что ушла шестая!
Впрочемъ, пусть она расскажетъ въ болотѣ своимъ прїа-
телямъ, какъ стрѣляетъ хорунжій Шлапакъ». И, взявъ
ружье и дичь, онъ тихими шагами пошелъ въ хуторъ.

VII.

...отъ множества народу
Нѣтъ ни выходу, ни входу;
Такъ кишмя вотъ и кишать,
И смѣются и кричатъ.

П. Ершовъ.

Въ 1622 году казакъ Желѣзнякъ пріѣхалъ изъ сѣчи на родину, въ прилуцкій полкъ, женился и зажилъ домою; но грусть грызла сердце его. Напрасно молодая, черноокая жена цаловала его, напрасно онъ заливалъ горе сладкими медами и крѣпкими наливками: у Желѣзняка было много денегъ; много грѣховъ лежало на душѣ его: и то и другое привезъ казакъ на родину изъ сѣчи. И вотъ задумалъ Желѣзнякъ — а задумать у добраго казака то же, что и сдѣлать — задумалъ, для искупленія грѣховъ, построить монастырь *на-славу*. Слава льститъ слабымъ потомкамъ Адама. Годрдыи нашъ Вишнивецкій, узнавъ о намѣреніи Желѣзняка, подаль ему руку, — и приступили къ дѣлу: Вишнивецкій далъ планы, Желѣзнякъ — деньги. Вскорѣ великолѣпная церковь во имя Успенія Богородицы, обведенная крѣпкою стѣною, со службами для монаховъ и съ красивою надписью надъ воротами: *исхдивеніемъ пана Вишнивецкаго и казака Желѣзняка*, явилась въ непроходимой чащѣ лѣса, на берегу Удая, недалеко отъ Прилуки. Окрестные жители назвали это урочище *Лустыня*, по причинѣ густаго лѣса, окружавшаго монастырь. Вишнивецкій въ честь храма новопостроенной церкви учредилъ 15-го августа ярмарку.

Болѣе двухъ столѣтій прошло съ того времени. Монастырь давно упраздненъ; толстыя стѣны ограды раз-

рушились; но все еще, по старой привычкѣ, добрый малорось считаетъ грѣхомъ не быть въ Густынѣ въ день Успенія. Тогда подѣ ветхими сводами церкви опять раздается священное пѣніе; вся окрестность закипитъ жизнью; сосѣдніе холмы запестрѣютъ народомъ; въ зелени лѣса замелькаютъ цвѣтныя ленты рѣзвыхъ дѣвушекъ; запылаютъ надъ рѣкою костры; даже самъ Удай какъ-то сладостнѣе зашумитъ между тростниками. Право, славное мѣсто Густыня!

О, рудый Панько! дай мнѣ твоего волшебнаго пера начертать хоть слабую картину лѣтней малороссійской ярмарки, представить этотъ водоворотъ двуногихъ и четвероногихъ, этотъ нестройный шумъ, говоръ, мычанье, ржаніе, крикъ, хохотъ, брань, пѣсни; изобразить живописныя кучи румяныхъ яблокъ, пирамиды арбузовъ, золотыя горы дынь, плутовскія фізіономіи цыганъ и простодушныя лица чумаковъ, съ черными усами, бритою головою, длиннымъ чубомъ; смѣшную спѣсь мелкихъ уѣздныхъ чиновниковъ. Много-много я написалъ бы, но все это будетъ слабое подражаніе. Прочитайте лучше «Сорочинскую Ярмарку» нашего Панька, и вы будете имѣть ясное понятіе о томъ, что дѣлалось въ Густынѣ 15-го августа нѣкотораго года.

Уже солнце высоко горѣло въ небѣ; обѣдни отошли и духъ торговли развивался въ полной силѣ: хлопанье по рукамъ, божбы, клятвы носились надъ площадью. Но вотъ хлопнулъ бичъ — толпа начала раздвигаться и посреди ея покотился богатый рыдванъ, запряженный парой красивыхъ лошадей. Въ рыдванѣ сидѣлъ здоровый усачъ, а подлѣ усача молодая, прекрасная женщина. Между-тѣмъ, какъ народъ, зѣвая, смотрѣлъ на пышный экипажъ, онъ, прокатаясь во всю длину ярмарочной пло-

щади, своротилъ налѣво и остановился подъ тѣнью вербъ. Кучеръ, въ смушевой шапкѣ, слѣзъ съ козелъ, подбросилъ лошадямъ вязанку травы, закурилъ коротенькую трубку, сѣлъ на землю, поджавши ноги, и началъ любоваться, какъ еврей и цыганъ на хромыхъ лошадяхъ бѣгали въ запуски. А панъ и пани, въ сопровожденіи дюжой, босой дѣвки, тихо двинулись по ярмаркѣ.

— Грицко, Грицко, а Грицко! говорила Катря, держа за полу своего мужа.

— Га! отвѣчалъ онъ.

— То паны идутъ?

— Ну, да.

— А что жь это за паны?

— Богъ ихъ знаетъ.

— Да какіе же это паны?

— Господи мой! ну паны себѣ—да и только.

— А откуда они?

— Отвяжись, пожалуйста! И Грицко медленно двинулся впередъ, улетая дыню, которую держалъ въ обѣихъ рукахъ.

Катря осталась рѣшительно безъ всякихъ свѣдѣній. Не знаю, что бы она дѣлала, еслибъ не подоспѣла къ ней кума. Кума—лицо важное въ Малороссіи: свадьбы, похороны, выборы, рекруты, сплетни, вареники не могутъ существовать, не могутъ дѣйствовать безъ кумы. Она вездѣ, гдѣ ее нужно и ненужно, гдѣ ее просить и не просить; она говоритъ, совѣтуетъ, бранится, работаетъ и головою, и руками, и ногами, то дѣйствуетъ, то страдаетъ—словомъ, если-бы можно допустить существованіе философскаго камня, то главнымъ его элементомъ была бы непременно—кума.

— Это не нашъ панъ, Остапенко, и не Крыця, говорила скороговоркою кума, ударивъ по плечу Катрю.

— Не Кошуля ли?

— О, будто я не знаю Кошули! У того хоть жупанъ зеленый и такъ же вышитъ золотыми шнурками, да шаравары синіе, а у этого все платье зеленое.

— Будто у Кошули синіе шаравары?

— Вотъ еще славно! А тожь какіе? Кому знать лучше, какъ не мнѣ? Панъ Кошуля пріѣзжалъ въ такомъ нарядѣ въ наше село, какъ я была еще дѣвушкою. Еще бы не знать этого!

— Такъ это Олійникъ.

— Туда! Какъ-таки не совѣстно говорить Богъ знаетъ что не подумавши! Твой Олійникъ не чета этому молодцу, посмотри: что за плечи, что за усы! да и откуда бы Олійникъ взялъ такую паню?

— Такъ вотъ отгадала! именно отгадала, ей-богу отгадала: это пирятинскій сотникъ. Еще вчера невѣстниной свахи сестра говорила мнѣ, что его ждуть на армарку.

— Вотъ что такъ, то такъ. Знай нашихъ! даже самъ сотникъ пріѣхалъ къ намъ изъ Пирятина!

— И неудивительно: у насъ въ Густынѣ, развѣ только птичьего молока нѣтъ.

Во время этого разговора толпа стѣснилась и скрыла изъ глазъ кумы и Катри занимательнаго пана. Кума стала на колесо сосѣднаго воза и продолжала смотрѣть.

— Ну, что тамъ видно? спрашивала Катря.

— Чудеса да и только; тамъ кто-то *водитъ музыку*. Господи, какъ онъ пляшетъ подлѣ тѣхъ чумаковъ, что продають рыбу! Сотникъ съ женою остановился и смотритъ на удалца. Проклятые чумаки! такъ сдвинулись

въ кружокъ вокругъ сотника, что ничего не видать. Да въ своемъ ли я умѣ? Ахъ, бѣдная моя голова! что это...

— А что тамъ? спрашивала Катря.

— Постой! Кругомъ изъ чумацкихъ возовъ лѣзутъ казаки, какъ изъ ульевъ пчелы.

Въ это время послышался выстрѣлъ.

Телепень! Телепень! пронеслось межъ народомъ. Толпа дрогнула; на площади поскакали казаки. Тутъ, на бѣду, вѣтеръ поднялъ такую пыль, сдѣлалась такая кутерма, что кума не могла добиться толку.

VIII.

И, гу! гу! гу!...

Припѣвъ свадебныхъ малоросс. пѣсень.

Давно было за полночь, а на хуторѣ у Крутолоба никто и не думалъ спать. Весь хуторъ собрался на памскій дворъ, на которомъ ярко пылали смолевья бочки; вездѣ поставлены были чаны съ медомъ и горѣлкою, и разныя закуски для простыхъ казаковъ, а въ самомъ домѣ гремѣла музыка; туда безпрестанно входили и выходили люди знаменитые, чиновные; тамъ, въ переднемъ углу, подлѣ жениха, молодого Петра, сидѣла красавица-невѣста—Галя, скромно опустивъ глаза на грудь, увѣшанную жемчугомъ и монистами, между-тѣмъ, какъ легкой, радужный каскадъ шелковыхъ лентъ, падая съ головы, разбѣгался по плечамъ ея, струился подлѣ щекъ и ушей, нашептывая нѣгу. Петро былъ одѣтъ въ красный жупанъ, обшитый богатымъ галуномъ и бахромою; черная, какъ смоль, баранья шапка отбѣняла свѣжее лицо его; изъ шапки прихотливо отбросился въ сторону алый верхъ; на немъ, сверкая, дрожала золотая кис-

точка. На столъ, передъ новобрачными, лежалъ большой коровой, увитый малиновымъ шелкомъ, увѣнчанный кистями калины и ржаными колосьями; подлѣ коровая, красиво возвышалось кудрявое деревцо съ золотыми орѣхами, листьями и плодами; далѣ горѣли золоченые кубки и разноцвѣтныя бутылки. Старикъ Крутолобъ и Подопригора, одѣтые въ праздничное платье, суетились по комнатѣ, подчюя гостей ароматною вареною. Подлѣ Гали сидѣла *свѣтилка*, держа въ рукахъ казачью саблю, обвитую зеленью и цвѣтами; между которыми пылали восковыя свѣчи; далѣ, по обѣимъ сторонамъ свѣтлицы, сверкали серебромъ и золотомъ кунтуши и жупаны гостей; посрединѣ свѣтлицы плясалъ до-упаду не-большой, усатый толстякъ. Уже давно танцевалъ онъ; его движенія становились лѣнивѣе, музыка играла тише; вдругъ онъ пріостановился, закричалъ: *рай Санжаривкы!* и съ новою силою пустился барабанить ногами, припѣвая:

Ишли дивкы зъ Санжаривкы

А за ними два парубкы,

А собака зъ макивокъ:

Гавъ, гавъ! на дивокъ!

гавъ, гавъ, гавъ, гавъ

гавъ, гавъ на дивокъ!...

Онъ тогда только пересталъ танцевать, когда родные и знакомые, взявъ его подъ-руки, отвели въ сторону и запретили играть музыкантамъ.

— Ты, Шлапакъ, какъ я замѣчаю, большой охотникъ танцевать? спросилъ одинъ изъ гостей неутомимаго танцора.

— Признаюсь, люблю побѣситься у пріятеля, когда радость не только на языкѣ, но и на сердцѣ, да и пѣсня

эта мнѣ очень полюбилась съ-тѣхъ-поръ, какъ я ее проплясалъ передъ Телепнемъ. Тогда не то было: танцевалъ бойко, а душа такъ и просилась въ пятки.

— Ты давно обѣщаль рассказать мнѣ, какъ это было.

— Было весьма обыкновенно. Мнѣ сказалъ Петро, что Телепень съ Галею будетъ на ярмаркѣ, одѣтый паномъ. Я подговорилъ полсотни пріятелей, отборныхъ казаковъ, положилъ ихъ въ чумацкіе возы и, накрывъ кожами, поставилъ на ярмарочной площади, а самъ, взявъ двухъ музыкантовъ и бутылку водки, пошелъ гулять между народомъ. Скоро показался богатый панъ съ молоденькою женою; я подпустилъ ихъ къ моимъ возамъ и началъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ; заплясалъ, запѣлъ Санжаривки. Глядь, а красавица уронила платокъ: это былъ условный знакъ — я въ присядку да и свиснулъ. Тутъ изъ всѣхъ возовъ, какъ изъ земли, выросли мои ребята; я прямо на разбойника и, повѣришь ли, не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ; повѣришь ли, что этотъ трусь, чтобъ ему не ѣсть порядочныхъ галушекъ, въ пяти шагахъ выстрѣлилъ по мнѣ изъ пистолета и—далъ промахъ!...

— Да онъ уже ничего есть не станетъ: его на прошлой недѣлѣ въ Прилукахъ четвертовали.

— Слышалъ. Богъ съ нимъ! однимъ бездѣльникомъ меньше на свѣтѣ, да и только. А все я не понимаю, отчего его такъ боялись?... Стрѣлять не умѣлъ, грѣшный! Это не то, что иной стрѣлокъ: хватить, чортъ возьми! въ одинъ выстрѣлъ полдесятка, или болѣе, утокъ... Да вотъ, недалеко сказать, съ мѣсяцъ назадъ, я сдѣлалъ засаду ..

— Староста, панъ подстароста, благословите спать идти, заревѣлъ подлѣ Шаплака исполнинскаго роста

мужчина, перевязанный через плечо краснымъ поясомъ.

— Богъ благословить! отвѣчалъ протяжно староста.

Тутъ музыка заиграла маршь; гости начали вставать съ мѣстъ, и Галя, покраснѣвъ, какъ маковъ цвѣтъ, подала торжествовавшему Петру руку...

1836 г.

IV.

МѢСЯЦЪ И СОЛНЦЕ.

ПРЕДАНИЕ.

Случалось ли вамъ видѣть ясное майское утро, когда молодое солнце топить розовые лучи свои въ нѣжно-лазуревомъ небѣ, когда все пробуждается, поетъ, когда отъ долинъ вѣетъ свѣжестью и ароматомъ, а между тѣмъ темносиняя туча грозно встаетъ на западѣ, ростетъ выше и выше и веселое утро, улыбаясь, посяматриваетъ на тучу, и въ свѣтлыхъ глазахъ его пробѣгаетъ невольный страхъ, грустное ожиданіе?

Прекрасенъ, какъ майское утро, молодой Иванъ, сынъ стараго казака Правды, но, какъ сизая туча, дума нерадостная бродитъ на челѣ его. Жаль молодца и о чемъ ему печалиться? Статенъ, красивъ онъ; густые, каштановые волосы отгѣняютъ лицо его, такое свѣтлое, открытое, что сосѣди прозвали его: *Иванъ во лбу мѣсяцъ*. Отецъ любитъ Ивана; мать подарила его сестрою-красавицею — о чемъ бы ему печалиться?

Недавно, гуляя по лѣсу, увидѣлъ Иванъ молодую дѣ-

вужку. Ея свѣтлорусыя кудри небрежно бѣжали по плечамъ, на нихъ былъ накинутъ голубой вѣнокъ изъ васильковъ. Она сидѣла подъ ивою, склоняся къ ручью, и слезы, какъ зернистый жемчугъ, катились по ея розовымъ щекамъ въ воду.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ Иванъ дѣвужку.

— О тебѣ, отвѣчала она, и сквозь слезы посмотрѣла на Ивана лазоревыми глазками, такъ ласково, съ такимъ участіемъ! — Я твоя Доля. Отъ самой колыбели я смотрю за тобою: бужу тебя на утренней зарѣ, прыская въ лицо свѣжею росою, и вечеромъ засыпаю усталые глаза твои мягкимъ пухомъ; я держу подъ устцы твою лошадь, когда ты опереживаешь въ степи вольнаго кречета; собираю дыханіе травъ и лучи звѣздные и плету изъ нихъ чудные сны, которые забавляютъ тебя. Всегда я весело смотрѣла на тебя; но съ-тѣхъ-поръ, какъ твоя мать родила дочь, мнѣ грустно, я плачу о тебѣ и день и ночь: сестра твоя .. бѣги отъ нея, это будетъ змѣя въ образѣ человѣка; она изведетъ тебя, если ты не оставишь дома родителей. Бѣги отъ нея... И слезы сильнѣе прежняго полились изъ глазъ Доли.

— Поѣду, отвѣчалъ Иванъ: — только перестань плакать.

Дѣвужка исчезла; изъ ивоваго куста порхнула ласточка и, весело щебеча, начала виться надъ водою.

Отъ того сталъ печаленъ молодой Иванъ; отъ того черная дума помрачила ясное чело его.

Далеко-далеко, на высокой горѣ, на востокѣ, живетъ Солнце; много добра дѣлаетъ оно въ мірѣ; старикъ Правда съ незапамятныхъ временъ водилъ съ нимъ дружбу; къ нему отправился и сынъ его.

Рано утромъ взглянулъ Иванъ въ послѣдній разъ на отца и мать свою: они сладко спали; имъ сердце не вѣщевало, что любимый сынъ оставляетъ ихъ навѣки. Грудь Ивана сжалась; слезы брызнули изъ очей; онъ бросился на кося и вихремъ помчался по чистому полю. Только шумѣла подлѣ него степная трава, только веселая ласточка, щебеча, вилась подлѣ коня его.

Долго ѣхалъ молодой Иванъ, и видитъ необозримое поле: черныя, мохнатыя сосны, какъ мертвые чудовищамедвѣди, лежатъ по полю; вѣтвистые дубы брошены одинъ на другой, какъ скошенная степная трава на покосѣ; поднятые изъ земли жилистые корни, словно руки, протянулись къ небу съ жалобой; вправо чернѣлъ большой лѣсъ; посреди поляны, на дубовомъ пнѣ, сидѣлъ человекъ. Онъ ѣлъ ломоть черстваго хлѣба, смачивая его слезами.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ Иванъ этого человека.

— Какъ мнѣ не плакать, отвѣчалъ онъ:— можетъ-быть, ты слышалъ про меня, добрый человекъ: я Вернидубъ; я обреченъ всю жизнь вырывать съ корнями деревья. Моими трудами уже истребленъ весь лѣсъ въ мѣрѣ, кромѣ этого. И онъ показалъ вправо. — А когда я окончу эту трудную работу, то мнѣ придется умереть. Такова моя судьба! Тяжело мнѣ жить на свѣтѣ, а умирать не хочется. Иванъ пожалѣлъ о Вернидубѣ и поѣхалъ далѣе.

Долго-долго скакалъ Иванъ, и увидѣлъ огромную равнину, покрытую камнями: на одномъ камнѣ сидѣлъ дюжій, широкоплечій человекъ, опуствя печально голову.

— О чемъ ты горюешь? спросилъ Иванъ человека.

— Какъ мнѣ не горевать, отвѣчалъ онъ: — я Вер-

нигора. Отъ рожденія до самой смерти я обреченъ разрушать горы. Многіе вѣки я ломаю камень, и уже привыкъ къ моей тяжелой работѣ, мало этого, она даже мила мнѣ: какое зрѣлище, когда снимешь кору съ горы-великана и посмотришь въ тайныя святилища земли! роскошными деревьями распустило тамъ свои вѣтви свѣтлое серебро; какъ огненные рѣки, вытянулись жилы золота; радугами горятъ дорогіе камни; какъ слезы, въ темномъ грунтѣ, сверкають алмазы, и, какъ свѣжіе луга, широко лежатъ пласты мѣдной зелени. Радуетса душа, смотря на это; а вотъ остается одна гора; я ее ломаю и — умру. Такъ велѣно судьбиною.

Иванъ пожалѣлъ о Вернигорѣ и поѣхалъ къ Солнцу.

Лѣтъ десять жилъ Иванъ у Солнца, и жилъ лучше, нежели дома, если только богатство можетъ замѣнить родину; что ни задумывалъ онъ, тотчасъ все являлось: дорогія кушанья и напитки, кони и быстрые сокола. Но струснулось Ивану за домомъ, онъ вышелъ на гору, гдѣ жило Солнце, посмотрѣлъ на западъ, далеко-далеко, и увидѣлъ свой домъ. Въ немъ все было какъ и прежде: такъ же зеленѣло передъ окнами вѣтвистое дерево, такъ же стояли старыя кладовыя и амбары; по-старому бѣгалъ по двору Рябко; въ саду, какъ и прежде, росли давнишніе друзья его — яблони и груши, обремененныя краснобокими плодами; сестра его выросла и, сидя у окна, вышивала шелками; но ни отца, ни матери нигдѣ не замѣтилъ Иванъ. Онъ еще разъ пристально обвелъ глазами свой домъ, и за садомъ, на высокой горѣ, увидѣлъ два новые креста... Горькія слезы помѣшали ему смотрѣть далѣе.

На другой день Иванъ ѣхалъ на родину. Напрасно уговаривало его Солнце остаться: онъ клялъ свою долю,

называлъ ее несправедливою, говорилъ, что она разлучила его съ родителями, которые закрыли глаза не благослова его.

— Прощай! сказала Солнце: — да не раскаявайся, что бросаешь меня. На прощаньи проси чего хочешь.

— Мнѣ ничего ненужно, отвѣчалъ Иванъ: — а ѣдучи сюда, я видѣлъ двухъ человѣкъ, которымъ хотѣлъ бы помочь. Тутъ Иванъ разсказалъ о Вернигорѣ и Вернидубѣ.

— Хорошо, сказала Солнце: — вотъ тебѣ щетка и платокъ: когда щетку бросишь на землю, то выростетъ такой лѣсъ, какого отъ созданія міра не было; а если махнешь платкомъ, то взгромоздятся горы до самыхъ облаковъ.

Солнце поцаловало Ивана, и онъ поѣхалъ на родину. Долго, долго скакалъ Иванъ и, усталый, измученный, подвелъ свою лошадь напиться къ ручью.

— Ты опять ѣдешь на родину, на вѣрную смерть, прозвучалъ изъ воды голосъ.

Иванъ посмотрѣлъ: между водяными цвѣтами печально кивала ему головка Доли въ голубомъ вѣночкѣ.

— Ёду непременно: Когда бъ я не зналъ тебя, то жилъ бы съ добрыми родителями и закрылъ бы глаза ихъ... А теперь... Нѣтъ, худая моя доля!

— Эй, Иванъ! не грѣши на Долю, она любитъ тебя. Иной пьетъ, гуляетъ въ шинкѣ и проматываетъ послѣдній грошъ отцовскій; между-тѣмъ его нивы выбиваетъ вольный вѣтеръ и птицы небесныя; табуны разгоняютъ волки и медвѣди, а Доля его гуляетъ по берегу Чернаго моря: то собираетъ жемчугъ, чтобъ осыпать имъ перваго чумака, который подѣдетъ къ лиману, или снова броситъ его въ пропасть; то плещется съ

волнами, то летаетъ съ легкимъ облакомъ. Ей весело, а бѣднякъ плачется безъ Доли; дѣти просятъ у него хлѣба — ему нечѣмъ накормить ихъ. Нѣтъ, не такая у тебя Доля; я смотрю за тобою какъ за дитятею; я плачу, когда грозить тебѣ зло, а ты еще ругаешь меня! Часто не знаютъ люди что дѣлаютъ. Иванъ, не ѣзди на родину!

Иванъ сѣлъ на коня, махнулъ рукою и поскакалъ далѣе.

Милоѣздомъ отдалъ Иванъ платокъ Вернигоръ и щетку Вернидубу.

Летитъ Иванъ домой. Его молодецкій конь развѣ на бѣгу схватитъ колосъ травы, или полевой цвѣтокъ, или листокъ съ придорожнаго кустарника да утромъ капли двѣ росы — тѣмъ и живъ добрый конь. Хозяинъ не думаетъ его кормить, онъ торопитъ его на родину. Вотъ уже показались знакомыя рощи; впереди сверкаетъ родная рѣчка, за нею весело шумятъ друзья дѣтства — золотыя поля и пестрые сѣнокосы; знакомая мельница радостно машетъ изъ-за горы крыльями. Всякій кустъ, всякое дерево сильно говоритъ сердцу. Усталый конь какъ-то легче, бодрѣе поскакалъ по знакомой дорогѣ; сердце Ивана готово было выпрыгнуть. Вотъ запахъ, родной дымъ; Иванъ уже въ деревнѣ; передъ нимъ широко распахнулись ворота родительскаго дома.

Весело принимаетъ сестра дорогого гостя: лучшія кушанья бременять столы; вкусныя мѣды и вина принесены изъ погребовъ. Цалуетъ сестра брата и въ очи соколиныя и въ малиновыя уста: она рада пріѣзду его. А какъ хороша она сама! черныя, какъ смоль, косы двойнымъ вѣнкомъ обвили ея бѣлое чело; какъ двѣ зрѣлыя терновыя ягоды, омытыя въ утренней росѣ, бле-

стѣли глаза; изъ-подъ длинныхъ, пушистыхъ рѣсницъ, а надъ ними двумя стройными дугами расходились собольи брови; перломутровые зубы, гибкій, высокій станъ — все было обворожительно!

— Послушай, братъ, сказала она, обнявъ его и смотря прямо въ очи: — я пойду хлопотать по хозяйству, хочу достойно принять милаго гостя, а ты позабавься, поиграй въ эти гусли: я люблю слушать какъ играютъ онѣ.

Сестра открыла гусли краснаго дерева съ золотыми струнами, и вышла.

«И я могъ бояться этого добраго созданія» сказалъ самъ себѣ Иванъ, пробуя гусли. Громкая музыка огласила весь дворъ.

Иванъ играетъ. Легкая тѣнь упала на струны; онъ поднялъ голову: передъ нимъ стояла Доля; голубой вѣночекъ завялъ на головѣ ея, руки печально скрестились на груди. Доля плакала.

— Смерть виситъ надъ тобою, а ты играешь такъ весело! Бѣги скорѣе!

— Я не вѣрю тебѣ, злой духъ, отвѣчалъ Иванъ: — ты нарочно ссоришь меня съ доброю сестрою и заставляешь бѣгать по свѣту. Много я вытерпѣлъ, слушая тебя.

— Я сяду играть на гусяхъ, говорила Доля: — а ты ступай въ погребъ, который, вонъ тамъ, въ саду, и посмотри въ щелку, чтò тамъ дѣлается.

Доля весело начала перебирать струны, а Иванъ подошелъ къ погребу, пригнулся къ щелкѣ — и обмеръ отъ ужаса. Посреди погреба стояло большое точило; сестра одною рукою ворочала камень, а въ другой держала длинный, стальной ножъ; искры изъ-подъ ножа били фонтаномъ и освѣщали сырыя стѣны погреба, на которыхъ висѣли снопами разныя зелья, вяленыя змѣи, чу-

челы уродовъ, человѣческія кости, черепы со впадинами вмѣсто очей, съ желтыми зубами. Страшно было лицо сестры, облитое огненнымъ свѣтомъ; красота ея искажилась; распущенныя косы, какъ змѣи, вились по плечамъ и вокругъ шеи; покрытыя пѣною уста судорожно дрожали и бормотали проклятiя.

«Я угощу тебя, баловень!» говорила она, остря ножъ. «Такъ вотъ тотъ, котораго любили до смерти родители, который только и былъ у нихъ въ поминѣ, какъ-будто меня у нихъ не было.... Какъ играетъ затѣйливо! Играй, играй себѣ похоронную пѣсню! Я изготовлю тебѣ богатый пиръ изъ огня и желѣза! Вишь какой! видно зелье: пріѣхалъ да прямо на могилу къ старикамъ; давай плакать! Меня будто и не замѣтилъ... Чего добраго, завтра отберетъ отъ меня все, да выгнать въ шею. Пстой, голубчикъ!...

Такъ говорила преступная сестра, и колесо точила кружилось скорѣе, и злобно шипѣла сталь, цалуя холодный камень..... А Иванъ далеко уже скакалъ на своемъ быстромъ конѣ, безъ сѣдла, безъ вооруженiя.

Вышла сестра изъ погреба, поправила волосы, посмотрѣлась въ свѣтлый ножъ и, спрятавъ его въ рукавъ, пошла къ свѣтлицѣ. Тамъ, не умолкая, звучать гусли, и сестра, улыбаясь, отворила дверь; музыка умолкла; брата нѣтъ, только быстро промелькнула въ дверь сѣренькая мышь. Черная кровь проступила сквозь бѣлую кожу сестры; лицо ея побагровѣло, глаза засверкали.

«Я поймаю тебя, слабый ребенокъ!» прошипѣла она и, захохотавъ, выбѣжала изъ комнаты.

Ночь. Въ степи, на курганѣ, горитъ огонь; на огнѣ стоитъ котелъ; въ котлѣ варятся чары. Волны кипятка выбрасываютъ наверхъ то змѣиную кожу, то клубокъ

волось, то ногти, то колючія травы, и опять все прячется на дно сосуда. Передъ котломъ стоитъ сестра и подкладываетъ въ огонь щепокъ изъ дубоваго гроба. Чудно трещитъ огонь, стонуть и кипятъ злыя снадобья; и вотъ повалилъ изъ котла густой парь; по степи пронесся протяжный свистъ и парь гибкою струею повисъ въ воздухѣ; минута — онъ спустился ниже и огромнымъ змѣемъ покорно протянулся у ногъ волшебницы; съ злобною радостью вскочила она ему на спину, и, какъ стрѣла, понеслась за братомъ.

Далеко скакалъ Иванъ, какъ увидѣлъ позади себя въ горизонтѣ черное пятно; оно все росло и приближалось, и когда Иванъ минулъ Вернидуба, вырвавшаго послѣднія деревья, то ясно увидѣлъ за собою сестру, летящую на чудномъ змѣѣ. Въ это время Вернидубъ бросилъ на землю щетку — вдругъ зашевелилась земля и въ мгновеніе ока выросъ, зашумѣлъ непроходимый лѣсъ; махровая сосна скрестилась вѣтвями съ широколистымъ кленомъ; при корнѣ ихъ заткалъ стѣну колючій терновникъ; дикій хмѣль увилъ, перепуталъ лѣсъ. По ту сторону лѣса ѣхалъ Иванъ на быстромъ конѣ, по сю сторону стояла, какъ окаменѣлая, сестра. Но вотъ соскочила она съ змѣи, взяла ее за голову, ударила объ землю — и длинная пила засверкала въ рукахъ ея. Она принялась пилить лѣсъ. Какъ снопы валятся огромныя деревья; пила страшно визжитъ по лѣсу; потъ въ три ручья льется съ лица преступной сестры, а Иванъ, между-тѣмъ, все ѣдетъ далѣе и далѣе. Три дня и три ночи работала сестра; наконецъ яркою полосою сверкнула предъ нею равнина: она пилу о землю — пила стала змѣемъ; только пылъ поднялась надъ степью, какъ полетѣли они.

Иванъ опять увидѣлъ за собою роковое пятно и скакалъ шибче; только успѣлъ онъ минутъ Вернигору, какъ тотъ махнулъ платкомъ — затрещало, зазвенѣло подъ землею, и вдругъ, какъ исполины, медленно, торжественно вышли изъ земли каменные горы; все плотнѣе и плотнѣе сдвигались онѣ, росли выше и выше, уперлись своими головами въ небо и стали, какъ стѣна, между братомъ и сестрою, между порокомъ и добродѣтелью. Но какая преграда удерживаетъ зло?

Хороши были эти горы! ихъ ледяныя вершины горѣли алмазами и отливали матовымъ серебромъ; ниже — зеленѣли рощи, въ рощахъ бѣгали звѣри, пѣли птицы; съ утесовъ прыгали водопады, брызгали фонтаны. Посмотрѣла сестра на горы и горько улыбнулась, а слезы отчаянія облили глаза ея. Она взяла змѣю за хвостъ, ударила о камень — и змѣя стала широкимъ топоромъ; сверкнулъ топоръ въ рукѣ сестры — дождь искръ обрызнулъ всю окрестность; запрыгалъ топоръ чаще и чаще; зазвучали земля и небо. И мраморъ и гранитъ, обдавая дерзкую потокомъ огня, сокрушались и падали въ бездну.

Три недѣли, день и ночь, рубила преступница горы, а Иванъ все скакалъ къ Солнцу, и уже былъ близко его дома, какъ увидѣлъ за собою летящую сестру. Онъ пригнулся на конѣ и помчался какъ изъ лука стрѣла, а между - тѣмъ, слышитъ, погоня все ближе и ближе; уже ядовитое дыханіе змѣи обдаётъ его жаромъ, жжётъ искрами; вотъ чья - то рука машетъ надъ нимъ, ловить его за затылокъ; онъ наклонился впередъ, коня нагайкою — и разомъ вскочилъ на дворъ Солнца; за нимъ захлопнулись ворота; сестра осталась за воротами.

Кольцомъ свился змѣй вокругъ дома Солнца. У воротъ стоитъ сестра и требуетъ себя брата.

— Ты, Солнце, несправедливо завладѣло братомъ, говорила она: — ты съешь раздоръ между нами. Отдай мнѣ моего брата! Онъ забылъ любовь родственную и бѣгаетъ отъ меня, какъ дикій звѣрь. Я вышла готовить ему лучшія кушанья и напитки, а онъ, какъ воръ, выбѣжалъ изъ отцовскаго дома и поскакалъ къ тебѣ сломя голову. Я, бѣдная, слабая женщина, выбилась изъ силъ, его преслѣдуя; и что жь? — достигаю, хочу обнять брата, а злой челоуѣкъ причетъ его за замки.

Нѣсколько дней Солнце не выходило и не показывалось добрымъ людямъ, а люди добрые такъ любятъ Солнце-благодѣтеля! На землѣ стало грустно, печально.

— Послушай, сказалъ Иванъ Солнцу: — выдай меня сестрѣ; ты за меня терпишь лютей плѣнъ; вся земля невинно страдаетъ.

— Этому не бывать, отвѣчало Солнце: — я пойду, лучше, поговорю съ твоею сестрою: можетъ-быть, она стала добрѣе.

Солнце вышло изъ комнаты и, подойдя къ воротамъ, долго говорило съ сестрою.

— Твоя сестра выпускаетъ насъ изъ плѣна, говорило, весело улыбаясь, Солнце, войдя въ Ивану: — только съ условіемъ: должно поставить передъ домомъ большія вѣсы; на одну доску вѣсовъ, станеть она, на другую я съ тобою, и кто подымется выше, тотъ будетъ вѣчнымъ господиномъ того, кто его перетянетъ.

— Пропали мы! сказалъ печально Иванъ: — насъ двое, а она одна, да еще женщина: онѣ всѣ, говорятъ, легче вѣтра! Быть намъ рабами у этой вѣдмы.

— Невинность всплываетъ наверхъ, какъ масло, а

зло камнемъ тонеть, отвѣчало Солнце и велѣло ставить передъ доможь вѣсы. Злобно улыбаясь, смотрѣла на эту работу сестра-преступница.

На другой день рано утромъ вышло Солнце изъ дома, ведя за руку Ивана. Они подошли къ вѣсамъ и стали на одну доску; дрожа отъ радости, вскочила сестра на другую и — поблѣднѣла: ея доска быстро опускалась внизъ; еще секунда — земля растворилась и она ушла въ землю. Только клубъ трескучаго пламени вырвался изъ земли и бездна опять сдвинулась, густой дымъ побѣжалъ отъ того мѣста по землѣ. Высоко поднялась доска, на которой стояли Солнце съ Иваномъ. Мгновеніе — и двѣ свѣтлыя черты сверкнули между небомъ и землею: праведники улетѣли на небо и остались на немъ.

Всякій день съ-тѣхъ-поръ ходитъ Солнце по небу и свѣтитъ, и грѣетъ, и благоворитъ міру. Всякую ночь Мѣсяць (Иванъ) грустно свѣтитъ землѣ, припоминая своихъ родителей и злую сестру. Чистыя слезы его живительною росой падаютъ на растенія.

• Велика, необъятна Россія! Много морей омываетъ берега ея; много тысячъ рѣкъ живою сѣткою легли на ней; много миллионовъ людей блаженствуетъ на землѣ ея, благословляя Бога и государя! И кругомъ этой исполнинской страны, какъ безцѣнный жемчугъ вокругъ святой картины, легли вѣрною цѣпью казаки. Помнить мѣсяць свое происхожденіе, любить казаковъ какъ братьевъ; въ пограничныхъ дѣсахъ Польши и Пруссіи, въ горахъ Кавказа, на равнинахъ Татаріи и въ степяхъ Китая — вездѣ свѣтитъ имъ дружелюбно. Ни одинъ лихой наѣздъ, ни одно истинно казачье дѣло не совершается иначе, какъ при лучахъ мѣсяца, и въ народѣ зовутъ его: *Казачье солнце*.

1836 г.

Часть I.

4

V.

ПОТАПОВА ПЕДЪЛЯ.

БЫЛЬ.

Не слухай сердце твѣхъ, кто такъ тоби казавъ,
Що будимъ Богъ живкамъ волосья довге давъ
За тямъ, що розумъ имъ укоротывъ чымало:
То погань такъ верзла, школярство такъ брехало.

ГУЛАКЪ-АРТСМОВСКІЙ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

— Та-та-та! *голубочко!* Будто я васъ не знаю!...
Рассказывай, когда хочешь, поповой кобылѣ... говори
протяжно Потапъ своей женѣ, медленно ложась
на широкую скамью.

— Говорю, говорила и буду говорить, что мнѣ съ
тобою житья нѣтъ. Развѣ меня мать отдала за татарина?
Развѣ завязала въ мѣшокъ, чтобъ я свѣта не видала?
Отвѣчала скороговоркою Настя, молоденькая женщина
небольшаго роста, жена Потапа, и полныя ея щеки
горѣли отъ гнѣва, и черныя глазки сверкали какъ
искры.

— Ого-го, та ба! та до кумы не пушу! пусть я
узнаю, что ты была у нее!

— Такъ что? — и пойду, и не побрюсь старого дьявола?

— Кого, кого?

— Не дослышалъ? — дьявола — вотъ тебѣ!

— Гей, жена! не серди меня: ты знаешь, что я золь.

— Золь? Еще ли онъ золь! Ахъ ты старій!... Я

тебѣ покажу злаго... И, съ этими словами, глиняный кувшинъ, бывшій въ рукахъ Настя, полетѣлъ въ голову Потапа. Потапъ поднялъ руку ко лбу; кувшинъ разлетѣлся о жилистый кулакъ его.

— Скверная вѣдьма! сказалъ Потапъ и обернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Скверная вѣдьма? закричала Настя, схвативъ вѣнникъ, стоявшій у порога, и удары вѣника посыпались изъ рукъ супруги на бѣднаго Потапа.

— Послушай, перестань шутить! говорилъ Потапъ: — ты знаешь, что я золь.

— Какъ? ты золь? такъ я должна терпѣть твою злобу? Вотъ я тебѣ!... И опять вѣникъ опустился на Потапа.

— Зачѣмъ ты шла за меня, когда знала, что я такой злой? говорилъ Потапъ, защищаясь руками и ногами отъ вѣника.

Еще нѣсколько обоюдныхъ упрековъ, еще нѣсколько ударовъ вѣника, и эта семейная буря совершенно окончилась; даже, когда пришла вечеромъ кума, Потапъ весьма учтиво выпилъ съ нею около бутылки запеканки; хотя, между нами будь сказано, онъ терпѣть не могъ кумы, у которой собирались веселыя вечеринки и часто бывалъ новопріѣзжій изъ Переяславля дьячокъ Петя Опанасовичъ Флоранскій, а этотъ Флоранскій такими масляными глазками смотрѣлъ на молодыхъ женщинъ. Петя Опанасовичъ, воспитанникъ покойной барыни, пребогомольной вдовы, считался дальнимъ родственникомъ кумы, носилъ длинный синій сюртукъ, имѣлъ черные усы, ровный басъ и двадцать-пять лѣтъ отъ-роду. Съдому Потапу кралось подъ шестьдесятъ. Настя едва насчитывала двадцать. Это было весною, именно въ

мартъ, не помню хорошенько котораго года — да это все-равно.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Сколько разъ случалось мнѣ видѣть весну и всегда новое чувство оживляло меня. Скажите люди, вы — такъ много хвастаете умомъ своимъ — скажите мнѣ, что такое разливается тогда въ воздухъ? что заставляетъ трепетать грудь вашу безотчетнымъ восторгомъ? что раздвигаетъ своды неба и показываетъ вамъ высоко-высоко недоступную лазурь? Но вы молчите, мудрые. А между-тѣмъ вокругъ меня пиръ весны въ полномъ блескѣ: непостижимая сила разбудила природу; оживленные корни ползаютъ подъ землю, жужжать насѣкомыя, поютъ цѣтцы, шумятъ воды!... Далеко подъ синимъ сводомъ тянутся перелетныя птицы: стройно, рядъ за рядомъ, показываются онѣ съ юга, несутся надъ головою моею, оживляя пустыню воздуха радостнымъ крикомъ, и на сѣверѣ исчезаютъ, какъ минуты нашей жизни, какъ радости человѣка!... И откуда эта воздушная армія? и куда летитъ она? «Это посланцы Бога» говоритъ темная чернь, «они разносятъ изъ рая жизнь и теплоту на крыльяхъ своихъ». Летите, вольныя птицы, я не полечу за вами мечтою на сѣверъ: тамъ холодно, а здѣсь такъ прекрасно! Но когда отцвѣтетъ это пышное лѣто, открасуется, какъ невѣста въ вѣнчалномъ нарядѣ; когда печально пожелтѣетъ поле, холодный вѣтеръ зашумитъ по дубравѣ и унылая роща, грустно вздыхая отъ его порывовъ, съ наждаымъ вздохомъ станетъ ронять, какъ слезы, поблеклыя листья — тогда вы, минутные гости, поспѣшите на теплый югъ, тогда я вамъ передамъ много-много на мою родину!... Вы увидите тамъ мою ненаглядную, вы скажите ей отъ меня вѣсть; она найдетъ

васъ въ небѣ своими черными очами... О, какъ вамъ будетъ весело летѣть! съ какой любовью смотреть она!... Но прочь фантазія!... Вотъ перелетная станица спускается все ниже и ниже къ землѣ; передовой журавль сѣлъ на поле и всѣ окружили его. Черезъ минуту поднялась стая, но передовой остался на мѣстѣ; онъ вытянулъ шею, взмахнулъ крылами, чтобы слѣдовать за товарищами: крылья его опустились какъ свинцовыя. Птицы обвили надъ нимъ вѣнокъ, другой, третій, все выше и выше, и скрылись изъ глазъ. Прощальный крикъ отсталаго, какъ вопль отчаянія, долго раздавался въ пустынномъ полѣ. Вѣрно пуля охотника задѣла крыло его — и полувоздушный жилецъ остался прикованъ къ землѣ. Жаль тебя, вольная птица! страшно жить на коварной землѣ.

Вечерѣло. Лениво тянулся по полю плугъ, запряженный восьмью волами; впереди шли два мальчика, а позади плуга, мѣрно передвигалъ ноги Потапъ; на немъ были тяжелые сапоги до колѣна, широкіе шаравары, свитка, опоясанная пестрымъ кушакомъ, и сивая баранья шапка съ синимъ верхомъ; въ зубахъ онъ держалъ коротенькую трубку; надъ его головою то разрасталось, то исчезало легкое облачко табачнаго дыма.

— А что тамъ ходитъ подлѣ дороги? спросилъ Потапъ мальчика, прижимая указательнымъ пальцемъ золу въ трубку.

— Дѣ, что-то ходитъ, дядюшка.

— Вотъ дурень! да что жъ оно такое?

— А Богъ его знаетъ, а ходитъ.

— Я и самъ вижу, что ходитъ, кажется, птица.

— Должно-быть птица, дядюшка. А вотъ я узнаю.

И мальчикъ побѣжалъ къ ходившему предмету. Напрасно

бѣдный журавль махалъ крыльями, онѣ его не слушались; пришлось уходить ногами, но мальчикъ безпре-станно останавливалъ его. Къ мальчику приближалъ то-варищъ, наконецъ подоспѣлъ самъ Потапъ. Со всѣхъ сторонъ полетѣли на бѣднаго журавля палки: онѣ упалъ и черезъ полчаса, не болѣе, Потапъ, сидя за столомъ въ своей хатѣ, говорилъ женѣ:

— Смотри, Настя, я завтра до свѣта выѣду въ поле и буду домой не раньше вечера, а ты изготви мнѣ къ ужину славный борщъ, положи въ него цѣлаго журавля, котораго я убилъ сегодня, да побольше сала... Ужь коли ѣсть, такъ ѣсть!

— А борщъ съ журавлинымъ мясомъ очень вкусенъ, сказала Настя:—я пробовала его у попадьи. Ей, бывало, стрѣляетъ разную дичь тотъ высокій офицеръ, что, знаешь, стоялъ въ нашей деревнѣ.

— Мы и не офицеры, а полакомимся въ волю. Туши, жена, *каганецъ!*

И въ комнатѣ сдѣлалось темно.

ВТОРНИКЪ.

Чѣмъ-то будетъ Настя угощать своего мужа? Онъ скоро пріѣдетъ съ поля; уже вечерѣетъ.

Потапъ рано выѣхалъ на работу, а еще въ обѣдъ съѣли журавля, да съѣли до-чиста.

У Насти были гости: была кума и былъ Петя Опанасовичъ; они сѣли за столъ въ такое время, какъ и всѣ крещеные люди. Петя Опанасовичъ отвѣдалъ раза четыре ганусовой водки; кума рассказала какую-то исторію, и когда Флоранскій началъ дѣлать пятое испытаніе надъ бутылкою, а кума оканчивала рассказъ, журавля уже не было, даже его кости, какъ вещь ненуж-

ная, были выброшены за окно. Жаль, что ихъ не видѣлъ кочующій механикъ Дерменшъ, онъ сдѣлалъ бы изъ нихъ карманнаго Наполеона, или свистокъ, или игольникъ, или какую-нибудь полезную дудочку, а все-таки что-нибудь сдѣлалъ бы.

Но чѣмъ станетъ Настя угощать своего мужа? Уже вечеръ; кума и Петя Опанасовичъ ушли домой; скоро будетъ Потапъ съ поля.

— Гей! цобъ, цобъ, гей! раздалось подъ окномъ на улицѣ. Ворота закрипѣли; лѣниво втянулся на дворъ Потапа длинный плугъ. Минута — и Потапъ былъ уже въ хатѣ.

— Давай, жена, ужинать! сказалъ онъ, положивъ на лавку плеть и шапку, и сѣлъ за столъ.

— Чѣмъ-то станетъ угощать его Настя? журавля съѣли еще за обѣдомъ.

— Давай же поскорѣе! закричалъ Потапъ.

— Вотъ, еще! какъ москаль раскричался! Успѣешь накушаться, говорила Настя, ставя передъ мужемъ огромную миску постнаго борщу.

Потанъ попробовалъ борщъ, посмотрѣлъ на жену, положилъ на столъ ложку и плюнулъ.

— Съ чѣмъ это борщъ? спросилъ Потапъ.

— Съ чѣмъ? разумѣется, постный.

— Развѣ я монахъ какой кievскій, чтобъ по вторникамъ постился?

— А съ чѣмъ бы я тебѣ изготовила? небойсь, ты купилъ мяса.

— А журавля гдѣ ты дѣла?

— Журавля! какого журавля? что ты бредишь!

— Это такъ! еще бредишь! Журавля, котораго вчера убилъ?

— Это, вѣрно, тебѣ снилось.

— Гм! снилось! Вчера я убилъ палкою журавля, привезъ его, отдалъ тебѣ въ руки и приказалъ приготовить изъ него борщъ.

— Богъ съ тобою! продолжала Настя, перекрестивъ Потапа. — Хоть не кричи такъ громко, а то сторонніе люди, идя мимо, услышатъ да еще, чего добраго, скажутъ, что ты съ ума сошелъ!

— Какъ, съ ума сошелъ? Я пойду позову мальчиковъ: они видѣли, какъ я билъ журавля.

— Погоди, говорила Настя, удерживая Потапа за полу: — погоди не дѣлай намъ стыда, прежде подумай хо-рошенько. Слыханное ли дѣло убить палкою журавля? и воробья нескоро убьешь этимъ инструментомъ, а то журавль, птица осторожная! Ты подумай. Вотъ нашъ комиссаръ, какой стрѣлокъ, ни по чему не дастъ промаха, а какъ поѣдетъ на охоту, наберетъ съ собою сколько людей, да все грамотныхъ, сколько ружей и всякаго запаса, да ѣздить они, иногда, два-три дня; выпьютъ столько разныхъ настоекъ, что намъ не имѣть до смерти, а слава Богу, когда убьютъ хоть одного журавля. Это птица осторожная! Ты и не думай звать мальчиковъ: они тебѣ глаза высмѣютъ, и вездѣ расскажутъ, что ты одурѣлъ.

— Да я именно помню: я ѣхалъ съ поля, а журавль ходитъ подлѣ дороги; я взялъ палку, бросилъ и, кажется, убилъ его.

— То-то что тебѣ такъ кажется; тебѣ приснилось, или представилось.

— Оно, можетъ-быть, и представилось, такъ нѣтъ, я вотъ тутъ и положилъ его на лавкѣ.

— Опять за свое! Богъ съ тобою, Потапе, не ис-

портить ли тебя кто-нибудь? Какъ можно разсказывать такое неподобное! Гдѣ бы я дѣла этого журавля? подумай хорошенько...

— И то правда. Именно мнѣ приснилось! да какъ живо! ну, вотъ, я готовъ бы спорить, что убилъ журавля—такъ живо! будто я держалъ его въ рукахъ!

— Да оставь его, не пугай меня. Не хочешь ли каши?

— Каши? — это не худо. Да какъ живо приснилось!...

СЕРЕДА.

Поднялось уже солнце высоко на небо. Въ воздухѣ жарче. Какъ-то лѣнивѣе идутъ въ плугѣ волю, которыми пашеть Потапъ. Совсѣмъ пора обѣдать. Идетъ Потапъ за плугомъ и думаетъ: «отчего жена не несетъ обѣда? Я, кажется, велѣлъ ей принести сегодня». А того и не видитъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ жена его, несетъ ему обѣдъ, а въ кувшинѣ холодную воду. Вынимаетъ она изъ кувшина живыхъ щукъ и окуней, и бросаетъ ихъ въ бороздѣ. Странныя прихоти у этихъ женщинъ: несетъ мужу обѣдъ Богъ-знаетъ съ какою соленою рыбою, а свѣжихъ щукъ и окуней бросаетъ по полю!... Жаль смотрѣть, какъ онѣ, бѣдныя, прыгаютъ на солнцѣ, такъ бы вотъ, кажется, взялъ ихъ, несчастныхъ, изжарилъ да и съѣлъ; а то, вѣдь, ни за что пропадаютъ! Вотъ окончилась нива и плугъ началъ поворачивать налѣво. — Стой! закричалъ Потапъ, увидя жену, распрягай воловъ, обѣдъ несутъ. Въ это время Настя подошла къ плугу и поставила на землю обѣдъ.

— Какой это волъ идетъ у тебя впередъ? спросила она Потапа.

— Вотъ хозяйка, не знаетъ своихъ животныхъ! отгадай.

— Не-уже-ли, это нашъ красный, что хромалъ прош-
лое лѣто?

— Разумѣется, тотъ самый.

— И теперь онъ ходить?

— Ты видишь!

— И пашеть?

— Какъ нельзя лучше!

— Вотъ этому-то я не повѣрю! Еще что ходить-то
можетъ быть, а пахать — куда ему, грѣшному!... Ни-
когда не повѣрю.

— Да такъ пашеть, что тебѣ и не снилось такъ па-
хать. Хочешь, я сейчасъ пропащу еще одну борозду?

— Пошелъ дѣлать глупости! Сядемъ лучше объ-
дать. Волю и такъ устали, онъ и не пойдетъ теперь;
тебѣ же стыдно будетъ.

— Кто? красный не пойдетъ? знаешь ты!... Хлоп-
цы! не распрягать, погоняй! И плугъ потянулся назадъ.
— А что, не идетъ? Ай-да, красный! небойсь, не ве-
зеть — а? Что жъ ты молчишь, Настя? Ужь эти мнѣ
женщины! Часто, Господи прости, чортъ знаетъ о чемъ
спорять! говорилъ Потапъ, поглядывая самодовольно
на жену.

— Дядюшка! закричалъ мальчикъ, погонявшій пе-
реднихъ воловъ.

— Га?

— Дядюшка, рыба!

— Что?

— Дядюшка, щука!

— Дуракъ! то змѣя.

— Ей-богу, щука!

И мальчикъ несъ къ Потапу живую щуку.

— Брось ее, дурень! это такая гадина, кричалъ

Потапъ; но мальчикъ уже принесъ и бросилъ къ ногамъ его рыбу.

— Да это вправду щука, говорила Настя.

— Точно щука, повторилъ Потапъ, пожимая плечами: — но откуда ее занесло нелегкое?

— Богъ ее знаетъ; а щука славная, и вѣрно съ икрою: такая толстая! Поѣзжай далѣе, можетъ-быть; выпашешь и другую для ужина.

— Какъ выпашешь?

— А откуда же взялась эта? вѣдь ты ее выпахалъ изъ земли; щуки по полю не пасутся.

— Правда! не пасутся, но...

— Дядюшка, окунь! закричалъ опять мальчикъ.

— Неси его сюда, говорилъ Потапъ, хлопая руками по широкимъ шараварамъ, это цѣлая исторія! Случалось мнѣ выпахивать и змѣй и мышей, и даже однажды ёжа выпахалъ, а рыба попалась первый разъ въ жизни!

— Дядюшка!

— Опять?

— Опять!

— А что?

— Щука!

— Ха-ха-ха! Подавай ее сюда! Комедія да и только! Что я выпахалъ рыбу — это ясно; но откуда набралась она и какъ залѣзла въ землю — не приберу толку!

— Сказывала мнѣ бабушка покойницы матери, говорила Настя: — что на этомъ мѣстѣ встарину было озеро, которое потомъ высохло; такъ весьма можетъ быть тогда рыба попряталась въ землю, да и жила тамъ до-сихъ-поръ.

— Ну, такъ и есть! теперь все понятно. Славныя времена были эти, старинныя!...

А между-тѣмъ плугъ ѣхалъ далѣе и мальчикъ безпрестанно приносилъ Потапу живую рыбу, такъ-что, когда сѣли обѣдать, Потапъ самъ насчиталъ восемь щукъ и три окуни и, отдавая ихъ женѣ, сказалъ: слушай Настя, я сегодня заночую въ полѣ, а завтра ты возьми изготовь эту рыбу и принеси мнѣ обѣдать. Да смотри, не переведи ее какъ жу... (Тутъ Настя мигнула на Потапа) да, какъ, какъ... Ты сама знаешь какъ что такое.

ЧЕТВЕРГЪ.

Поздно вечеромъ, сердито вошелъ Потапъ въ свою хату; онъ цѣлый день питался однимъ хлѣбомъ и водою: Настя по какой-то причинѣ не приносила ему обѣдать.

— Давай ѣсть, жена! закричалъ онъ:—я голоденъ какъ волкъ, по твоей милости!

— Вольно было не приходиться къ обѣду.

— Да, вѣдь, я тебѣ приказывалъ принести мнѣ въ поле рыбу?

— Вѣчно дурачится старый! Въ четвергъ вздумалъ поститься! И гдѣ бы я ему взяла рыбы? Лучше покушай галушекъ съ саломъ; ты ихъ любишь, я нарочно для тебя приговорила.

— Галушки, гм! Но гдѣ жъ рыба?

— Ха - ха - ха! не знаетъ гдѣ рыба! которая въ водѣ—та плаваетъ, которая у чумаковъ—та лежитъ въ возахъ и амбарахъ которую...

— Еще и смѣется! Да наша гдѣ?

— Послѣдній десятокъ тарани еще передъ Крещеніемъ сѣли. Помнишь, когда былъ кумъ Свистоплясъ въ новыхъ сапогахъ. Вотъ сапоги, настоящіе московскіе! въ каждую подошву вколочено сотни полторы гвоздей.

Какъ идетъ кумъ по хатѣ, стучить словно добрая лошадь.

— Что ты мнѣ врешь околѣсную про Свистопляса да про московскіе сапоги! Охъ, бабы! меня не проведешь! Вѣрно кошки съѣли рыбу?

— Да отстань, пожалуйста! Какую рыбу?

— Ту, что я вчера выпахалъ изъ земли на нашей нивѣ.

— Вотъ опять Богъ знаетъ что! Опять что-нибудь приснилось!

— Приснилось? Развѣ ты забыла, что я вчера, при твоихъ глазахъ, выпахалъ восемь шукъ и три окуня?

— Полно шутить! Ъшь галушки, не то простынуть.

— Какъ шутить? Я выпахалъ рыбу, а меня увѣряютъ, что я шучу!

— Богъ съ тобою, Потопе! не кричи такъ; право, сторонніе люди услышатъ да расскажутъ вездѣ, что ты съ ума сошелъ. Разсуди хорошенько, умная ты голова: какъ можетъ рыба жить въ землѣ? какъ она тамъ будетъ плавать? а ежели она и плаваетъ, то почему не испугалась плуга и не уплыла въ землю глубже? Вѣдь, рыба въ водѣ водится, а попробуй, начни пахать воду, право, и лягушки не поймашь; хоть лягушка и не рыба а такъ живая, неѣдомая скверность. Нѣтъ, это чистый сонъ; и какъ можно вѣрить всякому сну, мало чего не присниться, такъ и кричать: давай мнѣ того и другаго и десятаго! А гдѣ его взять...

— Сонъ— другое дѣло; но рыбу я держалъ въ своихъ рукахъ, кажется, такъ и шевелилась!

— То-то и бѣда, что кажется! Вотъ мнѣ разъ показалось, что я плыву, какъ на яву, хоть побожиться, такъ живо! и держусь за претолстый чурбанъ... Про-

снулась; а я сплю - себѣ преспокойно подлѣ тебя, на мягкой постели!?

— Господи, Боже мой! отчего же прежде не случались мнѣ такія видѣнія?... Тамъ журавль, тутъ рыба...

— Молчи, молчи, Бога ради! опять за старый бредъ! Ты нездоровъ, тебя испортили злые люди. И за что я, несчастная суждена терпѣть? промолвила тихимъ голосомъ Настя, утирая рукавомъ слезы.

Потапъ задумался.

— Что ты не ужинаешь? спросила его Настя.

— Мнѣ нездоровится, отвѣчалъ Потапъ, и проворчалъ, закуривая трубку: — тутъ что-то не спроста, право не спроста.

— Охъ, и я такъ думаю! сказала Настя, и тяжелый вздохъ вырвался изъ полной груди ея.

ПЯТНИЦА.

Сегодня пятница, день рабочій и нѣтъ никакого праздника. Всѣ люди отправились на работу: Заяцъ пошелъ на мельницу; Бардакъ давно стучить топоромъ; Куць съ Шевцомъ молотятъ просо; прочіе всѣ поѣхали въ поле. Теперь время весеннее: люди, какъ муравьи, роятся въ землѣ, а Потапъ остался дома; его хлопцы сами поѣхали на ниву. Потапъ не могъ даже обѣдать; онъ былъ скученъ, молча курилъ трубку и на ласки и поцалуи жены не отвѣчалъ ни слова. Послѣ обѣда онъ взялъ шапку и куда-то вышелъ, и возвратился уже передъ вечеромъ. Въ хатѣ никого не было; Настя что-то дѣлала на огородѣ.

«Я никакъ не думалъ», говорилъ самъ себѣ Потапъ, садясь на лавку, «чтобъ эта кума была такая добрая; попала ^{се} мнѣ на дорогѣ и затащила къ себѣ.

Славная у нея настойка! Говорить: «выпейте, Потапъ Евтуховичъ, это полезно», и правда: гораздо благополучнѣе на желудкѣ... Да и говорить-таки: «испытайте вашу болѣзнь надъ вашею же женою...» Пожалуй, я не прочь, мнѣ же лучше. «Когда вправду больны, такъ лечитесь, говорить, а когда это женскія штуки...» О! то я ей покажу себя, я вѣдь золь, сильно золь!... Спасибо еще сказала: Богъ не приказалъ женщинамъ стричь волосъ, а я частенько думалъ: отчего онѣ не стригутся? — а имъ Богъ не приказалъ! Вѣрно, такъ надобно. Да говорить, оттого-то въ хатѣ и стричь нельзя. Ну, да это пустое... Спасибо кумѣ, право она такая добрая! «Вы, говорить, Потапъ Евтуховичъ, не безпокойтесь и выпейте еще; а тогда, какъ испытаете — другое дѣло! это важно, говорить, попросите Флоранскаго: онъ знаетъ разныя заклинанія». Мнѣ-то больно не по-душѣ этоть Петя Опанасовичъ, а дѣлать нечего.

Такъ, или почти такъ, разсуждалъ Потапъ, пока не пришла Настя съ огорода.

Насталъ вечеръ. Поужинали. Вотъ и темно въ мирѣ: пора спать.

— Мы сегодня будемъ ночевать въ амбарѣ, сказалъ Потапъ женѣ.

— Въ амбарѣ!

— Да, въ амбарѣ; здѣсь очень душно.

— Давно ли кутался тремя шубами? ничѣмъ, бывало, его не нагрѣешь, а теперь душно!...

— Не твое дѣло; говорю тебѣ: иди стели постель въ амбарѣ, а я подожду здѣсь хлопцовъ. Какъ они долго не ѣдутъ съ поля!

— То журавли, то рыба, то душно, еще Богъ знаетъ

что дальше будетъ. Пропалъ человѣкъ! прошептала Настя и пошла въ амбаръ.

Потапъ остался одинъ. Онъ вынулъ изъ кармана ножницы, досталъ съ полки брусъ и началъ острить ихъ. Скоро прѣехали хлопцы; волы распряжены; имъ дали сѣна; плугъ поставленъ на мѣстѣ. Чего же болѣе? Потапъ, осмотрѣвши все хозяйство, пошелъ въ амбаръ.

СУББОТА.

Настало утро, тихое, прекрасное утро. Предразсвѣтнѣй вѣтеръ задулъ въ небѣ звѣзды. На землѣ все становилось свѣтлѣе. Вотъ загорѣлось на востокѣ небо. Изъ-подъ соломенной кровли вылетѣла ласточка, взвилась кверху, очертила кругъ надъ хатою и, усѣвшись на крышѣ, весело защебетала на встрѣчу красному солнышку. Вышло оно, радость наша, свѣтлое, чистое, омытое свѣжею росой, и привѣтно улыбнулось; отъ его улыбки потеплѣло на свѣтѣ, пробудилась земля.

Передъ хатою Потапа стоитъ любимая его чубарая кобыла; и вы не узнали бы ее; когда бъ теперь увидѣли; представьте, грива и хвостъ такъ у нея выстрижены, что смотрѣть совѣстно. Право непонятно, кто остригъ ее. Въ деревнѣ нѣтъ военнаго поста, да хотя бы и былъ, все-таки чубарой хвостъ не годится на султаны. На завалинѣ подъ хатою сидитъ Потапъ. Онъ задумался и, потушивъ глаза въ землю, чертитъ на пескѣ палкою какія-то фигурки. Подлѣ него стоитъ Настя. Она убита горестью; ея глаза отъ слезъ не могутъ смотрѣть на свѣтъ Божій; ея длинныя, черныя косы въ беспорядкѣ раажетались по плечамъ; она была такъ хороша, ея горестъ была такъ непритворна, ее такъ было жалко, что даже вы, вы, почтенный философъ, въ длинномъ сюр-

тукъ, изучившій всего Цицерона, вы бы невольно захотѣли поцаловать ее, чтобъ утѣшить эту безутѣшную горестъ.

— Боже мой! за что ты такъ меня наказываешь? говорила Настя, скрестивъ на полной груди своей бѣлыя руки: — за что ты берешь отъ меня моего добраго Потапа? Потане! Потане! ты живъ? продолжала она, дергая его потихоньку за рукавъ.

— Кажется, живъ, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

— Кажется! О, Боже мой, все ему кажется! Послалъ же какой-то недобрый человекъ на него видѣнія! Шутка ли, цѣлую ночь провозиться съ кобылою? Не успѣла я вздремнуть съ вечера, смотрю: онъ встаетъ, взялъ ножницы, и давай стричь кобылу. Сколько я ни просила, такъ-нѣтъ, и слышать не хочетъ. «Я знаю, говоритъ, что дѣлаю; ты, безтолковая баба, не мѣшайся въ казацкія дѣла. Охъ, не то было бъ на свѣтѣ, когда бы вы насъ слушали! а то мужъ неподобное станеть дѣлать — жена молчи и пикнуть не смѣй! Да и что тутъ за казацкое дѣло — стричь кобылу? смѣхъ людямъ сказать. На ней теперъ никуда поѣхать нельзя, и продать, такъ полцѣны не дадутъ.

— Сдурѣлъ, сдурѣлъ, право сдурѣлъ я на старость! Самъ вижу ясно, что сдурѣлъ, говорилъ Потанъ, тихо качая головою.

Настя плакала.

— Не плачь, Настя, это Богъ наказалъ меня за то, что я тебѣ не вѣрилъ, что я хотѣлъ, когда ты спала въ амбарѣ, обрѣзать твои косы, чтобъ испытать, точно ли миѣ все кажется. Хоть присягнуть, миѣ помнится, я пришелъ въ амбаръ, отрѣзалъ на твоей головѣ косы, положилъ ихъ подъ подушку и легъ спать. Поутру про-

сыпаясь — подъ подушкою конская грива, на твоей головѣ не тронуть ни одинъ волосокъ, по двору бродить моя кобыла совсѣмъ ощипаная!

— Скажи спасибо, что я не дала тебѣ обрѣзать ей уши.

— А я хотѣлъ и уши ей обрѣзать?

— Какъ же! А послѣ все искалъ топора, чтобъ отрубить ей голову.

— И голову? Ей-богу ничего не помню.

— Мало этого, еще хвалился на слѣдующую ночь меня зарѣзать. Я боюсь тебя.

— Не знаю, хотъ убей, ничего не знаю, моя милая. Ты свяжи меня на ночь, когда боишься, свяжи руки и ноги.

— Тебя связать? О, Боже мой, до чего я дожила! чтобъ я на своего законнаго мужа, на своего начальника подняла руки? Нѣтъ, Потапе, лучше замучь меня.

— Вотъ дура! когда я тебя зарѣжу, такъ и мнѣ житья не будетъ: меня зашлютъ въ Сибирь.

— Ну, когда такъ, то возьму тяжкій грѣхъ на душу, спеленаю тебя, какъ ребенка, а въ Сибирь не пущу!

— Спасибо тебѣ, жена. А мнѣ все-таки худо.

— Худо? Бѣдный, совсѣмъ ряхнулся! Когда-бъ я знала, что ты будешь сидѣть смирно, я пошла бъ за дьячкомъ: пусть онъ прочитаетъ надъ тобою что-нибудь полезное, авось будетъ лучше.

— Дѣлай чтò хочешь! И Потапъ махнулъ рукою.

Черезъ пять минутъ Настя была уже у кумы.

— Каково твой старый чортъ отдѣлалъ меня, говорила кума, снимая съ головы платокъ — и Настя начала хохотать: кума была острижена какъ рекрутъ. —

Видишь, что я вытерпѣла изъ дружбы къ тебѣ, а ты мнѣ не хочешь дать полотна.

— Принесу цѣлую штуку.

— Ну, то-то! Куда ты идешь?

— Послалъ меня мой нелюбъ за дьячкомъ вычитывать дурь изъ головы.

— За Петекю? Ха-ха-ха! но, послушай... Тутъ онѣ начали говорить такъ тихо, какъ-будто ихъ кто подслушивалъ. Гдѣ сойдутся двѣ женщины, тамъ вѣчно секреты.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Господи! какъ скоро идетъ время! Давно ли, подумаешь, я былъ ребенокъ? Меня занимала и перестрая бабочка и перелетное облачко и тонкая струя дыма въ голубомъ воздухѣ и любовь дѣвушки — давно ли? А теперь я не причисляю бабочки къ лику небожителей, я понимаю, что она гадкій червь, прикрашенный блестящею пылью; знаю, что облачко и дымъ разлетятся при первомъ дуновеніи вѣтра. А любовь... Но Богъ съ ними! Я теперь улыбаюсь отъ того, что прежде увлаживало глаза мои, можетъ-быть, святою слезою. Кто виноватъ въ этомъ — Богъ знаетъ. Давно ли міръ упалъ ницъ предъ Наполеономъ, котораго рати наводнили Европу? Давно ли сѣверный орелъ, согрѣтый жертвеннымъ огнемъ Москвы, встрепенулся, смѣлъ однимъ крыломъ буйныя полчища съ лица Европы и, распутивъ другое, прикрылъ державною сѣнью полміра, освобожденнаго отъ рабства — давно ли? И мы уже припоминаемъ это какъ сонъ! Давно ли было воскресенье? всѣ ходили въ село Коровои къ обѣдни, а сегодня опять воскре-

сень и всѣ уже идутъ отъ обѣдни, и Семень и Швець и Заяць и всѣ идутъ. Господи, какъ скоро идетъ время!

Привольно, тепло свѣтитъ красное солнышко; его лучи весело разбѣгаются по голубой водѣ и такъ на свѣжей зеленой муравкѣ, обливая ее золотомъ. Сады уже прыснули листочками; въ густой бузинѣ стонетъ иволга. Какой прекрасный день! настоящее воскресенье!

Послѣ обѣда подъ трактиромъ собрались всѣ порядочные люди. Вотъ гдѣ послушать исторій: тутъ рассказываетъ мельникъ, какъ давно еще когда-то, *за старое пана* его отецъ убилъ ночью, въ мельницѣ, собственноручно небольшого бѣса, который былъ, по обыкновенію, въ нѣмецкомъ платьѣ, въ самыхъ узенькихъ панталонахъ, съ хвостомъ, съ рогами и крыльями; какъ покойный отецъ взялъ эту негодную тварь за рога и выбросилъ на плотину. Настало утро; вы думаете бѣсъ исчезъ? — ни чуть не бывало; утро освѣтило бѣсовскій трупъ; все село смотрѣло на него; и нѣсколько дней лежалъ бѣсенокъ на плотинѣ; его не клевали вороны; собаки, поджавъ хвосты, съ визгомъ обѣгали эту нечистую вещь, а бѣсъ, между тѣмъ, сохъ да съеживался, и сдѣлался такъ малъ, что проходящая изъ Курской губерніи баба плюнула на него — и его не стало видно. Немного подальше, въ кружкѣ, Заяць увѣряетъ и божится, что Александръ Македонскій ѣхалъ моремъ-океаномъ и заѣхалъ на край свѣта, гдѣ сошлось небо съ землею. И всѣ удивляются, отчего Александра Македонскаго назвали Македонскимъ.

Если у него не было умѣ фамилии, говорилъ Швець, то назвать бы его по отцу: когда отецъ былъ Тарасъ — Тарасенкомъ, когда Грицко — Гриценкомъ. А то Македонскій — ни къ селу, ни къ городу.

— Дураки были тогда люди, перебилъ Заяцъ.

— Значить, этотъ Македонскій немного не доходилъ до Иерусалима? спрашивалъ Кочережка.

— Вотъ голова! кричалъ Кулишъ: — будто Иерусалимъ на краю свѣта! Я самъ былъ въ Одессѣ, а тамъ до Иерусалима и ста верстъ не будетъ.

— Взять бы нашему Потапу у пана билетъ, когда Иерусалимъ такъ близко, да сходить туда Богу помодиться за свои грѣхи, сказалъ, подошедши къ бесѣдовавшимъ, Максимъ Стусъ.

— А что съ Потапомъ? спросили все въ одинъ голосъ.

— Совсѣмъ сдурѣлъ, отвѣчалъ съ важнымъ видомъ Стусъ.

— Это ему за грѣхи его, заговорили люди: — онъ былъ злой человѣкъ и безвинно обижалъ свою жену; сколько разъ, мы сами видѣли, она, бывало, обливается отъ него горячими слезами.

— Именно такъ, продолжалъ протяжно Стусъ: — ему всякая дрянь въ умъ лѣзетъ: то представляется, что палкою стрѣляетъ журавлей, то выпаживаетъ на нивѣ живую рыбу, то стрижетъ кобылу и называетъ ее своею женою.

— Кобылу называетъ женою?

— Да, право, да.

— Можетъ-быть, жену кобылою?

— Я знаю, что говорю! Мало этого, еще хотѣлъ бѣдную жену зарѣзать.

— О? Не-уже-ли?!

— Да, однако, Господь не допустилъ этого. Самъ Потапъ приказалъ женѣ связать себѣ руки и ноги. Что жъ? цѣлую ночь ему представлялось, что его Настя...

Господи, прости! палуется съ Петею Опанасовичемъ и смѣется ему въ глаза, и языкъ показываетъ, и лихой ихъ знаетъ, что такое!... Такъ въ эту ночь измучился, такъ избился, что на себя не похожъ, веревки до крови врѣзались въ его руки и ноги.

«О Господи, какое несчастье!» говорили слушатели, «а давно ли, подумаешь, прошлое воскресенье, онъ съ нами вотъ тутъ подъ трактиромъ бранилъ новаго управителя и пилъ водку, какъ человекъ въ добромъ разсудкѣ!...»

1836 г.

ВОТЪ КОМУ ЗУЗУЛЯ КОВАЛА!

РАЗСКАЗЪ.

I.

Весьма хорошее село Нехайки; въ немъ все такія бѣленькія, чистенькія избы, какихъ литвину и во снѣ не видывать. Село перерѣзываетъ широкая дорога; на этой дорогѣ, за селомъ, стоятъ ворота, подлѣ воротъ, въ землянкѣ, живетъ короцный сторожъ, отставной солдатъ инвалидной команды, лгунъ, нахаль, шарлатанъ. Но о немъ поговоримъ въ свое время, онъ, вѣдь, за селомъ; въ Нехайкахъ такого вздору не водится. Тамъ есть дюжіе паробки, есть красавицы чернобровыя дѣвушки, есть музыканты, сады, собаки, голуби, даже есть докторъ, который прекрасно шепчетъ отъ бѣльма и отъ простуды; но главное, чѣмъ отличаются Нехайки отъ другихъ селъ это — огороды. Чтò за роскошь эти огороды! Отъ хатъ до самой рѣки тянутся они широкими цвѣтными полосами. Тутъ чинно, спокойно, какъ въ засѣданіи какого-нибудь комитета, прозябають увѣсистыя, гладкія головы капусты, далѣе, цѣпляясь за подпорки, улы-

бается вамъ розовыми цвѣточками кудрявый горохъ, точь-въ-точь завитой франтикъ въ чужомъ кабріолетѣ; подлѣ него, какъ пышная дама въ страусовыхъ перьяхъ, гордо колеблетъ махровою зеленью морковь; тамъ, какъ живая смуглянка Малороссіи, безпрестанно шевелить дробными темнозелеными, блестящими листочками петрушка; какъ сѣверныя дѣвы, стройныя, свѣтлыя, стоятъ мансъ, разметавъ свою русую косу; какъ сотникъ Мартина Задеки, лѣниво раскинула толстые сѣроокрасноватые листья свекла; какъ люди-труженики ползуть, во всѣхъ направленіяхъ по землѣ, огуречные побѣги, отягченные сочными, здоровыми плодами — словомъ, тамъ растеть все, что есть на свѣтѣ. Выйди только хозяйка на огородъ, задумай чего необходимаго — оно тутъ и есть, подь-рукою.

Совершенно такіе огороды имѣли два казака-сосѣда: Никита Чмыхъ и Козьма Щуръ. Эти огороды граничили между собою, какъ поды застегнутаго сюртука, или какъ иногда слово *дуракъ* съ какимъ-нибудь челоукомъ, такъ-что когда скажутъ: *дуракъ*, то сейчасъ въ воображеніи вашемъ и рисуется извѣстная фигура, и обратно. Вѣдь это бываетъ? Такъ и огородъ Чмыха неволью представляется глазамъ, когда вспомнишь огородъ Щура.

Эти огороды были раздѣлены ветхимъ полуразломаннымъ плетнемъ; посреди ихъ росла развѣсистая верба, та самая, на которой въ прошломъ году — помните, какъ была въ Нехайкахъ днѣвка гусарскаго эскадрона, нашла ремезово гнѣздо *) шинкарка Феська. Умная баба

*) Ремезъ очень искусно дѣлаетъ гнѣзда изъ пуху, шерсти и другихъ мягкихъ веществъ. Въ Малороссіи приписываютъ ему большую лекарственную силу.

Феська: дождалась же военныхъ людей! Небойсь, сама не пошла: знала, что ремезъ птица волшебная! Въ глухую полночь взяла двухъ солдатъ и сняла съ вербы гнѣздо. Никто бы не повѣрилъ, что такая молоденькая женщина достала такую рѣдкость, да самъ Дмитро Гречаникъ видѣлъ своими глазами, какъ она перелѣзла черезъ плетень и пошла подъ вербу съ солдатами. Да что вамъ рассказывать, вы вѣрно слышали про это гнѣздо.

Пограничная верба раскинула свои вѣтви далеко на огороды обоихъ казаковъ, распустила корни и широко и глубоко въ землю обоихъ огородовъ и какъ-бы связывала братскимъ узломъ владѣнія двухъ пріятелей, которыя люди раздѣляли, хотъ слабымъ плетнемъ, да все-таки раздѣлили.

Чмыхъ и Щуръ были издавна пріятели, крестили одинъ у-другаго дѣтей; оба курили и нюхали табакъ, употребляли хмѣльное и очень любили колбасы съ чеснокомъ. Да кто ихъ и не любить? Славная вещь!

Утромъ въ маѣ мѣсяцъ, въ праздникъ Вознесенія, была прекрасная погода. Солнце поднялось довольно-высоко на небо и смотрѣло на Нехайки такъ ласково, какъ нашъ курносый писарь, когда хочеть у васъ что-нибудь выпросить. Парубки гуляли вдоль улицы; дѣвушки, украшенные цвѣтами, пестрыми рядами сидѣли подъ хатами; Козьма Щуръ лежалъ на огородѣ, ожидая обѣда. «Анахронизмъ!» реветъ ужасно *ловецъ ошибокъ*, человекъ съ большимъ брюхомъ. Онъ какой-то членъ—право не помню хорошенько, имѣеть акцію на желѣзную дорогу и двѣ на освѣщеніе газомъ. Основываясь на этихъ опорахъ, *ловецъ ошибокъ* всегда кричитъ октавой выше людей обыкновенныхъ. «Вниманіе!» кричитъ онъ, «Малороссія не достигла еще до апогея порчи нравовъ; ergo

невъразимо-непростительно думать и писать, чтобы въ тотъ торжественный моментъ, когда человѣки возносятся свои моленія къ престолу Великаго Зодчаго природы...» Ахъ, monsieur ловець! какъ вы болтаете высокопарно! говорите яснѣе. Вамъ странно, что простой казакъ, здоровый и тѣломъ и душою, во время великаго праздника не пошелъ въ церковь, а легъ на огородъ дѣлать кейфъ? Правда, это не въ духѣ малороссіянъ, народа религіознаго; но дослушайте до конца, и — кричите сколько вамъ угодно. Въ Нехайкахъ былъ боленъ священникъ и по этому случаю не было обѣдни.

Вотъ Козьма Щуръ вышелъ на огородъ и легъ въ зеленой травѣ, обратя свою широкую спину къ солнцу. Онъ уперъ локти въ землю, поднялъ кверху ладони и на нихъ положилъ голову такъ, что, смотря съ улицы, вы не узнали бы, какое усатое чудовище лежитъ на огородѣ Щура; а это былъ самъ Щуръ. Не знаю, о чемъ думалъ онъ, а былъ занятъ чрезвычайно: ему хотѣлось плюнуть въ чашечку огуречнаго цвѣтка, который росъ на пол-аршина отъ его носа, и, представьте! это ему никакъ не удавалось. Уже часа два лежалъ онъ и плевалъ въ разныхъ направленіяхъ, а все неудача: то возьметъ слишкомъ влѣво, то вправо, то не доплюнетъ, то переплюнетъ, а золотая коронка цвѣтка все остается невредима и, покачиваясь отъ вѣтра, какъ будто дразнить Щура.

— Какое поганое зелье! проворчалъ Щуръ, и хотѣлъ-было протянуть руку, чтобы сорвать цвѣтокъ и наплевать въ самую чашечку, какъ почти надъ самымъ ухомъ раздалось жалобное: *куку*.

— О! сказалъ Щуръ: зузуля куеть!

Я думаю, вамъ часто случалось видѣть на тон-

ких вѣточкахъ деревъ какіе-то наросты, въ родѣ бисерныхъ ожерелій? Спросите объ этомъ любого естествоиспытателя, онъ вамъ, пожалуй, расскажетъ, что это яички мотыльковъ, что на весну изъ нихъ выйдутъ гусеницы, что гусеницы превратятся опять въ мотыльковъ и тому подобное. Онъ вамъ наговоритъ разной чепухи три короба, лишь бы чѣмъ-нибудь обмануть васъ; а дѣло гораздо проще. Извольте видѣть: кукушка птица вѣщунья: она знаетъ сколько кому лѣтъ прожить на бѣломъ свѣтѣ, и вамъ, и вашему кучеру, и вашему начальнику отдѣленія, потому - что всѣ люди одиноково смертны. Когда вы услышите, что поетъ кукушка, обратитесь только къ ней повѣжливѣе — и она вамъ сейчасъ продиктуетъ остальные годы вашей жизни, и въ это время для всякаго года выковываетъ по зернышку и кладетъ ихъ въ видѣ ожерелья вокругъ вѣтки, на которой сидитъ. Вотъ вамъ, господа ученые, ваши яички и гусеницы и мотыльки! О, смѣхъ съ вами, да и только! Любая баба въ Малороссіи объяснитъ эти вещи умнѣе вашего. Пожалуй, вы еще скажете, что изъ яблока выйдетъ жаворонокъ, а изъ жаворонка копіистъ! Молчите! кто вамъ повѣритъ?

Щуръ поворотилъ голову къ вербѣ и вполголоса сказалъ:

— Зузуля, княгиня! сколько мнѣ лѣтъ еще жить на свѣтѣ?

Куку! отозвалось на вербѣ.

— Разъ, сказалъ Щуръ.

Куку, куку, куку!

— Два, три, четыре, считалъ Щуръ; а на лицѣ его показывалось удовольствіе, и когда кукушка перестала пѣть, Щуръ насчиталъ пятьдесятъ.

*

— Спасибо тебѣ, княгиня, сказалъ онъ, подымаясь изъ травы: — еще много вѣку впереди!...

А таинственная вѣшунья, испуганная движеніемъ Щура, спорхнула съ вѣтки и быстро мелькнула надъ землею, скрываясь между маисомъ и подсолнечниками.

Надобно жъ было такъ случиться, что и Чмыхъ, пользуясь свободнымъ временемъ и хорошею погодою, вышелъ полежать на своемъ огородѣ. Онъ легъ прямо лицомъ къ небу, сложивъ на-крестъ руки подъ головою и раскинувъ ноги въ стороны, такъ, что изъ него образовалась буква ижица (V). Чмыхъ лежалъ неподвижно. Иногда дерзкая муха садилась къ нему на носъ, тогда Чмыхъ дергалъ носомъ, шевелилъ усами, и когда это не пособляло, то, вытягивалъ нижнюю губу болѣе обыкновеннаго, загибалъ ее кверху и окончательно сдувалъ муху съ носа; но это онъ продѣлывалъ такъ, безъ всякаго соображенія, какъ дѣло постороннее, потому-что всѣ его мысли занимала ласточка. Эта веселая летунья вилась надъ нимъ, щебеча звонкія пѣсни; то быстрою точкою рѣяла въ небѣ, то плавно рѣзала воздухъ сверху внизъ въ косвенныхъ направленіяхъ, то, какъ-бы купааясь въ свѣтлой синевѣ, трепетала крылышками, останавливалась неподвижно, и вдругъ, какъ лучъ молніи исчезала съ глазъ.

«Вотъ безтолковое твореніе!» думалъ Чмыхъ: «и чего она такъ летаетъ? вѣрно у нея другой работы нѣтъ. Рада теплому дню, какъ-будто это первый и послѣдній. Сѣла бы себѣ на плетень, или на крышу, да и грѣлась, и пѣла бы, коли охота есть, а то летаетъ! Нѣтъ, это должна быть самка: самецъ не станетъ дѣлать подобныхъ глупостей...»

Вдругъ, это философское размышленіе прервалъ знакомый намъ голосъ кукушки.

— А скажи, зузуля-княгиня, сколько мнѣ лѣтъ на свѣтѣ жить? спросилъ Чмыхъ, и тоже насчитавъ пятьдесятъ, вскочилъ съ самодовольствіемъ, чтобъ сообщить женѣ эту приятную новость, и увидѣлъ Щура.

— Добрыдень куме! сказала Щуръ, подходя къ плетню.

— Здоровъ куме! отвѣчалъ Чмыхъ, тоже приближаясь къ границѣ.

Чрезъ минуту они стояли носъ-объ-носъ другъ съ другомъ. Щуръ вынулъ изъ-за сапога рожокъ съ табакомъ, постучалъ имъ о плетень и, насыпавъ табаку на ноготь большого пальца, хотѣлъ передать рожокъ своему куму, но слова Чмыха остановили его намѣреніе.

— Еще поживемъ на свѣтѣ, Кузьмо! говорилъ Чмыхъ.

— Какъ, Никито?

— Да такъ, Кузьмо, пятьдесятъ годовъ, какъ червонецъ, отсчитала мнѣ сейчаеъ кукушка.

— О!

— Ей-богу!

— Ова!

— Чего жь тутъ — ова?

— Пятьдесятъ лѣтъ?

— Пятьдесятъ.

— А можетъ больше?

— Вы, вѣрно, пане Кузьмо, не выспались?

— Не выспались! а можетъ-быть, мнѣ зузуля ковала — вотъ что!

— Тебѣ?

— Да, мнѣ, я её просилъ.

— Нѣтъ, я ее просилъ, она мнѣ ковала.

— Подумай, Никито, куда тебѣ жить пятьдесятъ лѣтъ; тебя на дняхъ нечистый слижетъ со свѣта.

Подобныя фразы загремѣли на спокойныхъ огородахъ Нехаекъ. Жены Чмыха и Щура, услышавъ недружелюбные возгласы мужей, выбѣжали изъ хатъ и присоединились къ воевавшимъ. Проходившіе сходились поглядѣть на ссору и приставали кто къ сторонѣ Чмыха, кто къ сторонѣ Щура. Въ этомъ дѣлѣ приняла дѣятельное участіе вся сельская аристократія: пришелъ самъ выборный, волостной писарь, дьячокъ; всѣ толковали, спорили, шумѣли и не могли дать толку.

— Стоитъ только узнать, въ чьемъ владѣніи пѣла птица, тому принадлежать и пѣсни, кричалъ писарь... Но верба росла на границѣ и не была собственностью ни одной изъ спорившихъ сторонъ. Вымѣряли ея вѣтви: онѣ одинаково осѣняли владѣнія и Чмыха и Щура; распали корни этого враждебнаго дерева: они безконечно-далеко ушли въ землю обоихъ огородовъ. Требованія Чмыха и Щура были совершено равносильны и разрѣшить задачу: кому куковала кукушка, казалось дѣломъ сверхъестественнымъ. Выборный, пожавъ плечами, сказалъ:

— Ихъ и самъ чортъ не разберетъ, кромѣ вышшаго начальства! Мой совѣтъ: ѣхать къ сотнику; а я въ этомъ дѣлѣ сторона, я простой человекъ.

— Хоть къ полковнику поѣду, а поставлю на своемъ! кричалъ Щуръ.

— Хоть до гетмана, отвѣчалъ Чмыхъ: — я не позволю заѣдать моего вѣку!

Сотникъ Непейвода былъ извѣстенъ во всемъ окресткѣ, какъ человекъ весьма умный; хотя онъ имѣлъ свои странности, но эти странности только показывали его умъ, а болѣе ничего. Онъ, бывало, скажетъ кому-

нибудь: «Какъ тебя зовутъ?» и вдругъ такъ зѣвнеть передъ самыми его глазами, что тотъ невольно попятится назадъ и поклонится. Или попробуйте спросить о чемъ-нибудь сотника: онъ, не отвѣчая, засвиститъ потихоньку, да такъ прекрасно, какъ иволга, и послѣ скажетъ: «что вы говорили?» Разумѣется, еслибъ это сдѣлалъ кто-нибудь изъ простыхъ людей, оно было бы не очень хорошо, а сотникъ на то начальникъ, можетъ быть, онъ знаетъ и по-птичьему; не даромъ же его учили въ кievской бурсѣ. Кромѣ того — подивитесь! онъ былъ большой гомеопатъ. Не было еще ни доктора Гацемана, ни его системы, а на хуторѣ Непейводы процвѣтала гомеопатія. Говорятъ, великіе люди опережаютъ свой вѣкъ, а сотникъ былъ роста вершковъ одиннадцати. Непейвода ничего не пила, кромѣ шиповниковки. Для этого обыкновенно рано утромъ бросали въ штофъ одну ягоду шиповника и наливали полную штофъ пѣнникомъ. Въ продолженіе дня сотникъ уничтожалъ въ конецъ эту настойку, такъ-что оставалась въ штофѣ одна ягода; на утро опять на эту ягоду наливали водку, и опять сотникъ вышивалъ ее, и такъ далѣе. Это было нѣчто въ родѣ *regretium mobile*. Сосѣди божились, что сотникъ пьетъ чистый пѣнникъ, что въ шиповниковкѣ не было никакого вкуса, ни запаха; сотникъ крѣпко стоялъ на своемъ, что они врутъ. Онъ пила эту настойку наперсткомъ; въ тотъ вѣкъ, когда все человечество пила аллопатическими, ковшами, вмѣщавшими въ себѣ бутылки двѣ и болѣе, пить наперсткомъ была большая странность, отдѣлявшая сотника отъ обыкновенной толпы. Говорили, что еще въ молодости онъ получалъ этотъ наперстокъ на память отъ одной польской панны; а сотникъ говорилъ: «Люди неразумные

питьею стаканомъ: они разомъ ушыются — и только; но когда я выпью наперстокъ — чудесный жаръ разольется во мнѣ, въ лицо вступитъ краска, глаза заблестаютъ огнемъ; я готовъ полѣзть на что вамъ угодно, хоть на турецкую базарею; а если эта храбрость начнетъ проходить, я опять пью наперстокъ — и опять бодрѣю, и все-таки не пьянѣю — вотъ что!» Четыре года какъ овдовѣлъ Непейвода; у него было дитя лѣтъ пяти. Что жъ вы думаете? Сотникъ, по добротѣ своей, не захотѣлъ къ дитяти брать ни одной няньки: «зачѣмъ» говорилъ онъ, «отрывать женщину отъ работы, пусть за нимъ смотрять поочередно», и, вслѣдствіе этого, каждое утро являлась съ хутора дѣвушка или молодая женщина, одѣтая по-праздничному; она цѣлый день и цѣлую ночь тѣшила ребенка и на утро сдавала его на руки слѣдующей, кто былъ на очереди. Великій гомеопатъ былъ Непейвода! Даже самыя гомеопатическія приношенія просителей бралъ сотникъ ни мало не сердясь: курица, старая сабля, мѣрка овса — все принималось за *благо*, хотя бы онъ, по званію, такими мелочами могъ и обидѣться. Тутъ только и есть маленькая разница между нимъ и послѣдователями Ганемана.

Рано поутру проснулся мудрый сотникъ Непейвода. Вчера былъ праздникъ Вознесенія Господня и у сотника было много гостей; онъ, какъ хозяинъ, радушно принималъ ихъ, оживляя по временамъ свои силы спасительною шиповниковкою, и до того захопотался, что, отъ усталости, склонясь на столъ, захрапѣлъ, держа въ рукахъ наперстокъ. Буйное ликованье гостей-аллопатовъ не имѣло уже на него никакого дѣйствія: онъ спалъ какъ богатырь въ русской сказкѣ Хорошо, что это случилось не въ первый разъ и потому не произвело ни-

какого разстройства; нировавшие далеко за-полночь раз-
бредлись по домамъ, а хозяинъ проспалъ до самаго свѣ-
та въ томъ самомъ положеніи, какъ заснулъ съ вечера.
Рано поутру онъ всталъ и потребовалъ соленыхъ огур-
цовъ, шиповниковки и сотеннаго писаря.

Огурцы съѣдены, настойка выпита, писарь явился.

— Чтò новаго? спросилъ сотникъ.

— Есть просители, *добродію*.

— Какіе?

— Два казака изъ Нехаекъ, поссорившіеся о не-
извѣстности кованія зузули.

— Зузули?... А-у! (сотникъ протяжно зѣвнулъ).
Дѣло важное! Какихъ не приведетъ Господь дѣлъ раз-
бирать нашему брату!

— На тò вы у насъ голова! сказалъ, кланяясь, писарь.

— Оно такъ... А зови-ка ихъ сюда!

Писарь вышелъ. Сотникъ сѣлъ за столъ, покрытый
краснымъ сукномъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошли
Щуръ и Чмыхъ.

— Ну, въ чемъ ваше дѣло? спросилъ ихъ сотникъ
грознымъ голосомъ.

Чмыхъ поклонился и началъ рассказывать исторію,
которая вамъ извѣстна.

— Чего жъ тебѣ хочется? спросилъ сотникъ, раз-
сѣянно смотря въ окно и насвистывая что-то въ родѣ
куликовой пѣсни.

— Чтобъ была ваша ласка сказать, кому зузуля
ковала, отвѣчалъ Чмыхъ, подошелъ къ столу, покло-
нился въ-поясъ и, приподнявъ красное сукно, положилъ
подъ него серебряный рубль.

— Кому ковала зузуля? Не спиши. А ты чтò ска-
жешь, Щуръ?

Щуръ разсказалъ ту же исторію; такимъ же порядкомъ положилъ подъ сукно серебряный рубль и просилъ разрѣшить тотъ же вопросъ, чтѣ и Чмыхъ.

— Кому?... Гм! и сотникъ началъ наливать въ наперстокъ шиповниковку; но, какъ на зло, только-что наклонялъ штофъ, ягода шиповника вилывала въ горлышко и не пропускала ни капли настойки. Нѣсколько разъ указательнымъ пальцемъ сотникъ прогонялъ ягоду обратно въ штофъ, наклонялъ его въ разныхъ направленіяхъ — и опять несносная ягода являлась въ горлышкѣ. Брови сотника сбѣжались отъ гнѣва; онъ сердито поставилъ штофъ и закричалъ на просителей:

— Зачѣмъ вы здѣсь стоите, болваны?

Какъ по командѣ, разомъ поклонились оба кума и пробормотали:

— Кому же, какъ изволите, зузуля... и не кончили своей фразы.

— Дурни вы оба, сказалъ сотникъ, гордо вставъ съ мѣста:—зузуля ковала ни тебѣ, Никито, ни тебѣ, Кузьмо, а ковала пану сотнику. Тутъ онъ открылъ сукно и показалъ имъ два цѣлковыхъ, которые они ему положили.

— Вотъ чтѣ ковала зузуля; а вы и этого не догадались! И птицы небесныя должны служить начальству — понимаете ли?

— Понимаемъ, добродію, какъ не понять!

— Ну, то-то же! ступайте домой!

— Такъ вотъ кому зузуля ковала, а мы и не догадались! говорилъ выборный, почесывая затылокъ, когда

Чмыхъ и Щуръ сообщили всѣмъ Нехайкамъ результатъ своей поѣздки.

— Вотъ кому ковала зузуля! говорили и дьячокъ и сельскій писарь, пожимая плечами.

Теперь эта поговорка въ Малороссіи сдѣлалась повсемѣстною. Если какое дѣло принимаетъ неожиданный оборотъ, или постороннее лицо пользуется выгодами, ему не принадлежащими, или... что-нибудь подобное этому, и впоследствии грѣхъ выйдетъ наружу, добрый малороссъ, нюхая съ разстановкою табакъ, говорить иронически: *такъ вотъ кому зузуля ковала!*

1837 г.

ВОСПОМИНАНІЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Какъ жаль, что Адамъ Богдановичъ уѣхалъ! Какой онъ былъ прекрасный человѣкъ! какъ всѣ любили бывать у него, и въ цѣломъ городѣ только у него! И вотъ почему: во-первыхъ, онъ былъ добрый человѣкъ, потому что не могъ никому вредить; во-вторыхъ, всегда бывалъ радъ гостямъ, если гости заставляли его à son aise; любилъ хорошо поѣсть, и потому держалъ повара; имѣлъ лучшую квартиру въ городѣ; давалъ балы и танцевальныя вечера запросто, и наконецъ былъ совершенно музыкаленъ. У него въ залѣ, налѣво, стоялъ флигель, направо органъ, на флигелѣ лежала гитара, на которой онъ игралъ съ акомпаниментомъ свиста; подъ флигелемъ скрипка въ футлярѣ, а въ углу часы съ музыкой. Этакой музыкальности и въ губерніи не найдешь: такъ какъ же не любить такого человѣка въ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что все это онъ имѣлъ для другихъ, а не для себя, за исключеніемъ гитары, на которой онъ игралъ большимъ пальцемъ, какъ я уже сказалъ?

Адамъ Богдановичъ человекъ женатый: холостому не всегда можно принимать общество дамъ. Одна только слабость была у Адама Богдановича: онъ любилъ просторъ, и потому всегда ходилъ въ халатъ безъ пояса; даже и гостей такъ принималъ, исключая дней званыхъ; а тогда... о, тогда онъ становился молодцомъ!

Какъ теперь вижу Адама Богдановича, какъ онъ прохаживается въ залъ по половику (у него полы крашенные): въ лѣвой рукѣ табакерка, въ правой кончикъ носоваго платка; прохаживается и съ каждымъ переходомъ у него дѣло: то табачку понюхать, то вытереть платкомъ пыль на флигелѣ, то носъ утереть.

Адамъ Богдановичъ ужасно чистолюбъ и порядливъ: у него всегда чисто, всегда все на своемъ мѣстѣ. И какъ онъ не устанетъ! цѣлый день на ногахъ, безпрестанно ходить то по залъ, то по гостиной, то по кабинету (онъ же и спальня его), а иногда такъ разъ въ недѣлю даже по женниной спальнѣ. А жена?... Я забывалъ о ней; впрочемъ, и немудрено: мы большіе пріатели съ Адамомъ Богдановичемъ, а онъ рѣдко вспоминалъ жену: у него всегда бывала «такая куча дѣлъ, что мѣчи нѣтъ, голова кругомъ» — такъ онъ выражался. Я очень люблю его выраженія: они такъ сильны!

А какъ пріятно, какъ весело жилъ Адамъ Богдановичъ! Послушайте, я расскажу вамъ сначала простой день, потомъ званый балъ.

Между семью и восьмью часами утра раздается звонъ колокольчика изъ кабинета Адама Богдановича: это знатить, онъ проснулся. На звонъ является къ нему дѣвка — и бѣда если не явится на первый призывъ: за вторымъ ее ожидаетъ плѣтка, обыкновенное оружіе

Адама Богдановича въ домашнемъ скоросудіи. Но вотъ дѣвка явилась съ всегдашнимъ «чего изволите?»

— Барыня встала?

— Давно уже.

— Надѣвай мнѣ сапоги, давай халатъ, дай платокъ, дай табакерку.

И бѣдная дѣвка едва успѣваетъ исполнять приказанія.

— А чай поданъ?

— Нѣтъ еще.

— Ступай же, давай мнѣ чаю. А поваръ водку пилъ?

— Нѣтъ еще.

— Скажи барынѣ, чтобъ дала ему рюмку водки... Поймай! Куда летишь? Позови его ко мнѣ. Ну, что стала? ступай!

Тутъ Адамъ Богдановичъ понюхаетъ табачку, потомъ положить лѣвую полу халата на правую, возьметъ въ лѣвую руку табакерку и этой же рукой держитъ халатъ, приведя ее въ горизонтальное положеніе съ локтемъ и прижимая къ себѣ, въ правую руку платокъ, выходитъ, покашливая, изъ кабинета въ гостиную и садится на диванъ. Дѣвка приноситъ ему чай и докладываетъ, что поваръ пришелъ. Адамъ Богдановичъ выходитъ въ залу. Тутъ обыкновенно стоитъ его мальчижъ лѣтъ четырнадцать и ростомъ аршина полтора, просто, карликъ.

— Водку пилъ? (это повару).

— Пилъ.

— Что ты будешь сегодня готовить?

— Не знаю. Что прикажете?

— У тебя тамъ есть говядина?... Ванюшка, чего

ты трешь стѣну? Вотъ я тебя, мерзавецъ! — И щолкъ его по головѣ. — А? говядина есть?

— Есть маленькій кусочекъ.

— Ну, такъ слушай же. — Ванюшка! принеси мнѣ изъ гостиной чай. — Ну такъ слушай же!... Ванюшка не-сетъ чай. — Пролей, пролей! Я тебѣ дамъ по сторо-намъ зѣвать! Поставь на столъ. — Ну, слушай же: сдѣ-лай намъ бульонъ, къ столу говядину вынь и облей какимъ-нибудь соусомъ, да зажарь тетерьку, да сдѣлай овсяный кисель; только смотри, чтобы онъ былъ бѣ-лѣй, да не забудь прибавить горькаго миндаля. Слы-шишь?

— Слушаю-сь.

— Ну, такъ ступай.

Поваръ уходитъ, а Адамъ Богдановичъ начинаетъ свою прогулку по залѣ, отъ дверей гостиной къ две-рямъ женниной спальни. Проходитъ часъ, другой; часы бьютъ десять и играютъ пятую фигуру французской кад-рили. Адамъ Богдановичъ останавливается и слушаетъ: это любимая его фигура; онъ чрезвычайно любитъ соло.

— Катя! а Катя!

— Что?

— Вели дать водки, да закусить.

— Чего жь тебѣ? Я не знаю, чего ты хочешь.

— Да чего-нибудь. Вели нарѣзать ломтика два вет-чины, да кусочка два сыру, да подать кильки, да кол-басы.

— Хорошо.

— Ванюшка! верти органъ.

Адамъ Богдановичъ отворяетъ органъ, сдуваетъ пыль, вкладываетъ ключъ, и Ванюшка начинаетъ вертѣть. Адамъ Богдановичъ, въ полномъ удовольствіи, садится и слушаетъ.

Приносить закуску; онъ пьетъ водку и слушаетъ, ѣсть и слушаетъ, слушаетъ и опять пьетъ водку, слушаетъ и опять закусываетъ. Потомъ повторяется прогулка, и наконецъ, въ полдень, Адамъ Богдановичъ ложится спать часа на три; зато ужъ послѣ обѣда не отдыхаетъ.

Въ три часа опять колокольчикъ и опять та же церемонія вставанья и выхода, что и поутру, исключая повара и чаю. Едва вошелъ Адамъ Богдановичъ въ залу, какъ отворилась дверь изъ передней и явился уѣздный лекарь.

— Здравствуйте, Адамъ Богданъчъ.

— А! здравствуйте, Петръ Ивановичъ! А я только что всталъ.

— Нѣтъ. А я успѣлъ ужъ быть у М.—знаете? Такъ мы съ нимъ сидѣли да разговаривали, и выпили по двѣ бутылочки на брата. Что, я красенъ — а?

— Ха-ха! немножко. Вы у насъ обѣдаете?

— Хорошо-съ.

— Эй, Ванюшка! скажи барынѣ, чтобъ она велѣла повару прибавить что-нибудь къ обѣду, да накрывай на столъ. Садитесь, Петръ Ивановичъ.

— Хорошо-съ. И онъ сѣлъ на полтора стула. — А мы съ стряпчимъ были вчера у Б., выпили втроемъ двѣнадцать бутылочекъ. А? славно? Хи-хи!

— Мнѣ такъ что-то нездоровится: третій день голова болитъ. Вчера я былъ дома, все слушалъ музыку; у меня были кое-кто, играли на флигель — славный флигель, чудесный! на органѣ, часы играли. Приятно какъ все въ домѣ есть. Господа здѣсь, спасибо, добрые, не забываютъ меня. Ванюшка! поди, верти органъ.

— Да-съ, да-съ, Адамъ Богданычъ; хорошо-съ, послушаемте.

— Слышите, Петръ Иванычъ, какую славную «Тройку» органъ играетъ?

— Да-съ, славную.

Представьте, какъ некстати была похвала: органъ игралъ арію изъ оперы «Невѣста».

— Ну, что жъ не дають обѣдать? Катя! а Катя! Да вели жъ скорѣй обѣдать; скоро пятый часъ.

— Сейчасъ подають. Здравствуйте, Петръ Иванычъ.

— А, здравствуйте, К. Е.

— Что ваша маменька, здорова ли?

— А? Да-съ, да-съ, здорова.

— Прошу кушать.

И они сѣли за столъ.

— Что вы такъ мало взяли тетерьки? берите, Петръ Иванычъ. Вѣдь еще есть.

— Нѣтъ-съ, не хочу.

— Ванюшка, подай сюда жаркое! Я сегодня худо завтракалъ: аппетита не было.

И Ванюшка унесъ пустое блюдо.

— Да берите же, Петръ Иванычъ, киселя: славный кисель! Я недавно выучился готовить его на манеръ блан-манже; прежде только жена его ѣла въ постъ, съ медомъ. Да берите же: вѣдь еще много.

— Да-съ, да-съ, славный! Довольно.

— Ванюшка, подай сюда блюдо! Я люблю кисель. Да подай же и сливки.

И опять Ванюшка унесъ пустую посуду отъ киселя и сливокъ.

— Что же вы не пьете вина, Петръ Иванычъ?

Выпейте: славное вино! Мнѣ недавно изъ Петербурга привезли.

— Да-съ, да-съ, хорошо-съ; выпьемте-съ.

— Ванюшка, какъ уберешь со стола, приходи органъ вертѣть.

— Слушаю-съ.

Посидѣвъ съ полчаса послѣ обѣда, лекаръ ушелъ. Адамъ Богдановичъ пошелъ прогуливаться по залѣ и смотрѣть, все ли у него въ порядкѣ.

Вдругъ... Надобно вамъ сказать, что у Адама Богдановича шторы на окнахъ рисованныя: на одной представлена рѣчка, на ближнемъ берегу домикъ, на дальнемъ лѣсокъ; ночь, луна за тучами, а отраженіе ея въ водѣ безъ тучъ, чтò и освѣщаетъ картину; на другой—пастухъ играетъ на рожкѣ и гонитъ въ поле стадо овецъ, а изъ окна дома, мимо котораго онъ проходитъ, смотритъ дѣвушка, и все это освѣщено солнцемъ снизу; на третьей — что-то подобное, все занимательныя картинки. Вдругъ Адамъ Богдановичъ увидѣлъ на второй шторѣ, и именно на лицѣ у дѣвушки, маслячное пятно.

— Эй, Ванюшка, поди сюда!

— Чего изволите-съ?

— Смотри, чтò это такое?

— Не знаю-съ.

— Дамъ я тебѣ, не знаю-съ. Это твои штуки. Ты, вѣрно, транспаранты хотѣлъ дѣлать? Говори!

— Нѣтъ баринъ, ей-богу, не я.

— Врешь, я тебя! Пошелъ вонъ. Катя! а Катя! зачѣмъ ты не смотришь? Посмотрите, чтò тутъ надѣлалъ этотъ негодяй. И Адамъ Богдановичъ усердно принялся вытирать пятно носовымъ платкомъ, до того усердно, что красавица осталась безъ носа.

Такъ кончился этотъ день. Не имѣя обыкновенія ужинать, потому-что это ему вредно, Адамъ Богодановичъ ушелъ спать. Я долженъ объяснить причину заботливости Адама Богодановича о поварѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: у него поваръ пьяница и состоитъ на условіяхъ напиваться безъ позволенія и быть исправну въ дни нужные. И для подкрѣпленія условій и удержанія повара отъ пьянства, ему ежедневно отпускается порція отъ 2 до 4 стаканчиковъ, что зависитъ отъ расположенія Адама Богодановича.

Быль пятый часть вечера. Адамъ Богодановичъ въ халатѣ прохаживался по залѣ, и просто по полу: онъ ожидаетъ къ себѣ гостей, у него балъ сегодня, и потому половики сняты. Только запросто танцуютъ по половикамъ, а въ званые, торжественные балы по полу.

— Катя, а Катя! вели вытереть пыль вездѣ да приготовь десертъ; скоро кто-нибудь придетъ.

— Что же ты не одѣваешься?

— Успѣю. Тяжело будетъ одѣться съ - этихъ - поръ. Тѣсно во фракѣ!

— Помилуй, Адамъ Богданычъ! пора. Какъ тебѣ не стыдно? Поди одѣнься.

— Маришка! а Маришка! давай одѣваться. Въ это время въ спальнѣ что-то задребезжало. — Ну, что тамъ разбило?

— Ничего, отвѣчала жена.

Адамъ Богодановичъ ушелъ одѣваться; гости понемножку начали сходиться, и, какъ обыкновенно въ провинціи, къ шести часамъ всѣ званые состояли на-лицо. Тутъ были: уѣздный судья, сохранившій навсегда видъ человѣка, слушающаго дѣло, съ супругою, разумѣется, первой дамой, исправникъ, градоначальникъ, и прочіе;

много дамъ, дѣвиць и дѣвъ изъ города и изъ уѣзда. Между дамами была замѣчательна старушка-нѣмка, съ сыномъ; не говоря по-русски, она находила удовольствіе единственно въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ отличается въ танцахъ ея сынъ, а остальное время очень учтиво спала гдѣ-нибудь въ уголку.

Въ семь часовъ вышелъ Адамъ Богдановичъ, въ полномъ блескѣ, во фракѣ, перетянутъ, раздушенъ и въ золотыхъ очкахъ, въ которые видитъ, когда смотритъ на кончикъ своего носа, вышелъ и привѣтливо раскланялся дамамъ, пожалъ руки мужчинамъ, досталъ изъ кармана ключъ и открылъ флягель, что означало: можете танцовать.

Начались танцы. Какъ вѣрный историкъ, я долженъ сказать, что наша провинція совершенно просвѣтилась, и съ 183... ничего не танцуютъ у насъ, кромѣ французскихъ кадрилией, вальсовъ, мазурокъ и котильйоновъ; но какъ танцуютъ — это другой вопросъ. Такъ было и теперь. Адамъ Богдановичъ ангажировалъ градоначальницу и поселился у дверей гостиной: это его обыкновенное мѣсто. Странныя понятія онъ имѣетъ о танцахъ! Ему кажется, что если, стоя у дверей гостиной, онъ танцуетъ направо къ зеркалу, то, перейдя на другое мѣсто, надобно танцовать къ тому же предмету, какъ бы ни пришлось — вправо, влево, или прямо; и потому, для избѣжанія беспорядковъ, онъ остается постоянно вѣренъ однажды-выбранному мѣсту, откуда у него проведены умственные линіи цѣлой кадрили.

А какъ онъ танцуетъ! Руки въ карманчикахъ, глаза на кончикъ носа, то-есть въ очкахъ, и выступаетъ чинно, плавно, такъ, какъ теперь танцуютъ. Только въ соло не можетъ удержаться и подпрыгнуть, но все это

такъ кстати, такъ идетъ къ нему, особенно, когда, танцую соло, онъ понюхиваетъ табачокъ!

Танцы длились долго, очень долго, такъ, что ужъ Адаму Богодановичу захотѣлось спать, и потому онъ велѣлъ накрывать на столъ. Все утихло; барышни сѣли перешептываться, дамы молодая пустились въ толки о нарядахъ, старья — въ хозяйство и непремѣнную принадлежность маленькихъ городковъ — сплетни. Мужчины скрылись въ кабинетъ курить табакъ и играть въ карты.

Часы ударили три и заиграли пятую фигуру французской кадрили. Ванюшка вертѣлъ органъ. Накрывали два стола, одинъ на 24 персоны со всѣми принадлежностями серебряными, на которыхъ особенно выказалась утонченная заботливость Адама Богодановича: даже пробки на парадныхъ бутылкахъ бѣлаго стекла были /м серебряныя. Другой столъ былъ попроще, для мужчинъ, неслишкомъ взыскательныхъ. Какъ только доложили Адаму Богодановичу, что ужинъ готовъ, онъ отправился въ гостиную, подалъ руку съ носовымъ платкомъ первой дамѣ и привелъ ее къ столу. Другіе послѣдовали его примѣру.

Ужинъ шель скромно; всѣ ѣли втихомолку до бѣдственнаго приключенія съ пирожнымъ. Вотъ какъ это случилось. Подавали пирамиду изъ бисквитъ, облитую кремомъ; лакей поднесъ къ безсловесной старушкѣ, о которой я докладывалъ. На-бѣду, передъ этимъ, между кушаньями былъ продолжительный антрактъ, и она вздремнула. Лакей поднесъ къ ней съ словомъ «неудобно ли?» старушка спросонья вздрогнула, человекъ испугался, блюдо потеряло равновѣсіе, опрокинулось на чепчикъ старушки и пирамида съ кремомъ очутилась у ней на головѣ падая понемножку во всѣ стороны. Старушка

совершенно потерялась, и вскрикнувъ «O, mein Gott!» осталась неподвижна. Къ счастью, сосѣдка ея была находчива, схватила ножикъ и давай скоблить по чепчику, по платку, по лицу, по платью, и собирать все это къ себѣ на тарелку. Этотъ случай произвелъ общій смѣхъ довольно неумѣстный; но что же дѣлать? таковы провинціалы! Адамъ Богдановичъ, какъ догадливый хозяинъ, чтобы избѣжать осужденія, поспѣшилъ, объявить что это не его человекъ, который подавалъ пирожное.

Едва я не забылъ сказать, что во время ужина былъ концертъ: какая-то неужинавшая дама играла на флигель да, сверхъ-того, Адамъ Богдановичъ завелъ музыку часовъ. Ванюшка, по непремѣнной обязанности, вертѣлъ органъ, а одинъ секретарь игралъ на скрипкѣ. И было очень весело.

Увы! Адамъ Богдановичу еще долго не дали спать! Послѣ ужина составился котильйонъ; танцовали его долго, выдумывали разныя фигуры. Между всѣми самая занимательная была фигура общихъ прыжковъ. Вотъ какъ это дѣлается: нѣсколько паръ становится какъ-будто танцевать экосезъ; начинающіе дама и кавалеръ берутъ за кончики, у кого есть, чистый носовой платокъ и несутъ его надъ головами дамъ, а потомъ подъ ноги кавалеровъ, которые, каждый поочереди, черезъ платокъ прыгаютъ, потомъ всѣ вертятся, то-есть вальсируютъ. Бѣда, если дама или кавалеръ, которые несутъ платокъ, маленькаго роста: берегите ваши прически, mesdames: ихъ унесутъ. Бѣда, если кавалеры худо прыгаютъ: достанется носу!

Наконецъ, къ-удовольствію Адама Богдановича, зала опустѣла; онъ крикнулъ: «Маринка, раздѣваться!» и ушелъ спать.

На другое утро, Адамъ Богдановичъ проснулся и позвонилъ. Пришла дѣвка.

— Барыня встала?

— Давно уже.

— А залу ты подтерла?

— Подтерла.

— Давай халать. Подотри же здѣсь. Надѣвай сапоги, да смотри, хорошенько. Дай платокъ. Вычисти золу: вишь какъ тутъ трубочники насорили. Дай табакерку.

Адамъ Богдановичъ вышелъ въ залу, потирая голову. «Фу! какъ я усталъ вчера! Катя, а Катя!»

— Ну, что тебѣ?

— Стекло перемыла?

— Да.

— А серебро вычищено?

— Нѣтъ еще.

— Нѣтъ еще? Отчего? Чтобы послѣ не отчистить? чтобы почернѣло?... Маришка!

— Чего изволите?

— А что же ты не положила половиковъ? Сейчас постели! Эхъ какъ полъ-то исцарапали! всю краску стерли. Пыли сколько вездѣ, золы! ужь мнѣ эти трубочники!... Фу, какъ у меня голова болитъ!

Теперь у васъ старая пѣсня, Адамъ Богдановичъ, и потому прощайте. А право жаль, что вы уѣхали! Теперь и въ городъ незачѣмъ ѣздить: никого нѣтъ, ничего нѣтъ и пообѣдать негдѣ. Бывало, пріѣдешь въ городъ: куда идти обѣдать? къ Адаму Богдановичу; а теперь поѣзжай домой. Бывало, вздумается потанцовать: куда ѣхать? къ Адаму Богдановичу, а теперь пляши дома... Утѣшительный были вы человекъ, Адамъ Богдановичъ!

1838 г.

МАЧИХА И ПАППОЧКА.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

I.

Хороша бѣлая лебедь на синемъ лиманѣ, хороша яркая звѣздочка на свѣтломъ вечернемъ небѣ, но лучше ихъ была дочь стараго пана; плавнѣе лебеди выступала она, веселѣе Божьихъ звѣздочекъ смотрѣли глаза ея. Когда она пѣла—соловей умолкалъ въ рощѣ; махровый красный макъ блѣднѣлъ передъ ея красотою. Богъ наградилъ пана дочерью-красавицею. Видно по всему было, что это Божій даръ: чѣмъ больше смотришь на нее, тѣмъ больше хочется смотрѣть. Она была такая ненаглядная, какъ серебристая луна, какъ море широкое, какъ высокое небо.

Давно уже умерла мать панночки, и старый панъ женился на полькѣ-красавицѣ. Съ утра до вечера наряжается молодая пани, надѣваетъ золотыя парчевыя платья, украшается черными соболями и самоцвѣтными камнями.

Молодая панночка не радится: двѣ-три ленты да ши-

рокая коса разбѣгается по ея бѣлымъ плечамъ, на головѣ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. А всѣ смотрятъ на pannочку, забывая пышную пани. Блѣднѣетъ молодая мачиха; зависть черною змѣею обвиваетъ ея сердце; пани въ душѣ клянется извести свою падчерицу-красавицу.

II.

Уже на дворѣ ночь. Въ свѣтлицѣ у пани горитъ лампада. Пани сидитъ на кровати; подлѣ нея ворожея, старая колдунья; много грѣховъ на душѣ у этой старухи. Напрасно пани позвала ее къ себѣ.

— У меня и очи чернѣе, и коса шире, и голосъ звонче, отчего же она красивѣе меня? сказала пани, закрыла бѣлыми ручками лицо и, рыдая, упала на подушку.

— Не плачь, не кручинься, мое дитяtko, говорила старуха: — этому горю можно пособить: ты будешь краше ея.

— Такъ пособи поскорѣе, а то я умру до завтра съ печали.

— Погоди, мое дитяtko, прежде выслушай: не живые глаза, не густая коса, не звонкая рѣчь, не гордая поступь дѣлаютъ насъ красавицами: есть особая красота, она разлита на лицѣ; это живая красота; коли она улетитъ — красавица станетъ безобразною; останутся то же лицо, тѣ же глаза, да не будетъ въ нихъ прежней красы, и эта краса очень летуча. Случалось ли тебѣ видѣть, когда на простой цвѣтокъ сядетъ пестрая, красивая бабочка: какъ хорошъ тогда онъ; а дунулъ вѣтеръ, пошатнулся цвѣтокъ — бабочки не стало и цвѣтокъ опять некрасивъ по-прежнему...

— Я умру, бабушка, пока ты кончишь твой рассказъ.

— Погоди, дитятко. А все-таки, какъ она ни летуча, ее можно поймать. На все есть своя наука; не даромъ мы дожили до сѣдыхъ волосъ. Можно достать тебѣ, какую хочешь, красоту, хоть твоей падчерицы, только это дѣло трудное.

— Можно? Бабушка! милая моя, золотая моя, голубка моя сизая! научи меня поскорѣе.

— Для этого надобно, чтобы панночка умерла, и умерла скорою смертью, и какъ будетъ умирать она, должно покрыть ей лицо вотъ этимъ заколдованнымъ платкомъ: вся красота перейдетъ въ платокъ; на мертвой останется простой обликъ безъ жизни; тогда стѣдтъ тебѣ умыться на ночь парнымъ молокомъ, утереться платочкомъ — и ты станешь еще лучше ея.

Пани выхватила изъ рукъ старухи платочекъ, распаловала старуху, и едва къ свѣту могла заснуть. Ей снилось, что она лучше падчерицы, что всѣ на нее смотреть... И это такъ легко достается: стѣдтъ только сгубить невинную дѣвушку!...

III.

Чисто, безоблачно небо надъ Украйною; высоко горитъ солнце на небѣ. Въ Украйнѣ давно уже весна: цвѣтутъ густые сады, цвѣтутъ веселые луга, цвѣтутъ зеленые берега голубыхъ рѣкъ; отъ легкаго вѣтерка нивы рабѣгаются живыми волнами; жаворонокъ утонулъ въ небѣ и звенитъ тамъ, какъ серебряный колокольчикъ, призывающій природу къ молитвѣ; каждая травка, каждый цвѣтокъ тихо шепчутся между собою и киваютъ головками.

Былъ Троицынъ день; чисто было небо надъ Украйною; только въ поднебесьѣ неслоь одно бѣлое облачко— это ангелъ Божій летѣлъ осматривать землю. Остановилось облачко надъ Украйною. Сложивъ руки, распустивъ легкія крылья, съ улыбкою посмотрѣлъ ангелъ на прекрасную сторону— и радостная слеза удовольствія скатилась съ его рѣсницы: зашумѣла святая слеза въ воздухъ и разсыпалась на Украйну свѣжимъ, теплымъ дождемъ; облако скрылось; ангелъ полетѣлъ далѣе.

Земля стала еще веселѣе; она засверкала въ дождевыхъ брызгахъ, какъ невѣста въ слезахъ радости. Все запѣло, заговорило, все радовалось; паукъ пересталъ навремя раскидывать свои роковыя сѣти; волчица забыла про добычу и весело играла съ волчатами въ молодомъ поствѣ ржи; даже змѣя, когда проходилъ мимо нея человѣкъ, откидывала въ сторону свою ядовитую голову и безопасно грѣлась на солнцѣ.

Кажется, и людямъ можно бы въ это время оставить суету и предаться покою, тихому, безмятежному. Нѣтъ, страсти людскія влетуть сѣти хитрѣе, коварнѣе тарантула; они свирѣпѣе волчицы, ядовитѣе змѣи.

Пять разъ поцаловала пани панночку, выпровожая ее въ церковь, а до церкви отъ хутора было верстъ пятнадцать.

И вотъ панночка сѣла въ раззолоченный рыдванъ, украшенный рѣзною рѣшоткой и окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Сѣдой казакъ Макаръ тронулъ вожжами и рыдванъ покатился со двора. Долго ѣхали они. Давно бы пора быть въ церкви, а ни церкви, ни села не видно, кругомъ глухая степь; уже солнце о полудни, а рыдванъ стучить колесами по степи да катится далѣе; испуганные стрепеты, свистя крылами, поднимаются изъ

*

травы и ракидовых кустовъ, кружатъ въ воздухѣ и опять садятся на прежнее мѣсто.

— Куда ты везешь меня? спросила панночка Макара.

Макаръ молча махнулъ кнутомъ надъ лошадьми и рыдванъ помчался быстрѣе.

Уже вечерѣтъ; золотое солнце тихо скатилось на землю; маленькіе степные ястребы, какъ мерцающія лампы въ куполѣ великаго храма, подъ чистымъ небомъ трепетали крыльями, озолоченными послѣдними лучами дневнаго свѣтила. Вотъ не стало и солнца. Впереди черною полосой темнѣлъ боръ.

Скучно человѣку жить въ душевной темницѣ; скучно вольному степному жителю заѣхать въ боръ: нѣтъ свободы глазамъ; невидно чистаго неба. Страшно стало панночкѣ, а рыдванъ ѣхалъ шибче да шибче, а боръ придвигался ближе да ближе. Изъ бора вѣяло прохладой; тамъ угрюмо шептались зеленые дубы и яворы. Сердце панночки забилося, затрепетало, какъ пойманная птичка въ рукахъ охотника. А рыдванъ все ѣдетъ, и вотъ уже въ лѣсу, и стучить по дубовымъ корнямъ колесами; вѣтви соткали надъ рыдваномъ темный пологъ; сѣрый волкъ, сверкнувъ глазами перебѣжалъ имъ дорогу. Скучно степняку заѣхать въ боръ.

Рыдванъ остановился. Панночка вышла изъ рыдвана; старый Макаръ подошелъ къ ней. Въ слезахъ упала панночка въ-ноги Макару и просила сказать, гдѣ она и что съ нею будетъ?

— Не плачь, отвѣчалъ казакъ, а слушай: твоя ма-чиха приказала мнѣ известить тебя; скверная баба, она думала, что казакъ можетъ поднять руку на такую добрую, молоденькую дѣвушку; видно, что она не бывала

въ походахъ и не знаетъ казацкой службы, а я думаю, не будетъ по ея волѣ — я не запятнаю грѣхомъ своей души. Богъ съ тобою, панночка, оставайся здѣсь; это лѣса кievскіе, недалеко и до жилья; тутъ есть много всякихъ ягодъ и грибовъ — не умрешь съ голоду; только и не думай идти домой: тамъ твоя смерть неминучая, да и мнѣ не миновать бѣды.

Макаръ съѣлъ въ рыдванѣ, и скоро затихъ стукъ отъ колесъ уѣзжавшаго рыдвана.

Бѣдная панночка одна въ лѣсу, ночью; страшно панночкѣ: въ лѣсу бѣгаютъ волки и медвѣди; въ лѣсу ползаютъ змѣи, скользятъ разные гады, шелестятъ холодныя ящерицы — страшно въ лѣсу! А ночь все темнѣе и темнѣе! Уже близка полночь — пора лѣшихъ и оборотней, пора, въ которую полетятъ надъ боромъ вѣдьмы пировать на Лысую-гору. Дрожитъ панночка, какъ былинка отъ вѣтру, идетъ по лѣсу: шумятъ подлѣ нея широкіе листья папоротника, хрустятъ подъ ногами сухія вѣтви, колючій терновникъ царапаетъ ея бѣлыя руки, длинныя вѣтви хлещутъ ее по нѣжному лицу, а вдали слышенъ какой-то ревъ, какой-то вопль — такъ сердце и замираетъ. Упала панночка на землю и долго молилась Богу, горячо цаловала серебряный крестъ — благословеніе покойной матери, и пошла далѣе, уже безъ страха, безъ трепета.

Чудесная сила молитвы! Когда васъ Богъ захочетъ испытать несчастіями, молитесь чаще, молитесь отъ глубины души — и вы будете спокойны. Услышитъ ли панночка въ лѣсу вопль; она, помолясь, идетъ въ ту сторону, и сова, кричавшая такъ жалобно, улетаетъ. Представится ли ей лѣшій; она къ нему, и находитъ обгорѣлый пенъ. Вдали сверкнули глаза волка; она къ

волку, идетъ да идетъ, нѣтъ, это не волкъ, это огонь — и бѣдная дѣвушка вздохнула свободнѣе. Скоро она была у человѣческаго жилья и сидѣла въ чистой, спокойной хатѣ, а подлѣ нея четыре казака, четыре Ивана.

Всѣ четыре Ивана были родные братья. Съ честью и славой наѣздили въ Сѣчи, получили много золота и много ранъ, и когда Сѣчь замирилась съ своими сосѣдями, они, видя, что не будетъ работы ихъ саблямъ, удалились отдохнуть въ киевскіе лѣса. Золота у нихъ было много; въ три дня поспѣлъ домъ, и они расположились въ немъ отдыхать. Работать имъ было не для чего, деньги доставляли имъ все, да и что за отдыхъ, когда работаешь? Нѣтъ, они поутру молились Богу и выѣзжали на охоту, послѣ обѣда отдыхали, потомъ говорили о прошедшихъ походахъ, тамъ ужинали и, помолясь Богу, ложились спать. Завтрашній день проходилъ точно такъ, какъ вчерашній. Завидная участь!

Съ ужасомъ выслушали Иваны рассказъ панночки о ея несчастіяхъ, и сказали ей: «Живи у насъ какъ сестра наша; днемъ и ночью мы будемъ охранять тебя, и вотъ тебѣ клятва казацкая: или ты увидишь мачиху у ногъ своихъ, или намъ не жить на свѣтѣ». Тутъ Иваны вышли изъ свѣтлицы и легли спать на дворѣ по четыремъ угламъ дома. Панночка поцаловала свой серебряный крестъ и тоже скоро заснула такъ тихо, такъ спокойно, какъ спитъ невинность.

IV.

А что же дѣлаетъ мачиха? Долго въ Духовъ-день ждала она свою дочь, цѣлую ночь не спала ни она, ни старый панъ, все ждали дочку изъ церкви, а дочка не ѣхала. Передъ свѣтомъ пришелъ Макаръ и рассказала

пану печальную вѣсть, что въ степи подъ ноги конямъ подлетѣло перекатиполое; что кони взбѣсились, закусили удила и помчались влѣво съ дороги; что онъ упалъ и только и видѣлъ и рыдванъ и панночку; что исходилъ всю степь, но не нашелъ ничего, кромѣ платка. Тутъ Макаръ подаль пани платокъ.

— Ахъ, Боже мой! да это точно платокъ нашей дочери. Я не отдамъ его никому; пусть онъ мнѣ останется на память; я любила ее, какъ родную сестру, говорила, рыдая, пани, и цаловала знакомый ей платокъ. — А я какъ-будто чувствовала, что съ нею будетъ какое несчастье: три раза прощалась, и когда не стало видно рыдвана, то мнѣ такъ сдѣлалось грустно, что хотѣла послать воротить ее домой.

— Ты предчувствовала, моя милая, наше несчастье, говорилъ панъ: — и мнѣ что-то было грустно цѣлый день.

Онъ нѣжно обнялъ жену, и тихія слезы полились изъ очей его.

Гонцы панскіе поскакали во всѣ стороны искать панночку: все было понапрасну; къ обѣду прибѣжала одна лошадь въ упряжи, избитая, измученная, но ни рыдвана, ни другихъ лошадей, ни панночки никто не видалъ, не слыжалъ, какъ-будто ихъ взяли татары.

Съ печали заперлась пани въ свою свѣтлицу, стала передъ зеркаломъ и опять начала цаловать панночкинъ платокъ, но уже безъ слезъ, безъ воплей. Она умылась на ночь молокомъ и нетерпѣливо накинута на свое прекрасное лицо волшебный платокъ.

Подивитесь, добрые люди! пани была у цѣли своего желанія, и ей вдругъ сдѣлалось страшно: мысль, что платокъ видѣлъ предсмертный вздохъ ея дочери, заставила ее содрогнуться; она съ ужасомъ сорвала съ

лица платокъ, посмотрѣла въ зеркало и, на зло душевной тревогѣ, хотѣла улыбнуться; но это не была очаровательная улыбка, которою плѣнялись всѣ, и даже сама пани, нѣтъ—злобно искривились ея розовыя губки; на нихъ блеснулъ какой-то злой огонь. Недовольная собой, сердито сдвинула брови; легкія морщины набѣжали на ея гладкое, бѣлое чело и остались на немъ навѣки.

Быстро, мгновенно, такъ-что воробей не успѣлъ слетѣть съ крыши на землю, пани примѣтно подурнѣла. Она, съ печали, хотѣла-было броситься въ прудъ и утонуть. «Но, какая я буду нехорошая» подумала она, «какъ вода безчинно разовьетъ, спутаетъ мою косу, какая я буду!» И пани не утопилась. Хотѣла зажечь домъ и сгорѣть съ нимъ — и это некрасиво; мучилась, бѣдная, томилась и не придумала ни одной красивой смерти: весь пылъ души ея выразился воплемъ, стонами, рыданьемъ. Она своими бѣленькими ручками рвала густыя косы, и еще болѣе подурнѣла, а панъ два раза присылалъ сказать, чтобъ она не убивала себя напрасно; велѣлъ сказать, что мертвыхъ слезами нельзя вернуть. Пани тогда только успокоилась, когда пришла къ ней колдунья и сказала, взявъ ее за голову: «Не крушись, мое дитятко, всему пособимъ».

V.

Рано утромъ встала панночка, умылась ключевою водою, помолилась Богу и вышла въ лѣсъ посмотрѣть на братьевъ Ивановъ. Утро было во всей красѣ: солнце ярко играло на росистой темной зелени дубовъ и ясеней; рѣшетчатая тѣнь отъ вѣтвей ихъ раскинулась по дорогѣ; въ свѣжемъ воздухѣ вѣяло ароматами ди-

кой мяты; сѣрый заяцъ весело прыгалъ между орѣшникомъ; птицы привѣтствовали ясный день громкими пѣснями; въ чащѣ лѣса свистѣли дрозды, стонали иволги; въ кустахъ пѣла малиновка и веселый кобчикъ, кружась надъ боромъ, рѣзкими криками своими будилъ дальнее эхо. Какъ прекрасно всякое твореніе Божіе! Хорошо бываетъ и лѣсъ.

Долго смотрѣла панночка на дорогу, теряющуюся между лѣсомъ — на дорогѣ никого не было; грустно стало панночкѣ, такъ грустно, что она хотѣла заплакать. Вдругъ передъ нею, какъ изъ земли выросла старушка, въ синей юбкѣ, въ лаптяхъ, съ посохомъ въ рукѣ, съ кузовомъ и тыквою за плечами.

Вы вѣрно не разъ видѣли лѣтомъ такихъ старушекъ: онѣ идутъ со всѣхъ сторонъ Россіи поклониться святому граду Кіеву.

Подошла старушка къ панночкѣ и начала просить милостыни.

— Ты вѣрно на богомолье? спросила панночка.

— Да, дитятко.

— А издалека?

— Охъ, издалека, мой свѣтъ, изъ самаго Харькова.

— И ты все пѣшкомъ идешь?

— Пѣшкомъ. Я была больна, умирала, и дала обѣтъ сходить въ Кіевъ; теперь Богъ помиловалъ, поднялась на ноги, добреду какъ-нибудь; терплю и голодъ и жажду. Вотъ вчера вечеромъ здѣсь, въ бору, упала отъ усталости, да тамъ и ночь провела.

— Ты голодна? Пойдемъ ко мнѣ, я тебя накормлю и успокою, сказала панночка.

И скоро въ свѣтлой комнатѣ были поставлены пе-

редь старухою лучшія кушанья и напитки. Панночка приглашала старуху побольше кушать.

— Нѣтъ, не хочу, мое дитяtko, отвѣчала она: — я сыта; пора мнѣ въ дорогу.

— Да останься, отдохни.

— Нѣтъ, я не выполняю моего обѣта, когда буду идти съ отдыхомъ да съ роскошью. Прощай, мое дитяtko, вотъ на тебѣ, на память, золотое кольцо; возьми его.

— Не хочу; Богъ съ тобою, старушка.

— Возьми его, говорю тебѣ, не будешь каяться; это кольцо дала мнѣ моя покойная бабушка: оно предохранитъ тебя отъ всякаго зла.

— Какое бы оно ни было, я его не возьму: я не торговка. Господи прости, чтобы брала деньги за угощеніе.

— Экая упрямая! ну хоть придѣнь его, посмотри какъ оно заблеститъ на твоей хорошенькой ручкѣ!

Кольцо горѣло какъ огонь. Панночка взяла его въ руку, посмотрѣла и надѣла на палецъ — панночка была женщина!... Вдругъ ей сдѣлалось дурно, въ глазахъ потемнѣло, грудь сдавила тоска, будто тяжелый камень легъ на нее; она рванула перстень съ пальца — не тутъ-то было, какъ змѣя обвился онъ около ея бѣлаго пальчика. Панночка пошатнулась и упала на землю.

— Теперь пани будетъ спокойна, проворчала вѣдьма и вышла изъ свѣтлицы, свиснула нечеловѣчьимъ посвистомъ, отъ котораго закрутился вихоръ на пыльной дорогѣ; схватилъ вихоръ скверную бабу въ свои объятья, прикрылъ ее пескомъ и листьями, и выше бо-ра стоячаго понесъ на хуторъ пана.

«Экъ нечистая сила разыгралась!» говорили братья Иваны, подъѣзжая къ своему дому, когда увидѣли лѣтѣвшій черный столбъ вихря. Они слѣзли съ коней и, привязавъ ихъ, пошли въ свѣтлицу. Тамъ лежала мертвая панночка; она была такъ же хороша, какъ и живая; румянецъ не сбѣжалъ съ щекъ ея; опущенныя рѣсницы, казалось, такъ и подымутся, такъ и засвѣтятъ изъ-подъ нихъ два блестящіе глаза; а безъ дыханія лежала она; напрасно братья будили ее: она была безотвѣтна. безжизненна. .

Опустивъ руки, поникнувъ головами, стояли Иваны передъ панночкою.

«Напрасно мы скликали добрыхъ молодцовъ» говорили они: «теперь мы не можемъ выполнить даннаго слова *какъ честные православные казаки*: мы поклялись или умереть или унижить передъ глазами нашей гостью ея злую мачиху; теперь панночка умерла, и намъ остается умереть и тѣмъ выполнить свое слово. А какъ хороша она и по смерти! Мы ее не похоронимъ въ землю: жаль будетъ такую красоту засыпать сырымъ пескомъ; мы ее положимъ въ стеклянный гробъ и накроемъ гробъ хрустальною крышкою; мы ее поставимъ подъ открытымъ небомъ — пусть соловей перелетомъ полюбуется на красоту и запоетъ про нея сладкую пѣсню; пусть солнце, съ высоты смотря на нее, захочетъ заткать такими цвѣтами широкіе луга. Какъ хороша она, будто живая!» говорили Иваны, закрывая гробъ хрустальною крышкою, и слезы бѣжали по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Четыре наѣздника, закаленные въ войнѣ, у которыхъ не исторгли бы ни слезы, ни вздоха никакія пытки въ Варшавѣ или въ крымскомъ плену, которые

умѣють умереть съ улыбкою; проклиная своихъ враговъ, эти люди рыдали передъ трупомъ дѣвухи.

Не даромъ въ Сѣчи не было ни одной женщины.

Далеко надъ Днѣпромъ есть непроходимая пуца: клены, дубы и яворы раскинули тамъ въ разныя стороны свои вѣтви, переплели ихъ, перепутали и составили одну свѣжую, зеленую стѣну. Топоръ дровосѣка никогда не стучалъ еще въ этой пуцѣ; она не слышала выстрѣла охотника. Въ этомъ лѣсу есть небольшая поляна; трава, какъ шелкъ, разлегается по ней, а посрединѣ растетъ дубъ-великанъ, дѣдушка дубовъ кievскихъ; десять человекъ, взявшись за руки едва обнимутъ толстый пень его; подъ тѣнью вѣтвей его укроется отъ дождя сотня казаковъ съ вѣрными конями. На этомъ дубу стоитъ стеклянный гробъ, въ гробу лежитъ панночка; надъ дубомъ на всѣ четыре стороны бѣлаго свѣта раскинулись мертвыя тѣла братьевъ Ивановъ. Умерли добрые казаки: своими вѣрными саблями сами убили себя и—сдержали свое слово.

VI.

Летитъ время, летитъ быстрое — не остановишь его, не упросишь его, не умолишь. Осѣдай, казакъ, черкесскаго скакуна, несись, казакъ, по степи! Любо тебѣ! соколы остаются за тобою, а время быстрѣе тебя. Пожалѣй, казакъ, добраго коня, дай ему перевести духъ. Ты остановился, а время ушло впередъ, и никогда не догонишь его.

Ждутъ люди весны—пришла она, цвѣтущая; когда бы скорѣе лѣто—вотъ и лѣто шумитъ жатвою; скоро ли созрѣютъ плоды?—и осень несетъ вамъ румяные плоды. Плоды хороши, но какъ же пусто въ природѣ! пора бы

снѣгу — явился снѣгъ. Несносная зима! скоро ли ты минувешь, скоро ли будетъ весна?... Такъ бѣгутъ годы — и мы все недовольны... смотримъ завистливо въ будущее: тамъ есть что-то такое, тамъ чернѣетъ точка. Вотъ она растеть, близится, вотъ она передъ вами — темный гробъ! И человѣкъ не успѣлъ оглянуться, какъ прошелъ путь жизни.

Пролетѣли пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти панночки. Пятьдесятъ лѣтъ! полвѣка, шутка ли?... О, какъ скоро прошли они: несчастный ихъ не пережилъ, счастливецъ ихъ не замѣтилъ! А панночка все лежала въ хрустальномъ гробу такъ же хороша. Днемъ надъ поляною вились лѣсные орлы и, перекликаясь въ небѣ, любовались чудною смертью казаковъ; ночью соловей садился на зеленой вѣткѣ надъ гробомъ и до восхода солнца въ звучныхъ пѣсняхъ рассказывалъ темному бору о красотѣ панночки.

Въ это время у воеводы кievскаго Черноуса былъ молодой сынъ-красавецъ. Высокій ростъ и черныя кудри, смѣлая поступь, прiятная рѣчь дѣлали его замѣтнымъ между всѣми молодыми кievлянами. Никогда пуля его не пролетала въ синемъ небѣ мимо быстрого сокола; ни одинъ конь на смѣлъ вольничать, когда рука Черноусенка управляла имъ. «Всѣмъ былъ бы казакъ» говорили добрые люди, «да загубить отецъ сына: къ чему онъ учить его всякимъ наукамъ?»

А какъ садеть, бывало, на коня Черноусенко, да поѣдетъ прогуляться между народомъ — вы ни за что бы не сказали, что онъ такой грамотный — такъ красивъ, такъ ловокъ, такъ статенъ! Посмотрите, вотъ онъ съ добрыми товарищами выѣзжаетъ на охоту; конь подъ нимъ такъ и дрожить, такъ и пышетъ, взвился на ды-

бы, прынулъ въ сторону — сидить Черноусенко, какъ гвоздемъ прикованный, только красная лопасть казацкой шапки закружилась въ воздухѣ. Почуялъ конь на себѣ добраго сѣдока и гордо пошелъ по кievскимъ улицамъ. Подлѣ Черноусенка ѣдутъ его товарищи; и они храбрые наѣздники, и у нихъ кони черкесскіе, и они хо-роши, да такъ, какъ звѣздочки передъ свѣтлымъ мѣся-цемъ.

Мелкою рысью ѣхалъ сынъ воеводы съ своими то-варищами; легкая пыль кудрявою волною разбѣгается по слѣдамъ ихъ. Ихъ оружіе блеститъ золотомъ и доро-гими камнями. Любо было посмотрѣть на нихъ; люди снимаютъ передъ ними шапки и почтительно кланяются, дѣвушки смотрятъ изъ оконъ. Вотъ выѣхали наѣздники за городъ, поворотили по берегу Днѣпра... Вдругъ вы-стрѣлилъ сынъ воеводы по дикой козѣ: раненая коза бросилась въ чащу лѣса; охотники за нею, а лѣсъ ста-новится все чаще, коза скачетъ все быстрее. Уже всѣ товарищи Черноусенка остались назади; кого толстою вѣтвью сбросило съ сѣдла, кто упалъ съ конемъ въ лѣс-ной оврагъ, кто, какъ въ сѣти, запутался въ дикій хмѣль и терновникъ; одинъ Черноусенко скакалъ по слѣдамъ раненой козы, но лѣсъ становился все чаще и чаще. Вотъ уже конь совсѣмъ наскочетъ на нее, а тутъ ре-пейникъ уколетъ его въ морду — онъ бросится въ сторо-ну, а коза уже далеко впереди. Соскочилъ Черноусенко съ вѣрнаго коня, выхватилъ саблю и побѣжалъ за до-бычею, ѣжалъ долго и выбѣжалъ на поляну.

На полянѣ, посреди зеленой, свѣтлой лужайки, стоялъ дубъ, на дубу блестѣлъ стеклянный гробъ, подъ дубомъ лежали четыре человѣческіе остова. Видно было, что давно они лежатъ здѣсь: по бѣлымъ костямъ ихъ ви-

лись лѣсные колокольчики и зеленая трава. Кривыя казацкія сабли были въ рукахъ остововъ. Подошелъ Черноусенко къ стеклянному гробу, взглянулъ на него — и опустилъ руки. А коза давно уже исчезла: въ первый разъ добыча ушла послѣ выстрѣла воеводскаго сына.

Скоро пріѣхали и товарищи Черноусенка, сняли съ дуба стеклянный гробъ и поставили на зеленой муравѣ. Прекрасная, какъ ясное утро, лежала въ немъ панночка; румянецъ игралъ на ея щекахъ; губки, казалось, такъ и улыбнутся, такъ и заговорять; она сложила на груди крестомъ руки, на указательномъ пальцѣ правой руки ея горѣлъ перстень.

Хорошо, что зналъ Черноусенко всякія науки! Только взглянулъ онъ на перстень, точасъ понялъ въ чемъ дѣло, сказалъ какія-то умныя слова, схватилъ перстень съ руки панночки и бросилъ его на землю: гдѣ прокатилось оно, тамъ трава выгорѣла, тронулось дерева — дерево засохло.

Тихо открыла панночка глаза, поднялась изъ гроба и сказала: «какъ долго спала я!» Тутъ... тутъ я не скажу ничего; я не былъ въ лѣсу съ Черноусенкомъ въ то время, и мнѣ никто не рассказывалъ, что тамъ говорилось и дѣлалось.

Вечеромъ панночка уже сидѣла въ домѣ воеводы. Воевода и сынъ его ласкали панночку и спрашивали ее, и кормили яствами, и поили напитками, а казакъ-посланецъ на быстромъ скакунѣ летѣлъ уже далеко отъ Кіева въ хуторъ стараго пана кликать его на радость великую и просить благословенія на свадьбу дочери съ воеводскимъ сыномъ.

VI.

Какъ ты красивъ, мой родной Кіевъ! добрый городъ, святой городъ! какъ ты красивъ, какъ ты свѣтелъ, мой сѣдой старикъ! Что солнце между планетами, что царь между народомъ, то Кіевъ между городами. На высокой горѣ стоитъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми маковками и крестами церквей, словно святой короною; подъ горою широко разбѣжались живыя волны Днѣпра-кормильца. И Кіевъ и Днѣпръ вмѣстѣ... Боже мой, что за роскошь! Слышите ли, добрые люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно вы не русскіе.

А сколько тамъ церквей, сколько въ нихъ богатства! Войдите хоть въ соборъ Софійскій — да тутъ толпа народу: здѣсь поютъ, вѣнчаютъ. Дѣлать нечего, въ другое время мы съ вами разсмотрѣли бы церковныя рѣдкости Кіева, и гробницу Ярослава, и мозаику греческую, и много-много кое-чего, а теперь поглядимъ на свадьбу.

Церковь горитъ въ огнѣ отъ множества свѣчей. Священникъ вѣнчаетъ Черноусенка съ панночкой; кругомъ топятся радственники; недалеко отъ наоя стоитъ старый панъ; онъ бѣлъ какъ снѣгъ; преклоняя дрожащія колѣни, онъ благодаритъ Бога, что дамъ ему увидѣть дочь еще разъ и въ такую счастливую минуту.

Когда молодые поцаловались — въ церкви раздался глухой стонъ и какая-то женщина упала на долъ — это была старая пани. Пятьдесятъ лѣтъ сняли съ лица ея красоту и свѣжесть молодости, и провели на немъ рѣзкія морщины: она не могла перенести красоты и счастья своей падчерицы, когда сама была дрях-

лою старухой. Папи упала на полъ и умерла отъ зависти.

А въ Кіевѣ долго еще въ ту ночь гремѣли веселыя свадебныя пѣсни, долго горѣли огни, долго еще пировали наши дѣдушки; но пѣсни постепенно умолкали, огни, одинъ за другимъ, погасли, все утихло, заснулъ Кіевъ... только у подошвы его лѣниво протекаетъ Днѣпръ, да надъ святыми церквами идутъ-себѣ обычною дорогой божьи здѣздочки.

1838 г.

ЛУКА ПРОХОРОВИЧЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Есть на Петербургской Сторонѣ много улицъ; инныя изъ нихъ лѣтомъ до того бываютъ сухи, что можно ходить по нимъ не замаравъ грязью сапоговъ, другія постоянно залиты тиною, а нѣкоторыя прикрываютъ свое болотистое достоинство досчатою мостовой, такъ - что съ перваго взгляда онѣ покажутся вамъ путными, а попробуйте по нимъ поѣхать: доски застучать, запрыгають подъ колесами вашего экипажа, какъ клавиши на старыхъ клавикордахъ; изъ всякой щелки какая-то нечистая сила станетъ бросать грязью прямо вамъ въ лицо, хотя бы вы были и въ чинахъ и въ крестахъ. Вашъ прекрасный плащъ приметъ пѣгій цвѣтъ; ваша манишка останется въ пятнахъ; ваше свѣжее, приятное лицо станетъ похоже на грудь рябчика — смѣю васъ увѣрить.

Утомительно-длинно вытянулась на Петербургской Сторонѣ такая Клавикордная Улица; однимъ концомъ

она выходитъ на Большой проспектъ, а другимъ чуть ли не упирается въ Ледовитое Море. Я думаю, объ этомъ должно быть извѣстіе въ путевыхъ запискахъ къ сѣверному полюсу капитана Росса.

По обѣимъ сторонамъ Клавикордной Улицы есть досчатые троттуары; за троттуарами, какъ грибы выросли, сѣренькіе, одноэтажные деревянные домики. Иногда, въ окошкахъ, этихъ домиковъ вы увидите розовое личико дѣвушки, или трубку съ чубукомъ, или артиста, въ одномъ жилетѣ, играющаго на скрипкѣ; иногда изъ форточки какой-нибудь чепчикъ торгуетъ сига; иногда кто-нибудь отворить форточку, плюнетъ на троттуаръ да и затворить ее опять; а иногда на окошкѣ растутъ красные и бѣлые бальзамины. Удивительное разнообразіе!

Въ одномъ изъ этихъ домиковъ есть мелочная лавочка. Вы ее тотчасъ отыщете днемъ по вывѣскѣ, на которой, въ голубомъ полѣ, нарисованы: галстухъ, арбузъ, окорокъ ветчины, двѣ бритвы и маска съ надписью № 1; а ночью подъ этой вывѣской горитъ фонарь, единственный во всей Клавикордной Улицѣ, полярная звѣзда этого полночнаго края. Въ мелочной лавочкѣ есть пироги, конфеты, карты, сѣрый котъ и хозяинъ Иванъ Петровичъ, въ красной рубахѣ, съ черной окладистой бородою. У этого самаго Ивана Петровича нанималъ за 30 рублей въ мѣсяцъ маленькую комнату, со столомъ и прислугою, Лука Прохоровичъ. Въ комнатѣ Луки Прохоровича было все чрезвычайно опрятно: стояли кровать, березовый столъ, три стула и противъ самыхъ дверей комодъ; на комодѣ лежали бритвенный ящикъ, палочка сургуча, два визитные билета и маленькое зеркало, которое во время бритья хозяина привѣшивалось къ окошку; въ углу темнѣли саногы и самоваръ. Самъ

Лука Прохоровичъ былъ губернской секретарь, служилъ чиновникомъ въ какомъ-то департаментѣ, имѣлъ прекрасные сѣрые брюки, здравый рассудокъ, вицъ-мундиръ и за 15 лѣтъ пряжку. Онъ былъ человѣкъ аккуратный; лицо его выражало какое-то подобострастiе: казалось, онъ считалъ себя виновнымъ предъ всякимъ коллежскимъ ассессоромъ, и въ департаментѣ слылъ великимъ мастеромъ чинить перья; начальникъ отдѣленiя не могъ писать другимъ перомъ, какъ не очинки Луки Прохоровича. Всѣ полагали, что Лука Прохоровичъ, при будущей наградѣ, получитъ лишнюю сотню рублей.

Когда вы хотите видѣть героя моего разсказа (вы же ѣздите смотрѣть носорога), идите на Петербургскую Сторону, въ длинную Клавикордную Улицу часу въ девятомъ утра, въ воскресенье: вы увидите на улицѣ кучу мальчишекъ, которые передъ окнами одноэтажнаго домика строятъ гримасы и показываютъ языки — это вѣрный признакъ квартиры Луки Прохоровича: онъ въ это время стоитъ передъ окномъ, на которомъ привѣшено маленькое зеркало, стоитъ съ намышленнымъ лицомъ, съ бритвою въ рукахъ и, надувши обѣ щеки, брѣшетъ подбородокъ.

II.

Въ четвергъ Лука Прохоровичъ пришелъ домой ранѣе обыкновеннаго: директоръ департамента былъ нездоровъ, начальникъ отдѣленiя уѣхалъ куда-то на именины, а великий чиновникъ это на-руку. Въ три часа Лука Прохоровичъ былъ уже дома и велѣлъ кухаркѣ Агафѣ подавать обѣдать, а самъ, между-тѣмъ, снялъ вицъ-мундиръ, осмотрѣлъ на немъ всѣ пуговицы, бережно сложилъ его и спряталъ въ комодъ, въ самый

нижній ящикъ; потомъ изъ комода вынулъ полотенце, вытеръ комодъ, сургучъ, зеркальце, визитные билеты и окна, и опять спряталъ полотенце. После надѣлъ халатъ, поймалъ на рукавѣ муху и, оборвавъ крылья, бросилъ ее на полъ, прошелся по комнатѣ и посмотрѣлъ на муху, точно ли она безъ крыльевъ. Въ это время Агафья поставила на столъ приборъ. Лука Прохоровичъ взялъ стулъ, накрылъ его листомъ бумаги, приставилъ къ столу, сѣлъ и, смотря въ тарелку, спросилъ Агафью:

— Что у тебя есть?

— Щи да каша.

— А картофель въ мундирахъ?

— Есть.

— Ну, картофель прежде, а потомъ прочее.

— Да это я всегда такъ дѣлаю.

— И прекрасно. Порядокъ — вещь важная.

Агафья поставила передъ чиновникомъ полную тарелку варенаго картофеля и вышла.

Лука Прохоровичъ взялъ салфетку, заложилъ одинъ конецъ ея за галстухъ и началъ чистить картофель. Уже земляное яблоко вылиняло изъ своего сѣраго мундира и янтарнымъ шаромъ лежало на ладони Луки Прохоровича; онъ, какъ виновникъ преобразования, съ улыбкою посмотрѣлъ на него, взялъ ножъ, разрѣзалъ картофель на-двое и, захватя двумя пальцами щепотку соли, началъ медленно солить обѣ половинки. Вдругъ лицо губернскаго секретаря приняло самое серьезное выраженіе; онъ понюхалъ вокругъ себя воздухъ, посмотрѣлъ внимательно на картофель и, поднявъ, кверху брови и плечи, прошепталъ въ полголоса: «знакомый аромать». Впрочемъ, волненіе Луки Прохоровича скоро успокоилось и онъ хотѣлъ уже съѣсть картофель безъ даль-

нихъ размышленій, уже языкъ его готовъ былъ принять на себя это пріятное бремя, какъ дверь съ шумомъ отворилась и вошелъ — кто бы вы думали? вошелъ маленькій человекъ въ парикѣ, въ бѣломъ галстухѣ, на которомъ красиво обвилась орденская лента — словомъ, начальникъ отдѣленія Луки Прохоровича — ну, тотъ самый коллежскій совѣтникъ, который всегда такъ занятъ, всегда играетъ въ карты и отъ котораго всегда такъ чрезвычайно пахнетъ мускусомъ.

Губернскій секретарь хотѣлъ встать, но неожиданное посѣщеніе такого великаго лица совершенно сбило его съ толку; онъ приподнялся и опять присѣлъ. Наконецъ въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ комода и началъ отпирать его, чтобъ достать виц-мундиръ. Руки бѣднаго чиновника дѣйствовали неловко; потъ лился съ лица его, упрямый замокъ, какъ сердитая собака, щелкалъ зубами и не отпирался.

Хорошія были времена въ древности! Стоить только прочесть міеологію грековъ, чтобъ полюбить ихъ. Боги и полубоги сходили въ счастливыя долины Аркадіи, и жили съ людьми, и учили ихъ кое-чему; но это такъ давно было... Теперь мы уже отвыкли отъ этой мысли, и вдругъ начальникъ отдѣленія въ гостяхъ у писца на второмъ окладѣ; чернильный аристократъ на Петербургской Сторонѣ, въ Клавижордной Улицѣ, въ маленькомъ домѣ, въ квартирѣ рядомъ съ мелочною лавочкой — это непонятно! это смутило бы и не такого робкаго человека, какъ Лука Прохоровичъ. Петербургъ — не Аркадія.

Минуты двѣ начальникъ отдѣленія стоялъ въ недоумѣніи отъ такого страннаго приѣма. Наконецъ онъ понялъ въ чемъ дѣло; сердце его наполнилось невыра-

зимымъ удовольствіемъ отъ созерцанія собственнаго величія, уста разразились громкимъ, пронзительнымъ смѣхомъ. Въ это время ящикъ со стукомъ отворился и черезъ двѣ секунды Лука Прохоровичъ стоялъ уже передъ своимъ начальникомъ въ виц-мундирѣ.

— Ха-ха-ха-ха! пицаль коллежскій совѣтникъ: — къ-чему это, Лука Прохорычъ? чтò за комплиментъ такой! Ха-ха-ха! Это право смѣшно. Хе-хе-хе! любезнѣйшій!

— Помилуйте, Иванъ Питовичъ, я знаю долгъ службы... И Лука Прохоровичъ низко поклонился, разведя руки въ стороны. — Чему я обязанъ такимъ счастіемъ?

Лука Прохоровичъ опять низко поклонился.

— Вашимъ талантамъ, любезнѣйшій! отвѣчалъ Иванъ Питовичъ, протягивая губернскому секретарю правую руку, и въ это время почесывая лѣвою свою ногу. Хе-хе-хе! да выньте изъ-за галстуха вашу салфетку. То-то молодые люди!

Лука Прохоровичъ опять поклонился и опять пробормоталъ чтò-то.

Я не стану описывать ихъ разговора, въ продолженіе котораго Иванъ Питовичъ объяснилъ Лукѣ Прохоровичу, что онъ его *ужасно* любитъ, что давно хотѣлъ побывать у него, что теперь чрезвычайно радъ, заставъ его дома и, въ заключеніе, пригласилъ къ себѣ на вечеръ.

Теперь, съ позволенія вашего, я расскажу, чтò было съ Лукою Прохоровичемъ за нѣсколько мѣсяцевъ перёдъ этимъ.

III.

Черезъ три дома отъ квартиры Луки Прохоровича есть домикъ съ мезониномъ и зелеными ставнями, при-

надлежащій женѣ отставнаго титулярнаго совѣтника Азбукина, съ 17-ти-лѣтнею дочерью Ольгою Гавриловною. Его жена умерла десять лѣтъ назадъ. Всякое утро полное личико Ольги Гавриловны, какъ розовый цвѣтокъ, блестѣло у окна между густыми вѣтвями темнозеленой герани; всякій разъ, проходя мимо этого окна въ департаментъ, Лука Прохоровичъ думалъ: «какая красавица!» И, подивитесь, его форменное сердце ощущало что-то странное; Лукъ Прохоровичу казалось, будто Семень Семеновичъ, его сослуживецъ, шепчетъ ему по секрету: «Лука Прохоровичъ! васъ представили къ наградѣ». — «Но Семень Семеновичъ вѣчно лжетъ; а можетъ-быть, теперь и не лжетъ, можетъ-быть, и представили?» думалъ губернскаго секретаря, и ему было и грустно и радостно.

Лука Прохоровичъ ходилъ да ходилъ въ департаментъ, а Ольга Гавриловна все смотрѣла да смотрѣла въ окно. «Вѣрно я ей приглянулся» подумалъ Лука Прохоровичъ, и началъ собирать справки. Оказалось, что Ольга Гавриловна была единственная наследница дома съ мезониномъ и зелеными ставнями; что отецъ ея получалъ небольшой пансіонъ; что сами они живутъ въ первомъ этажѣ, и живутъ препорядочно, а мезонинъ отдають въ наемъ какому-то отчаянному поэту и бѣлошвейкѣ. «Недурно, право, недурно, если бъ я женился» шепталъ Лука Прохоровичъ: «а почему же мнѣ и не жениться?» Задавъ себѣ этотъ вопросъ, Лука Прохоровичъ надѣлъ галоши, шинель, шляпу, и отправился въ департаментъ.

Это было въ концѣ мая. Природа Петербурга начинала оживать; березки одѣлись желтозелеными листочками; на Клавикордной Улицѣ стоялъ тощій гусь,

вытянувъ длинную шею; частый дождикъ тихо падалъ на землю. Лука Прохоровичъ подошелъ къ домику съ мезониномъ, взглянулъ въ окошко: тамъ не было ни герани, ни знакомаго личика; онъ шагъ впередъ — стукнула калитка и — кто опишетъ его удивленію? передъ нимъ стояла сама Ольга Гавриловна, въ зеленой кацавейкѣ, накинувъ на голову пестрый платочекъ, держа въ рукахъ горшокъ знакомой герани. Она бережно поставила герань на троттуаръ и, поднявъ глаза, увидѣла передъ собою Луку Прохоровича.

— Это очень полезно, сказалъ Лука Прохоровичъ, вѣжливо приподнимая рукою шляпу.

— Да, отвѣчала Ольга Гавриловна, покраснѣла, какъ фуляръ начальника отдѣленія, ступила шагъ назадъ и захлопнула за собою калитку.

Лука Прохоровичъ пошелъ далѣе. «Боже мой! думалъ онъ, какой былъ прекрасный случай! И что я за осель такой! упустилъ изъ рукъ да и только. Какъ подумаешь, какъ дѣйствуютъ въ такихъ обстоятельствахъ офицеры — плакать хочется! Явится, покроутъ усы, кивнетъ эполетомъ — и началъ говорить разныя разности; а дѣвушка улыбается, а дѣвушка присѣдаетъ, а онъ фонаберится, а онъ шаркаетъ, такъ и лѣзетъ на горло. Черезъ десять минутъ они уже танцуютъ мазурку, и шепчутся, и смѣются; а черезъ три дня смотри — офицеръ уже обладатель прекраснаго домика!... Правда, и между нашимъ братомъ есть бойкія головы, да все уже не то. Семень Семеновичъ, напригѣръ, душа общества!... А у меня еще чортъ-знаетъ какая натура, самая скверная; да и хожу я какъ пугало. Впрочемъ, она, кажется, меня любитъ: она покраснѣла, когда сказала *да*, а Семень рассказывалъ,

Часть I.

7

что въ танцклассѣ у М—ча онъ говорилъ съ какою-то баронессою; баронесса покраснѣла и полюбила его на-вѣки, да и полюбила, какъ онъ говоритъ, какъ-то пламенно, безусловно... Чортъ его знаетъ, мастеръ рассказывать, бездѣльникъ, хоть и вретъ часто! Ну, не баронесса, а все какая-нибудь женщина; да дѣло въ томъ, что покраснѣла и полюбила. Этого-то намъ и надобно. Да, Ольга Гавриловна меня любитъ». Думая такимъ образомъ, Лука Прохоровичъ пришелъ въ департаментъ, отдалъ свой плащъ служителю и вошелъ въ канцелярію.

На слѣдующій день въ департаментѣ замѣтили, что у Луки Прохоровича новыя запонки, черезъ два дня новый галстухъ, черезъ недѣлю на старомъ плащѣ новый бархатный воротникъ.

IV.

На часахъ департамента ударило одиннадцать. Вся канцелярія собралась вокругъ молоденькаго титулярнаго совѣтника и щупала у него сукно на вицмундирѣ. Титулярный совѣтникъ, всѣмъ и каждому въ особенности, рассказывалъ, гдѣ, какъ и по какой цѣнѣ куплено сукно, кто шилъ вицмундиръ, что заплачено за работу, и въ канцелярії поздравляли его съ обновою.

— А помните ли вы, какой фракъ былъ на Каратыгинѣ въ прошедшую среду? сказалъ, улыбаясь, одинъ изъ чиновниковъ.

— О, да, чудеснѣйшій! совершенно атласный, подхватилъ чиновникъ съ мушкой на носу: — это, кажется, въ Гамлетѣ!

— Помилуйте! кричалъ Семень Семеновичъ: — въ Отеллѣ! Развѣ вы забыли? Чтѣ за прелестная трагедія

Я былъ въ ложѣ съ маркизою Монамуръ; маркиза была чрезвычайно растрогана; я рыдалъ какъ ребенокъ. «Не плачьте, Семень Семеновичъ», сказала она: это...»

— А по-моему, такъ Воротниковъ лучше, говорилъ человекъ съ просѣдью, нюхая табакъ.

— Что вы!...

— Да, лучше; не въ примѣръ лучше! Какъ онъ — нечистый его знаетъ — умѣетъ ломать языкъ, совершенно нѣмецкій подмастерье. Когда я былъ на чугунномъ заводѣ, бывало, привозить сапоги нашему директору, съ Вознесенскаго Проспекта, бѣлобрысый нѣмчикъ — можетъ, вы его знаете, тутъ, недалеко отъ Синяго Моста, его магазинъ; онъ такой рыжевatenъкій съ красными бакенбардами — бывало, пріѣдетъ да станетъ говорить — ничего не поймешь, а шилъ славно.

— А что, вы купили домъ?

— Нѣтъ, несовсѣмъ, отвѣчалъ старичокъ: — я говорю о нѣмецкомъ подмастерьѣ, знаете, тутъ у Синяго Моста.

— Покупайте, покупайте скорѣе, почтеннѣйшій! говорилъ Семень Семеновичъ: — да задайте намъ пиръ, позовите кавалергардскую музыку. За дамами дѣло не станеть, я это беру на себя: графиня Меледà съ фамилией, баронесса Сенситивъ, семейство Прыгунковыхъ — и дѣло въ шляпѣ.

— Полно вратъ, Семень Семенычъ! сказалъ сто- лоначальникъ.

— Вамъ все врешь! Посмотрѣли бы вы, какъ я третьягодня танцовалъ соло на одномъ дипломатическомъ обѣдѣ...

— На обѣдѣ соло?

— Что жъ вамъ тутъ удивительнаго? Вы обѣдъ

принимаете слишком буквально; сначала, разумеется, бывает довольно-серьёзно: супъ, мадера, иррачные трюфели, испанскія дѣла, христиносы, альбиносы и всякая сволочь, а подъ конецъ запынится шампанское, загремятъ стулья, посланница изъ Страсбурга сядетъ за рояль — и пошла потѣха.

Тутъ Семень Семеновичъ поднялъ кверху руки, наклонилъ голову къ лѣвому плечу и граціозно повернулся на одной ножкѣ.

— Да, продолжалъ Семень Семеновичъ: — когда я протанцовалъ соло, танцмейстеръ Эбергардъ бросился мнѣ на шею. «Съ-этихъ-поръ вы другъ мнѣ» сказалъ онъ: «идите на театр; вотъ тамъ семь тысячъ жалованья и четыре бенефиса». За дружбу благодаренъ, а танцовать не намѣренъ за деньги; покорно васъ благодарю...

— Да, кажется, третьягодня мы съ вами были...

— А знаете ли, вѣдь Лука Прохорычъ скоро разбогатеетъ не на шутку?

— Полно вамъ шутить, Семень Семеновичъ! это я вовсе не для себя...

— Ба! какъ-такъ? спросили всѣ чиновники.

— А вотъ, послушайте. Вчера американскій секретарь поручилъ мнѣ, по дружбѣ, взять билетъ въ польскую лотерею. Признаюсь, это мнѣ стоило большихъ хлопотъ: надобно было мѣнять американскія деньги; у Штиглица наконецъ все окончилъ, прїѣзжаю въ контору и застаю тамъ Луку Прохоровича. Какъ вы думаете, онъ рискнулъ взять билетъ! «Браво, браво! сказалъ я, выиграете, сдѣлайте балъ, попляшемъ, повеселимся, и...»

Семень Семеновичъ умолкъ, какъ-будто кто его ударилъ щелчкомъ по носу.

Въ канцеляріи запахло мускусомъ, передъ кружкомъ стоялъ начальникъ отдѣленія. Чиновники медленно, шагъ за шагомъ, начали отступать къ своимъ мѣстамъ... Нѣтъ, это не пугливые школьники, которые, какъ стадо овецъ отъ волка, бросаются въ разныя стороны, вида приближеніе школьнаго педагога; нѣтъ, это отступали люди съ бакенбардами, съ просьбою, отступали съ чувствомъ собственнаго достоинства, сохранивъ обычную важность своего званія... Хвала имъ!

— Очините перышко, сказалъ Иванъ Питовичъ, обращаясь къ Лукѣ Прохоровичу. О чемъ вы такъ шумѣли, Семенъ Семеновичъ?

— Ничего-съ. Это я только рассказывалъ, что Лука Прохоровичъ взялъ билетъ въ польскую лотерею.

— А, Лука Прохоровичъ! Отъ души желаю вамъ счастья. А какой нумеръ вашъ?

— 666-й.

— Посмотрите, когда вы не выиграете. Это число кабалистическое. Я самъ хотѣлъ взять этотъ нумеръ... А что, вы переписали отношеніе, которое я вамъ далъ вчера вечеромъ?

— Вотъ оно-съ.

— Хорошо, хорошо; только надобно писать ваше превосходительство прописными буквами. Да; а число 666 всегда выиграетъ.

И Иванъ Питовичъ вышелъ, а въ другую дверь вошелъ сторожъ департамента. Онъ сказалъ что-то на ухо Лукѣ Прохоровичу, и Лука Прохоровичъ, застегнувъ вицмундиръ, вышелъ изъ комнаты.

— Чтò, его Иванъ Питовичъ требуетъ? спросилъ Семенъ Семеновичъ, подбѣгая къ сторожу.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: къ нимъ пришелъ какой-то человекъ съ дамою.

— А дама хорошенькая?

— Красавица, ваше благородіе.

И Семятъ Семеновичъ исчезъ изъ канцеляріи. Онъ побѣжалъ въ темную комнату, гдѣ, въ шкапу, были спрятаны платья чиновниковъ, скинулъ съ себя сюртукъ съ галунами, такъ краснорѣчиво обличавшій его канцелярское званіе, надѣлъ синій фракъ, поправилъ галстухъ и чрезъ минуту очутился въ передней, гдѣ разговаривалъ съ Лукою Прохоровичемъ пришедшій незнакомецъ.

— И потому-то, говорилъ незнакомецъ:— замѣтивъ вашъ вицмундиръ, я спросилъ въ лавочкѣ ваше имя, отчество и фамилію, и, имѣя дѣло въ департаментѣ, прямо рѣшился отнестись къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбой.

Тутъ слѣдовало объясненіе дѣла, которое ни ко мнѣ, ни къ вамъ не относится.

— Чтò только можно будетъ, съ величайшимъ удовольствіемъ... отвѣчалъ Лука Прохоровичъ.

— Рѣшительно все, сказалъ Семятъ Семеновичъ, вѣжливо кланаясь незнакомцу. — Извините, что я вмѣшался вовсе непрошенный; но вы просили Луку Прохоровича, а я такъ люблю его, что всякую просьбу готовъ выполнить вмѣсто него. Знаете, это называется жить попріятельски; притомъ же это дѣло у меня въ экспедиціи.

— Покорнѣйше васъ благодарю. Я радъ, что нашелъ такихъ добрыхъ людей. Видишь, Олинъка, а ты не хотѣла зайти въ департаментъ!

Дѣвушка потупила глаза и поправила манто.

— Мы теперь идемъ въ гостиный дворъ, но къ тремъ часамъ будемъ дома. Смѣю надѣяться, что вы, Лука Прохоровичъ, не откажете на перекутъ пожаловать къ намъ откушать хлѣба-соли; вѣдь вы знаете нашъ домъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Лука Прохоровичъ.

— Ежели по дорогѣ и вашему пріятелю... не имѣю чести знать имя и отчество.

— Хотя не по дорогѣ, но если вы позволите воспользоваться вашимъ пріятнѣйшимъ знакомствомъ, отвѣчалъ Семень Семеновичъ: — то...

— Итакъ, смѣю надѣяться, вы не забудете старика Азбукина, мы васъ ожидаемъ, сказалъ незнакомецъ, низко кланаясь и, пожимая руки новымъ пріятелямъ, вышелъ изъ департамента.

Это былъ тотъ самый Азбукинъ, котораго домъ находился черезъ три дома отъ квартиры Луки Прохоровича. А эта дѣвушка Ольга Гавриловна — его дочь. Лука Прохоровичъ обезумѣлъ отъ радости.

Ольга Гавриловна, которую онъ только могъ созерцать въ окнѣ, за стекломъ, какъ дорогой тепличный цвѣтокъ, Ольга Гавриловна та самая, которая покраснѣла, когда шелъ дождикъ, была здѣсь въ департаментѣ. Этого мало: я буду сегодня у нихъ *въ собственномъ* домѣ! думалъ Лука Прохоровичъ, удивляясь, какъ судьба свела его съ Азбукинымъ. И если бъ онъ воспитывался тамъ, гдѣ его сослуживецъ, чиновникъ съ большимъ краснымъ носомъ, то написалъ бы огромное похвальное слово судьбѣ, по правиламъ бурגיעвой реторики. Слава Богу, что онъ не учился! Лука Прохоровичъ задумался, и въ три часа едва могъ его растол-

катъ Семень Семеновичъ. Они надѣли плащи, галоши, и отправились.

Лука Прохоровичъ и Семень Семеновичъ весело провели время у новаго своего знакомаго: обѣдали, пили чай, играли въ вистъ, и возвратились домой далеко за полночь. Я говорю: «возвратились», потому что Лука Прохоровичъ пригласилъ къ себѣ ночевать Семена Семеновича, который жилъ на Пескахъ «опасаясь наводненія» какъ говорилъ онъ.

— Чтò же, Лука Прохорычъ, вы можете одолжить меня этòу бездѣлицей, о которой я просилъ дорогою?

— Двадцатью рублями? Извините, Семень Семенычъ, ей-богу нѣтъ.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ. Отчего жъ вы такъ кривляетесь? я, вѣдь, такъ сказала, только подружески; мои деньги всѣ расчитаны впередъ. Это мое правило. Но вдругъ проклятая свадьба все разстроила.

— Развѣ вы женитесь?

— Боже сохрани! Пона *жизнь кипитъ въ насъ*, къ чему связывать себя? Я живу, какъ говорилъ покойный Пушкинъ:

Какъ бабочка, съ букета на букетъ летаю
И время весело препровождаю.

А? каковы стихи?

— Это вамъ говорилъ Пушкинъ?

— Нѣтъ, это было гдѣ-то напечатано, кажется, въ «Онѣгинъ». Впрочемъ, за годъ до свадьбы Пушкина мы съ нимъ сошлись-было, и сдѣлались пріятелями. Вотъ, однажды я спрашиваю: «что вы не женитесь, Александръ Сергѣичъ?»

«Ахъ, милый другъ Семень Семенычъ!

Я, как бабочка, съ букета на букетъ порхаю
И время весело сопровождаю.

Въ это время офиціантъ несъ мимо насъ чай, я и говорю Пушкину: «неудобно ли чашку чаю?»

«Да вы поэтъ», сказалъ Пушкинъ.

«Куда намъ!»

«Какъ, куда намъ? да этотъ стихъ... позвольте мнѣ напечатать — вотъ что значитъ экспромтъ! вы поэтъ».

«Не то, чтобы поэтъ, а такъ, признаться, люблю писать. Когда я былъ въ пансіонѣ, много мнѣ доставало за любовь къ поэзіи; я и теперь помню посланіе къ чижикю... виноватъ, къ нашему нѣмецкому учителю:

Учитель въ синемъ сюртукѣ
И въ старомъ парикѣ;
Плащъ у него надѣтъ налегкѣ,
Идетъ съ тросточкою въ рукѣ...

И такъ далѣе; оно большое».

«Сколько тутъ поэзіи!» закричалъ Пушкинъ, когда я кончилъ стихи: «въ сюртукѣ, парикѣ, налегкѣ и въ рукѣ!» Тутъ онъ меня началъ приглашать въ сотрудники «Библиотеки для Чтенія». Оно хорошо, подумалъ я; но за славу я долженъ жертвовать всѣмъ, а денегъ я съ Пушкина ни за что бы не взялъ... я поразмыслилъ, да и отказался.

«Дайте хоть стихи», сказалъ Пушкинъ.

«Стихи возьмите». Скоро послѣ этого Пушкинъ умеръ и стихи пропали — да и къ лучшему, подумалъ я: я неизвѣстенъ въ литературѣ, такъ спокоенъ въ канцеляріи. И вы, пожалуйста, Лука Прохорычъ, не пересказывайте объ этомъ въ департаментъ. Да вы спите, почтеннѣйшій?

— Нѣтъ, я все это думалъ, о какой вы свадьбѣ говорили?

— Эге! да васъ что-то занимаетъ свадьба. Я говорилъ о своей свадьбѣ; я женюсь на Ольгѣ Гавриловнѣ. А? что же вы на меня такъ смотрите? Поймались? Признайтесь откровенно, вы пылаете любовью къ Ольгѣ Гавриловнѣ?

— Полно вамъ! я совсѣмъ не пылаю.

— Пылаете, пылаете! вы ее обожаете какъ существо, которое должно...

— Перестаньте! она...

— Такъ! любовь скромна... обожаете какъ существо, которое должно украшать жизнь вашу. Притомъ же у нея хорошенькій домикъ; вѣдь это нехудо?

— И домикъ маленькій!...

— Не пугайтесь, я очень хорошо помню стихи Пушкина; вы — дѣло десятое: вы человекъ въ лѣтахъ, съ чинами. Женитесь, Лука Прохорычъ, берите меня шаферомъ, задайте балъ, а дамъ я доставлю: у меня знакомство все иностранное, европейское. Я знаю, что ваша свадьба не будетъ такъ пышна, какъ эта проклятая, что лишила меня средства завтра быть въ театрѣ. Представьте, я былъ шаферомъ у одного моего пріятеля, конногвардейскаго полковника: одинъ бѣлый атласный жилетъ 50 р., шесть паръ бѣлыхъ перчатокъ, карета и прочее... словомъ, оно мнѣ стало сотни четыре! Рѣшительно всѣ деньги вышли, а завтра балетъ «Марсъ и Венера», и «Филатка» — и посмотрѣть и посмѣяться въ волю! Притомъ же, третьягодня, пріѣхалъ одинъ мой знакомый, почетный гражданинъ изъ Ливерпуля. Его жена — прелесть, что за почетная гражданочка! Она хочетъ посмотрѣть нашъ русскій театръ.

«Вы, говорить, достанете мнѣ ложу?» Ну, что бы вы сказали?

— Я бы сказалъ, что у меня нѣтъ денегъ.

— Хороши вы! Какъ можно! Я сказалъ ей: «миледи, если я могу чѣмъ доставить вамъ удовольствіе — весь къ вашимъ услугамъ». — «То-то, смотрите, не ударьте лицомъ въ грязь!» И плутовка погрозила пальчикомъ... И что послѣ этого? завтра театръ, а денегъ не хватаетъ взять ложу... Еслибъ вы, Лука Прохорычъ, поискали — а?

— Ахъ, Боже мой! гдѣ же взять? Вы знаете, что изъ моего жалованья и двухъ рублей въ мѣсяцъ не остается.

— Кто и говорить о жалованьи! Долго ли бы я могъ жить на свѣтѣ съ моими 400 р. въ годъ? но посторонніе доходы...

— О постороннихъ тоже нельзя и думать.

— Полно-те скромничать! Вѣдь вы же нашли денегъ на лотерею; вѣрно не изъ жалованья.

— Ну, вотъ и лотерея! вы, Богъ-знаетъ, какъ ввели меня въ эту лотерею. Теперь вся канцелярія знаетъ и Иванъ Питовичъ знаетъ, а билетъ-то совсѣмъ не мой.

— Зачѣмъ же вы тогда сказали, что онъ вашъ?

— Да такъ, вы меня сбили въ толку; я не зналъ, какъ и признаться; вы видите, это билетъ нашей кухарки.

— Вы, пожалуй, скоро скажете и на дворника.

— Я, ей-богу, не шучу. Вотъ, извольте видѣть, въ чемъ дѣло: эта кухарка въ нѣсколько лѣтъ своей службы скопила немного денегъ и хотѣла положить ихъ въ ломбардъ, какъ вдругъ приснилось ей, что она сдѣла-

лась барыней. Она пошла къ ворожеѣ, вотъ которая живетъ у крестовскаго перевоза, и ворожея посовѣтовала ей взять билетъ въ лотерею. Какъ я ни отговаривалъ, такъ нѣтъ: «возьмите, Лука Прохорычъ», да и только. Дѣлать нечего, пошелъ да и взялъ; а вы тутъ откуда ни возьмись, и рассказали въ канцеляріи.

— Тѣмъ лучше! Пусть ихъ думаютъ, что у васъ много денегъ.

— Спасибо, какъ возьмутъ въ соображеніе при награждѣ, такъ и дадутъ меньше сотню-другую.

— Худо вы знаете, почтеннѣйшій! Богатому скорѣй дадутъ болѣе; всякій подумаетъ: онъ привыкъ къ роскоши, ему больше и надо; онъ бываетъ въ хорошихъ обществахъ, станетъ хвалить тамъ своихъ начальниковъ — имъ же лучше. Право, не знаете вы свѣта, Лука Прохорычъ! А хороша ваша кухарка?

— Такъ-себѣ, женщина здоровая.

— А молода?

— На крестинахъ у нея не былъ, а полагаю, что будетъ за тридцать.

— Прекрасно! Если она выиграетъ нѣсколько сотъ тысячъ, вы на ней женитесь.

— Богъ съ вами!

— Ахъ, я и забылъ, вы человекъ влюбленный! Женитесь себѣ на Ольгѣ Гавриловнѣ, а я женюсь на вашей кухаркѣ, приберу къ рукамъ полмиліона, сдѣлаю балъ; ко мнѣ пріѣдетъ графиня Мелодѣ и, божусь вамъ, найдетъ мою жену очень миловидною. О, деньги много значать! а тутъ не хватаетъ 20 рублей для хорошенькой гражданочки... Но вы опять зѣваете? Ступайте лучше спать. Спокойной ночи, Лука Прохорычъ! Вы,

вѣдь до-свѣта пойдете въ департаментъ; сдѣлайте одолженіе, не будите меня, я люблю поспать.

— Спице, съ Богомъ.

И чрезъ нѣсколько мигутокъ Лука Прохоровичу представилось, будто какой-то начальникъ дуеъ ему потихонько въ глаза. «Какія бываютъ странныя прихоти у важныхъ людей», подумалъ Лука Прохоровичъ: «вѣрно, это такъ надобно!» А начальникъ все дуеъ ему въ глаза такъ сладко, такъ сладко!... Голова Луки Прохоровича закружилась; онъ какъ-будто летитъ-летитъ — и вотъ уже въ канцеляріи; все тихо, только скрипятъ перья; черезъ три комнаты видна, на маленькомъ столикѣ шляпа Ивана Питовича; все какъ надобно: чиновники скромно, благоприлично ходятъ, низко кланяются и дружески жмутъ руку Луку Прохоровичу: столоначальникъ поздравляетъ его съ наградой. Тутъ прошелъ сторожъ съ курильницею и въ канцеляріи запахло какъ въ магазинѣ Марса. Лука Прохоровичу было такъ легко, такъ радостно! «Боже мой, что за канцелярія!» подумалъ онъ и готовъ былъ плакать отъ восхищенія.

А Семену Семеновичу цѣлую ночь снился какой-то анекдотъ.

На другой день, рано поутру, Лука Прохоровичъ всталъ, одѣлся, вычистилъ метелкою свое платье, плащъ, шляпу и даже перчатки, выпилъ стаканъ чаю и поставилъ чайникъ на самоваръ, чтобъ не простылъ до пробужденія Семена Семеновича; а Семень Семеновичъ спалъ крѣпкимъ сномъ. «Славный человекъ», подумалъ Лука Прохоровичъ: «онъ научилъ меня жить на свѣтѣ. Полно мнѣ кланяться да работать изъ небольшой платы: самъ сдѣлаюсь богатъ, женюсь на Ольгѣ Гавриловнѣ, а не то, почему не воспользоваться его умною мы-

слую: подождать, авось Агафья выиграетъ полмилльона, тогда Ольга Гавриловна въ сторону, женюсь на Агафѣ. Нѣтъ, надо его поблагодарить». Лука Прохоровичъ пошелъ въ мелочную лавочку и занялъ двадцать рублей; чрезъ четверть часа двѣ красныя ассигнаціи были запечатаны, подписаны и отданы Агафѣ для врученія Семену Семеновичу, когда проснется.

Минуту спустя, Лука Прохоровичъ вѣжливо расклався съ окномъ у домика съ зелеными ставнями; а чрезъ часъ онъ уже сидѣлъ въ департаментѣ и писалъ отношеніе о чемъ-то прескучномъ.

Нескоро, по уходѣ Луки Прохоровича, проснулся Семень Семеновичъ, напился чаю, разругалъ и воду и самоваръ, и чайникъ, и сухари, и лавочника, и всю Петербургскую-Сторону; разсказалъ Агафѣ, что все это у него несравненно лучше, спряталъ въ боковой карманъ, какъ онъ говорилъ, долгъ Луки Прохоровича и, смотря въ окно, свистѣлъ арію изъ «Фенеллы», думая о томъ, что ему пора, хоть смертельно не хочется, идти въ департаментъ. Послѣ его заняла мысль: какъ лучше употребить деньги, полученныя отъ Луки Прохоровича. «Это рѣшено: я обѣдаю у Дюмэ, шесть рублей долой, только надобно кого-нибудь пригласить изъ департаментскихъ чиновниковъ, чтобъ былъ свидѣтелемъ. Оно же пріятно иногда закричать: Н. Н. помните вы этого генерала, вотъ что сидѣлъ подлѣ меня, какъ мы обѣдали съ вами у Дюмэ? ему дали звѣзду! За десять рублей возьму лихаго извощика, прикажу ему отвязать нумеръ и поѣду ко всѣмъ знакомымъ; нигдѣ не посижу болѣе минуты, скажу, что тороплюсь, что я мимоѣздомъ, что у меня экипажъ графини, и прочее. Это будетъ славно! На остальные четыре рубля, что бѣ

такое?» Тутъ Семень Семеновичъ самодовольно улыбнулся, надѣлъ шляпу и хотѣлъ уже выйти изъ комнаты.

— Вы уже идете, баринъ? сказала Агафья, отворяя дверь.

— Да, иду, моя милочка. Чтò ты такъ испугалась? Да ты, кажется, плачешь?

— У меня только на васъ и надежда, говорила Агафья и зарыдала.

— Чтò же тебѣ нужно, милая? Пожалуй, я скажу графу Лампопо, или барону Фриштику, или тайному...

— Не въ томъ дѣло, сударь, мнѣ надобно денегъ.

— Ага! кому ихъ не надобно? А сколько тысячь тебѣ нужно?

— Какія тысячи! мнѣ только двадцать рублей, и я была бы счастлива.

— Это пустяки. Чтò же ты такъ хлопочешь? Перестань; объ этомъ и думать нечего!

— Такъ вы мнѣ дадите?

— А для чего они тебѣ?

— Вотъ, видите, у меня есть троюродный братецъ въ медицинской академіи фельдшеромъ; вы, можетъ-быть, его знаете: Бориска, такой бравый, здоровый парень; а какъ играетъ на балалайкѣ! какъ почнетъ, хочется, чтобъ и вѣкъ не пересталъ. Вотъ его и послали сегодня на Сѣнную купить аптеку—его и начальство любить, и все ему повѣряетъ — и дали ему на задатокъ 50 р. денегъ; онъ пришелъ на Сѣнную — хватъ за карманъ, а денегъ нѣтъ, потерялъ, горемычный, казенныя доньги! Теперъ пришелъ ко мнѣ — на себя не похожъ, словно съ перепоею блѣденъ: «Пропаду» говорить, «Агаша, коли не дашь 50 р.» Чтò станешь дѣлать? Гдѣ знала, бро-

силась, что было, собрала, а всего только тридцать р.; двадцати не хватает, а Бориска понукаетъ: «давай скорѣе, вотъ придуть да возьмутъ!»

— Да ты не вѣрь ему, милая, онъ вретъ. Кто бы его послалъ купить аптеку? Да и какаѣ на Сѣнной аптека?

— Коли хотите сдѣлать добро, такъ пожалуйте, а не корите добраго человѣка, онъ отродясь не лгалъ; какъ скажетъ: буду тамъ-то, такъ будетъ; коли обѣщаетъ что сдѣлать, такъ вдвое сдѣлаетъ... Что жь, вы мнѣ пособите?

— Да со мною, милая, нѣту денегъ, кромѣ двадцати рублей на извозчика, что я получилъ сегодня; а то, пожалуй, я бы тебѣ далъ и больше; а такъ развѣ черезъ недѣлю?

— Какую недѣлю! тутъ и часъ бѣды надѣлаетъ. Господи! что мнѣ дѣлать? Носила въ лавочку билетъ, что мнѣ взялъ ономнѣсь Лука Прохоровичъ. Вѣрите ли, за 20 р. отдавала лавочнику, а онъ еще смѣется: «я, говоритъ, не хочу быть бариномъ; возьми, когда хочешь, цѣлковый».

Пророчество Ивана Питовича сверкнуло быстрѣе молніи въ головѣ Семена Семеновича.

— Знаешь, моя милая, одинъ сенаторъ просилъ взять еду билетъ въ эту лотерею; ежели ты отдавала билетъ лавочнику за двадцать рублей, то, пожалуй, я хоть, кажется, немного поважнѣе этого бородача, а дамъ тебѣ двадцать рублей. Нечего дѣлать, для тебя пойду пѣшкомъ въ департаментъ...

— Ахъ, благодѣтель! Возьмите билетъ. Грѣхъ попуталъ меня съ нимъ, давайте скорѣе деньги!

Она отдала Семену Семеновичу билетъ, схватила ассигнаціи и выбѣжала изъ комнаты.

«Какая братская любовь!» сказал Семень Семеновичъ, смотря на билетъ: «вѣрно этотъ фельдшеръ малый ловкій. Теперь не худо зайти къ Азбукину, показать ему билетъ: это придастъ намъ вѣсу.»

И точно, Семень Семеновичъ пошелъ къ Азбукину, будто мимоходомъ, узнать о здоровьѣ, завелъ издалека рѣчь объ учености и сказалъ Азбукину полу-шутя, полу-серьезно, показывая лотерейный билетъ: «Вотъ, почтеннѣйшій, проба человѣческой мудрости. Одинъ мой пріятель, профессоръ университета, ученѣйшій человекъ, ѣздилъ за границу и тамъ еще болѣе набрался всячины, такъ-что даже знаетъ немножко кабалистики и магіи... фокусникъ Молдуано передъ нимъ менѣе нуля... этотъ профессоръ высчиталъ по числамъ и посоветовалъ мнѣ взять въ лотерею билетъ № 666-й, говоря, что онъ непременно долженъ выиграть.»

Азбукинъ совершенно былъ согласенъ въ важности этого числа и замѣтилъ, что когда переверотить его вверхъ ногами, то выходитъ 999; да и въ «Письмовникѣ» Курганова, въ книгѣ, которую признали умною отцы наши, есть пѣсенка, гдѣ часто упоминается число 666, какъ будто вовсе безъ смысла, а тутъ-то и должна быть математика.

Въ этотъ же вечеръ Семень Семеновичъ проигралъ свой таинственный билетъ одному знакомому.

V.

Но обратися къ нашему Лукѣ Прохоровичу. Мы его оставили въ собственной квартирѣ на Клавикирдной улицѣ, вмѣстѣ съ Иваномъ Питовичемъ, который убѣдительно просилъ его къ себѣ на вечеръ.

Вотъ они сѣли на собственные дрожки Ивана Пи-

товича и поѣхали. Быстро пронеслись дрожки чрезъ Васильевскій Островъ, покатались по Невскому, минули Аничкинъ Мостъ, минули какую-то биржу и остановились предъ огромнымъ каменнымъ домомъ. Вы вѣрно его когда-нибудь видѣли: на немъ желѣзная крыша, надъ воротами прибитъ нумеръ и красная дощечка страховаго общества. Наши путешественники поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ и вошли въ переднюю. Человѣкъ снялъ съ нихъ плащи. Иванъ Питовичъ взялъ за руку Луку Прохоровича и сказалъ: «прошу любить да жаловать». Чрезъ минуту они были уже въ гостиной.

Бѣдный Лука Прохоровичъ! зачѣмъ вы сюда пріѣхали? не лучше ли бы вы провели время въ маленькомъ домикѣ съ зелеными ставнями: тамъ васъ ждали, хотѣли съ вами видѣться; тамъ привѣтно шумитъ самоваръ; тамъ Ольга Гавриловна разливаетъ чай и самъ Азбукинъ тасуетъ карты; тамъ бы вы заговорили, а здѣсь... зачѣмъ вы пріѣхали, Лука Прохоровичъ? Чѣмъ выше, тѣмъ тяжеле дышать нашему брату, земному существу.

Въ гостиной Ивана Питовича было общество, какое вѣрно вы встрѣчали въ гостиной женатаго начальника отдѣленія: тутъ былъ диванъ, передъ диваномъ, на пестромъ коврѣ, сѣялъ столъ; на столѣ лампа, подъ матовымъ колпакомъ, разливая пріятный свѣтъ по комнатамъ; вокругъ стола стояли кресла краснаго дерева; надъ диваномъ висѣлъ литографированный портретъ директора департамента; на диванѣ сидѣла жена начальника отдѣленія, направо въ креслѣ сестра ея, Лиза, тощая, блѣдная, высокая дѣвушка; подлѣ нея офицеръ въ серебряныхъ эполетахъ, съ выпушками, которыя при свѣчахъ не имѣли никакого опредѣленнаго

цвѣта; слѣва раскинулся въ креслѣ какой-то толстый, важный человѣкъ въ синемъ фракѣ; онъ держалъ въ рукахъ золотую табакерку, смотрѣлъ весело и очень былъ похожъ на именинника; далѣе, на креслѣ, подлѣ важнаго человѣка лежала болонка; еще далѣе сидѣлъ дальній родственникъ Ивана Питовича, въ черномъ фракѣ; у камина стоялъ экранъ, на окнахъ цвѣли гортензіи и китайскія розы. Не знаю, въ насмѣшку ли Иванъ Питовичъ поставилъ эти цвѣты въ своей гостиной, или это была счастливая игра случая... Я не люблю этихъ цвѣтовъ: они красивы, а запаха не допросишься.

Важный человѣкъ съ восторгомъ выхвалялъ привезенное на баркахъ сѣно, какъ-будто онъ самъ его кушалъ; офицеръ рассказывалъ своей сосѣдкѣ о пикникѣ, на которомъ не было ни одного фрака; дѣвушка, улыбаясь, косвенно посматривала на его мишурные эпюлеты; родственникъ молча глядѣлъ на болонку. Вдругъ дверь отворилась, Иванъ Питовичъ ввелъ за руку Луку Прохоровича и представилъ женѣ своей.

Хозяйка что-то заговорила Лукѣ Прохоровичу; важный человѣкъ что-то говорилъ, дѣвушка что-то говорила, но ничего нельзя было разобрать: болонка звонкимъ лаемъ покрывала весь этотъ разногласный говоръ и, въ заключеніе, бросилась подъ ноги Лукѣ Прохоровичу и начала дергать его за сѣрые брюки. Лука Прохоровичъ тряхнулъ ногою — и назойливая собачка, описавъ дугу въ воздухѣ, съ визгомъ упала на полъ. Хозяйка бросилась къ ней на помощь, дѣвушка свернула на него ястребиными глазами, какъ-будто выговорила: «у! варваръ!» и тоже побѣжала къ собачкѣ. Родственникъ уже прыскалъ на болонку водою, офицеръ

совѣтовалъ ей пустить кровь, незнакомецъ въ синемъ фракѣ рекомендовалъ какой-то бальзамъ, о которомъ напечатано что-то очень хорошее въ объявленіяхъ при афишахъ; Иванъ Питовичъ умолялъ всѣхъ не беспокоиться, говоря, что это скоро пройдетъ.

Лука Прохоровичъ остался одинъ въ самомъ незавидномъ положеніи. Онъ не зналъ, куда ему дѣть свои руки, не зналъ куда самому дѣваться; онъ, человекъ скромный, миролюбивый, не могъ себѣ простить, что при первомъ шагѣ въ домъ своего начальника обидѣлъ существо, кажется, самое драгоценное въ цѣломъ семействѣ. Напрасно вы прѣехали, Лука Прохоровичъ!

Вскорѣ буря утихла. Подали чай; послѣ чая Луку Прохоровича усадили играть въ вистъ. Въ сосѣдней комнатѣ дѣвушка брала какіе-то несвязные аккорды на фортепьяно, офицеръ вѣжливо переворачивалъ ноты, а родственникъ сѣлъ за стуломъ Ивана Питовича и безмолвно смотрѣлъ на игру — ни дать ни взять шаменю тогi на пирахъ среднихъ вѣковъ.

Когда вистъ кончился, Лука Прохоровичъ съ ужасомъ узналъ, что проигралъ тридцать рублей. Изъ сорока-трехъ рублей мѣсячнаго жалованья проиграть тридцать — право невыгодно! Онъ мысленно проклиналъ и вистъ, и вечеръ, и даже проклялъ бы Ивана Питовича, еслибъ онъ не былъ его начальникомъ.

Вскорѣ Лука Прохоровичъ раскланялся: Иванъ Питовичъ, проводя его до лѣстницы и возжимая дружески руку, сказалъ съ лукавою улыбкою: «Я знаю, что вы скоро будете веселѣе. Я видѣлъ, какъ вы посматривали на Лизу... Охъ, молодые люди! гдѣ дѣвушка, тамъ и они. Ну, да ничего, ничего. Кто Богу не грѣшенъ, кто бабushкѣ не внукъ! Это дѣло мы уладимъ, только бы-

вѣйте почанце. До свиданія». Тутъ Иванъ Пытовичъ еще разъ поклонился и заперъ дверь, а Лука Прохоровичъ тихо побрелъ домой, удивляясь, какъ это онъ самъ не замѣтилъ, что волочился за Лизюю?

Давно уже спала Клавикордная улица, когда застучали по ней галоши Луки Прохоровича; только у нѣмца-булочника свѣтятся огонь; черезъ улицу перебѣжана горничная да на углу Малаго Проспекта стоялъ офицеръ въ шинели и фуражкѣ. Лука Прохоровичъ пришелъ домой, вздохнулъ и легъ спать.

VI.

«Да это совершенно такъ, какъ мнѣ когда-то снилось» подумалъ Лука Прохоровичъ, входя въ департаментъ. Всѣ ему кланяются, всѣ его поздравляютъ, всѣ улыбаются; даже столоначальникъ протягиваетъ руку, не косится и не показываетъ часовъ, хотя Лука Прохоровичъ, утомленный вчерашними сильными ощущеніями, проспалъ и опоздалъ цѣлымъ часомъ. «Вѣрно кто-нибудь видѣлъ, что я вчера пилъ чай у Ивана Пытовича» подумалъ Лука Прохоровичъ и началъ говорить своимъ товарищамъ: «Полноте, господа! разумѣется, это большое счастье, но, вѣроятно, и каждый изъ васъ со временемъ можетъ этого достигнуть.

— Хороши вы! достигнуть! говорилъ чиновникъ съ мушкою на носу: — вамъ теперь рассказывать легко. Жаль, что нѣтъ Семена Семеныча, а то онъ попросилъ бы у васъ въ займы тысячу пятьдесятъ.

— А гдѣ же Семенъ Семенычъ? спросилъ Лука Прохоровичъ.

— Богъ его знаетъ! Впрочемъ, записки о болѣзни не присылалъ.

— Жаль; а я самъ думалъ взять у него рублей двадцать!

— Полноте шутить! Вотъ вы уже и насмѣхаетесь надъ нами. Грѣхъ забывать старыхъ товарищей!

— *Honores mutant mores*, проворчалъ съдой семинаристъ.

— Любезнѣйшій Лука Прохорычъ! сказалъ громко Иванъ Питовичъ, протягивая ему руку: — поздравляю васъ, поздравляю. Не правдали моя, вѣдь вашъ билетъ, № 666-й, выигралъ вамъ девятьсотъ тысячъ злотыхъ. Какъ жаль, что я не зналъ этой новости вчера, какъ вы были у меня въ гостяхъ!

Въ секунду вся канцелярія обмѣнялась взглядами. Апельсинообразный чиновникъ, прищуря правый глазъ, кивнулъ на чиновника съ мушкою; но тотъ былъ не въ состояніи понимать намековъ. Онъ уставилъ на Луку Прохоровича два безцвѣтные, какъ старые двугривенные, глаза, открылъ табакерку и трепещущими пальцами переминалъ табакъ.

— Я надѣюсь, что вы и теперь не оставите нашъ департаментъ и будете поддерживать его вашею ревностью и умѣньемъ, продолжалъ Иванъ Питовичъ.

Но эти слова застали уже Луку Прохоровича на дорогѣ. Въ первый разъ въ жизни онъ рѣшился выйти безъ спроса изъ департамента, не сказавъ даже, для виду, что идетъ хоронить тѣтушку, или что-нибудь въ родѣ этого. Мысль, что Семенъ Семеновичъ уже вѣнчается съ Агафьёю, совершенно ошеломила его.

«Нѣтъ, я не упушу девятьсотъ тысячъ злотыхъ изъ своихъ рукъ», думалъ Лука Прохоровичъ: «я женюсь на Агафьѣ... А Ольга Гавриловна? Что мнѣ она съ ея домикомъ! Я, слава Богу, не дитя, чтобъ на хорошень-

кое личико промѣнялъ капиталъ: лицо скоро износится, полиняетъ, какъ платокъ; а деньги — вещь: онѣ изъ Агафьи сдѣлають красавицу. Накуплю ей въ магазинахъ всякой всячины, такъ куды будетъ красавица! Когда бѣ только этотъ болтунъ, Семень Семеновичъ, не женился пока я былъ въ департаментѣ!»

— Эй, извощикъ, на Петербургскую Сторону, въ Клавикордную улицу! да пошелъ же скорѣе! — И Лука Прохоровичъ безъ торга сѣлъ на дрожки и скоро скрылся изъ виду.

Видали ли вы свадьбу въ Петербургѣ? Не знаю, какъ для васъ, а на меня всегда наводитъ она грустное чувство. Я помню великолѣпно-освѣщенную церковь; у подъезда много щегольскихъ экипажей, толпа ливрейныхъ слугъ; внутри торжественное пѣніе; въ блескѣ и брильянтахъ вѣнчали молодую пери съ какимъ-то богачомъ. Онъ былъ бодръ и безпрестанно поправлялъ свой парикъ и вставные зубы; а вдали, между колоннами, въ темномъ углу, сверкали, какъ двѣ искры, глаза молодого человѣка и неподвижно бѣгло, какъ мертвое, лицо; онъ былъ весь въ черномъ; темные кудри въ безпорядкѣ осѣняли лобъ его, его руки были скрещены на груди... а вѣкругъ рой заказныхъ улыбокъ и пріѣтствій; а невѣста шаловливо играетъ брильянтовымъ браслетомъ... Нѣтъ, на похоронахъ мнѣ бываетъ веселѣе. Тутъ уже расчетъ конченъ, а на свадьбѣ только начинается. Будущность — море жизни. Еслибъ я былъ увѣренъ, что дорогія серьги, карета и ливрейный бѣланъ на запяткахъ могутъ сдѣлать васъ счастливою, моя милая пери, а бы смѣялся, я бы хохоталъ на вашей свадьбѣ, какъ тотъ юноша въ бѣлыхъ перчаткахъ; я бы говорилъ безъ умолку, какъ офицеръ, который стоялъ не-

далеко отъ васъ, и вы бы не замѣтили моею горькою улыбкой, вы бы не назвали меня злымъ человѣкомъ.

Видѣлъ я, какъ вѣнчали чиновнаго юношу съ молоденькою дѣвушкой—и мнѣ было еще грустнѣе: эти дѣти такъ вѣрили въ земное свое счастье, такъ смотрѣли другъ на друга, что я готовъ былъ плакать. Еслибъ они имѣли двойное зрѣніе, они бы испугались, увидя предъ собою тощую нищету, позади раскаяніе, по бокамъ упреки, жалобы!... Она была бѣдная сирота, воспитанная въ богатомъ домѣ, онъ — молодой чиновникъ, на скудномъ жалованьѣ, безъ связей, денегъ и знакомства. «Бѣдныя дѣти! думалъ я, когда бы вы не выходили вѣчно изъ вашего очарованія!» А у жениха еще нанята въ долгъ на сегодняшній вечеръ карета! И опять я горько улыбулся, и опять, можетъ-быть, кто-нибудь назвалъ меня злымъ человѣкомъ.

Послушайте, братія, еслибъ я былъ золъ, я бы радовался вашимъ ошибкамъ, а я жалѣю о нихъ... Впрочемъ, думайте какъ хотите!...

Въ тотъ самый день, когда Лука Прохоровичъ такъ послѣшно вышелъ изъ департамента, на Крестовскомъ не было гулянья, не было праздничныхъ лицъ, грошovýchъ сигаръ, толкотни, фейерверка и воздушнаго шара. Крестовскій былъ самобытно хорошъ: его густыя тѣни манили къ себѣ охотника, любителя природы и ея тихихъ удовольствій, погулять на свободѣ. Я долго гулялъ на Крестовскомъ, и когда уже стемнѣло, медленно возвращался домой.

Вотъ и Клавикордная улица, вотъ и квартира рядомъ съ мелочною лавочкою: это квартира Луки Прохоровича; въ квартирѣ горятъ четыре свѣчки. Я не вѣрю глазамъ своимъ: Агафья сидитъ на стулѣ въ новомъ ситцевомъ

платъ; на столѣ стоятъ бутылка донскаго и нѣсколько рюмокъ. Лука Прохоровичъ въ виц-мундирѣ чинно кланяется двумъ чиновникамъ, которые пьютъ его здоровье; на кровати кто-то, въ мундирномъ сюртукѣ, играетъ на гитарѣ и припѣваетъ удалую пѣсню. Вотъ и Иванъ Петровичъ въ вѣчной своей красной рубахѣ вышелъ изъ лавочки.

— Чтò это, братецъ, за веселье у твоего сосѣда?

— Ничего-съ; это Лука Прохоровичъ изволятъ жемиться.

— На комъ?

— Да вотъ, какъ изволите видѣть, на кухаркѣ Агафѣ.

— Чтò онъ, съ ума сошелъ?

— Не можемъ знать; не намъ судить ихъ.

Еще нѣсколько десятковъ шаговъ, и я былъ подлѣ домика Азбукина. Не только зеленныя ставни этого дома, но и самыя окна не были затворены; въ комнатахъ ярко горѣли лампы; какой-то слѣпой игралъ на форепьяно и барабанилъ языкомъ, и ревѣлъ, и прищелкивалъ; разряженныя дѣвушки подъ эту музыку порхали во французской кадрили; Семень Семеновичъ отчаянно выработывалъ соло; двоюродный братъ Азбукина, претолстый человекъ, сидѣлъ у окна, со стаканомъ пунша въ рукѣ, и сыпалъ такими каламбурами, что можно было считать его виновнымъ въ чтеніи многихъ водевилей; въ сосѣдней комнатѣ стояли вазы съ цвѣтами, конфеты и амуры, которые, по волѣ официантовъ, летаютъ съ одной свадьбы на другую.

— Не видать его сіятельства, громко проговорилъ Семень Семеновичъ, выставивъ въ окно свою голову.

И что это была за голова! она даже иногда мнѣ снится.

Представьте: точно на мраморномъ пьедесталѣ покоилась она на бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ; густой, крѣпкій, блестящій хохоль, какъ-будто изъ фарфора, вѣнчалъ ее; прочее невыразимо... Это была удивительная голова; присниться она можетъ, но описать ее не станетъ словъ. «Ба, это вы!» и Семень Семеновичъ исчезъ отъ окошка и чрезъ минуту уже душилъ меня рассказами: «я женюсь, почтеннѣйшій!» кричалъ онъ: «зайдите ко мнѣ на свадьбу».

— Извините, не могу.

— Вотъ пустяки! я жду часъ-на-часъ графиню, барона, статскаго совѣтника... и понесъ чепуху.

— Нѣтъ, прощайте, я въ скюртукѣ: согласитесь, что это неловко.

— Правда. Ну, хоть поздравьте меня съ счастьемъ. Я выигралъ 900 тысячъ злотыхъ въ лотерею. Выпейте бокаль шампанскаго; я прикажу принесть сюда.

— Вина пить не стану, но позвольте васъ увѣрить, что 900 тысячъ злотыхъ...

— Выигралъ не я? — это правда; но я почти ихъ выигралъ. Этотъ билетъ былъ мой; и еслибъ я не подарилъ его моему пріятелю, то былъ бы обладателемъ полумиліона. Впрочемъ, сказалъ Семень Семенычъ, понизивъ голосъ:— мой тестъ и жена еще этого не знаютъ; пусть ихъ строятъ воздушные замки... Но Лука Прохорычъ — вотъ смѣшно! представьте, онъ воображаетъ, что его кухарка выиграла эти деньги и женится на ней сломя голову, даже безъ позволенія начальства. Ха-ха-ха! Я уже писалъ объ этомъ въ канцелярію; то-то похочемъ завтра!

— Васъ ожидаютъ-съ, Семень Семенычъ, пропищала изъ окошка какая-то дѣвушка.

— Прощайте, прощайте! закричалъ на всю улицу Семень Семеновичъ, пожимая мнѣ руку. Я считаю себя счастливымъ, что вы хоть инкогнито участвовали въ моей радости. До свиданія.

«На силу вырвался!» подумалъ я и пошолъ далѣе.

— Гдѣ, гдѣ посланникъ? слышались сзади меня вопросы: — вотъ этотъ въ плащѣ и круглой шляпѣ?

— Да, да, отвѣчалъ голосъ Семена Семеныча.

Я оглянулся: изъ оконъ домика Азбукина смотрѣли нѣсколько дамскихъ головокъ, на улицѣ шелъ только я да лѣзла по забору кошка, но она была безъ плаща и безъ шляпы.

VII.

На другой день послѣ свадьбы Лука Прохоровичъ сидѣлъ въ совершенномъ *разочарованіи*. Супруга уже успѣла ему рассказать горькую исторію билета, къ тому же, лавочникъ Иванъ Петровичъ рано утромъ вздумалъ напомнить ему о долгѣ, и хотя Лука Прохорычъ и послалъ его къ Семену Семеновичу, однако это сдѣлало на него непріятное впечатлѣніе. Въ первый разъ въ жизни Лукъ Прохорычу не хотѣлось идти въ департаментъ... Вдругъ вошелъ департаментскій курьеръ и подалъ ему пакетъ; въ пакетѣ было написано рукою экзекутора, что Иванъ Питовичъ, по добротѣ своей, проситъ его подать просьбу объ увольненіи заднимъ числомъ и явиться для полученія причитающагося ему жалованья 13 рублей 33 копеекъ, за вычетомъ должныхъ ему 30 рублей Ивану Питовичу за прошлый мѣсяць.

«Проклятый вистъ, не прошелъ-таки даромъ!» прошепталъ Лука Прохорычъ, сложилъ бережно бумагу,

*

спряталъ ее въ конвертъ и машинально началъ разсматривать печать на конвертѣ.

— Пожалуйте на водку, ваше благородіе, сказалъ курьеръ.

Лука Прохорычъ молчалъ.

— Я вѣдь далеко ѣхалъ, спѣшилъ къ вамъ...

— Пошолъ вонъ, мужикъ! закричала Агафья:—еще смѣешь обижать насъ, благородныхъ людей. Пошолъ же!

Лука Прохорычъ въ первый разъ ощутилъ пользу своей женитьбы.

Курьеръ вышелъ, а вошелъ Иванъ Петровичъ и подалъ Лукѣ Прохоровичу записочку.

Лука Прохоровичъ развернулъ записку, въ которой лежалъ полуимперіалъ и гривенникъ, отдалъ деньги лавочнику и прочелъ слѣдующее:

«Лука Прохорычъ!»

«Наконецъ я увѣрился въ вашихъ низкихъ чувствахъ, и не удивляюсь, что вы рѣшились жениться на вашей кухаркѣ, когда вздумали измѣрять дружество, отъ котораго я теперь совершенно отказываюсь, ничтожною цѣною какихъ-нибудь двадцати рублей, и вздумали прислать ко мнѣ за долгомъ бородатаго мужика, вѣроятно, брата жены вашей, который перепугалъ мою слабонервную Олиньку. Благодарите старымъ понятіямъ моего тѣста, который посылаетъ вамъ деньги. Я никогда бы не заплатилъ вамъ, чтобъ выучить васъ хорошему обращенію.

Семень N. N.

— Чего же вы еще стоите, Иванъ Петровичъ? сказалъ Лука Прохоровичъ, бросая подъ столъ записочку.

— Здѣсь не всё деньги.

— Вамъ еще слѣдуетъ гривна — я заплачу ее.

— Нѣтъ - съ, извольте видѣть, вы брали ассигнаціями, а здѣсь монета-съ: слѣдуетъ еще восемьдесятъ копеекъ лажу.

— Да за чтò же я заплачу? видите онъ такъ при-
слазь.

— Стало быть, останется за вами? сказалъ Иванъ Петровичъ, поклонился и вышелъ.

«Еще девяносто копеекъ на шею!» сказалъ Лука Прохоровичъ, подошелъ къ окну, вздохнулъ и нѣчто, въ родѣ слезы, появилось на его рѣсницахъ...

1838 г.

ТАКЪ ИНОГДА ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Ей было восемнадцать лѣтъ; она была очень хороша; я видѣлъ дѣвушекъ красивѣе, но милѣе, право не видывалъ.

У нея были быстрые каріе глаза, черныя, длинныя рѣсницы, свѣжее, веселое лицо, розовыя губки, бѣлыя, ровные зубы, улыбка—прелесть! для нея нѣтъ прилагательнаго.

Разсматривая пышный цвѣтникъ нашего міра—прекрасный полъ, вы найдете подобныя красоты; но, увѣрю васъ, не въ такомъ совершенствѣ, не въ такой очаровательной гармоніи.

Она была похожа на бутончикъ розы, блестящій въ свѣжей утренней росѣ.

Восемнадцать лѣтъ—чудесный возрастъ! Если вамъ 18 лѣтъ—благословляйте судьбу; если болѣе—вспомните прошедшее и вздохните. Одной юности дано завидное право смотрѣть на свѣтъ въ волшебный ка-

лейдоскопъ будущаго, слѣпо вѣрять въ счастье, идеализировать земное до небснаго. Оттого она такъ безпечна, такъ весѣла!

Еслибы можно осуществить всѣ мечты юности, одѣть ихъ въ краски и звуки, понятные физическимъ чувствамъ, мы бы ослѣпли отъ ихъ блеска... Живописецъ съ презрѣніемъ бросилъ бы блѣдныя краски, Паганини разбилъ бы скрипку и могучій стихъ замеръ бы на устахъ поэта!... Оттого лица юности такъ свѣтлы, такъ небесно-хороши!

Ей было 18 лѣтъ. Она любила все прекрасное: заглядывалась на луну, сладко грустила подъ переливчатую пѣсню соловья, и плакала надъ стихами Пушкина и Жуковского. Счастливыцы эти поэты!...

Часто ее видѣли въ хатѣ бѣднаго семейства, съ ласкою и утѣшеніемъ на устахъ, готовую помочь несчастью; часто ее видѣли въ саду подлѣ любимыхъ кустовъ розъ съ лейкою въ рукахъ. И бѣдное семейство всегда благословляло приходъ ея, и розы оживали отъ ея посѣщенія... Она была добра, очень добра!

Я видѣлъ ее только одинъ разъ въ жизни и никогда не забуду. Это было весною, когда такъ очаровательна природа южной Россіи. Я какъ теперь вижу тихое утро, тѣнистый садъ, облитый бѣлыми цвѣтами; внизу шумить Ингуль. На маленькомъ пригоркѣ, въ густой тѣни черешень, она молилась. Станъ ея стягивало простое бѣлое платье; на груди колебался голубой василѣкъ. Скрестивъ руки, поднявъ глаза къ небу, она стояла на колѣняхъ, а между - тѣмъ первые лучи солнца, прорѣзавъ вѣтви, вдругъ зажгли розовымъ блескомъ лицо ея, и на немъ, какъ два алмаза, двѣ крупныя слезы — чудесное мгновеніе! Молитва дѣвушки и утро!...

Сколько чистоты и прелести вмѣстѣ! Нѣтъ, я никогда не забуду этого!

А главное, я - было и забылъ: ее звали Анна Васильевна.

II.

Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти; всегда носилъ маленькіе ботфорты, нагольный тулупъ и зеленый картузь. Подъ тулупъ онъ всегда надѣвалъ черный плисовый жилетъ; въ карманѣ этого жилета постоянно лежало что-то круглое, въ родѣ земнаго глобуса. Говорятъ, это были серебряные часы. Сапоги его смазывались каждое утро гусинымъ жиромъ. Голова была плотно выстрижена; по бокамъ ея торчала пара ушей; надъ носомъ темнѣли щетинистыя брови, подъ которыми свѣтились зеленоватые глаза средней величины, а подъ носомъ былъ обыкновенный ротъ, только нижняя губа этого рта такъ была странно устроена, такъ была прижата къ зубамъ, что, казалось, хозяинъ ея хочетъ свистнуть въ ключъ. Василій Петровичъ, хваля кого-нибудь съ особеннымъ, неподражаемымъ выраженіемъ, говорилъ: *прекраснѣйшій* и *любезнѣйшій*, и въ это время подымалъ кверху брови и плечи.

Онъ всегда курилъ изъ длиннаго калиноваго чубука, въ который было вправлено утиное перышко, читалъ старыя газеты, слылъ великимъ хозяиномъ и любилъ, чтобъ все дѣлалось въ опредѣленное время. Его звали Василій Петровичъ; это былъ отецъ Анны Васильевны.

III.

Василій Петровичъ былъ помѣщикъ Херсонской губерніи, одного изъ тѣхъ уѣздовъ, по которымъ Ингуль,

какъ бѣшеная, дикая кобылица, прихотливо ломаетъ быстрый бѣгъ свой. Нѣсколько десятковъ избъ и цѣлое море степи составляли имѣніе Василья Петровича. Возлѣ господскаго дома, который былъ просто большая изба, росъ прекрасный садъ. Въ домѣ Василья Петровича царствовала патриархальная простота: изъ большихъ стѣнъ налѣво ходъ въ кухню, направо—въ пріемную, она же и столовая и гостиная и зала; стѣны этой комнаты чисто выбѣлены; полъ крѣпко набитъ глиною. Подлѣ двери стоитъ голубой сундукъ, расписанный красными цвѣтами; далѣе, подъ стѣною, два стула; за ними дубовый столъ; тамъ еще два стула, столикъ съ шахматною доскою и еще нѣсколько стульевъ разнаго вида и величины. На стѣнѣ, между маленькими окнами, виситъ зеркало въ золоченыхъ полинялыхъ рамкахъ и картина, на которой представленъ распудренный пастушокъ, завязывающій пастушкѣ на башмачкѣ ленточку; табакерка и флейта лежатъ у ногъ его; голубокъ кружится надъ пастушкою; за рощею заходитъ солнце, а въ рощѣ пасутся овца и собака. У двери съ правой стороны прибитъ олений рогъ для вѣшанія шапокъ, а съ лѣвой виситъ ружье, сѣтъ, двѣ дудочки для ловли перепелокъ и красная скрипка. Больше ничего вы не отыщете въ этой комнатѣ, хотя бы смотрѣли на нее въ двойную лорнетку, развѣ когда на одномъ изъ древнихъ стульевъ сидитъ самъ хозяинъ, или степной шмель, ошибкою залета, гудитъ, стучитъ и царапается по стекламъ.

Описаніе слѣдующихъ двухъ комнатъ, т. е. спальни Василья Петровича и спальни его дочери, принадлежитъ потомству, потому-что современникамъ было гораздо легче проникнуть во внутренность Африки, нежели въ эти комнаты.

Василій Петровичъ былъ когда-то женатъ на образованной, но бѣдной дѣвушкѣ, воспитанницѣ Смольнаго Монастыря. Она подарила его дочью, воспитала ее и — умерла, какъ говорятъ сосѣди, отъ чахотки. Василій Петровичъ очень печалился и даже выходилъ изъ себя, что это случилось во время жатвы и отняло на нѣсколько дней людей отъ работы.

По смерти матери, дочь его стала грустить, плакать. Она полюбила еще болѣе тѣнистый садъ, лунныя ночи, когда дымчатая облака, свиваясь и развиваясь по волѣ вѣтра, несутся куда-то далеко, далеко... Она нашептывала имъ посланія къ своей матери ввѣряла имъ горячія желанія, подалуи—и ей становилось легче.

Василій Петровичъ потихоньку ворчалъ: «грустить дѣвка; пора ее выдать замужъ. Почему жъ и не выдать. Но за кого?» Послѣ этого вопроса слѣдовала длинная пауза, и Василій Петровичъ, потянувъ изъ утиного перышка табачный дымъ, выпускалъ его губами самую тоненькою струею. «Много есть людей, а человѣка съискать трудно», говаривалъ Василій Петровичъ: «всѣ мои сосѣди—нечистый ихъ знаетъ — какъ странно устроены: ни одинъ даже не смыслить, что и когда ему должно дѣлать на свѣтѣ. Вотъ баронъ Шмальцъ лѣтъ двадцать варилъ въ Петербургѣ патоку; кажется, человѣкъ ученый и аккуратный и прочее, да съ-разу послѣ обѣда курить трубку, между-тѣмъ, какъ ее должно курить вставая и отходя ко сну. Оно, кажется, и ничего, а порокъ, милостивые государи! Не говоря о тѣхъ пустоголовыхъ, которые лѣтомъ носятъ суконные фраки и травятъ зайцевъ и лисицъ, а то нашъ предводитель: и въ чинахъ, и въ почетѣ, а пьетъ чай, когда спать пора, ужинаетъ, когда утренніе пѣтухи поютъ! Такъ жить

значить гнѣвить Бога. Вѣдь никогда не бываетъ вечера при восхожденіи солнца, никогда не зрѣютъ арбузы около Крещенья. Много людей, а человѣка не съищешь!...» Послѣ такого разсужденія слѣдовалъ глубокій вздохъ. Послѣ вздоха Василій Петровичъ снималъ со стѣны скрипку, ставилъ лѣвую ногу на окошко, упиралъ одинъ конецъ скрипки въ колѣно, а другой въ подбородокъ, и начиналъ ее строить, такъ странно дергая смычкомъ, что, въ первый разъ увидя этотъ процессъ, можно подумать, будто почтенный хозяинъ хочетъ перепилить тупою пилочкою всѣ струны. Настроивъ скрипку, Василій Петровичъ спускалъ ногу на полъ, выправлялся и, глядя въ окно, начиналъ играть *журавля*, подпѣвая тихимъ теноромъ слова этой умной пѣсни. Такъ проходилъ часъ, иногда два и болѣе.

Если вы никогда не слыхали *журавля* и не понимаете по-малороссійски, то вотъ вамъ онъ въ переводѣ:

Былъ себѣ журавль
И его самка,
Они накосили сѣна
Полныя ясли.
Эта пѣсня очень долга,
Начинай сначала:
Былъ себѣ журавль, и проч.

IV.

Осень быстро приближалась къ Херсонской губерніи. Степи отцвѣли и поблекли. Только ярко зеленѣли поля, засѣянные озимую рожью, да на лугахъ пестрѣли красныя осенніе цвѣточки — предсмертный румянецъ умирающей красавицы — лѣта. Утренній воздухъ дѣлался холоднѣе и чище; застучали цѣпы на гумнахъ, уставленныхъ золотыми скирдами; полетѣли на югъ пти-

цы; съ гикомъ поскакали по стени охотники за быстрымъ зайцемъ; въ уѣздный городъ **** пришелъ Киргизскій нѣхотный полкъ.

Физиономія города измѣнилась: по улицамъ стали ходить люди въ фуражкахъ; всякій вечеръ передъ квартирою полковаго командира гремѣли пѣсенники:

Мы тебя любимъ сердечно:
Будь командиромъ намъ вѣчно.

Полковой адъютантъ ѣздилъ верхомъ на купой лошади; дочери городничаго взяли въ лавкахъ на новыя платья ситцу; въ трактирѣ стучали бильярдныя шары, каблуки и стаканы, въ Херсонѣ поскакалъ курьеръ за картами. Городъ оживился, расцвѣла промышленность...

И вотъ изъ веселаго города, какъ отъ центра, въ разныя стороны побрели усталые воины на зимнія квартиры. Въ деревнѣ Василя Петровича назначенъ ротный дворъ капитану Здраву.

Припомните хорошенько, вы вѣрно видѣли этого капитана. У него круглое, полное лицо, короткіе, кудрявые волосы золотистаго цвѣта и колесообразныя ноги. Въ полку онъ слылъ игрокомъ, ѣздокомъ, танцоромъ и мастеромъ раскупоривать бутылки; онъ не очень жаловалъ дамскія бесѣды и весьма любилъ пуншъ съ лимономъ. Въ полку и теперь еще рассказываютъ много анекдотовъ про капитана Здрава. «Послушайте», говорилъ мнѣ недавно одинъ почтенный офицеръ, дергая меня за пуговицу: «послушайте, я вамъ расскажу удивительную исторію. Однажды, во время стоянки нашего полка въ Гродненской губерніи, капитанъ Здравъ проигрался въ-пухъ, въ одну ночь все спустилъ, все рѣшительно, даже ружейную отвертку... Плохо пришлось доб-

рому молодцу! Что бы вы сдѣлали на его мѣстѣ? А онъ ничего; баць! ротѣ приказъ: собратся къ вечеру на ротный дворъ въ полной амуниціи, набивъ ранцы сѣномъ. Рота явилась, капитанъ осмотрѣлъ ее, поблагодарилъ за исправность и приказалъ, для облегченія людей на возвратномъ пути, выбросить на ротномъ дворѣ сѣно. Цѣны на фуражъ были тогда огромныя; вотъ выбросили, сударь, солдаты сѣно... Вечеромъ капитанъ поставилъ въ банкъ возъ сѣна въ десять рублей; мы пристали; завязалась игра, и къ свѣту Здравъ все воротилъ свое, да еще у одного нашего прапорщика выигралъ большой пѣсенникъ, лягавую собаку и сѣрую кобылу. Ась?» Тутъ офицеръ быстро повернулся и пошелъ мѣрными шагами по комнатѣ, чтобъ дать мнѣ свободу сообразить всю удалъ этой продѣлки.

Капитанъ Здравъ прибѣлъ благополучно на зимнія квартиры въ деревню Василя Петровича, сейчасъ провѣдалъ, есть ли у помѣщика дочь, хороша ли, богата ли, и проч. — обыкновенные вопросные пункты устава касты кочующихъ жениховъ, и чрезъ три дня по прїѣздѣ, выпивъ съ прїятелями стакана по три лимоннаго пунша, отправился знакомиться къ помѣщику, тщетно ожидая съ его стороны приглашенія.

Въ скучный осенній день Василій Петровичъ, осматривъ работы, читалъ старыя «Московскія Вѣдомости»; погода была сѣрая, на дворѣ вечерѣло, и онъ едва могъ окончить статью о продающейся у Николя-на-Куричьихъ-Ножкахъ двумѣстной каретѣ, взялъ скрипку, сталъ лицомъ къ окну и заигралъ *журавля*. Первое колѣно онъ только припѣвалъ, но когда дошло дѣло до втораго, на него слетѣлъ музыкальный восторгъ: лѣвою рукою Василій Петровичъ началъ выработывать *ниччиато*,

а правою пристукивалъ въ тактъ смычкомъ по скрипичной доскѣ. Въ это время отворилась дверь и вошелъ капитанъ Здравъ; на немъ былъ сюртукъ, большой галстухъ и въ рукахъ фуражка.

Капитанъ вѣжливо расшаркался. Василій Петровичъ смотрѣлъ въ окно; громкое *ниччикато* звучало въ комнатѣ, смычокъ съ усердіемъ клевалъ скрипку въ разныхъ мѣстахъ, какъ-бы пробуя, гдѣ она повкуснѣе. Капитанъ повѣсилъ на оленій рогъ фуражку, подбоченился и пустился выплясывать журавля, прикрикивая: «разъ, два, три, четыре! разъ, два, три, четыре!» Василій Петровичъ оборотился, посмотрѣлъ съ любовью на танцующаго и заигралъ живѣе прежняго. — Капитанъ танцевалъ. — Василій Петровичъ перемѣнилъ журавля на камаринскую: быстрѣе стали движенія капитана; онъ леталъ какъ резиновый мячъ.

Наконецъ Василій Петровичъ почти бросилъ на столъ скрипку и кинулся обнимать капитана. «Съ сей поры вы, милостивый государь, для меня любезнѣйшій человекъ въ свѣтѣ. Перваго человека я вижу, который дѣлаетъ то, что нужно. Я играю — вы танцуете. Я пересталъ — и вы перестали: такъ и слѣдуетъ! Слава Богу, я нашелъ человека! Садитесь, пожалуйста». Капитанъ шаркнулъ ногою, поправилъ галстухъ и, тяжело вздыхая, сѣлъ на стулъ.

«А я вотъ это все читаю новости», началъ хозяинъ: «въ типографіи Василя Логинова сочинили цѣлую книгу: «Робъ-Рой». Вы не читали ее?» — «Ровно нѣтъ». — «И хорошо сдѣлали, ибо она весьма дорого стоитъ». Подобные разговоры продолжались во весь вечеръ.

Капитанъ обворожилъ Василья Петровича. Когда подали чай — Здравъ пилъ чай; принесли французскую

водку — онъ началъ пить пуншъ; подали ужинъ — онъ сталъ кушать; а когда Василій Петровичъ сказалъ: «я думаю, намъ пора спать», онъ взялъ фуражку, пристукнулъ каблуками и исчезъ. «Милостивый государь», закричалъ хозяинъ уходившему капитану. Капитанъ явился, словно сивка-бурка въ сказкахъ нашихъ дѣдушекъ. «Я вамъ хочу сообщить нѣчто важное», говорилъ Василій Петровичъ: «сдѣлайте одолженіе, садитесь. Вотъ изволите видѣть, у меня много и денегъ, и степи, и всякаго скота, только недостаетъ зятя. Вы человекъ достойный: хотите ли жениться на моей дочери?» — «Съ большимъ удовольствіемъ», отвѣчалъ капитанъ. «Ну, такъ давайте вашу руку! Анета пойди сюда! полно грустить да плакать; вотъ тебѣ женихъ». Краска сбѣжала съ лица дѣвушки; она зашаталась и оперлась рукою о столикъ. «Не церемоньтесь же, капитанъ», продолжалъ Василій Петровичъ: «что вы, какъ пѣтухъ, гребете ногами землю? поцалуйте вашу невѣсту». Бѣдная дѣвушка не опомнилась, какъ Здравъ поцаловалъ ее громко, такъ громко, какъ деревенскій староста свою жену въ день воскресенія Христова.

Черезъ недѣлю два молодые прапорщика сожгли цѣлую четвертку жуковскаго табаку, толкуя о томъ: какую *знатную* жену *подцѣпилъ* себѣ Здравъ. А въ уѣздномъ судѣ секретарь сказалъ засѣдателю: «я полагаю, что зять Василья Петровича будетъ лихой исправникъ». — Въ тотъ день и прапорщики, и секретарь, и засѣдатель возвратились со свадьбы капитана.

V.

Года полтора спустя послѣ этой свадьбы, мнѣ случилось проѣзжать Херсонскую губернію. Я спѣшилъ на

ночлегъ къ Василю Петровичу. Солнце сѣло и тихій вѣтерокъ, прохладяя воздухъ, приносилъ со степи громкія пѣсни перепела, когда я увидѣлъ деревню Василя Петровича. Лошади, измученныя дневнымъ жаромъ, начали фыркать и бодриться, чуя скорый отдыхъ, а я мечталъ увидѣть милую Анну Васильевну, услышать «журавля» и новости прошлаго года... Вотъ мы уже у воротъ. «Въ своемъ ли умѣ Василій Петровичъ?» подумалъ я: «у него на дворѣ шумъ и ликованье». Звучный теноръ заводитъ какую-то отрывистую лагерную пѣсню; удалой хоръ подхватываетъ ее и вторитъ съ прищелкиваньемъ, съ присвистомъ — суцая оргія! На крыльцѣ стоитъ колченогій человекъ, въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, опуствя руки въ карманы плисовыхъ шараваръ, заломивъ картузъ на затылокъ. Передъ крыльцомъ, на маленькомъ столикѣ кипитъ самоваръ; дюжая, красноногая дѣвка, живьемъ взятая съ картинъ Теньера, приготовляетъ пуншъ; кругомъ десятка два мужиковъ и парней ревуть разгульную пѣсню.

— Очень радъ гостямъ, закричалъ мнѣ колченогій человекъ: — милости просимъ!

— Я не имѣю удовольствія знать васъ... Дома ли Василій Петровичъ?

— Я зять Василя Петровича, отставной капитанъ Здравъ. Прошу любить и жаловать.

— Очень радъ. Гдѣ же Василій Петровичъ?

— На Василя Петровича, любезнѣйшій, уже болѣе года получаютъ провіантъ на томъ свѣтѣ.

— Такъ онъ умеръ?

— Давно, братецъ, черезъ двѣ недѣли послѣ моей свадьбы. — Эй, Сашка, пуншу! — Прошу за упокой батюшки!

— А ваша супруга?

— Въ откомандировкѣ... Эге, да вы не пьете пуншу? Пожалуйста, церемонія въ сторону; мы люди военные. — Оумка! что уснулъ? Ярославскую!

И хоръ грянулъ:

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,
Изъ-подъ вазова коренья,
Бѣжить зайка-горностайка,
Несетъ въ рукахъ визеницу,
Про душу красну-дѣвицу!

— Каково, братъ! кричалъ Здравъ: — вѣдь это все хохлы! Вотъ какъ я ихъ повернулъ по-своему! Въ любой полкъ пѣсенники!...

Едва я могъ отговориться отъ пѣсенъ и пунша, сказавъ, что у меня болитъ голова, и ушелъ спать съ твердымъ намѣреніемъ прожить въ этомъ омутѣ хоть двои сутки, но дождался Анны Васильевны. Признаюсь — грѣшный человѣкъ — мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ выносить она подобныя продѣлки. Не-уже-ли это милое твореніе могло привыкнуть къ тону своего мужа? а если нѣтъ, то я хотѣлъ видѣть, какъ она ведетъ себя при постороннихъ людяхъ, и проч., и проч.; словомъ, я хотѣлъ разрѣшить какую-то психологическую задачу, которой и самъ не понималъ хорошенько. Это мы часто дѣлаемъ, только рѣдко признаемся...

За-полночь не давали мнѣ спать ликованья хозяина; потомъ явились комары съ своими плаксивыми элегіями, а тамъ — долга ли лѣтняя ночь! — начало разсвѣтать. Восточное небо загорѣлось тонкимъ румянцемъ; въ воздухѣ стало свѣтло; подъ самымъ окномъ моей комнаты запѣла малиновка. Кто просыпаетъ восходъ солнца, тотъ просыпаетъ лучшіе часы жизни Смотря

на эту великолѣпную картину, я въ душѣ своей прощаю заблужденія гебровъ...

Я одѣлся и вышелъ въ садъ. Утро было тихое; роса крупными каплями жемчужилась на растеніяхъ; птички весело чиликали, отряхивая крылышки, прыгая съ вѣтки на вѣтку. На Ингулѣ перекликались кулики.

Года два какъ я былъ здѣсь въ это самое время и въ такое точно утро, и какъ съ - тѣхъ - поръ перемѣнился этотъ садъ! Дорожки покрылись травой, многія деревья срублены, цвѣтникъ заросъ крапивою, и даже любимые кусты розъ Анны Васильевны были скошены вмѣстѣ съ травой на кормъ лошадямъ. Я невольно подошелъ къ знакомой бесѣдкѣ: кудрявыя черешни цвѣли по-прежнему, и — представьте мое удивленіе — опять въ ихъ тѣни она молилась!... Присматриваюсь — въ полумракѣ бѣлѣетъ ея платье; я подкрадываюсь и бережно развожу руками вѣтви. Въ это время первые лучи солнца разогнали тѣнь и ярко освѣтили передо мною бѣлый деревянный крестъ, облитый розовымъ свѣтомъ, казался, онъ пламенѣлъ нездѣшнимъ огнемъ; на немъ было написано крупными черными буквами: «Здѣсь покоится тѣло рабы Божіей Анны, бывшей супруги капитана Здрава...» Болѣе я не могъ читать...

Черезъ полчаса я уже вѣхалъ далѣе отъ деревни Здрава.

— Да-съ, милостивый государь, говорилъ мнѣ майоръ Киргизскаго полка, когда я рассказалъ ему мою встрѣчу съ капитаномъ: — да, сгубила женитьба лихаго человека! Не женись Здравъ — былъ бы теперъ майоромъ! Охъ, эти женщины!...

1838 г.

ВѢРНОЕ ЛЕКАРСТВО.

ПОВѢСТЬ.

Воображеніе есть пружина, управляющая нашими дѣйствіями.

Новѣйшія россійскія прописки.

— Сначала мы вамъ пропишемъ легонькую микстуру; вы ее примете завтра утромъ. А до того прикажите сейчасъ же пустить изъ лѣвой руки фунта два крови, поставьте на затылокъ семь шявокъ и положите во всю спину гумозный пластырь; а потомъ...

— Помилуйте, докторъ! стоятъ ли мозоли, чтобъ такъ себя мучить?

— Зачѣмъ же прибѣгать къ помощи врача, если, по вашему, это бездѣлица?

— Бездѣлица; но онѣ меня беспокоятъ, болятъ нестерпимо!

— То-то, болятъ. Всякую болѣзнь должно лечить радикально. Слышнотъ человекъ, который оццпалъ на растенія засохшіе листочки и воображаетъ, что оно здорово, когда корень растенія точитъ червь. Убейте чер-

ва — и листья перестанут желтеть. Так и ваши мозоли: надобно отыскать причину зла.

— Я думаю, тѣсные сапоги.

— Да, вамъ такъ кажется, вѣрю. Но, соображая... А! мое почтеніе.

И докторъ, оставя меня, кинулся къ какому-то вошедшему человѣку. Незнакомецъ на всѣ поклоны доктора довольно-холодно кивнулъ головою и протянулъ ему указательный палецъ, который докторъ пожалъ весьма выразительно.

Согласитесь, мой добрый читатель, что нельзя вообразить ничего худощавѣе кулика въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: сквозь перья этой бѣдной птицы можно пересчитать ей косточки; длинная шея, какъ увядшій цвѣточный стебелекъ, гнется подъ тяжестью треугольной головки съ безконечнымъ носомъ; тоненькія ножки, точно соломенки, какъ-то нетвердо, шатко поддерживаютъ это созданіе, когда оно, оставя гнѣздо свое, станетъ гордо прохаживаться на тѣнистомъ берегу рѣки. Кажется, подуетъ вѣтерокъ и унесетъ его какъ сухую вѣточку.

Худъ куликъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но вошедшій посетитель, смѣю васъ увѣрить, былъ хуже всѣхъ возможныхъ куликовъ Стараго и Новаго Свѣта. Платье на немъ сидѣло будто на палкѣ; кожа на лицѣ была желтовата, какъ пергаментъ въ старинныхъ грамматахъ, и немного сквозилась, какъ на сахарныхъ статуяхъ. Онъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и бросилъ на доктора вопрошающій взглядъ.

— Извините, сказалъ докторъ, подойдя ко мнѣ: — я васъ оставляю на нѣсколько минутъ: мнѣ нужно переговорить съ барономъ. А тамъ мы бросимъ рациональный взглядъ на болѣзнь вашу.

Я поклонился. Докторъ съ сухопарымъ барономъ вышли въ другую комнату.

Скучно сидѣть и дожидаться чего-нибудь одному въ комнатѣ. Въ передней ли, въ будуарѣ ли, въ кабинетѣ ли — все равно, скука нестерпимая. Я скучалъ, а дѣлать нечего, надобно подождать; по-крайней-мѣрѣ узнаю, какъ рационально и радикально лечатъ мозоли...

Въ кабинетѣ доктора царствовалъ какой-то полумракъ, вѣроятно, отъ кенкета съ матовымъ колпакомъ; письменный столъ былъ заваленъ книгами и бумагами; въ углу стояла электрическая машина и водородное огниво; передъ столомъ широкое кресло.

Я подошелъ къ столу и взялъ книгу — «Лечение горячею водою», другую — «Лечение холодною водою», третью — «О пользѣ гомеопатіи», четвертую — «О вредѣ гомеопатіи». Подлѣ книги «О вредѣ гомеопатіи», лежала тетрадь, писанная бойкимъ, четкимъ почеркомъ. Отъ нечего дѣлать, я началъ ее перелистывать. Далѣе почеркъ письма все дѣлался хуже, связнѣе, неразборчивѣе, хотя и крупнѣе; черезъ нѣсколько страницъ уже было писано по одной линейкѣ, еще далѣе по двумъ, самымъ крупнымъ дѣтскимъ письмомъ; подъ конецъ рукописи, несмотря на двѣ линейки, буквы стояли какъ рекруты, наклоняясь во все стороны, иногда самодовольно переходя за начертанныя границы, иногда присѣдая въ полшрифта. Странная форма рукописи возбудила мое любопытство; я началъ читать.

Самыхъ первыхъ страницъ не было, но должно полагать, это были памятные записки, не журналъ — нѣтъ, а просто записки. Здѣсь были замѣчены кратко важныя эпохи въ жизни какого-то человѣка; на примѣръ: «Января 10 скончался мой родитель; марта 1 произведенъ въ

титулярные совѣтники со старшинствомъ 7 мѣсяцевъ; мая 22 раздѣлили остаточную сумму (поздненько!). Августа 30 родилась у моего начальника дочь Анастасія. Сентября 1 меня обокрали. Октября 2 получилъ награду; 4 — игралъ съ ея превосходительствомъ въ карты; 29 — стала Нева...» и тому подобное. Замѣчаніями въ подобномъ родѣ были исписаны двѣ страницы; далѣе крупными словами:

ВѢРНОЕ ЛЕКАРСТВО.

182... года октября 26 дня.

Сегодня чортъ-знаетъ что сдѣлалось со мною! Случай, навѣки памятный въ моей жизни! Я проснулся поутру въ 8 часовъ. У моей постели стоялъ Феодотъ, преглуно улыбаясь.

— Что тебѣ надобно? спросилъ я.

— Честь имѣю васъ поздравить, Дмитрій Ивановичъ.

— Съ чѣмъ?

— Съ днемъ вашего ангела, съ именинами.

— А, да! я и забылъ. Ступай, принеси мнѣ чай.

..... Грустно я всталъ съ постели. Сегодня мнѣ стукнуло пятьдесятъ лѣтъ!... Зеркало показало на лицѣ моемъ еще новую пару морщинъ... Потускнѣвшіе отъ работы глаза и сѣдина, которая очень хороша только на бобрѣ, все громко говорило мнѣ: *стукнуло пятьдесятъ!* Легко сказать, шутка ли — пятьдесятъ лѣтъ? помстолятія!... Далеко ли до гроба!... А что ты сдѣлалъ, Дмитрій Ивановичъ? какъ ты провелъ лучшія лѣта своей жизни? Давно ли я былъ молодъ, давно ли я мечталъ? Богъ знаетъ, о чемъ не мечталъ я!... Жизнь кипѣла во мнѣ, а я трудился: дни въ департаментѣ, но-

чи на квартирѣ; другимъ отдыхъ, а я трудись! Надобно же чѣмъ-нибудь взять бѣдному человѣку...

Бывало, утромъ, въ канцеляріи то-и-дѣло, что разсказываютъ товарищи: я былъ тамъ-то, танцевалъ съ такою-то, чтѣ за глазки, чтѣ за голосъ, талія!... Хорошо, думаешь, бывало, что у васъ батюшки да дядюшки превосходительные; погодите, добьемся и мы до чиновъ, до крестовъ, погуляемъ и мы. Вотъ я и начальникъ отдѣленія, и крестъ у меня на шеѣ и деньги есть. Можно бѣ отдохнуть — оглянулся, а тутъ тебѣ пятьдесятъ лѣтъ, какъ гора сѣла на плечи — тяжело, по-неволѣ согнешься!... Что мнѣ въ деньгахъ? Придетъ тяжкая болѣзнь — старость, а она не за горами, никто не прирзритъ безроднаго холостяка, умрешь никѣмъ не оплаканный!... Не успѣешь порядкомъ глазъ закрыть — этотъ дуракъ Ѳедотъ все стащить. И для чего я трудился, изъ чего мучился? Продавалъ лучшіе дни жизни, чтобъ какой-нибудь глупецъ прокутилъ ихъ въ грязной харчевнѣ, съ подобными ему неумытыми рожами!...

Хорошо бы жениться! Молоденькая жена станетъ дѣлать со мною длинныя, скучныя вечера; меня окружатъ миленькія дѣточки... Полно, такъ ли? Что ты, Дмитрій Ивановичъ! Кто пойдетъ за тебя, старика?... Посмотришь, на любой вечеринкѣ ихъ пропасть, этихъ дѣвушекъ, да все такія полненькія, пухленькія, веселенькія, съ розовыми щечками, а возлѣ нихъ такъ и вьется молодежь, словно мотыльки; и вмѣшался бы туда, такъ совѣстно: будешь не въ своей тарелкѣ — идешь за вистъ... Такъ и вечеръ прошелъ, а ты еще днемъ постарѣешь, еще шагомъ ближе къ гробу!... А если бы кто и пошелъ за меня, будетъ ли у насъ согласіе? не погублю ли я своего покая и ея молодости? Смогу ли,

сѣмью ли отвѣчать на ея ласки? Трудно держать въ одномъ мѣстѣ и ледъ и огонь: что-нибудь не выдержитъ. Поздненько спохватился; пріѣхалъ на балъ, а тамъ уже огни гасятъ!...

И какъ неожиданно подкрались эти пятьдесятъ лѣтъ! Шутка! полстолѣтія промаялся человѣкъ!... Хотѣлъ бы я знать, къ чему строить университеты, академіи и прочія заведенія, и отапливають ихъ и освѣщаютъ на казенный счетъ? Не-уже-ли такъ, для красоты? Быть не можетъ; тамъ люди живутъ да учатся, цѣлый вѣкъ учатся, и вѣрно что-нибудь знаютъ больше нашего; да вѣдь не скажутъ намъ! Хоть бы Пинетти — чего, говорятъ, не зналъ! захочетъ сдѣлать человѣка курицею или бараномъ, барана дрожками; а небось сказалъ кому? такъ и умеръ! Да и прочіе ученые люди вѣрно что-нибудь полезное выдумали. Глупо провелъ я жизнь; книгъ даже почти не читалъ никакихъ, кромѣ Адресъ-Календаря. Ничего не знаю!... А вѣрно есть что-нибудь этакое... Пять лѣтъ жизни отдалъ бы за годъ молодости; все отдамъ, что ни выслужилъ, буду опять безчиновнымъ человѣкомъ лишь бы воротить прошедшее!...

Долго разсуждалъ я и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ становилось грустнѣе. Чай давнымъ-давно простылъ; ударило 12-ть, я одѣлся и вышелъ прогуляться на улицу. Не доходя Палкина трактира, вижу: идетъ на встрѣчу Николай Антоновичъ, идетъ и смѣется. Кажется, нечему бы и радоваться: дѣнь сѣрый, праздникъ небольшой, да и время такое скучное, ни снѣга нѣтъ, ничего, только-что морозить — а онъ смѣется! Такая натура глупая, да и молодъ: всего подь-тридцать! «Здравствуйте», кричитъ, «Дмитрій Иванычъ, поздравляю васъ со днемъ,

вашего ангела» и жметъ руку, и кланяется, и смѣется. Къ чему такая радость? Хуже Федота!

— Куда вы идете? спросилъ меня Николай Антоновичъ.

— Такъ, иду проходиться.

— И прекрасно; я тоже.

«Не дасть же покойно погулять!» подумалъ я и посмотрѣлъ на часы.

— А что, который?

— Половина перваго.

— Ого! оно, знаете, пора бы закусить. Зайдемте!

Николай Антоновичъ человѣкъ нужный — секретарь директора, подумалъ я, да притомъ и мнѣ что-то скучно, и сказалъ:

— Вы, Николай Антоновичъ, очень кстати выдумали; пойдите; только мнѣ, какъ имениннику, позвольте распорядиться.

— Эхъ, Дмитрій Иванычъ! а я хотѣлъ-было пустить въ ходъ свой имперіалъ: другая недѣля валяется у меня въ карманѣ, наскучилъ ужасно; ну, да дѣлать нечего, сегодня вашъ день.

— Честъ имѣю поздравить васъ со днемъ вашего ангела! проговорилъ сзади чей-то голосъ; оглядываюсь — мой столоначальникъ Биркинъ. — Покорно васъ благодарю.

— Я сейчасъ былъ у васъ на квартирѣ, но, къ несчастью, не засталъ васъ дома.

— Напрасно беспокоились.

— Помилуйте, пріятное безпокойство, Дмитрій Иванычъ.

— Пойдете-ка, лучше вмѣстѣ закусимъ.

Мы пошли въ трактиръ и приказали подать закуску. За закускою мои гости пили сотернъ, а я спросилъ

Часть I.

себѣ бутылку стараго портвейна и, рюмка за рюмкою, нечувствительно его окончилъ. Это меня немного освѣжило.

Николай Антоновичъ рассказывалъ престранныя вещи о важности именинъ для человѣка: будто въ этотъ день есть минута, въ которую стѣять только захотѣть чего бы то ни было—въ мигъ онойвится; что въ Голландіи одна баба захотѣла въ декабрѣ мѣсяцѣ свѣжаго огурца—и огурецъ явился пребольшой; прездровый. «Вотъ захотите, Дмитрій Иванычъ», сказалъ онъ послѣ этого: «шампанскаго—оно явится». Дѣлать нечего! кстати приговорился. Подали шампанскаго. За послѣднимъ бокаломъ Николай Антоновичъ началъ рассказывать Биркину такую соблазнительную исторію, что какъ мнѣ ни хотѣлось знать ея развязку, но я, сохраняя свое достоинство, счелъ неприличнымъ при подчиненномъ слушать такія вещи, вышелъ потихоньку въ переднюю, заплатилъ за завтракъ и ушелъ.

Пробило три часа. Во время нашего завтрака погода очень перемѣнилась: солнце выглянуло изъ-за облаковъ; Невскій Проспектъ кипѣлъ народомъ; пестрая толпа двигалась отъ Аничкина до Полицейскаго Моста. Господи, сколько прелестей!...

Щегольскіе мундиры, удивительные бекешы, лакеи въ какихъ-то особенно-красныхъ ливреяхъ—смотреть даже нельзя: слезы мѣшаютъ; желтыя перчатки, бровые воротники, черненькіе усики... А дамы! При одномъ взглядѣ на нихъ меня бросило въ жаръ: талія узенькая, будто выточенная, какъ игрушечка, какъ рюмочка, а кругомъ бархатное платье такъ и обвилось; лицо свѣженькое, разрумяненное холодомъ... Боже-мой! идетъ легко, какъ кошечка, чуть дотрогивается до троттуара

ножками!... А ножки!... такъ и хочется положить на троттуаръ свою руку, чтобъ мимоходомъ ступила на нее эта чудесная ножка; кажется, такъ скользнетъ, какъ вѣтерокъ, погладить какъ атласомъ.

Виновать, попуталь грѣхъ: я и началъ самъ-себѣ, этакъ въ-тихомолку хотѣтъ: пусть посмотритъ на меня вотъ эта брюнеточка въ синемъ бархатномъ платьѣ: захотѣлъ, встряхнулъ бобра, поправилъ на шеѣ орденскую ленту и смотрю — не тутъ-то было: она зѣваетъ-себѣ на Казанскій Соборъ: вѣрно прїѣзжая. «Ну, подумаль я, вотъ эта блондиночка въ голубой шляпкѣ равняется; я гляжу въ оба, даже языкъ чешется сказать ей что-нибудь прїятное, а она поправляетъ мѣховую шапочку своему братцу, что-ли, мальчишкѣ лѣтъ семи — азбуку бы ему учить дама — и прошла! Вотъ одна, кажется, на тебя и смотритъ такъ выразительно, будто говорить: «а, Дмитрій Ивановичъ! какъ я васъ давно не видала!» Сердце замреть; оглянешься, а сзади тебя ей кланяется какой-нибудь гвардеецъ. Иная даже улыбнется — такъ въ жаръ и бросить, смотришь — а у тебя съ боку ухмыляется ей какой-то щедушный франтъ, сушья треска-рыба, подъ бровь вправилъ себѣ лорнетку, и ухмыляется! даже лицо искривилось. Что тутъ хорошаго?

А другія большею-частью проходили мимо, не обращая на меня никакого вниманія. Опять стало грустно!...

Я перешелъ Полицейскій Мостъ. У магазина Юнкера собралась передъ окномъ кучка народа: какой-то старичокъ, въ картузѣ съ назатыльникомъ, высокій офицеръ и босый мальчикъ въ пестрядинномъ халатѣ. Всѣ они почти неподвижно стояли, глядя на разныя картинки, разложенныя на окнѣ; только мальчикъ безпрестан-

*

но перемѣнялъ ноги: подгибая одну, стоялъ какъ журавль, потомъ становился на отогрѣтую, а другую отогрѣвалъ подъ халатомъ. Отъ нечего дѣлать и я остановился передъ картинами. Хорошенькія головки всѣхъ націй лежали на окошкѣ; офицеръ дѣлалъ очень рѣзкія замѣчанія на счетъ профиля гречанки, на глаза итальянки, рѣсницы испанки и прочее...

«Молодость! подумалъ я, а для насъ *нѣтъ лекарства!*» да послѣднія слова уже не подумалъ, а просто проговорилъ самъ-себѣ. «Ступайте въ Семеновскій Полкъ», сказалъ стоявшій возлѣ меня офицеръ. Я взглянулъ на него; онъ улыбнулся и пошелъ. Мальчикъ тоже въ прыжку побѣжалъ къ Малой Морской. У окна остался я да старикъ. — Вѣрно этотъ молодой человекъ помѣшанъ? сказалъ я. — «Совсѣмъ нѣтъ», отозвался, покашливая, старичокъ. Я посмотрѣлъ на него пристальнѣе: онъ былъ въ тепломъ сюртукѣ гороховаго цвѣта, съ стоячимъ воротникомъ, въ четвероугольномъ плисовомъ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ и въ ботфортахъ. Странная рѣчь, странный нарядъ и странные взгляды старика смутили меня. — «Да знаете ли вы, что я думалъ и что сказалъ мнѣ г. офицеръ».

— Разумѣется, отвѣчалъ старичокъ: онъ вамъ говорилъ: идите въ Семеновскій Полкъ, а я прибавлю: въ Госпитальную улицу, часу въ десятомъ вечера; за Среднимъ Проспектомъ, направо есть деревянный одноэтажный домъ, съ занавѣшенными окнами; идите туда, скажите обо мнѣ: васъ примутъ прекрасно.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Между-тѣмъ старичокъ, лукаво улыбаясь, юркнулъ черезъ проспектъ, замѣшался между экипажами, и... я не замѣтилъ, куда онъ дѣвался, будто провалился сквозь землю, будто исчезъ въ воздухѣ.

Долго стоялъ я въ раздумьи, не понимая, что все это значить; мысли темнѣли въ головѣ моей, и на улицахъ темнѣло; въ магазинахъ начали зажигать лампы; въ воздухѣ стало сыро, пошелъ какой-то холодный дождикъ. Я продрогъ и вошелъ въ кондиторскую, выпилъ рюмку — все холодно, я другую — согрѣлся, и за стаканомъ глнтвейна началъ разсуждать. Чѣмъ болѣе разсуждалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что именно я въ счастливую минуту имениннаго дня пожелалъ лекарства отъ старости, и когда ударило 8 часовъ, я рѣшился ѣхать за лекарствомъ.

Доѣхавъ на дрожкахъ до Семеновскаго Полка, я, чтобъ удобнѣе отыскать домъ, пошелъ пѣшкомъ въ Госпитальную улицу. Боже мой, какая мрачная улица! Вездѣ пусто, вездѣ тихо, темно; издали то вспыхивалъ, то замиралъ потухавшій фонарь, точно въ просонкахъ мигая глазами; цѣпная собака, спущенная на ночь, рада свободѣ, выбѣжала на улицу, посмотрѣла во все стороны, и ну лаять на мигавшій фонарь. Пусто; ни души живой; грязно, темно.

Я хотѣлъ уже воротиться; смотрю направо — ба! въ одноэтажномъ домикѣ свѣтится; окна задернуты красными занавѣсками. «Нашель», подумалъ я, и шагнулъ черезъ порогъ, а сердце вотъ-такъ и застучало въ груди.

Вхожу въ комнату; въ комнатѣ пахнетъ розовымъ масломъ; полъ устланъ коврами; у стѣны низенькій диванъ, передъ диваномъ столъ на трехъ ножкахъ; на столѣ горитъ сальная свѣча въ подсвѣчникѣ преуродливой формы; за столомъ сидитъ человекъ и читаетъ книгу; брови у него густыя, голова бритая, чуть прикрыта пестрою шапочкою, борода рѣдкая, какъ у молодого козлика; на немъ былъ надѣтъ шелковый халатъ,

краснаго цвѣта; на шеѣ висѣло что-то въ-родѣ золотой медали. Красный человекъ, казалось, не замѣтилъ моего прихода и читалъ книгу.

— Милостивый государь, сказала я: — не имѣя чести знать васъ лично...

— Что вамъ надобно? спросилъ меня незнакомецъ по-русски иностраннымъ выговоромъ.

— Меня къ вамъ прислалъ извѣстный вамъ старичокъ... чтобы...

— За лекарствомъ, что ли?

— Точно такъ.

— Хорошо, почтеннѣйшій, присядьте.

Я сѣлъ на диванъ; хозяинъ подалъ мнѣ трубку турецкаго табаку, сѣлъ подлѣ меня и молчить. Вотъ я и начинаю разговоръ издалека:

— Вы, вѣрно, не здѣшній?

— Да, почтеннѣйшій, казанскій татаринъ

— И, вѣроятно, изволите производить торговлю халатами?

— Не отгадали. Это мы предоставляемъ простому народу, любезнѣйшій.

— А! вы стало-быть... Я недавно читалъ въ газетахъ, что въ Казани произведенъ въ титулярные совѣтники... какъ-бишь его? Кази-Чикимъ, или Чики-Казимъ.

— Нѣтъ, я не титулярный и не совѣтникъ, я мулла.

«Ого! подумалъ я: такъ это голова!» и продолжалъ:

— Значить, вы недавно изволили сюда прїѣхать?

— Я здѣсь съ восьми лѣтъ.

— Такъ вы вѣрно окончили курсъ въ здѣшнемъ университетѣ?

— Нѣтъ, я всѣ правила вычиталъ изъ книгъ, самъ-себѣ.

— А, очень пріятно, что имѣю честь познакомиться съ такимъ ученымъ!

— Ничего, почтеннѣйшій.

— Слѣдовательно, у васъ кто вычитаетъ себѣ мудрость изъ книгъ, тотъ и мулла!

— Какъ можно, любезнѣйшій! я держалъ экзаменъ.

— Вотъ видите! Здѣсь изволи держать?

— Здѣсь никто ничего не знаетъ; я ѣздилъ за границу.

— Вѣроятно, въ Карльсбадъ?

— Нѣтъ, дальше, за Оренбургъ, въ киргизскія степи; тамъ есть народъ ученый, тамъ умѣютъ толковать Коранъ.

— Коранъ! а не Алкоранъ? Помнится, я читалъ гдѣ-то въ газетахъ «Алкоранъ?»

— Все-равно, почтеннѣйшій, а лучше — Коранъ.

— А Кориоланъ?

— Можетъ-быть, и такъ зовутъ туда дальше, къ Астрахани, да это все-равно.

— Вѣроятно, вы изволите его читать?

— Да.

— Позвольте посмотреть... Господи! Господи! какія странныя литеры, точно пауки да букашки ползаютъ по страницамъ!....

— Лучше бы сказали: пчелы. Здѣсь всякая буква несетъ медъ, всякая буква несетъ сладость познанія, собранную отъ добра и зла, какъ пчелка несетъ медъ и отъ розы и отъ нечистаго растенія.

— Виновать, если не такъ называлъ ваши буквы; это съ непривычки: я отъ-роду первый разъ вижу татар-

скую книгу, и не хотѣлъ ее обидѣть, дай Богъ ей здоровья...

— Ничего, почтеннѣйшій; я вамъ еще больше скажу, говорилъ мулла, таинственно понижая голосъ: — всякая пчела имѣетъ и медъ и жало; умѣй съ нею обращаться — тебѣ хорошо, не умѣй — укуситъ. Понимаете?

— Понимаю.

— Такъ вотъ, видите: азбука одна — хорошо; я возьму изъ нея буквы и напишу *мулла*. Видите?... Изъ той же азбуки возьму буквы, поставлю ихъ не въ томъ порядкѣ и выйдетъ *шайтанъ!*

Последнее слово онъ сказалъ почти шопотомъ, но такъ выразительно, и такъ сверкнулъ узенькими глазами, что у меня душа ушла въ пятки.

— Такъ и книги, продолжалъ мулла: составляются изъ буквъ, науки изъ книгъ. Вездѣ своя пропорція. Умѣй съ ними обращаться — хорошо; не умѣй — худо, очень-худо! Я вамъ дамъ лекарство, о которомъ вы просили; выпей его въ мѣру — хорошо, больше — лучше, а еще больше — будетъ худо...

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, сами дайте мнѣ лекарство, я у васъ здѣсь и выпью или съѣмъ что̀ будетъ нужно.

Тутъ мой татаринъ засуетился, искалъ чего-то долго въ карманахъ и подъ столомъ; потомъ взялъ бутылочку, положилъ въ нее длинную красную ниточку и налилъ прозрачнымъ составомъ, взболталъ, приговаривая какую-то татарскую пословицу, вылилъ въ рюмку и далъ мнѣ выпить.

— Но прежде, нежели я употреблю ваше лекарство, позвольте спросить, какое будетъ его дѣйствіе?

— Чудеснѣйшее, почтеннѣйшій!

— Нѣтъ, не тѣ; то-есть, возвратить ли оно мнѣ мою молодость вдругъ или постепенно?

— Какъ?

— То-есть, моя молодость будетъ возобновляться относительно старости?

— Не понимаю, почтеннѣйшій!

— То-есть, если я проживу годъ, такъ это будетъ, что я не прожилъ, а отжилъ годъ назадъ.

— Разомъ десять съ плечъ долой.

— Прекрасно, и я постепенно дойду до лѣтъ отрочества, младенчества и даже до первой минуты своего существованія? А послѣ?

— Послѣ опять все пойдетъ попрежнему.

— И я, значитъ, начну мужать?

— Да, пейте скорѣе; настаетъ время совершать омовеніе.

— Пью-пью-пью, сказалъ я, въ восторгѣ, и разомъ осушилъ рюмку лекарства. Точь-въ-точь хорошее пѣнное вино, только немного отбиваетъ ниточкой. Я поклонился татарину, бросилъ на столъ бѣленькую ассигнацію и вышелъ.

— Почтеннѣйшій! кричалъ мнѣ въ-слѣдъ татаринъ: — о лекарствѣ никому ни слова, а то потеряешь силу.

— Слушаю, слушаю, мой благодѣтель, отвѣчаю я: — никто не узнаетъ, ни самъ... ну, кто бы ни былъ.

Да и какую же я получилъ бодрость! въ минуту огонь разлился по всеѣмъ моимъ жиламъ, глаза стали зорче, руки развязнѣе. У будки меня окликнулъ часовой. «Что кричишь оселъ, развѣ не видишь кто?» сказалъ я такъ звучно, громко, отчетливо, такимъ сердитымъ голосомъ и тономъ, что будочникъ хоть бы слово!

Пришелъ домой, выгналъ изъ комнаты Федота и за-

писалъ подробно все, что случилось со мною сегодня. Да, великій день. Чортъ возьми, за 25 рублей купилъ коробъ счастья!... Правда, иногда за 25 рублей люди покупаютъ вещи, сопутствующія имъ во всю жизнь, да самой жизни не хватаетъ. Нѣтъ, господа, купите жизни, какъ я, да еще молодой жизни! Спасибо высокому офицеру, и старичку спасибо. Кути, Дмитрій Ивановичъ.

27 октябр.

Чудное лекарство! начинаю вполнѣ чувствовать его благотѣтельное дѣйствіе.

«Какой прекрасный сонъ!» подумалъ я, просыпаясь сегодня; но мнѣ было такъ легко, кровь такъ тепло переливается въ моемъ сердцѣ. Подхожу къ письменному столу: на немъ лежитъ эта тетрадь замѣчательныхъ дней моей жизни, и все вчерашнее записано съ поразительною вѣрностью. Да, это не сонъ; притомъ же и дѣйствительность говоритъ въ мою пользу. Сокровище въ рукахъ: отъ меня зависитъ распорядиться этимъ сокровищемъ. Небойсь, мы съумѣемъ не ударить лицомъ въ грязь.

Теперь я похожъ на путника, который съѣлъ въ лодочку, положимъ хоть въ истокѣ Волги, да и поѣхалъ внизъ по рѣкѣ. Онъ ѣдетъ, а вокругъ красивые берега, зеленыя рощи, мирныя села, шумные города—все живетъ, все манитъ къ себѣ путника, а онъ ѣдетъ, онъ спѣшитъ, ему некогда. Вода несетъ его быстро своимъ теченіемъ, а онъ еще веслами ускоряетъ бѣгъ своей лодочки, все дальше и дальше. Волга шире, крупнѣе накатываются волны, быстрѣе несутъ лодочку; веселые города и села далеко остались; впереди безплодная степь, а по степи широко синѣетъ Волга... Далѣе

море; горами ходять по немъ черные валы; туда мчить вода лодочку. Погибель неизбежна. Робко двигаетъ путникъ свои весла; напрасно — весла ломаются, и онъ, сложа руки, безмолвно ожидаетъ кончины... Вдругъ какая-то невидимая сила ставитъ парусъ на его лодочкѣ, съ моря дуетъ вѣтеръ и путникъ летитъ обратно къ тихому истоку: опять передъ нимъ знакомые города, села, рощи, горы, луга; все веселится, все смѣется по-прежнему, опять тихая пристань, изъ которой пустился онъ въ путь, опять родительскій домъ, съ густыми вербами надъ прудомъ...

Нѣтъ, г. путникъ, если судьба прикажетъ опять ѣхать тебѣ внизъ по рѣкѣ, ты не станешь торопиться. Останавливайся отдохнуть у чѣнистой рощи, радуйся въ селахъ тихимъ радостямъ поселянъ, любуйся пышными городами. Ты уже знаешь, что за всѣмъ этимъ песчаная степь, а тамъ — вѣчное море...

Я—этотъ счастливецъ; благоприятный вѣтеръ дуетъ въ мой парусъ и я лечу обратно. Полно такъ ли? именно такъ; что же тутъ удивительнаго? я чувствую себя гораздо здоровѣе; въ одну ночь годомъ помолодѣлъ. Моя жизнь должна идти иначе. Иду въ департаментъ.

Вечеромъ того же числа.

Начало очень хорошее. Я пришелъ въ департаментъ какъ обыкновенно; раскланялся, подавъ, какъ водится, руку моему товарищу, Петру Ивановичу, начальнику 2-го отдѣленія, подавъ руку казначею и сѣлъ.

Спустя десять минутъ нанесли мнѣ кипу бумагъ; я прочелъ одну, другую, подписалъ да и сижу-себѣ, по-сматриваю во все стороны; потомъ вышелъ въ другую комнату, смотрю — Биркинъ что-то пишетъ; я подо-

шелъ къ нему, спросилъ о здоровьѣ и подалъ руку; онъ немного смѣшался, однако ничего, поклонился и говорить: «покорно благодарю». Разумѣется, подать руку человѣку—дѣло важное, тутъ надобно подумать да и подумать, тѣмъ болѣе подчиненному: сейчасъ зазнается; да и люди такъ уже чудно устроены, что у всякаго на языкѣ вѣчно сидитъ просьба къ начальству. Ты подчиненному не успѣешь договорить ласковаго слова, а онъ уже и улыбается этакъ, знаете, почти по-пріятельски, и просить о чемъ-нибудь. Гораздо лучше держать себя важно, однимъ видомъ отталкивать отъ себя сажени на полторы: это гораздо спокойнѣе.

Ты мнѣ завѣщаль эти правила, покойный бригадиръ Дутиковъ: чувствую всю цѣну ихъ и благословляю прахъ твой.

Но почему же мнѣ не подать руки Биркину? Лѣтъ черезъ пять мы будемъ съ нимъ ровесники: достанется покутить вмѣстѣ. Я хорошо сдѣлалъ. Потомъ пошелъ посмотреть на термометръ — мороза мало; въ казначейскую — тамъ считаютъ деньги; зашелъ въ бухгалтерскую, понюхалъ табаку. Душа радуется, такъ весело!...

Мой товарищъ, Петръ Ивановичъ — отъявленный лѣнивонецъ; частенько директоръ съ нимъ ссорится, ссорится, да и рукой махнетъ, а онъ все свое: сидитъ, читаетъ «Вѣдомости» да мотааетъ ногою. Вотъ Петръ Ивановичъ, увидя, что я такъ-себѣ хожу самонадѣянно, очень обрадовался, подошелъ ко мнѣ и говорить: «Кажется, вы намѣрены отдыхать, Дмитрій Ивановичъ?» — «Почему же и не такъ?» отвѣчалъ я; «мнѣ кажется, можно». — «Да» подхватилъ Петръ Ивановичъ: «вамъ никакъ пошелъ шестой уже десятокъ: въ такихъ лѣтахъ позво-

лительно...» При этих словах я чуть-чуть не улыбнулся. Ну, да Богъ съ нимъ, у меня на лбу не написана моя тайна...

Мы съѣли съ Петромъ Ивановичемъ около моего стола, и у насъ завязался длинный разговоръ о сѣмь, о томъ, о соленыхъ перепелкахъ и проч... Ударило три часа. Я вышелъ изъ департамента и пришелъ домой гораздо-здоровѣе обыкновеннаго: грудь не болитъ, дышать легко... Не поѣду на вистъ къ Якову Ивановичу, лучше отдохну; пусть себѣ эти старички играютъ; мнѣ играть не для чего, жалованье хорошее, да и въ ломбардѣ на черный день лежитъ тысячь десятокъ другой; составлять партію нужнымъ людямъ не хочу: много я и такъ для другихъ дѣлалъ. Игра — трата времени; мы умѣемъ провести время повеселѣе.

Завтра зайду къ Ручу, одѣнусь щеголеватѣе, а тамъ... кути Дмитрій Ивановичъ! Пора спать.

182... октября 26.

«Фу, ты, Господи! какая разсѣянная жизнь! нѣсколько лѣтъ не бралъ въ руки своихъ записокъ. День за днемъ, день за днемъ, вотъ такъ и плывутъ, какъ утки. Съ вечера на балъ, съ бала въ маскарадъ, тамъ на пикникъ, тамъ... и названія не приберешь всѣмъ удовольствіямъ. Николай Антоновичъ, спасибо, вездѣ пролѣзетъ, какъ игла, и меня проведетъ какъ ниточку. Сегодня я прокинулъ на счетахъ, что прожилъ, что отжилъ, и вышло мнѣ около двадцати лѣтъ. Тѣ же страсти, склонности, желанія.

Какъ себя помню, мнѣ въ 20 лѣтъ Богъ-знаетъ какъ хотѣлось крестика, хоть какого-нибудь въ петличку; а для чего? чтобъ явиться къ Марьѣ Ивановнѣ! Дѣло

прошлое; но что́ это была за Марья Ивановна! сущее наливное яблочко; бывало, и смотре́ть на нее боишься: что́ дескать я такое? коллежскій регистраторъ! Оно; правда, чинъ; но произнести его неловко передъ коллежскими ассессорами; хоть бы крестикъ отличалъ меня—иное дѣло. Ахъ, крестикъ, крестикъ! Что́ же? не дали когда хотѣлось; Марья Ивановна меня не замѣтила, вышла за другаго—вотъ и все. Послѣ получилъ и на шею, да все какъ-то хладнокровно...

Теперь опять воскресаетъ старое: хочется звѣздочки, да какъ хочется: ни есть, ни спать не могу! Стою въ мундирномъ фракѣ по часу передъ зеркаломъ да воображаю, какъ бы пристала ко мнѣ звѣзда. А для чего? хотѣлось бы представиться въ такомъ то же видѣ Марья Ивановнѣ—не прежней, той дѣти давно вышли въ отставку—нѣтъ, у меня опять есть Марья Ивановна, такая же, какъ и прежняя, розовая, рѣзвая, веселая. Какъ бы я удивилъ ее, явясь нечаянно со звѣздой! «У васъ, Дмитрій Ивановичъ, звѣзда?» — «Точно такъ, Марья Ивановна, повергаю ее къ стопамъ вашимъ»—и пошла потѣха... Она меня очень любитъ. Вчера, напримѣръ, танцуя съ нею, я пожалъ ей руку, рѣшился, что́ называется, очертя голову. Какъ она весело взглянула на меня! какіе состроила глазки!... Ну, просто она влюблена въ меня по уши... Я отъ восторга едва имѣлъ силы докончить кадрили, а она будто нарочно выдумывала новыя фигуры: вмѣсто шести, я полагаю, мы протанцовали двѣнадцать.

Я былъ растроганъ, сѣлъ и во весь вечеръ не хотѣлъ и ногой ступить; все смотре́лъ, какъ она порхала по паркету, словно ласточка... Да, не худо бы звѣздочку! А тутъ чего-то косится директоръ; даже однажды

сказалъ: «въ ваши лѣта, я полагаю, вамъ тяжело управлять отдѣленіемъ». — «Это правда» подумалъ я. Хорошо, что ты, пріятель, еще не догадался совершенно: гдѣ видано двадцатилѣтнему юношѣ управлять отдѣленіемъ?... У меня, таки нечего сказать, дѣла наакопились, да ну ихъ, смотрѣть не хочется!

Весьма прискорбно, что мои писцы еще какъ-то меня чуждаются, а малые добрые, ребята молодые, надобно съ ними познакомиться. Столоначальники со мною уже давно на пріятельской ногѣ, да они очень серьезны, слишкомъ важничаютъ, стариковъ корчатъ, дураки! Узнали бы, что значитъ старость, не торопились бы! Вотъ я, небойсь, какъ начну опять выростать, не буду торопиться жить, не стану въ 13 лѣтъ скоблить усы перочиннымъ ножикомъ, чтобъ скорѣе чернѣли, чтобъ казаться взрослымъ... Скучно! завтра поѣду въ танцклассъ.

27 октября.

Два часа сидѣлъ за туалетомъ, приглаживалъ голову, обдѣлывалъ прическу; теперь хорошо волосокъ къ волоску подобранъ. Мои волоса день-отодня болѣе теряютъ свой темный цвѣтъ, не сѣдѣютъ, а блѣднѣютъ, отчего я дѣлаюсь гораздо моложавѣе.

29 октября.

Третьягодня былъ въ танцклассѣ и тамъ успѣлъ наконецъ сойтись покороче съ моими канцеляристами; ихъ было трое, все премилые ребята. Они показывали мнѣ всѣ достопримѣчательности танцкласса; я съ ними, т. е. съ канцелярскими, говорилъ обо всемъ такъ, безъ церемоніи; они мнѣ рассказывали все свое, я имъ рассказалъ кое-что изъ своихъ походовъ; они меня

спросили: отчего я не женюсь, имѣя хорошее содержаніе? Мы, говорятъ, и дня бы не думали, переженились. А я — то-то молодость! чуть-чуть не выболталъ своей тайны. Какъ же мнѣ жениться, когда я все молодѣю, а жена моя будетъ старѣться? Современемъ вышла бы завидная пара! Однако я ничего этого не сказалъ, только подумалъ, и отвѣчалъ: «такъ, друзья мои, не пришла пора!...»

4 декабря.

Меня вездѣ называютъ душою компаніи! Каково, Дмитрій Ивановичъ? вотъ что значить умѣть употреблять время сообразно возрасту. «Что вы не поете?» недавно сказала мнѣ Марья Ивановна. «Не умѣю», отвѣчалъ я. — «Вздоръ, вы обманываете» сказала она: «вы должны пѣть». — «Слушаю, отвѣчалъ я: съ величайшимъ удовольствіемъ спю что-нибудь, когда выучусь». Дѣлать нечего, взялъ учителя и пою. Завтра удивлю Марью Ивановну: она будетъ на именинахъ у Саввы Саввича; я нарочно затѣю фанты и въ фантахъ запою романсъ, который выучилъ меня учитель:

Дѣдушка, дѣвцы
Разъ мнѣ говорили:
Нѣтъ ли неблицы
Иль старинной были?

5 декабря.

Былъ у Саввы Саввича и рѣшительно своимъ романсомъ восхитилъ публику; сначала всѣ, отъ удовольствія, улыбались и поглядывали другъ на друга, а потомъ растрогались, даже Савва Саввична заплакала; только одинъ маленькій Саввинька колотилъ деревянною куклою орѣхи и немного мѣшалъ пѣть. Какое это стран-

ное семейство! хозяинъ Савва Саввичъ Саввиновъ, его жена Савва Саввична, и сынъ Саввинька — удивительный случай!...

Полно писать, усталъ; а тутъ завтра нужно ѣхать въ три дома на именины; нѣтъ времени ни о чемъ подумать. Какой омутъ нашъ свѣтъ!

183... ноября 9.

Вотъ опять нѣсколько лѣтъ я не писалъ въ моихъ запискахъ, и съ-тѣхъ-поръ какъ измѣнило меня чудесное мое лекарство! Сегодня поутру мой Федотъ чистилъ что есть силы какой-то старый виц-мундиръ, но никакъ не могъ надрать на немъ ворсы.

— Что это за фракъ? спросилъ я Федота.

— Вашъ, отвѣчалъ Федотъ.

— Что же я его не помню?

— Да онъ лѣтъ десять валялся въ шкапу; я его сегодня самъ нашелъ нечаянно.

— Это интересно; подай его сюда!

Я примѣрилъ виц-мундиръ, мой собственный виц-мундиръ, который сидѣлъ когда-то на мнѣ очень-хорошо, и что же? онъ теперь и длиненъ и широкъ. Видимо уменьшаюсь!

Ноября 10.

Мнѣ теперь по расчету около 15 лѣтъ.

Ноября 12.

Въ среду былъ на вечерѣ у Ивана Петровича, рѣзвился, шумѣлъ, дурачился, какъ всегда. Марья Ивановна еще похорошѣла; у нея на лицѣ иногда вдругъ покажется какая-то милая важность; это ей очень пристало, такъ и хочется поцаловать. Начались танцы.

— А вы не танцуете? спросила Марья Ивановна.

— Развѣ съ вами.

— Да я ангажирована, Дмитрій Ивановичь!

— Иначе не танцую, какъ съ вами.

Она побѣжала, переговорила съ своимъ кавалеромъ, то-есть просто отказала ему, профану, и подала мнѣ руку.

Я очень помню, какъ меня учили танцовать, и учили именно въ этихъ лѣтахъ, какъ теперь; кажется, и стоишь, бывало, какъ люди, и ходишь какъ они, а пошелъ танцовать—ноги точно деревянные: прыгъ, прыгъ прыгъ по полу, собьешься, зацѣпишься за что-нибудь и растянешься на землѣ во весь ростъ. Такъ и теперь случилось. Мнѣ изъ головы мои лѣта! Заиграли кадрили: первую фигуру я еще кое-какъ путался, только раза два наступилъ кому-то на ногу; пришла вторая—ноги не несутъ, точь-въ-точь, какъ, бывало, встарину, когда учился танцовать, шагнулъ впередъ, назадъ, вправо, влево, задѣлъ ногу за ногу, бацъ, объ полъ! Господи, какой срамъ! Понесла же меня нелегкая!

Меня подняли и посадили въ кресло; тутъ бы и оставить; кто изъ насъ не падалъ? Такъ нѣтъ: хлопчуть, спрашиваютъ, не ушибся ли, суетятся.... Раздосадовали до-нельзя! Я забился въ темный уголъ и заплакалъ—не отъ боли, а отъ досады, отъ огорченія. Марья Ивановна подошла ко мнѣ, съ участіемъ взяла меня за руку и почти сквозь слезы сказала: «бѣдненькій!» У меня такъ и растаяло сердце. «Чѣмъ пособить вамъ?» продолжала она. — «Ничего», отвѣчалъ я, сжимая съ дѣтскою радостью ея нѣжную ручку, «поцалуйте меня». — «Только-то? Извольте, хоть десять разъ.» — И она поцаловала меня!... поцаловала!... Я весь за-

трепеталъ отъ этого поцалуя, и уже плакалъ отъ радости.

Всякій возрастъ имѣетъ свои неотъемлемыя права, свои прекрасныя привилегіи!

Ноября 13.

Слава Богу, начали падать зубы.

Ноября 14.

Сегодня въ департаментѣ я шелъ изъ казначейской по корридору; смотрю: направо въ темной комнатѣ (гдѣ стоятъ чернила, лежатъ щетки и спитъ сторожъ) мои канцеляристы — экіе пройдохи! — закурили коротенькую трубочку и затягиваются. Быстро пришла мнѣ на мысль прежняя молодость, когда, бывало, потихоньку отъ учителя, гдѣ-нибудь за угломъ потянешь трубки — и страшно, и осматриваешься кругомъ, и дрожишь, глотая дымъ, будто какой нектаръ. Сущее наслажденіе!... Впослѣдствіи я имѣлъ возможность и способы курить трубку, но никогда не курилъ съ такимъ удовольствіемъ. Не трубка пріятна, а этотъ судорожный страхъ, невольный трепетъ отъ пустаго скрипа двери; пріятны «сильныя ощущенія». Я вспомнилъ все это и не выдержалъ: шастъ въ темную комнату: канцеляристы сначала сробѣли, спрятали трубку за фалды виц-мундира и, будто не видя меня, начали громкій разговоръ о *черновыхъ отпускахъ*. «Полно, пріятель» сказалъ я: «не объ отпускахъ дѣло, а дайте-ка затянуться, пока не пришелъ директоръ». Канцеляристы переглянулись между собою, одинъ досталъ трубку, другой набилъ ее, вытянувъ изъ жилетнаго кармана табакъ, завернутый въ газетную бумажку, третій вырубилъ огня и въ минуту все поспѣло. Да и затянулся же я великолѣпно!...

Потомъ скорыми шагами прошелъ черезъ канцелярію въ свою комнату; тамъ стоялъ директоръ. «Что у васъ въ канцеляріи будто табакомъ пахнетъ?» спросилъ онъ. — «Не знаю, ваше превосходительство; можетъ-быть, сторожа утромъ курили; впрочемъ, я не слышу», отвѣчалъ я, а въ душѣ такъ и пошелъ морозъ. «Скажите экзекутору, чтобъ за ними смотрѣлъ» продолжалъ директоръ и ушелъ. Уфъ! какъ гора съ плечъ свалилась!... Вотъ какую штуку я ему выкинулъ.

183... мая 23.

Мой Оедотъ слишкомъ состарѣлся: такой сталъ неповоротливый, иногда стаканъ воды подаетъ часа два. Нехорошо.

Іюля 2.

Сегодня ко мнѣ пресерьезно подошелъ директоръ, совершенно мой бывший учитель, такъ же важно надулъ свой стриженный хохолокъ и такъ же грозно заговорилъ со мною: «Дмитрій Иванычъ, у васъ дѣла запущены, вы худо смотрите за отдѣленіемъ; вотъ другой годъ не рѣшается дѣло откупщика Медвѣдева. Займитесь имъ исключительно, преимущественно займитесь имъ сегодня».

Пока кричалъ директоръ, то мнѣ и хотѣлось заниматься; я пришелъ въ свою комнату и началъ читать. Признаюсь, было отчего ему лежать не два года, а двадцать лѣтъ: пресквернымъ почеркомъ писано, ничего не разберешь. Да и что это за Медвѣдевъ? кто онъ такой? Мнѣ представилось, что это простой бурый медвѣдь во фракѣ стариннаго покроя и въ спальныхъ сапогахъ. Эта идея меня очень развеселила, я пошелъ и сообщилъ свою мысль въ канцелярію, чѣмъ произвелъ всеобщій смѣхъ.

Возвратясь въ свою комнату, я уже не взглянул на дѣло — пропадай оно совсѣмъ, вещь прескучная!

Смотрю — лазить по окну синяя муха, прекрасной породы, прекрупная; я вспомнилъ, что во время оно я забавлялся мухами, заперъ дверь изъ канцеляріи на замокъ, расшилъ дѣло Медвѣдева и досталъ изъ него ничточку шелка; потомъ поймалъ муху, оборвалъ ей крылья, привязалъ шелковинкою за ногу къ перу и пустилъ на окно. Да какая рысистая попалась муха! такъ и возить перо, только оно переваливается... Слышу, за дверьми говоритъ столоначальникъ: «Тише, господа! Дмитрій Ивановичъ занимается». Меня такъ смѣхъ и пронялъ; думаю: «вотъ гуси!» А въ канцеляріи стало тихо, тихо, даже было слышно, какъ моя муха шелестила перомъ по бумагаѣмъ.

Не увидѣлъ какъ прошло время. Ударило три часа; я бросилъ муху съ перомъ за форточку и отворилъ дверь; на встрѣчу мнѣ директоръ.

— Ну, что, Дмитрій Ивановичъ, подвинулось дѣло?

— Подвинулось, ваше превосходительство.

Онъ взялъ дѣло въ руки, и вдругъ посыпались изъ него листы.

— Это что?

— Не знаю, ваше превосходительство; я самъ цѣлое утро подбиралъ листы: они перебиты, не сшиты, въ нихъ никакого толку нѣтъ.

— Кто сшивалъ дѣло?

— Полагаю, канцеляристъ Финфирулькинъ: на немъ лежитъ эта обязанность.

— А вы не можете присмотрѣть за вашими подчи-

ненными! Въ вашихъ лѣтахъ вы сущій ребенокъ, съ позволенія сказать.

«Къ-чему тутъ просить позволенія?» подумалъ я и улыбнулся.

— Что вамъ смѣшно!? почти завопилъ его превосходительство и пошелъ ругать Финфирулькина. Пушилъ, пушилъ; тотъ, бѣдный, не знаетъ, откуда такая напасть приключилась, стоитъ ни живъ, ни мертвъ, только запонка на манишкѣ трепещется... «Славно сошло съ рукъ!» подумалъ я, потирая отъ радости руки, поскорѣе за шляпу и махнулъ домой по черной лѣстницѣ.

Юня 10.

И помина нѣтъ о дѣлѣ Медвѣдева! Отдали его разсмотрѣть столоначальнику. Директоръ, тоже какъ и всегда, поклонится холодно и пройдетъ. Объ этомъ я ни мало не беспокоюсь: мнѣ съ нимъ не дѣтей крепить. Въ департаментѣ жарко, дѣлать ничего не хочется. Посидѣлъ часъ и ушелъ домой. Скучно!

Юня 13.

Слава Богу, догадались! Я все думалъ: не-уже-ли я буду служить и ребенкомъ? Наконецъ сегодня получилъ увѣдомленіе, что по разстроенному здоровью увольняюсь въ отставку. Это маленькая ложь: мое здоровье здоровѣе всѣхъ ихъ. Ну, спасибо, хоть догадались, а за пятидесятилѣтнюю службу дали пансіонъ полнаго жалованья. По настоящему и тутъ не такъ: я служилъ вѣрою и правдою тридцать лѣтъ, а остальные двадцать ни то ни сѣ, а чаще портилъ порядки. Здѣсь, слава Богу, не догадались!

Юля 14.

Итакъ я въ отставку! Хорошо; больше не пойду и не поѣду въ департаментъ. Живи спокойно себѣ дома, Дмитрій Иваычъ! очень хорошо!

Я думаю, мнѣ нехудо бы имѣть дядьку; въ моихъ лѣтахъ безъ присмотра не бываютъ, да и люди скорѣе бы слушали дядьки, нежели меня, а то ни Федотъ, ни кухарка знать меня не хотятъ: даютъ какой-то черствый хлѣбъ и твердое мясо — не укусишь.

Какая теперь скверная дѣлается бумага: никакъ невозможно прямо писать; начнешь строчку, кажется, хорошо, а сведешь или внизъ или вверхъ вершка на два — такъ перо и ѣздитъ въ стороны. Не-уже-ли мнѣ придется оставить свои записки? Чтò же я буду дѣлать?... Развѣ попробую разлиневать; когда-то въ этихъ лѣтахъ я такъ писывалъ, а послѣ, пожалуй, можно карандашъ вытереть резинкою, чтобъ незамѣтно было.

Юля 18.

«Проба пера и чернила, какая въ немъ сила!» Хорошо, недурно! Писать по линейкамъ и легко и пріятно.

Я совершенно счастливъ; Провидѣніе видимо печется обо мнѣ — у меня есть дядька! Третій день какъ Богъ послалъ его.

Утромъ въ четвергъ была погода не такъ-то хорошая; шелъ дождикъ; я сидѣлъ въ кабинетѣ и дожидался чая; сижу и слышу въ передней что-то стучить, будто скидаетъ калоши. «Кто тамъ?» — Отвѣта нѣтъ. Ну чтò, если это какой злой человѣкъ? Я подумалъ, что въ моемъ возрастѣ, когда при мнѣ никого нѣтъ — это опасно, и сижу ни живъ ни мертвъ. Дверь отворилась; входитъ въ кабинетъ человѣкъ высокаго роста, въ поношенномъ

военномъ сюртукѣ, съ воротникомъ ни то малиновымъ, ни то апельсиновымъ; въ одной рукѣ онъ держалъ фуражку, а въ другой полосатый ситцевый кисетъ и деревянную трубку съ краснымъ чубукомъ, украшеннымъ красными шнурами и кистями. Незнакомецъ поклонился мнѣ довольно-сурово, шевельнулъ длинными рыжими усами и спросилъ меня:

— Не вы ли Дмитрій Ивановичъ?

— Точно такъ.

— Очень радъ. Честь имѣю рекомендоваться вашимъ родственникомъ.

— Весьма-пріятно; но, сколько помню, послѣдняя сестра моя, дѣвица, умерла.

— Не-уже-ли вы не помните Алены Львовны?

— Алены Львовны? — Да, помню. Она приходилась мнѣ троюродною тѣтушкой, и часто драла за уши, называя безпутнымъ сахарникомъ; хоть и никогда не видѣлъ въ этихъ словахъ большаго смысла.

— Не о смыслѣ дѣло, Дмитрій Ивановичъ. Помните, у нея была дочь Любовь Андревна?

— Какъ не помнить Любиньки! Она была такая добрая, но она поѣхала куда-то на Западъ, я въ Петербургъ — и потерялъ ее изъ вида.

— Любовь Андревна уѣхала на Западъ потому, что слѣдовала за полкомъ, вышедъ замужъ за поручика Кашемирскаго полка Кричимова.

— Помню и Кричимова: такой толстенный, черномазенькій, вѣчно, бывало, торопится и басытъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ, милостивый государь, говорить о немъ повѣжливѣе, потому-что я его сынъ.

— Извините меня, я это сказалъ такъ, на скорую

руку, не могъ въ немъ примомнить ничего особеннаго... И такъ вы сынъ Любиньки, доброй Любиньки, которая меня когда-то кормила конфетами.

— Никакъ нѣтъ. Любовь Андревна умерла бездѣтною, отъ безпокойства на переходахъ и сыраго климата, впрочемъ, записавъ моему родителю свое имѣніе. Онъ, для развлеченія грусти, вскорѣ по смерти жены женился на полькѣ паннѣ Юзефѣ; отъ этого брака произошелъ вашъ покорный слуга.

— Дайте вашу руку, дражайшій родственникъ! Вы, значить, обладатель деревни Свистуновки? Славная деревенька! тогда въ ней числилось 73 души.

— Нѣтъ, изволите видѣть, я очень несчастливъ. Вы мой ближайшій родственникъ, я отъ васъ ничего не скрою.

Это меня очень растрогало.

— Продолжайте, сказалъ я.

— У моихъ родителей только и было дѣтей, что я. Мой батюшка любилъ селянку и бесѣды людей чиновныхъ, постарѣ себя, а маменька любила шоколадъ и общество молодыхъ людей; отъ этого различія во вкусахъ они какъ-то все расходились въ разныя стороны, такъ-что однажды утромъ, когда пришли къ моему батюшкѣ и сказали, что барыни нѣтъ, куда-то сбѣжала, онъ махнулъ рукою и сказалъ: «не ищите; соскучится, сама придетъ». Однако она до сего дня не возвращается. Батюшка вышелъ въ отставку, самъ воспиталъ меня, опредѣлилъ въ уланы и умеръ. Я служилъ, благодаря Бога, хорошо, дослужился до поручика, заложилъ имѣніе — нельзя же служить въ кавалеріи не дѣлая долговъ; я ихъ дѣлалъ — это ничего; но въ одинъ вечеръ ко мнѣ пришли человѣка четыре моихъ пріятелей

мы пили чай, играли въ карты, шутили, смѣялись, просидѣли почти до свѣта, и — моя Свистуновка какъ-то сошла у меня съ рукъ, а я на другой день подалъ въ отставку...

— Значить, вы не имѣете Свистуновки?

— Ничего, любезнѣйшій Дмитрій Ивановичъ, ровно ничего, кромѣ этой трубки и кисета.

«Вотъ», подумалъ я, «будетъ мнѣ лихой дядька», и сказалъ: — Если вы, почтеннѣйшій родственникъ — извините, не имѣю чести знать вашего имени и отчества...

— Василій Кузьмичъ.

— Да, почтеннѣйшій Василій Кузьмичъ, если вы ничего не имѣете, то прошу принять мое предложеніе: переѣзжайте ко мнѣ на квартиру, живите у меня: вы этимъ докажете всю вашу родственную привязанность. Разумѣется, мы, люди статскіе, не можемъ оказать вамъ должнаго гостепріимства и доставить приличныхъ удовольствій; по-крайней-мѣрѣ, вы будете имѣть квартиру, столъ и все нужное; я одинъ, вы у меня ближайшій родственникъ, располагайте всемъ: что мое — все ваше.

Боже мой, что сдѣлалось при этихъ словахъ съ Васильемъ Кузьмичомъ! Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ на опытѣ всю силу, всю трогательную нѣжность родственной любви! Василій всею тяжестью своего тѣла повисъ на моей шеѣ и цаловалъ меня въ плечи... Добрый человекъ!...

Августа 5.

Мои волосы приняли блѣдножелтый цвѣтъ, какъ у младенцевъ. Я быстро иду къ своей цѣли — возрожденіе не за горами.

Сентября 1

Славная моя жизнь: я совершенно спокоенъ. Василій Кузьмичъ всѣмъ управляетъ: и заказываетъ обѣдъ, и поить меня чаемъ, и держитъ мои расходы. Спасибо ему! Что бы я былъ безъ него?...

Помню, очень давно, когда я былъ ребенкомъ, бывало, къ моему отцу соберутся знакомые уѣздные чиновники и пьютъ пуншъ, и цѣлый вечеръ играютъ въ карты, а тебѣ такъ спать хочется, и смотришь и не видишь, будто пухъ на рѣсницахъ; вотъ пойдешь въ другую комнату ляжешь на кровать, да и заснешь подъ пѣсни да хохоть. Такъ и теперь: Василья Кузьмича любятъ добрые люди, частенько сходятся къ нему поиграть въ карты; тутъ подымется шумъ, крикъ, хохоть, дымъ отъ трубокъ стелется какъ отъ парохода, а я уйду въ кабинетъ, раздѣнусь, да и въ постель — простятъ гости моему возрасту. Засыпаю, а черезъ двѣ комнаты шумять, хохочуть, точно уѣздные чиновники у моего батюшки. Такъ станеть спокойно, такъ пріятно... Кажется, вотъ придетъ батюшка и скажетъ матушкѣ: «пора бы, жена, на столъ накрывать». Того и ждешь, что матушка ласково возьметъ тебя за ухо и прошепчетъ: «встань, Дмитрушка; не хорошо спать, сейчасъ будемъ ужинать». Кажется, слышишь, какъ старушка-няня шелеститъ по комнатамъ своими суконными башмаками... Давнопрошедшее воскресаетъ и живетъ со мною... Засыпаешь и улыбаешься старымъ друзьямъ... Дай Богъ здоровье казанскому татарину!...

Сентября 15.

Тѣмъ болѣе я цѣню заботы и попеченія Василья Кузьмича, что они рѣшительно безкорыстны. Охота же ему возиться съ мальчикомъ, зная, что онъ выростеть

*

и забудеть его, не помянетъ его добрымъ словомъ — это случается, по пословицѣ, сплошь да рядомъ — а еще, можетъ-быть, за его попеченія отплатить неблагодарностью. Будь я старикъ — дѣло другое, по-неволѣ пришла бы на умъ черная мысль... Господи прости, какъ-то о людяхъ скорѣе подумаешь худое, нежели хорошее...

Мое хозяйство поправилось, все идетъ быстро, проворно; одно мнѣ не нравится: Василій Кузьмичъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ перемѣнилъ шесть кухарокъ: нѣ одна не уживется; и Федотъ часто является ко мнѣ съ измятою прической. Мнѣ иногда жалко старичка; впрочемъ, это все дѣлается для моего благополучія... Золотой Василій Кузьмичъ!...

1839, февраля 3.

Я сегодня сказалъ въ защиту Федота нѣсколько словъ Василью Кузьмичу; онъ на меня порядочно прикрикнулъ за это; я хотѣлъ-было поспорить, но подумалъ, да и отошелъ молча къ окошку. Вотъ что думалъ я: хорошо, еслибы дѣти имѣли опытность взрослыхъ: сколько неприятностей, слезъ, неудовольствій избѣжали бы они! Я, бывало, до слезъ спорю съ батюшкою, да съ матушкою за глупаго Ванюшку, спорю до-тѣхъ-поръ, пока мнѣ порядочно не выдерутъ ушей: и Ванюшкѣ не легче и у меня цѣлый день горять уши, какъ языкъ, когда покушаешь перцу. А подростъ, такъ самъ увидѣлъ, что мой дѣтскій умъ не постигалъ всей негодности Ванюшки. Выходить, что уши драли ни за то, ни за сѣ, и я единственно своимъ характеромъ купилъ себѣ нѣсколько горькихъ минутъ. Оттого я не сказалъ ни слова Василью Кузьмичу.

Февраля 4.

Помирися съ Васильемъ Кузьмичомъ. Онъ добрый-шій человекъ: для меня же ссорится съ людьми, для меня колотится съ утра до ночи, а я вздумалъ еще упрекать его! «Вы не сердиты на меня?» спросилъ я Василья Кузьмича, когда онъ возвратился съ прогулки по Невскому Проспекту. «Нѣтъ, Дмитрій Ивановичъ; за что же на васъ сердиться? Вотъ я сегодня получилъ часть вашего пансіона и принесъ вамъ гостинецъ».

Тутъ онъ опустилъ руку въ карманъ сюртука, вынулъ пребоольшую грушу, и говоритъ: «Возьмите, только не кушайте передъ обѣдомъ». — «Хорошо» сказалъ я, ушелъ въ кабинетъ и сейчасъ же съѣлъ грушу. Вытерпишь, когда такой душистый, сочный плодъ въ рукахъ!

Февраля 5.

Просилъ Василья Кузьмича купить мнѣ чижика. «Не нужно такой дряни» сказалъ Василій Кузьмичъ: «въ немъ ни цвѣта ни голоса». А мнѣ очень хочется; попрошу кухарку купить, и поставлю у себя съ клѣткою на окошко.

Мая 10.

По двумъ линейкамъ писать гораздо лучше: слова ровнѣе. Сегодня за обѣдомъ Василій Кузьмичъ приказалъ закрыть мнѣ грудь салфеткою. Это очень полезно; и прежде, въ дѣтствѣ, меня завязывали.

Мая 11.

Объщали достать чижика.

Августа 19.

Выпалъ послѣдній зубъ. Скоро ли начнутъ расти новые? А чижика все нѣтъ!

Сентября 2.

Есть чирикъ! да какой миленькій, какой веселый! Самъ ѣсть конопляное сѣмя и пьетъ воду — и все поетъ, все чирикаетъ. Заплатили гривенникъ.

Сентября 4.

Мнѣ очень хочется краснаго платка на шею. Скажу Василью Кузьмичу; какъ-бы онъ не разсердился? Скажетъ: «вы ребячитесь, бросаете деньги». Чирикъ здоровъ.

Сентября 20.

Уже меня водить человекъ подъ-руки. Приятно и легко. Что день, то я ближе къ цѣли.

Сентября 21.

Меня кормятъ молочной кашею. Кушанье мягкое и очень сладкое. Чирикъ тоже естъ кашу.

Сентября 22.

Навязалъ на шею чирику зеленую бахромку; онъ сталъ еще красивѣе.

Сентября 24.

Хочу достать другаго чирика: моему будетъ веселѣе, у нихъ будутъ дѣти, маленькіе чирики, и вдругъ всѣ запоютъ цѣлымъ семействомъ; то-то будетъ весело! Разведу полную комнату чириковъ.

Сентября 25.

Сегодня цѣлый день провелъ, слушая играющую табакерку; играетъ весело, и внутри все перебѣгаютъ прутки — не насмотришься! Чирикъ тоже пѣлъ.

Сентября 27.

Дастъ Богъ весну, я положу въ клетку къ чижику зеленой травки — какъ обрадуется бѣдная птичка!

Октября 1.

Василью Кузьмичу представилось, что я скоро умру; онъ совѣтовалъ мнѣ написать духовную. Странно!

Октября 2.

Я сказалъ Василью Кузьмичу, что переживу всѣхъ, и кухарку, и Федота, и его самого; онъ пожалъ плечами и ушелъ.

Октября 3.

Былъ докторъ, не знаю зачѣмъ, прописалъ лекарство. Я сдѣлалъ чижику прекрасную коробочку изъ карты.

Октября 4.

Лекарство вылилъ въ печку. Былъ докторъ, прописалъ другое.

Октября 5.

И то вылилъ
.

Этими словами, или почти этими, оканчивалась рукопись, потому-что еще тамъ было нацарапано нѣсколько строчекъ, но такимъ почеркомъ, который очень похожъ на знаменитую гвоздеобразную грамоту: ни въ одной буквѣ нельзя было признать никакой извѣстной формы. Я нетерпѣливо ожидалъ окончанія переговоровъ высокаго барона съ докторомъ; наконецъ дверь отворилась, баронъ вышелъ и началъ раскланиваться.

— До свиданія, m. le Baron, говорилъ докторъ:—будь-

те благонадежны, покушайте еще эту зиму моихъ микстуръ, а весной, съ Богомъ, на воды въ Мариенбадъ— и вашъ курсъ оконченъ.

— Вы думаете онѣ будутъ мнѣ полезны? спросилъ баронъ отворяя дверь.

— Непремѣнно! онѣ укрѣпляютъ когезію твердыхъ частей и умѣряютъ чувствительность нервной периферической системы; но ради Бога, *calmez vous, laissez toutes les affaires qui...*

Баронъ захлопнулъ дверь и фраза осталась неконченною.

— Чтò это? спросилъ я у доктора, показывая ему тетрадь.

— Это, вотъ извольте видѣть, отвѣчалъ докторъ, спокойно опускаясь въ кресла:— это одинъ изъ добрейшихъ людей, послѣдняя отрасль древняго, богатаго дома бароновъ Фейф-тòбакъ. Весною будетъ три года, какъ я имѣю надъ нимъ практику. Удивительный субъектъ! Первоначальная болѣзнь его была просто *tussis*, кашель; но въ-продолженіе трехъ лѣтъ онъ испыталъ поочередно всѣ, такъ-называемыя, кахетическія болѣзни. Удивительный субъектъ! все вынесъ, и теперь, кромѣ нѣкотораго рода дискразій, въ немъ ничего не осталось. Впрочемъ, надѣюсь, Мариенбадъ довершитъ начатое.

— Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Вы говорите о больномъ, который сейчасъ вышелъ?

— Разумѣется!

— Напротивъ, я спрашивалъ объ этой тетради.

— О тетради? стоить ли заниматься подобными глупостями! Это писалъ почти сумасшедшій, помѣшанный. Недѣли двѣ назадъ, пришелъ ко мнѣ человекъ, очень-хорошо одѣтый и просилъ навѣстить его дядю.

Мы отправились; при первомъ взглядѣ, я узналъ; что у больного *magismus*—неизбѣжная участь старости, болѣзнь неизлечимая; однако я прописалъ легонькое укрѣпляющее лекарство; на завтра я навѣстилъ больного; племянникъ со слезами просилъ прописать еще лекарство; напротивъ, самъ больной смѣялся, увѣрялъ, что онъ здоровъ и просилъ меня не беспокоиться. Эта странность поразила меня. Я совѣтовалъ племяннику не спускать глазъ съ больного и, въ случаѣ переменъ, дать мнѣ знать. Черезъ день опять явился ко мнѣ племянникъ съ этою тетрадью, которую укралъ у дядюшки, замѣтивъ, что онъ что-то въ ней записываетъ и на ночь тщательно прячетъ ее подъ подушки. Смотрю — да это *hypocondriasis*! Вотъ твоя болѣзнь, голубчикъ! Вотъ откуда и *apogexia*, и *tremor*, и прочая, и прочая!... И муллу-то этого я зналъ: онъ продавалъ нашъ невинный пѣнникъ вмѣсто какого-то восточнаго эликсира отъ всѣхъ болѣзней. «Не беспокойтесь, милостивый государь», сказалъ я племяннику: «у насъ у самихъ на это есть вѣрное лекарство. Пойдемте».

— Приходимъ. Старичокъ сидитъ въ креслѣ возлѣ кровати и строитъ изъ картъ домикъ, что-то шепчетъ и улыбается, глядя на свою шаткую работу, а на кровати стоитъ клетка съ чижикомъ. Я сдулъ со столѣка карточный домикъ и началъ говорить: «Полно вамъ дурачиться, Дмитрій Ивановичъ! Всѣ мечты челоуѣка разлетятся, какъ вашъ домикъ; стыдно забирать себѣ въ голову глупости на долгое время; лекарство муллы просто дрянь: оно не имѣетъ никакой силы, да и весь городъ о немъ знаетъ. Вотъ ваша тетрадь, видите: она уже у меня». Дмитрій Ивановичъ робко посмотрѣлъ на меня, торопливо заглянулъ подъ подушку и тихо

опустился на спинку кресла; ни слова, ни звука; по тѣлу пробѣжалъ легкій трепеть, точно въ живой рыбѣ, когда ее тронешь рукою, и только. «Теперь, говорю я племяннику, не надо зѣвать»: открылъ кровь, на голову льду — и старикъ очнулся.

— Ахъ, Боже мой, прошепталъ онъ: — что со мною? не-уже-ли все это мечта?

— Мечта, подхватилъ я: нелѣпая мечта! Посмотрите въ зеркало: глубокія морщины на лицѣ вашемъ, пожелтѣвшіе отъ времени волосы, ваша дряхлость, развѣ не обличаютъ, что вамъ пошелъ восьмой десятокъ?

— Правда, правда. Возьмите его, едва слышно сказалъ Дмитрій Ивановичъ и медленно отворотился отъ зеркала... Онъ закрылъ лицо длинными, высохшими кистями рукъ своихъ, и плакалъ какъ дитя; крупныя слезы, пробиваясь между пальцевъ, быстро скатывались по его мѣховому плафруку...

«Ну», сказалъ я племяннику, выведя его въ другую комнату: «мы восторжествовали; болѣзнь смята, прогнана... Только я долженъ сказать вамъ, что существованіе вашего дядюшки не можетъ быть продолжительно: сильныя потрясенія, при всей своей пользѣ, бываютъ пагубны». — «Благодѣтель мой!» сказалъ племянникъ, обнимая меня: «хоть на два часа мой дядюшка здоровъ, и этого для меня довольно...» И, повѣрите ли, онъ плакалъ, говоря эти слова. Благородный человекъ!... Вчера я встрѣтилъ на Невскомъ племянника; онъ шелъ въ богатой бекешѣ и въ шляпѣ, обшитой флѣромъ.

— Что дядюшка? спросилъ я.

— Ваша правда, докторъ, отвѣчалъ онъ, крѣпко сжимая мнѣ руку: — дядюшка уже на Смоленскомъ Клад-

бищѣ... Заходите, докторъ, когда-нибудь ко мнѣ; у меня по пятницамъ вечера.

— Надобно будетъ, продолжалъ докторъ, когда-нибудь заѣхать отвезть ему эту тетрадь.

— Вы лучше отдайте ее мнѣ, сказалъ я: — она племяннику будетъ напоминать печальное происшествіе, а мнѣ, напротивъ, пріятный вечеръ, проведенный съ вами.

— И то правда; пожалуй, возьмите!...

— Прощайте, докторъ!

— А мозоли? вы съ ними не шутите: полечите ихъ рационально.

— Непремѣнно; но теперь мнѣ некогда; если позволите, я приѣду въ другое время.

— Какъ вамъ угодно; въ пять часовъ пополудни всегда дома. Мой совѣтъ — не шутить...

— До свиданья!

1839 г.

ГОРЕВЪ, НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ.

П О В Ъ С Т Ъ .

I.

Скучна, очень скучна осень! Весною природа дышетъ дѣвственною прелестью; она, какъ невѣста, убранныя свѣжими цвѣтами, весело улыбается; грядущее сулитъ ей много.

Въ яркомъ сіяніи дня веселый жаворонокъ щебечетъ про любовь; при полномъ свѣтѣ луны, въ кустѣ душистой сирени, поетъ про ту же любовь соловей; его звуки то стонутъ грустью, то страстно замираютъ, то гремятъ удовольствіемъ, счастіемъ. Слушая ихъ, вздыхаетъ дѣвушка-мечтательница, робко поправляя косынку на полной груди своей; вздыхаетъ счастливый юноша, самъ не зная о чемъ... а ночныя фіялки и ландыши льютъ благоуханія, а ближній ручей такъ говорливо переливается по камешкамъ!...

Настало лѣто — и природа, какъ женщина, полная жизни и страсти, роскошно-хороша; цвѣты замѣняются плодами, мечты — дѣйствительностью; солнце жарко смот-

рять на природу, обливаетъ ее огненнымъ потокомъ лучей, сожигаетъ весенніе цвѣточные лепестки и румянить сочные плоды...

Еще весело; но придетъ осень — подобіе нашей старости — и грустно станетъ сердцу, способному грустить, способному чувствовать. Кокетливый уборъ листьевъ и цвѣтовъ слетитъ съ природы-старухи; свалятся румяные плоды; птицы, какъ неблагодарные поклонники ея прежней красоты, улетятъ туда, гдѣ имъ теплѣе; солнце перестанетъ ласкать ее своими лучами; сѣрыя тучи, какъ нерадостныя думы, заволокутъ горизонтъ и, какъ слезы объ утраченномъ благѣ, польется частый холодный дождикъ... Поневоѣ загрузишь!

Хорошо, если еще человекъ богатъ: онъ кое-какъ скроетъ, замаскируетъ скучное время; онъ покажетъ золото — и его ближній, забывъ свое назначеніе, свою духовную гордость, засвиститъ, защелкаетъ передъ нимъ и соловьемъ и малиновкою; тепличныя цвѣты, наперекоръ природѣ, разольютъ благоуханіе въ его палатахъ; дѣвушки улыбнутся ему привѣтливо, будутъ смотреть на него глазами полными страсти... и онъ, счастливецъ, въ обаятельномъ чаду забудетъ настоящее, существенное, ухнетъ воображеніемъ!

И хорошо! Наше счастье, говорятъ, зависитъ отъ насъ самихъ: стоитъ только вообразить — и кончено!...

Но если, при наступленіи холоднаго осенняго времени, у васъ не будетъ теплаго платья, если слезы природы — именуемая въ просторѣчьи дождемъ — наводнять улицы и покроютъ ихъ грязью, а вы, не имѣя экипажа, скрѣпя сердце, должны поспирать ногами эти небесныя слезы, притомъ, если ваши сапоги не въ надле-

жащей исправности, и вы твердо увѣрены, что, придя домой, не найдете ни полѣна дровъ и ляжете въ сырой комнатѣ на холодную постель, въ мокромъ платьѣ, то, какъ бы ни было пламенно ваше воображеніе, врядъ ли вы будете въ состояніи вообразить себя счастливымъ и веселымъ.

Особливо, если вы — чего Боже сохрани! — любите дѣвушку всѣми силами души вашей и встрѣчаете холодное равнодушіе, или, если вы — это еще хуже — любили, были любимы, но обстоятельства оторвали васъ отъ вашей ненаглядной... Тогда во всякой перелѣтной птичкѣ вы увидите улетающую вашу радостную мечту; ваши вздохи найдутъ созвучіе въ жалобныхъ порывахъ вѣтра, каждая капля дождя прокатится холодомъ по вашему сердцу. Послѣ этого вы догадаетесь, отчего Николай Федоровичъ Горевъ очень грустно шелъ по улицамъ Москвы бѣлокаменной.

Это было осенью. Тяжелыя тучи безконечною грядою лежали на небѣ; солнца сутки трои и въ поминѣ не было; дождикъ принимался идти въ часъ раза четыре; грязь въ невымощенныхъ улицахъ доходила почти до колѣна; холодный осенній вѣтерокъ повѣвалъ лихорадкою. По всему можно было замѣтить, что октябрь распоряжается по-свѣдому, а у него — между нами сказано — прескверныя привычки и наклонности.

Николай Федоровичъ грустно шелъ отъ Кремля домой, повѣся голову; шинели на немъ не было; фракъ, застегнутый снизу на двѣ пуговицы, открывалъ вѣтру грудь, прикрытую пестрымъ ситцовымъ жилетомъ. Заложивъ руки въ карманы, для защиты отъ холода, Горевъ медленными, но широкими шагами мѣрилъ улицы такъ хладнокровно, что вы бы подумали, онъ это дѣ-

лаеть по казенной надобности, или что онъ англійскій лордъ, который, скушавъ два, три пудинга да фунта четыре ростбифу, ищетъ аппетита къ предстоящему обѣду.

Гореву идти было очень далеко: онъ квартировалъ въ приходѣ Ермолая или Николы-на-курныхъ ножкахъ... Нѣтъ, виноватъ, не на курныхъ ножкахъ, тотъ приходъ въ другомъ мѣстѣ, а этотъ былъ, гдѣ-то тамъ, далеко, въ концѣ города; еще въ этомъ приходѣ живетъ Харитонъ огородникъ, и, года три назадъ, два студента ночью спустили на вѣтеръ огромнаго змѣя, склееннаго изъ какого-то журнала, привѣсивъ къ нему два фонаря, и этимъ ложнымъ телеграфомъ встревожили всю пожарную команду... Помните? Ну, въ этомъ самомъ приходѣ, у самой съѣзжей, нанималъ Николай Федоровичъ весьма необширную комнату, до которой отъ Кремля было добрыхъ верстъ десятокъ. Въ Кремль онъ постоянно ходилъ третій мѣсяць: опредѣляться на службу; ему обѣщали мѣсто, но всякій разъ говорили: «придите завтра»; завтра опять повторяли вчерашнее, и такъ далѣе...

Въ день, съ котораго я началъ мой рассказъ, Николаю Федоровичу тоже сказали: «придите завтра», и онъ отправился домой. Холодный вѣтеръ пробиралъ его легкое платье; холодные отвѣты начальниковъ сжимали душу, а тутъ еще въ карманѣ всего два двугривенныхъ. — «Прокормишься завтраками съ недѣлю, такъ и обѣдать будетъ не на что; совѣстно сказать, сапоги совсѣмъ износились, ноги не служатъ въ этой проклятой грязи, того и гляди тутъ и подошвы навѣки останутся, завтра невозможно будетъ явиться получить мѣсто; лучше взять извозчика: дамъ двугривенный и сбе-

регу полтора рубля» — так думалъ Горевъ шагая по улицѣ. Вдругъ кругомъ его зашумѣло, запищало, будто кто вылилъ ему на голову ушатъ воды. Николай Федоровичъ оглянулся — и улицы не видать за дождемъ, такъ и льетъ.

— Извозчикъ, сюда! Пошелъ въ Отдаленный приходъ, дамъ двугривенный.

И Николай Федоровичъ поѣхалъ на прекурёзныхъ дрожкахъ по жидкой грязи московскихъ улицъ.

Вотъ и заборы, и огороды, и домикъ подлѣ съѣзжей. Стой!

— Прибавьте, баринъ!

— Не за что, худо везъ.

Говоря эти слова, Николай Федоровичъ разстегнулъ фракъ и опустилъ пальцы въ жилетный карманъ; пальцы, пройдя карманъ, опять явились на свѣтъ Божій въ низу жилета. Николай Федоровичъ проворно вынулъ руку изъ кармана, будто тамъ нашелъ змѣю, посмотрѣлъ на пальцы, и опять послалъ ихъ въ карманъ; они опять немедленно явилась подъ карманомъ; не было никакого сомнѣнія, что въ карманѣ существовала дыра; но Горевъ все еще сомнѣвался, торопливо вывернулъ карманъ — и тогда горькая истина явилась его очамъ.

«Мерзкій карманъ, съѣлъ два двугривенника!» ворчалъ Николай Федоровичъ, а извозчикъ громко требовалъ денегъ: мнѣ, дескать, не охота мокнуть подъ дождемъ.

— Погоди, любезный, говорилъ Николай Федоровичъ, стуча въ дверь: — видишь, какое несчастье: деньги были, да потеряны; я спрошу у хозяйки. Но дверь не отпиралась: хозяйка ушла куда-то, и заперла домикъ.

- Что же, баринъ, деньги?
- Видишь, любезный, никого нѣтъ.
- А мнѣ что за дѣло? Я тебя везу.
- Приѣдешь, братецъ, завтра.
- Какъ бы не такъ; отъ завтраковъ не станешь сытъ.

— Совершенная правда, я съ тобой согласенъ; но гдѣ же я возьму денегъ? Какія были—потерялъ.

Извозчикъ сердился, ругался, кричалъ, что его надувають — словомъ, поступалъ, какъ всякій русскій мужикъ, когда видитъ хотя малѣйшую возможность вольничать безнаказанно. Горевъ увѣрялъ, божился, что отдастъ завтра четвертакъ, и, волей неволей, долженъ былъ идти въ часть къ квартальному надзирателю, чтобъ тотъ за него поручился.

Квартальный надзиратель Курилкинъ вмѣщалъ въ себѣ двѣ странности: былъ очень аккуратенъ и весьма любилъ и уважалъ жареныхъ утокъ. Исполняя обязанности по службѣ, онъ готовъ былъ забыть и жену и дѣтей; но когда передъ нимъ проносили жареную утку, онъ почти былъ въ состояннн оставить все казенныя дѣла, даже самыя экстренныя, и преслѣдовать очаровательное видѣнне.

Курилкинъ продрогъ на службѣ и, воротясь домой, выпилъ добрую чарку ерофеичу, закусилъ чѣмъ-то соленымъ и сѣлъ за столъ. Все шло благополучно, щи были хороши: квартальный утопалъ въ тихомъ семейномъ счастьи. Вдругъ доложили о приходѣ Горева и извозчика.

— Пусть ихъ подождутъ, пока отобѣдаешь, душенька, сказала жена Курилкина.

— Нѣтъ, моя крошечка, нельзя: это служба, отвѣчалъ

Курилкинъ, гнѣвно взявъ за подбородокъ свою пятидесятилѣтнюю супругу, наскоро утерся и вышелъ въ переднюю; даже второпяхъ вынесъ въ лѣвой рукѣ вилку съ разбитымъ черенкомъ и на вилкѣ кусочекъ хлѣба, посыпанный солью.

Горевъ рассказалъ Курилкину всю исторію своей поѣздки.

— Весьма вамъ вѣрю, милостивый государь, протяжно промозгъ кварталный, но, не имѣя чести знать васъ, не могу поручиться: это дѣло щекотливое.

— Я живу подлѣ васъ, въ домѣ Ульяны Михайловны.

— Ульяну Михайловну знаю, но васъ—извините. Да полиція и не имѣетъ никакого предписанія дѣлать ручательства.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось разсужденіе кварталнаго, если бы не пронесли въ это время черезъ переднюю жареную утку.

— Это, кажись, утка, Петрушка?

— Точно такъ.

— Ну, прощайте, господа, мнѣ некогда, прощайте. И, улыбаясь во слѣдъ уткѣ, Курилкинъ пошелъ къ дверямъ.

— Ради Бога, если вы хотите обязать меня, развяжите съ этимъ грубіяномъ, почти сквозь слезы сказалъ Горевъ и заступилъ дорогу кварталному:—безъ этого я, право, не уйду.

Квартальный хотѣлъ снова начать рѣчь, но, вспомня объ уткѣ, замолчалъ; ему очень хотѣлось поскорѣе окончить разговоръ; притомъ же, когда человѣкъ радъ, въ восторгѣ, онъ гораздо добрѣе, даже бываетъ способенъ на самыя большія пожертвованія. Это случилось и съ Курилкинымъ:

— Если такъ, сказалъ онъ, то Богъ съ вами, я вамъ дамъ въ займы двугривенный до завтра. Подите сюда.

Квартальный вошелъ въ гостиную, отнеръ бюро и, взявъ двугривенный, подалъ его Гореву.

Любили ли вы когда-нибудь, мой читатель? Если да, то представьте себѣ человѣка, который любилъ когда-то, давно, въ своей юности, любилъ горячо, безумно. Прошло съ-тѣхъ-поръ много времени, и рѣзвый юноша сталъ степеннымъ мужемъ; прежняя любовь, кажется, совершенно забыта, и вдругъ нечаянно попался ему въ руки платокъ надушенный, положимъ, резедою; кажется, ничего, но этотъ запахъ любила она, та, кому онъ посвящалъ первые восторги сердца, первые мечты юности!... И внезапно передъ нимъ воскресаютъ дни забытаго счастья; онъ жадно впиваетъ очаровательный ароматъ, снова переживаетъ, чувствуетъ прошедшее; онъ пьянѣетъ отъ слабаго запаха резеды; ему пріятно это упоеніе; если бы громъ разразился надъ головою мечтателя, врядъ ли бы онъ его услышалъ!...

Случалось ли вамъ быть далеко отъ родины, долго не видать ея и неожиданно на чужой сторонѣ услышать родную пѣсню, которою васъ убаюкивали въ колыбели? Вы будете дрожать отъ этихъ звуковъ, вы готовы промѣнять ихъ на лучшія блага жизни. Умолкаетъ пѣсня, а вы долго будете прислушиваться, не воскреснуть ли еще въ воздухѣ замершіе дорогіе звуки... Не правда ли?

Кажется, въ двугривенномъ Курилкина не было ни запаха резеды, ни звуковъ родной пѣсни, но Горевъ смотрѣлъ на него какими-то странными глазами; руки Горева опустились, глаза его, хотя открытые, не глядѣли ни на что; онъ какъ-будто припоминалъ что-то давно прошедшее, грустное...

— Что же вы не берете? спросил квартальный.

— Что?

— Двугривенный.

— Ахъ, да, двугривенный! Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Прощайте.

— Чтò съ вами?

— Ничего! Я отъ васъ не возьму, нѣтъ. Прощайте.

— Въ такомъ случаѣ, извольте, какъ вамъ угодно удовлетворить извозчика, безъ этого васъ не выпустятъ со съѣзжей, а мнѣ пора обѣдать, жаркое простынетъ...

— Со съѣзжей? Да, я на съѣзжей! Ну, Богъ съ вами, давайте его сюда!

Горевъ почти вырвалъ изъ рукъ Курлякина двугривенный, бросилъ его въ глаза извозчику и выбѣжалъ на улицу.

Дождь шелъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, весьма исправно; съ крышъ лились на улицу ручьи воды. Николай Федоровичъ скорыми шагами отправился гулять по окрестностямъ; его прежнюю мѣрную походку замѣнили быстрыя движенія; онъ почти бѣжалъ, размахивая руками, и такъ забрызгалъ, при встрѣчѣ, и безъ того уже мокрую бабу, что она нарочно остановилась и отправила вслѣдъ за нимъ съ полсотни разныхъ вѣжливыхъ эпитетовъ и пожеланій, которыхъ, разумѣется, Горевъ не слышалъ...

II.

Поздно вечеромъ пришелъ домой Николай Федоровичъ мокрый, измученный; его глаза горѣли лихорадочнымъ пламенемъ! «Да, точно такъ, это оно; но что я стану дѣлать?» ворчалъ, входя въ комнату, Горевъ, и бросился на кровать; за нимъ внесла свѣчку старушка

Авдотья, единственная служанка и собесѣдница Ульяны Михайловны.

— Что ты, баринъ, боленъ?

— Нѣтъ, милая, оставь меня.

— Ой-ли! Смотри, у тебя глаза свѣтятся какъ у Васьки.

— У какого Васьки?

— Да вотъ у сибирскаго кота, что у барыни.

— Оставь меня!

— Э, баринъ, дѣло грѣшное оставить больнаго; у меня есть четверговая соль; разболтай щепотку да выпей — рукой сниметъ...

— Прощай, я спать хочу.

— Встань же, кормилецъ, перестелю постельку.

— Не нужно!

«Охота же человѣку спать по уши въ водѣ! Это рыбе дѣло», ворчала Авдотья, выходя изъ комнаты.

Горевъ остался одинъ. Тихо и темно было въ его маленькой комнатѣ; за окномъ однообразно журчала вода, падая съ кровельнаго жолоба въ корыто, да изрѣдка, за печкою, жалобно вскрикивалъ сверчокъ. Вотъ на казанчѣ ударило полночь, а Горевъ все еще не спалъ: внутреннее волненіе не давало ему покоя; онъ переворачивался съ боку на бокъ, метался на постели, а между тѣмъ услужливое воображеніе проносило передъ нимъ длинный рядъ свѣтлыхъ картинъ прошедшаго: онъ еще Николая—такъ его называютъ и маменька и воспитанница маменьки, милая, голубоглазая Варенька. У его маменьки свой домъ въ Москвѣ, съ садикомъ; на дворѣ конюшня и въ ней пара лошадей, и двѣ жирныя коровы. По двору ходятъ цесарская курочка и павлинъ; въ садикѣ есть бесѣдка изъ акацій, и множество цвѣтовъ;

по сторонамъ прямой аллеи, какъ царскіе скипетры, устѣянные драгоцѣнными каменьями, растутъ стройныя мальвы, унизанныя съ верху до низу махровыми цвѣтами; извилистыя боковыя дорожки обсажены кустами огненныхъ настурцій и душистыхъ левкоевъ; у бесѣдки цвѣтутъ красныя и бѣлыя розы, и недалеко въ густыхъ вѣтвяхъ крыжовника поетъ забликъ. Никола и Варенька рѣзво бѣгали по дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, срывали цвѣты, приносили ихъ маменькѣ, прятались въ малину, и весело хохотали, отыскивая другъ друга.

А какое милое созданіе была эта Варенька! Волнистыя, русыя кудри рѣзво разбѣгались по ея бѣлымъ плечамъ; свѣжее, румяное личико, голубые глазки, полные огня, жизни и разума; розовый, вѣчно-улыбающійся ротикъ... А какъ улыбалась она! Сколько откровенности, чистосердечія, сколько прелести было въ этой улыбкѣ! Кажется, если бы Варенька подошла къ одру умирающаго, отъ ея улыбки ожилъ бы страдалецъ, она пролила бы въ него новую жизнь—и черная смерть, уже готовая внести въ свой списокъ новую жертву, улетѣла бы далеко отъ этой ангельской улыбки...

Но время идетъ; Никола окончилъ курсъ въ университетѣ; уже ему 18 лѣтъ, а Варенькѣ 16; она перестала бѣгать взапуски по садовымъ дорожкамъ; уже Варенька называла его Николаемъ Федоровичемъ; ея веселая, беззаботная улыбка отгѣнялась тихою грустью; ея грудь высоко подымалась и дрожала какимъ-то томительнымъ чувствомъ. Часто, бывало, выйдетъ Варенька въ садъ, сорветъ розу, станетъ у бесѣдки и слушаетъ яблика; онъ все поетъ, а она все слушаетъ—такъ ей хорошо, здѣсь бы и цѣлый день оставалась... «Варенька!» закричитъ старуха въ саду. Дѣвушка вздрогнетъ, всѣ

мечты ея разлетѣлись; смотреть: у нея, вмѣсто розы, одинъ стебелекъ — и не замѣтила, какъ оцципала всѣ листочки. «Я здѣсь, маменька!» говорить она, весело подбѣгая къ старухѣ.

— Что ты дѣлала, дитя мое?

— Ничего, такъ; хотѣла вамъ нарвать цвѣтовъ, да заслушалась зяблика. Ахъ, какой онъ добрый!...

— А ты опять плакала?...

— Какъ же не плакать, когда такъ... весело.

И густой румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Вареньки.

Николай Ѳедоровичъ тоже перемѣнился. Бѣда отъ наукъ! зафилософствовалъ, т.-е., попросту говоря, сталъ задумчивъ, полюбилъ уединеніе. Еще на сторонѣ кое-какъ добрые люди расшевеливъ его: онъ и говорить, и смѣется, и походить на человѣка. Чуть домой — куда все дѣвалось! Опять ученый, опять философъ!...

— Здоровъ ли ты, Николая? бывало, спрашиваетъ его маменька, и обнимаетъ его, и цалуетъ, и сквозь слезы смотреть на свою радость, на своего Николинку, а онъ, будто не понимаетъ ея участія, ея любви, любви материнской... Странное дѣло! не-уже-ли есть чувство священнѣе, сильнѣе этого? не-уже-ли гадкія, старинныя книги въ пергаментномъ переплетѣ такъ могутъ околдовать молодого человѣка?...

Душа Николая Ѳедоровича была переполнена чувствами; ему хотѣлось раздѣлить ихъ, онъ хотѣлъ высказать Варенькѣ много-много. «Почему же и не такъ? развѣ я не имѣю дара слова?» думаетъ, бывало, Горевъ, и весело войдетъ въ гостиную.

Варенька одна сидитъ за фортепяно. И къ чему она играетъ такія мольныя сонаты? Николай Ѳедо-

ровичъ очень чувствителенъ; вотъ, онъ уже растроганъ, молча кланяется и тихо садится у фортепьяно; ему отвѣчаютъ скромнымъ поклономъ. Кажется, соната очень занимаетъ и музыканта и слушателя.

— Здоровы ли вы? спрашиваетъ Горевъ.

— Слава Богу.

— Маменька въ саду?

— Да-съ.

Не все имѣютъ способность играть и говорить въ одно и то же время; бѣдная дѣвушка, взяла не тотъ аккордъ, хотѣла поправиться, и взяла неправильно два; звуки громко вопіяли противъ гармоніи, клавиши, будто на-зло, ускользали изъ-подъ пальчиковъ музыкантини... Какой-нибудь восточный калифъ пришелъ бы въ восторгъ отъ этой музыки. Варенька покраснѣла, и окончила пьесу дикимъ, нестерпимымъ диссонансомъ. Николай Федоровичъ внимательно слушалъ.

— Безподобно! прошепталъ онъ. — Чья это соната?

— Плееля.

— Онъ великій музыкантъ. Вы скучаете?

— О чемъ мнѣ скучать?

— Какая сегодня прекрасная погода!

— Да, очень хороша.

И они замолчали. Варенька, пробовала лѣвою рукою какія-то двѣ клавиши, а Горевъ молча смотрѣлъ на нее. Кажется, занятіе не слишкомъ веселое, но имъ очень не хотѣлось идти, когда ихъ позвали обѣдать.

Съ нѣкотораго времени Николаю Федоровичу казалось, что Варенька груститъ, что ей скучно, что она нездорова. Ему стало жаль ея; она была такъ хороша, что онъ отдалъ бы хоть жизнь за право поцаловать ее. Эта мысль постоянно его преслѣдовала: уснетъ ли онъ,

и передъ нимъ голубые глаза и розовый ротикъ волшебницы! Вотъ, онъ уже полководецъ, побѣдитель полусвѣта; его вѣнчаютъ лаврами, везуть его на торжественной колесницѣ, но все еще сердце его не бьется полною радостью, ему не достаетъ чего-то, и онъ спѣшитъ стереть слезу своею великолѣпной одеждой. Вотъ онъ мореходецъ; исполинскіе замыслы зрѣютъ въ головѣ его; подобно Колумбу, онъ пускается открывать новый свѣтъ за полярными льдами — и открываетъ его. Народъ сбѣгается смотрѣть на диковинки, привезенныя отважными моряками, удивляется дорогимъ мѣхамъ и невиданнымъ металламъ; царь слушаетъ рассказы героя о новомъ свѣтѣ, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни луны, а вѣчно свѣтятъ сѣверныя сіянія, гдѣ ловкіе франты прогуливаются верхомъ на бѣлыхъ медвѣдяхъ, гдѣ деревья растутъ съ бѣлыми листочками и цвѣтутъ зелеными цвѣтами, гдѣ рѣки льются красными струями (въ-родѣ нашего лафита). Слушаетъ царь Николая Ѳедоровича, обнимаетъ его и говоритъ: «Приси у меня, чего хочешь». Горевъ, не запинаясь, проситъ одного только поцалуя отъ Вареньки. «Многого ты просишь», говоритъ царь важнымъ голосомъ: «но тебѣ нѣтъ отказа». Побѣжали пажы, поскакали курьеры отыскивать очаровательницу, а Николай Ѳедоровичъ весь дрожитъ, ожидая счастливой минуты — и вдругъ пробудится... Бѣда да и только: отъ этакихъ сновъ легко сойти съ ума.

Весною, часу въ 5-мъ или 6-мъ передъ вечеромъ, Николай Ѳедоровичъ вошелъ въ бесѣдку; Варенька выходила изъ бесѣдки; они столкнулись въ дверяхъ — и остановились. Съ минуту молчаніе. Наконецъ, Горевъ началъ разговоръ печальнымъ голосомъ:

— Вы все скучаете?

Часть I.

11

— Нѣтъ, Николай Ѳеодорычъ.

— Вы на меня сердиты?

Молчаніе.

— Съ чего это вы взяли? спросила Варенька.

— Со всего, рѣшительно со всего. Вотъ видите...

И Николай Ѳеодоровичъ тихо взялъ ее за руку.

— Отчего вы меня не зовете по-прежнему Николаемъ, какъ брата? Къ чему этотъ Ѳеодорычъ?

Дѣвушка молчала; рука ея дрожала въ рукѣ Горева; ея щеки горѣли, глаза были потуплены. Горева судорожно пожалъ ея руку и небесно-голубой взоръ Вареньки встрѣтился съ его глазами; велико было очарованіе; невольно, безотчетно Николай Ѳеодоровичъ бросился къ ней на грудь; уста ихъ встрѣтились и сомкнулись безконечнымъ поцалуемъ.

Говорятъ, жители Москвы замѣтили въ этотъ день на небѣ очень рано передъ вечеромъ яркую звѣздочку. Иначе и быть не могло. Чистый дѣвственный поцалуй первой любви летитъ въ небо, сверкнетъ тамъ свѣтлою искрою, блестящею звѣздочкою, и угаснетъ, угаснетъ навсегда!

Разъ человѣкъ родится, разъ умираетъ и одинъ разъ ощущаетъ истинный восторгъ поцалуя. Слаба натура человѣка, она бы не вынесла въ другой разъ присутствія въ себѣ небесной радости, и благое Провидѣніе, щадя насъ, даетъ единожды и то не всякому, это наслажденіе.

Въ бесѣдку вошла маменька, и нестати, а можетъ-быть, и весьма кстати прервала длинный поцалуй. Молодые люди смѣялись; старушка, кажется, ничего не замѣтила и позвала ихъ въ комнаты пить чай.

Никогда еще не замѣчалъ Николай Ѳеодоровичъ у

своей маменьки такого обильнаго краснорѣчія, какъ въ продолженіе всего этого вечера: старуха безъ умолку говорила — ни ему, ни Варенькѣ — а такъ, почти сама себѣ, о страстяхъ, о характерахъ, о долгѣ чести, о благородствѣ, о состраданіи, Богъ знаетъ, о какихъ отвлеченныхъ предметахъ, и говорила убѣдительное профессора психологіи, подкрѣпляла свои рассказы примѣрами изъ жизни — словомъ, взяла на себя роль проповѣдника; изрѣдка посматривала она на Николинку, который какъ-то весьма неловко держался на стулѣ и смотрѣлъ въ чашку. Такъ прошелъ весь вечеръ.

Николай Ѳедоровичъ, идя спать, обнялъ и горячо поцаловалъ свою маменьку. Какъ одна минута счастья перемѣнила его: онъ сталъ опять прежнимъ Николинкой. Старуха набожно перекрестила его; онъ ее еще разъ обнялъ, и въ это время непримѣтно пожалъ Варенькѣ ручку. Всѣмъ тремъ снились самые прекрасные сны.

Насталъ 1812 годъ — пора испытаній и жертвоуваній, пора славы и величія для Россіи. Народъ могучій, русскій народъ готовился къ народной войнѣ, рѣшился биться съ врагомъ на смерть за каждый шагъ родной земли, за каждую каплю воды, за каждый вздохъ роднаго воздуха. И какое было величественное зрѣлище въ этомъ приготовленіи! Грозовая туча шла съ запада; она поглотила всѣ царства Европы и гордо двигалась, гремя побѣдоносными громами. Но русскіе не пали предъ ея сокрушительною тяжестью; они молились Богу и, улыбаясь, посматривали на западъ. Внутреннее сознание своего достоинства укрѣпило силы ихъ, а врожденная жажда молодечества рада была помѣряться силою съ мновѣрцами. Всѣ волновались, суетились, готовили оружіе, учили ратниковъ; во ни тѣмъ малѣйшаго ужаса,

*

страха, даже боязни не было видно ни на одномъ лицѣ. Предложить народу отдаться безъ битвы французу или встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, значило накликалъ бѣду на свою голову. Жены сами выпроважали мужей своихъ на войну; мать, удерживая слезы, благословляла сына на защиту отечества; старикъ, забывъ свои сѣдины, становился въ ряды вмѣстѣ съ молодымъ внукомъ...

Чудная была пора! свѣтлая страница въ исторіи русскихъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ узнается вся сила народнаго духа.

Въ домѣ старухи Горевой было необыкновенное движеніе: передъ крыльцомъ стояла почтовая повозка, запряженная тройкою лихихъ коней; въ комнатахъ живѣе двигалась прислуга; выносили дорожныя вещи, ящики съ кушаньемъ, чемоданы, и все это громоздили на повозку. Горевъ торопилъ людей; его маменька хлопотала, чтобъ чего не забыли. Варенька ушла въ гостиную, стала у окна и молча смотрѣла на природу, а между тѣмъ крупныя слезы, украдкой пробиваясь, катились по ея розовымъ щечкамъ. Ей было очень грустно. День былъ сѣрый, невеселый; тучи неслись по небу. Въ почтовой повозкѣ, у крыльца, коренная лошадь по временамъ встряхивала головою и колокольчикъ отзывался такъ жалобно!...

— Все готово, сказалъ маменькѣ Николай Федоровичъ.

— Хорошо, отвѣчала старушка:—но прежде, нежели я отпущу тебя, мнѣ нужно переговорить съ тобою. Пойдемъ.

Она вошла съ Николаемъ Федоровичемъ въ гостиную и заперла за собою дверь. Варенька хотѣла выйти.

— Останься, Варенька, сказала старуха:—ты въ на-

шемъ семействѣ не лишняя, и, сѣвъ на диванъ, продолжала:— Садись, Николинъка, возлѣ меня, вотъ здѣсь поближе. Сердце мое вѣщуетъ что-то недоброе. Не хочется мнѣ отпускать тебя. Не знаю, доведетъ ли Господь намъ увидѣться... Старуха отерла платкомъ слезы.

— Полно, маменька, перестаньте! Будто это за горами! Черезъ недѣлю я опять обниму васъ.

— Молчи, Никола, знаешь ли ты, что будетъ черезъ недѣлю? Можно ли знать, что будетъ черезъ часъ? Молодость! у васъ все возможно. Поживешь на свѣтѣ, не станешь распоряжаться будущимъ, какъ рублемъ, который лежитъ у тебя въ карманѣ. Предчувствую, что намъ нескоро увидѣться: всю ночь мнѣ снились страшные сны. Молчи Бога ради. Ты учился многому, и по вашему, все это пустяки. Я женщина неученая и вѣрю снамъ, вѣрю предчувствіямъ: они никогда меня не обманывали. Ты любишь, сынъ мой, Вареньку; она тебя любить—это я давно знаю; я знаю васъ обоихъ и радуюсь вашей склонности. Она дочь друга покойнаго отца твоего, круглая сирота... Ты долженъ быть ей защитою. Обнимитесь, дѣти мои, благословляю васъ...

И Николай Ѳедоровичъ и Варенька бросились на шею маменькѣ.

— Ну, полно, полно, дѣти, перестаньте! Ты, Никола, возвратишься въ Москву, обручишься съ Варенькою и поѣдешь въ армію. Твое желаніе для меня свято: надобно защищать отечество. Когда выгонять враговъ, топись домой—вотъ твоя награда: тогда женись на Варенькѣ.

— Но...

— Безъ *но*, Никола. Не должно веселиться, когда груститъ царь-батюшка, когда плачетъ Россія.

— Варенька, поди сюда.

Старуха подошла къ бюро, открыла его, выдвинула ящикъ, опрокинула, прижала пружинку и двойное дно растворилось; тамъ лежала связка банковыхъ билетовъ.

— Вотъ, Николая, все имущество, которое оставилъ тебѣ отецъ: здѣсь пятьдесятъ тысячъ. Если будете бережливы — не умрете съ голоду вмѣстѣ съ Варенькою. Теперь, кажется, я сказала все, что лежало на душѣ моей, продолжала старуха, запирая бюро. — Потѣжай, сынъ мой. Да будетъ надъ тобою воля Божія и мое благословеніе.

Маменька обняла Николая Федоровича, Варенька тоже; онъ сѣлъ въ повозку и поскакалъ къ петербургской заставѣ.

Если вы острякъ, любезный читатель, и вздумаете во слѣдъ уѣзжающему Гореву пропѣть прекрасные стихи:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ,
Конь былъ подъ нимъ игрень.
Когда же онъ пріѣдетъ?
Авось ли въ Троицынъ день!

то я долженъ предувѣдомить васъ, несмотря на все достоинство стиховъ, ваша острота не состоится, потому-что Горевъ поѣхалъ вовсе не на войну, а въ мирный городокъ Россійской имперіи, въ Тверь. Впрочемъ, если я и не скажу, то всякому довольно извѣстно, что въ 1812 году Москва и Тверь между собою *никакого худа не имѣли*, а Николай Федоровичъ скакалъ въ Тверь вслѣдствіе нравственной эпидеміи. Какъ подумаешь, на что не бывало эпидеміи? Эпидемія альманаховъ, овцеводства, свекловичнаго сахара, даже очковъ. Въ 1833 году оставилъ я одинъ уѣздный городъ *Рос-*

сѣйскаго *государства* въ страшной эпидеміи очконосія. Вы не повѣрите — все носило очки! Самъ докторъ въ высокой степени страдалъ этою болѣзнью; полиція, судебныя мѣста, уѣздное училище — все смотрѣло на свѣтъ Божій стеклянными глазами; не только народъ чиновный, нѣтъ, простые канцеляристы, даже школьники!... Чуть съ глазъ начальство за уголъ, сейчасъ на глаза опрау — и пѣтушатся по улицѣ... Года черезъ два возвращаюсь, и не вѣрю глазамъ своимъ: ни однихъ очковъ на улицѣ, всѣ носы разсѣдланы; вездѣ такія благопристойныя лица — не тотъ городъ: прошла эпидемія!...

Во время нашествія Наполеона въ Москвѣ существовала своего рода эпидемія: всѣ бѣжали изъ Москвы. Куда? куда-нибудь: кто въ Казань, кто въ Астрахань, кто на китайскую границу, кто на встрѣчу Наполеону, лишь бы не оставаться въ Москвѣ. Мать Горева заразилась этою болѣзнью, притомъ же и докторъ Адамъ Карловичъ совѣтовалъ ей, для поправленія физическаго здоровья, пожить въ деревнѣ, посмотреть, какъ коровы кушаютъ траву и покушать молока ихъ на деревенскомъ воздухѣ. Но у Горовой не было деревни. Кстати, одна ея знакомая писала изъ Твери, что верстахъ въ 20 отъ города продается небольшая хорошая деревенька, и потому въ одинъ день, когда Николай Федоровичъ пришелъ къ матери просить ея согласія и благословенія вступить въ ряды защитниковъ отечества, она отвѣчала, что не благословитъ его, пока онъ не обезопаситъ ее отъ непріятели, т. е. поѣдетъ въ Тверь, посмотритъ деревню и, буде она окажется годною — въ чемъ нѣбольшо никакого сомнѣнія — то купитъ ее, «и тогда», прибавила старуха, «я буду спокойна, останусь съ Варень-

кою въ деревнѣ, а ты потѣжай изгонять непріятеля». Бѣдная, она воображала, что къ тверской деревнѣ не можетъ приступить никакая сила иновѣрная... Это была странность эпидеміи.

Нечего дѣлать Николаю Федоровичу; душа его рвалась на войну, а надобно было ѣхать въ Тверь осматривать какую-то усадьбу Кузовкино или Лукошкино, право, не помню хорошенько.

Не скоро дѣло дѣлается, а сказка сказывается очень скоро, говоритъ русская пословица, и говоритъ, какъ и всѣ ея сестрицы-пословицы, очень справедливо. Давно ли мы оставили Николая Федоровича, ѣдущаго по московскимъ улицамъ къ петербургской заставѣ, а онъ уже въ Твери, напился въ трактирѣ пресквернаго чаю, едва не подавился коврижкой, въ которой, какъ-то нечаянно, былъ запеченъ штукатурный гвоздь, узналъ практически, что означенная коврижка вмѣсто миндаля была украшена бобами, и на нанятыхъ клячахъ поѣхалъ проселочными дорогами осматривать свою будущую резиденцію.

Вотъ, онъ минулъ урочище. Грибопѣки, вотъ и деревня Клюквино, вправо Брусникино, далѣе Морошкоѣды, Лыкоплѣты, а вотъ и Лукошкино: направо лѣсъ и болото, налѣво болото и лѣсъ, вправо, въ лѣсу, течеть ручей и впадаетъ налѣво въ болото; этотъ ручей именуется рѣка Быстрина-Глубина. Рѣка Быстрина-Глубина на своемъ двuverстномъ теченіи огибаетъ песчаный бугоръ, на которомъ растеть сосновая роща; въ этой рощѣ въ жаркіе лѣтніе дни нестерпимо пахнетъ смолою и постоянно, и въ жаръ и въ холодъ, стоитъ поддесятка избъ, что и составляетъ въ буквальномъ смыслѣ деревню Лукошкино.

Прошла недѣля со времени отъѣзда Горева изъ Москвы; пора бы ему возвратиться, а его нѣтъ; только получили письмо, въ которомъ писалъ, что скоро будетъ, что Луконкино никуда не годится, и что онъ посмотритъ по дорогѣ другую усадьбу Качадыкъ, которая тоже продается, и если она получше, то купить.

Еще проходитъ недѣля — нѣтъ Горева; еще двѣ — и слуху нѣтъ, а тутъ французъ идетъ, вотъ - вотъ, уже подь Москву; всѣ добрые люди выѣхали. Куда поѣдетъ старуха Горева съ Варенькою?... Нѣтъ сына, бѣда на плечахъ. Страшно!... А съ Николаемъ Федоровичемъ было вотъ что:

Ему очень не полюбилися Луконкино: ни мѣстополюженія, ни воздуха, ни кувшина молока, ни свѣжихъ яицъ, ни даже порядочнаго хлѣба въ немъ не было, а маменькѣ необходима была деревушка. Что дѣлать? Сталъ разспрашивать старосту и узналъ, что верстъ десятокъ въ сторону есть помѣщикъ Родіонъ Ивановичъ Лихошѣрстовъ, который хочетъ продать свою усадьбу Качадыкъ, и что у него усадьба на порядкахъ; всякаго заведенія достаточно, а ягодъ и грибовъ хоть не бери, и хлѣбъ, дескать, растеть въ количествѣ, и рыба въ изобиліи, и лѣсу довольно. «Попытаюсь», подумалъ Николай Федоровичъ: послалъ письмо въ Москву къ матери, чтобъ не беспокоилась, а самъ поѣхалъ въ Качадыкъ.

Село Качадыкъ стояло на крутой горѣ; подь горою шла довольно-глубокая рѣчка, съ обрывистыми берегами; черезъ рѣчку былъ мостъ, безъ перилъ, построенный на превьсокихъ сваяхъ, которыя отъ самаго легкаго экипажа шатались во всѣ стороны, что весьма тѣшило Лихошѣрстова. Съ моста прямо подымалась дорога

на гору и вела къ господскому дому, а отъ дома тану-
ся рядъ крестьянскихъ избъ.

У самага крыльца Горевъ встрѣтилъ идущаго мужи-
ка и спросилъ: «Дома баринъ?» Мужикъ посмотрѣвъ
на Горева, улыбаясь, замоталъ головою и пошелъ далѣе.
На крыльцѣ стояла старуха.

— Дома баринъ?

— Слава-Богу, дома, кормилецъ!

— Можно видѣть?

— Нѣту-те, нельзя, въ отлучкѣ.

— Гдѣ?

— Свадьбу гуляетъ, Богъ радость далъ!

— Что, онъ женится?

— Нѣту-те, сударикъ, онъ холостъ, а выдаетъ за-
мужъ за Сеньку лакея горничную Дуняшу, и самъ на
свадьбѣ—вотъ какъ!

— Гдѣ же свадьба?

— Въ сборной избѣ, кормилецъ, тамъ у насъ празд-
ничекъ далъ Господь! И пироговъ напекли, и пивца и
вища и бражки вволю. Свадьба не какая-нибудь про-
стая, важная, членистая—вотъ какъ у насъ!

— Хорошо, матушка. Гдѣ же сборная-то?

— А вотъ, въ концѣ улицы, вишь передъ окнами
кумъ Терѣха пляшетъ, тамъ и есть.

— Спасибо, матушка. Прощай.

— Прощай, сударикъ-кормилецъ, то-то обрадуется
гостю Родивонъ Ивановичъ!

Въ сборной избѣ на первомъ мѣстѣ, за столомъ, си-
дѣла Дуняша, краснощекая, здоровая дѣвка; съ одной
ея стороны помѣщался мужъ, долговязый лакей, очень
похожій на бутылку рейнвейна, а съ другой—плечистый
мужчина, лѣтъ тридцати, съ круглымъ лицомъ, какъ

плошка, съ огромными усами, съ вольною рѣчью, съ зипуномъ, нараспашку. Это самъ Лихошёрстовъ, самъ Родіонъ Ивановичъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался Нахалъ, сѣрый песъ борзой породы. Далѣе сидѣли на лавкахъ мужики и бабы. Отецъ Дуни обносилъ честную компанію виномъ; барину чарка вина, а Нахалу кусокъ говядины. Пусть - де и онъ потѣшается, пусть и онъ знаетъ праздникъ. Собака не простая, барская!

— Что вы не поете, бабы — а? сказалъ Лихошёрстовъ, покручивая усы.

● Все бы тебѣ пѣть, баринъ, да пѣть, а на водку такъ нѣтъ.

— Экой свѣтъ сталъ, подумаешь, своему барину не стануть пѣть безъ денегъ. Дѣлать нечего, вотъ гривенникъ, смотрите же!

— Споемъ, споемъ, вотъ какъ! Спасибо, кормилецъ. Гдѣ же Стешка? Безъ Стешки пѣть нельзя, темпить некому.

— Подать сюда Стешку! закричалъ Родіонъ Ивановичъ. — Безъ темпу не пѣть!

— Стешка, а Стешка! отозвались разные годоса по избѣ и по сѣнямъ.

Пришла Стешка, женщина лѣтъ подъ тридцать, полная, здоровая, стала посреди избы, подбоченилась, крикнула: «Эй вы, бабы голосистыя!» дернула плечомъ — и нѣсколько десятковъ бабьихъ голосовъ гаркнуло любимую Лихошёрстова:

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Балалаечку со гуслиами несетъ.

Охъ, струнка въ струнку бьетъ,
Струна струну приговариваетъ!

По широкой по муравушкѣ идетъ,
По муравушкѣ по травушкѣ.
Охъ, струнка въ струнку бьетъ,
Струна струну приговариваетъ!
Въ балазечку повгрыиваетъ,
А во гусельцы побракиваетъ.
Охъ, струнка въ струнку бьетъ,
Струна струну приговариваетъ!

Живо поютъ бабы пѣсню, Стешка въ такту подергиваетъ плечами, топаешь ногой и щурить глаза. «Экая баба!» поговариваютъ мужики: «посмотри, какъ темпить!» — «А еще молода» отвѣчалъ другой: «дай ей въ лѣта войти». — «Что-то будетъ какъ потемпить она лѣтъ пятокъ?» подхватилъ третій.

И Родіонъ Ивановичъ въ восторгѣ; онъ прищелкиваетъ, подпрыгиваетъ на мѣстѣ и кричитъ *браво!* Въ эту самую минуту вошелъ въ избу Горевъ. Можете представить, какъ обрадовало хозяина появленіе его. Лихошёрстовъ не зналъ куда посадить дорогаго гостя, продержалъ его здѣсь до ночи и повелъ ночевать къ себѣ въ домъ, извиняясь, что онъ не можетъ достойно принять пріѣзжихъ гостей изъ столицы.

Трои сутки Лихошёрстовъ не выпускалъ Николая Ѳедоровича изъ Качадыка: то показывалъ ему свою деревню, въ которой считалось по послѣдней ревизіи 21 душа, то возилъ въ лѣса стрѣлять дроздовъ, то травилъ Нахаломъ всѣхъ возможныхъ четвероногихъ. Угощалъ, какъ друга.

Утромъ часа въ четыре слышитъ Николай Ѳедоровичъ, уже ругается Родіонъ Ивановичъ, уже стучать тарелками; минутъ чрезъ пять отворяется дверь въ его комнату и является самъ хозяинъ, со свѣчою въ рукахъ, за нимъ долговязый Сенька несетъ на подносѣ

графинь съ *горьчайшею*, за Сенькою баба тащить селянку.

Пришли, поставили всё снадобья на столикъ, подлѣ кровати Горева и вышли.

— Вставай, братецъ, Горевъ, кричитъ хозяинъ: — путные люди не спятъ такъ долго, а еще собирается служить въ военной!... Охъ, вы нѣженки, ученые, столичные! Ну же, ну! И Лихошёрстовъ тянулъ Николая Федоровича за ноги съ кровати.

Дѣлать нечего, встаетъ гость, зѣваетъ, морщится, глотаетъ приемъ *горьчайшей*, ѣсть селянку. Иначе нельзя, а то, пожалуй, хозяинъ разсердится и мѣсяцъ не выпустить.

Такъ вачинался день, а тамъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... до самаго вечера все въ этомъ же вкусѣ.

Качадыкъ не полюбился Николаю Федоровичу въ тысячу разъ больше Лукошкина; радъ бы уѣхать, не на чемъ. На вторыя сутки своего плѣна, онъ какъ-то успѣлъ нанять у проѣзжавшаго одноконную подводу и, къ удивленію и величайшей радости, не замѣтилъ со стороны радушнаго хозяина никакого сопротивленія.

Николай Федоровичъ простился съ Родіономъ Ивановичемъ, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣзжаютъ къ мосту, нѣтъ переправы: четыре доски сорваны на мосту. Пришлось возвратиться въ Качадыкъ. Кое-какъ оборотили назадъ оглоблями повозку и потянулись на гору.

Смотритъ Горевъ — его встрѣчаетъ какая-то процессія: впереди идетъ Лихошёрстовъ... нѣтъ, впереди берзая собака, а за собакою баринъ, за бариномъ кривой, рыжебородый Орфей наигрываетъ на волынкѣ нѣчто въ родѣ марша, за Орфеемъ ряды мужиковъ, бабъ и маль,

чишекъ, оглашающихъ Качадыгъ дикимъ крикомъ и визгомъ.

— Чтò, братъ, далеко уѣхалъ — а? — кричитъ Николаю Ѳедоровичу Родіонъ Ивановичъ, подходя къ повозкѣ: — вѣдь говорилъ, раньше трехъ сутокъ не отпущу, хоть умирай; у меня такой обычай... Люблю угостить добраго человѣка. А, Николай Ѳедоровичъ, каковъ мостъ? Да это просто не мостъ, а чортъ-знаетъ, какая хитрая штука! Говоря слова эти, Лихошёрстовъ тащилъ Горева подъ руку въ домъ, гдѣ было приготовлено все, какъ слѣдуетъ, для принятія дорогаго гостя. Хозяинъ подошелъ къ столу, вышилъ за здоровье Горева чарку, потомъ другую, и пошелъ, и пошелъ...

Кончились три сутки карантина для Горева. Родіонъ Ивановичъ приказалъ заложить въ повозку тройку своихъ лошадей, чтобъ довести гостя до Твери, съ утра поилъ и кормилъ его, самъ себя не забывая. Николай Ѳедоровичъ, чтобъ поскорѣе отвязаться отъ несноснаго хозяина, обѣщалъ ему скоро возвратиться, купить у него деревню и идти служить съ нимъ въ одинъ полкъ. Николай Ѳедоровичъ сѣлъ въ повозку, а Родіонъ Ивановичъ взялъ ружье и пошелъ возлѣ повозки.

— Куда вы Родіонъ Иванычъ?

— Пойду на охоту, кстати и тебя провожу до рѣки.

Повозка поѣхала шагомъ. Лихошёрстовъ, идя рядомъ съ нею, болталъ безъ умолку, клялся и божился, хотя съ нимъ никто не спорилъ.

— Да, пріятель, говорилъ онъ: — этотъ Наполеонъ штука замысловатая.

— Да.

— Чортъ возьми, мнѣ кажется, я его гдѣ-то видалъ, въ Твери или въ Торощѣ.

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а должно быть, клянусь всѣмъ Качадыкомъ, это былъ онъ, этакой поджаристый!

Между-тѣмъ лошади неохотно начали спускаться съ крутой горы, коренная почти садилась на крестецъ и нетерпѣливо мотала головою.

— Да, поджаристый, продолжалъ Лихошёрстовъ:— этакая дрянь намъ не почему: души его, бей, коли! Такъ ли, сослуживецъ?

— Такъ.

— Стрѣлай его, варвара! Бацъ!

И Родіонъ Ивановичъ, въ пылу гнѣва, не шутя выстрѣлилъ у самого уха Николая Фёдоровича; испуганныя лошади понеслись съ горы въ рѣку; къ счастью, ловкій кучеръ успѣлъ ихъ направить на мостъ, и повозка, гремя, запрыгала по ходячему мосту; Николай Фёдоровичъ вздохнулъ свободнѣе, ожилъ, но не надолго. Лихошёрстовъ забылъ положить на мостъ сорванные доски; лошади доскакали до пустаго мѣста, бросились въ сторону, и повозка, и кучеръ, и лошади, и Горевъ— все зашумѣло въ рѣку...

Очнулся Николай Фёдоровичъ, смотреть: у печки горитъ лучина, слабо освѣщая избу; въ углу старуха прядеть лёнъ; однозвучный говоръ ея самопрялки сливается съ ворчаньемъ чернаго кота, спящаго въ головахъ Николая Фёдоровича; кругомъ черныя стѣны...

— Гдѣ я? спросилъ Горевъ.

— Ась? сказала старуха, вытянувъ впередъ шею, и останавливая рукою колесо самопрялки.

— Гдѣ я, голубушка?

— Очнулся, родимый, очнулся! Трофимушко, а Трофимушко! очнулся.

— Слава те, Господи, коли очнулся! проворчалъ съ полатай мужской голосъ и опять замолкъ.

Между тѣмъ къ Николаю Федоровичу подошла старуха и начала говорить: «Ничего, коршмакъ, не безпокойся, ты у добрыхъ людей, у Трофима Иванова, а я жена его, мы крестьяне Родивона Ивановича; вотъ третья недѣля, какъ Трофимушко вытащилъ тебя изъ воды, а ты все бредилъ, все былъ не при себѣ; и кучера и пристяжную одну вытащили, а гнѣдко да савраско пошли, сердечныя, ко дну. Другая недѣля идетъ, какъ нашъ баринъ уѣхалъ въ *дружину*. Усни, голубчикъ, утрошь все узнаешь»; но Горевъ давно уже спалъ и безъ совѣта старухи.

На утро съ ужасомъ узналъ онъ, что пролежалъ въ безпамятствѣ почти три недѣли въ избѣ добраго рыбака Трофима. «Три недѣли! А что дѣлаетъ матушка? Варенька?!... Ёду, сейчасъ ёду!» И, шатаясь, Горевъ всталъ съ постели и началъ одѣваться...

Откуда берутся у человѣка силы при необычайныхъ потрясеніяхъ? Отчего иногда слабаго больнаго не могутъ удержать четыре сильные, здоровые человѣка? Отчего Горевъ, пролежавшій въ постели почти безъ пищи двадцать дней, вдругъ всталъ, одѣлся и совѣшмъ былъ похожъ на здороваго человѣка, еслибы не измѣняли ему необычайная блѣдность и худощавость лица и впалые глаза, сверкавшіе болѣзненнымъ, лихорадочнымъ блескомъ. Трофимъ, глядя на него, покачивалъ головою.

Николай Федоровичъ одѣлся въ то самое платье, въ которомъ былъ вытасченъ изъ воды; прочія всѣ его вещи и деньги, бывшія въ чемоданѣ, потонули.

— Гдѣ же мои часы? спросилъ Горевъ.

— Э, часы-то, батюшка, не пропали ни весь какъ: ихъ взялъ Родивонъ Ивановичъ.

— Вашъ баринъ?

— Да, нашъ баринъ; говорить: «къ чему, дескать, утопленнику часы? умереть, съ ними не хоронить стать, а выздоровѣть, будемъ служить вмѣстѣ — сыиграемъ; часы, говорить, вещь любопытная, у васъ кто-нибудь украдетъ, а мнѣ въ походѣ, говорить, для безопасности пригодятся», взялъ да и поѣхалъ.

— На что же я найму лошадей?

— Ничего, баринъ, сказалъ Трофимъ: — я сегодня ѣду въ Тверь, и даромъ тебя свезу.

— Нѣтъ, въ Москву, въ Москву!...

— Въ Москву ѣхать не-для-чего: тамъ плохо.

— Какъ плохо?

— Не сегодня, завтра, французъ войдетъ; всѣ выѣхали изъ Москвы.

— Самъ Родивонъ Ивановичъ поѣхалъ отстаивать *ее*, *матушку*, перебила старуха; ну, да куда ужъ ему!...

— Говорять, ихъ старшій идетъ на нее, сказалъ Трофимъ: — а онъ, вишь, Антихристъ, што ли...

— Баютъ, что онъ съ рогами, словно корова, опять перебила старуха. — Ухъ, какія страсти!...

Сердце Горевъ разрывалось отъ такихъ разказовъ. «Матушка, Варенька, бѣдныя!» шепталъ онъ, и торопилъ Трофима ѣхать.

Въ Твери Горевъ промѣнялъ свое платье, на простое, крестьянское, взялъ додачи нѣсколько цѣлковыхъ, и на эти деньги, на извозчикѣ, поѣхалъ въ Москву.

Чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ болѣе попадалось на встрѣчу экипажей, нагруженныхъ всѣмъ безъ различія;

женщины, дѣти, старики—все тянулись изъ Москвы. Разказы о непріятель часъ-отъ-часу становились страшнѣе. Горевъ летѣлъ бы въ Москву, а тутъ иногда столько столпится встрѣчныхъ экипажей, что извозчикъ стоитъ полчаса на одномъ мѣстѣ, ни взадъ ни впередъ. Крикъ, шумъ, толкотня, давка—сухая ярмарка!

До Москвы оставалось недалеко; былъ вечеръ. Горевъ, измученный дорогою, прилегъ на повозкѣ и вздремнулъ; просыпается и чувствуетъ, что повозка стоитъ. «Опять эти встрѣчные!» съ досадою проворчалъ онъ, и открылъ глаза. Полнеба было объято яркимъ заревомъ, багровыя тучи носились надъ нимъ. Тихо стоялъ весь обозъ по дорогѣ, сколько можно было видѣть; опустивъ руки, молча глядѣлъ народъ; направо и налево нѣсколько человекъ на колѣняхъ безмолвно молились, извозчикъ крестился и лѣвымъ рукавомъ отиралъ слезы.

— Что это? спросилъ Горевъ.

— Москва горитъ! отвѣчалъ онъ шопотомъ и тихо зарыдалъ.

Въ это время по дорогѣ изъ Москвы проскакалъ казакъ.

— Французъ палить? спросилъ кто-то.

— Французъ, отвѣчалъ казакъ:—все вырѣзалъ, все выжегъ, ни души живой не оставилъ!

И поскакалъ далѣе.

Нѣсколько дней спустя, священникъ одной изъ подмосковныхъ деревень нашелъ на погостѣ полуживаго человѣка, который безпрестанно шепталъ: «Матушка, Варенька, горять, горять!...» причемъ глаза его безуменно смотрѣли во все стороны.

Прошла война. Русскіе взяли Парижъ: миръ и тишина благословили Европу на новую и безмятежную жизнь. Москва начала отстраиваться, старушка возникла изъ-подъ своего пепла красивою, молодою, какъ царьдѣвица, въ родныхъ ея сказкахъ, отъ живой воды. И Горевъ пришелъ въ Москву. Тяжкая болѣзнь два года продержала его въ постели. Товарищи его возвратились на родину въ чинахъ, въ крестахъ, а онъ все тотъ же студентъ, потерялъ мать, невѣсту, состояніе, и былъ лишенъ судьбою даже удовольствія сражаться съ врагами своей родины. Часто онъ ходилъ на мѣсто, гдѣ былъ его красивый домикъ съ садикомъ, гдѣ зеленѣла бесѣдка, гдѣ онъ такъ бывалъ счастливъ; тамъ чернѣли кучи обгорѣлыхъ развалинъ — и только.

Впрочемъ, Николаю Федоровичу обѣщали мѣсто, разумѣется, не выгодное, но все же которое могло его избавить отъ голодной смерти. Даже онъ нашелъ Вареньку; она была гувернанткою у какой-то богатой дамы и жила въ довольствѣ.

Николай Федоровичъ, испытывая всѣ непріятности нищеты, не могъ и думать о женитьбѣ, даже не хотѣлъ тревожить Вареньки, не являлся никогда передъ нею, а только сквозь заборъ смотрѣлъ на нее, кѣгда она гуляла съ дѣтьми по саду. «Къ ней присвѣтается порядочный человѣкъ», думалъ Николай Федоровичъ: «она съ нимъ будетъ счастлива, меня позабудетъ: долго ли дѣвухѣ забыть любовь!... А если она, изъ любви ко мнѣ, выйдетъ за меня замужъ? что я предложу ей? кусокъ черстваго хлѣба, смоченный слезами! Нѣтъ, не хочу возмущать твоего покоя, моя радость! Живи-себѣ, мой ангелъ, счастливо».

И Николай Федоровичъ, со слезами на глазахъ, отхо-

диль отъ забора, и долго ему представлялся въ глазахъ голубой платочекъ Вареньки...

Вотъ какія картины прошедшаго являлись Николаю Федоровичу, когда онъ лежалъ въ темной комнатѣ Ульяны Михайловны. Ночь прошла, а воспоминанія Николая Федоровича дошли до вчерашняго приключенія съ квартальнымъ: онъ началъ припоминать всѣ подробности и вскочилъ съ постели. Странная, дикая улыбка пробѣжала по лицу его; еще мгновеніе — и Николая Федоровича уже не было въ комнатѣ: онъ куда-то не шель, а бѣжалъ.

III.

Часу въ десятомъ утра Курилкинъ сидѣлъ дома въ богатомъ шелковомъ шлафрокѣ, который недавно подарилъ ему одинъ знакомый бухарець, и пилъ кофе изъ чашки — вамъ нѣтъ надобности знать изъ какой именно, и какой кофе: это домашніе секреты. Курилкинъ пилъ кофе и курилъ трубку.

— Какой ты добрый, мой душечка! говорила ему жена: — вчера ни за што, ни про што далъ двугривенный этому сорванцу.

— Ахъ, моя крошечка! какъ ты, проживъ столько лѣтъ на овѣтъ, не знаешь, что есть такія вещи, которыя, покажи только, такъ радъ отдать послѣдній грошъ; я сѣрю, а тутъ ровнехонько подъ носомъ пронесли утку такую зарумяненую...

Курилкинъ улыбнулся.

— Все-таки, отвѣчала жена: — утка не ушла бы, и двугривенный былъ бы въ карманѣ.

— И безъ этого еще цѣлый десятокъ двугривенныхъ будетъ! А это, знаешь, можетъ-быть, такой чело-

ѣкъ, знаешь, подосланный отъ начальства узнать, что-нибудь насчетъ добросердечія, милосердія, добродѣтели или чего подобнаго — понимаешь?

— Баринъ, баринъ! гости! кричалъ Петрушка, вбѣгая въ комнату, гдѣ сидѣлъ квартальный съ женою.

— Что за гости?

— Какой-то генералъ, кажись, полиціймейстеръ, да еще вотъ тотъ, что вчера былъ съ извозникомъ, какъ изволи объдать.

— Видишь! сказалъ тихо женѣ квартальный, значительно подымая кверху указательный палецъ.

Между тѣмъ, гости ходили уже по гостиной. Жена квартальнаго приложила глазъ къ замочной скважинѣ и, отскочивъ отъ двери, прошептала: — ей-богу *онъ!*

Квартальный надѣлъ мундиръ, шпагу, и явился передъ начальствомъ момодецъ-молодцомъ.

— Это ваше бюро? спросилъ Курилкина полиціймейстеръ.

— Мое-съ, ваше превосходительство.

— Побезпокойтесь выбрать изъ него всѣ вещи.

Квартальный робко посмотрѣлъ на генерала, однако скоро оправился, отворилъ бюро и началъ выбирать изъ ящичковъ деньги, бумаги, кошельки, янтари, пуговицы, старые галуны и прочее... долго выбиралъ, большую кучу наложилъ на полу всякой всячины, наконецъ, вынулъ изъ потаеннаго ящика серебряный свистокъ и изломанную ложечку, и остановился.

— Все ли вы взяли изъ ящичковъ? спросилъ генералъ.

— Все, ваше превосходительство.

— Ничего въ бюро не остается?

— Ничего, ваше превосходительство.

— Попросите сюда вашу жену.

Вскорѣ явилась толстая жена квартального въ огромномъ чепчикѣ.

— Посмотрите сударыня, нѣтъ ли чего вашего въ этомъ бюро?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Можетъ-быть, вы забыли, гдѣ-нибудь въ потаенномъ ящикѣ, какія бумаги или деньги?

— Никакихъ нѣтъ, ваше превосходительство, ящики всѣ на-лицо, отвѣчалъ квартальный: — другихъ не имѣется.

— Значить, бюро совершенно пусто.

— Пусто, ваше превосходительство.

— Извольте искать, теперь ваша очередь, сказалъ генералъ, обращаясь къ Гореву.

— Это оно, бюро моей маменьки, отвѣчалъ Горевъ, взявъ ящикъ, прижалъ пружинку, и дно отскочило въ сторону; подъ нимъ лежала связка билетовъ.

— Вотъ оно, вотъ мое наследство! вскричалъ Горевъ, подавая генералу билеты; здѣсь ровно пятьдесятъ тысячъ, вотъ и записка моей матери.

— Пути Божіи неисповѣдимы, сказалъ генералъ, возвращая Гореву билеты. — Благодарите Его, а я въ этомъ дѣлѣ слѣное орудіе случая.

Полиціймейстеръ уѣхалъ, Горевъ тоже. Квартальный и его жена долго стояли на одномъ мѣстѣ, а послѣ опомнились и сошли съ мѣсть.

Съ этой поры у квартального къ двумъ прежнимъ присоединилась третья странность: онъ всякую старую мебель, которую ему удавалось покупать, подвергалъ строжайшему обзору, будто отыскивалъ въ ней непріятеля: жаль руками, грызъ зубами, билъ ногами, нюхалъ,

прислушивался, и только послѣ этихъ опытовъ ставилъ спокойно на мѣсто.

Если вы одарены воображеніемъ, то можете представить, что Николай Федоровичъ на старомъ мѣстѣ выстроилъ новый, прекрасный домикъ, развелъ садъ, устроилъ бесѣдку, женился на Варенькѣ и сталъ жить да поживать. Право, такъ! Спросите у московскихъ жителей.

1839 г.

БЫВАЛЬЩИНА.

РАЗСКАЗЪ.

Раковая зола, брошенная въ стоячую воду, производитъ раковъ.

ЭККАРТСТАУЗЕНЪ.

I.

Иногда добрая наша луна бываетъ, Богъ ее знаетъ, въ какомъ-то странномъ положеніи: новая еще не родится, а старая, или соскучивъ скитаться между облаками, или предчувствуя свою скорую кончину, цѣлую ночь глазъ не кажетъ людямъ; чуть передъ разсвѣтомъ блеснетъ на небѣ, а тутъ уже и день. Она въ это время похожа на исправника, дослуживающаго свой срокъ, между-тѣмъ какъ преемникъ, избранный дворянствомъ, ждетъ только новаго года, чтобъ засіять на горизонтѣ земскаго суда. Это самая скучная пора. Тогда бываетъ очень темно на бѣломъ свѣтѣ, какая-то грусть лежитъ на душѣ человѣческой, и нечистыя силы кутятъ на землѣ. Говорятъ, будто волки и лисицы очень рады этому времени. Можетъ-быть: на то они звѣри.

Въ одну изъ такихъ темныхъ безлунныхъ ночей оставивъ надворный совѣтникъ Василій Ивановичъ ѣхалъ домой отъ своего сосѣда, Ивана Ильича...

— Какой странный человѣкъ! говорите вы: и что это за малороссійская привычка: рассказывать о Васильѣ Ивановичѣ, Иванѣ Ильичѣ, не познакомивъ съ ними читателя, какъ-будто весь свѣтъ долженъ знать какого-нибудь!...

Виновать! Скажите, что вамъ угодно: описаніе лицъ, характеровъ, одежды и т. п.? Извольте, хотя это очень старо, хотя это вы найдете въ любой школьной тетрадкѣ — такъ и быть, для васъ скажу нѣсколько словъ о моихъ герояхъ.

Иванъ Ильичъ и Василій Ивановичъ помѣщики одной изъ нашихъ южныхъ губерній. Иванъ Ильичъ, какъ и всѣ мы, порядочнаго роста и пріятной наружности, а Василій Ивановичъ немного выходитъ изъ общаго круга, какъ хохлатый голубь изъ круга простыхъ голубей. Отличительную черту въ его фізіономіи составляетъ прочнаго устройства изрядный носъ. Во глубинѣ души своей онъ (т. е. не носъ, а Василій Ивановичъ) таитъ полный коробъ отвлеченностей и безконечное число залѣтныхъ взглядовъ.

Еще въ молодости Василій Ивановичъ было опасно занемогъ, разсуждая трои сутки о томъ, какимъ образомъ могли люди ходить по потолку амбара внизъ головами, какъ мухи, а что они ходили — не было никакого сомнѣнія: объ этомъ свидѣтельствовали грязные слѣды человѣческихъ ногъ, отпечатанные на одной изъ досокъ потолка. Едва успѣла увѣрить Василья Ивановича старая ключница, что доска лежала прежде на землѣ, и тогда кто-нибудь прошелъ по ней грязными ногами, а

мастера не заблагоразсудили обмытъ ея, вдѣлывая въ потолокъ, потому-что, есть ли слѣды человѣческіе на потолокъ, или нѣтъ ихъ — все равно; отъ этого нисколько не зависитъ прочность зданія. Мастеръ были философы.

Впослѣдствіи природная склонность Василья Ивановича къ отвлеченностямъ усовершенствовалась чтеніемъ. «Ключъ къ Тайнствамъ Натуры» Экартсгаузена, «Угрозъ свѣтостоковъ», чья-то физиологія, психологія и астрономія развили совершенно душу мыслителя, а логика Баумейстера дала ей надлежащее направленіе. И этотъ человѣкъ непонятый, неоцѣненный живетъ въ деревнѣ!...

Василій Ивановичъ ѣздилъ когда-то въ Сибирь за чиномъ коллежскаго ассессора и привезъ вмѣстѣ съ чиномъ еще одну рѣдкость: это былъ экипажъ — предметъ насмѣшекъ всѣхъ сосѣдей и удивленіе деревенскихъ мальчишекъ. Экипажъ былъ въ-родѣ дрожекъ, хотя походилъ на нихъ какъ педантъ на умнаго человѣка; на низкихъ четырехъ колесахъ были положены двѣ жерди, аршинъ по семи длиною; посреди жердей возвышалось сѣдалище, очень похожее на раковину, въ которой обыкновенно ѣздитъ по морямъ Венера на картинкахъ XVIII-го столѣтія; впереди, на концѣ жердей, устроены низенькіе кóзлы для возницъ и оглобли, куда впрягалась тощая пѣгая кобыла. Все это, двигаясь на маленькихъ колесахъ, какъ-то сливалось съ землею; только Василій Ивановичъ, взгромоздясь на сѣдалище, возвышался надъ толпою, и отъ колебанія упругихъ жердей, гордо покачивался въ стороны, причеиъ кисточка его бархатнаго картуза моталась вокругъ своего центра, и носъ раскланивался съ природой.

Ночь была темная. Василій Ивановичъ, какъ я уже

сказалъ, возвращаясь домой отъ Ивана Ильича на своемъ сибирскомъ экипажѣ. Проѣхавъ версты три степью, сибирскій экипажъ спустился съ горы и мелкою рысью запрыгалъ по плотинѣ. Плотина шла черезъ прудъ, а за прудомъ стоялъ дворъ Василья Ивановича. Густыя, вѣтвистыя вербы росли по обѣимъ сторонамъ плотины; вправо былъ прудъ, влево глубокая пропасть; на днѣ этой пропасти была небольшая лужа зеленоватой воды, въ которой Василій Ивановичъ хотѣлъ было завести раковъ и надѣлать угрей, по правиламъ древней науки полингенези, объясненной ученымъ Кирхеромъ; но попытка осталась безъ успѣха.

— Держи правѣе! сказалъ Василій Ивановичъ своему возницѣ съ высоты сѣдалища:—еще правѣе! Развѣ тебѣ охота сломить шею въ пропасти?

Возница тронулъ возжами, и экипажъ покатился у самага края плотины надъ прудомъ.

Василій Ивановичъ опять предался размышленіямъ. «Я, старый дуракъ» думалъ онъ: «полагалъ, что на свѣтѣ только и есть проза да стихи; прозою мы говоримъ, а стихами поемъ; а нѣтъ, не тутъ-то было: этотъ мальчишка, учитель дѣтей Ивана Ильича, совсѣмъ сблизилъ меня съ толку, да еще поднялъ на смѣхъ: «вы, говоритъ, спорите о томъ, что всему свѣту извѣстно: то, говоритъ, проза, то стихи, а то еще среднее между ними»—вотъ этого я хорошенько не понималъ, прозалита, прозолота какая-то что ли — нечистый ихъ знаетъ!... и даже показалъ объ этомъ книгу: «Риторику», нанечатанную чуть ли не десятымъ изданіемъ въ С. Петербургѣ, книгу учебную... Что теперь я знаю послѣ этого? Ничего не знаю! не знаю даже какъ я говорю: прозой, или стихами, или этимъ третьимъ?... Ученіе, ученіе!»

*

Эти мысли закипали тогда почтеннаго Василья Ивановича. Признаюсь, было отъ чего задуматься. Да и сама природа наводила думы: кругомъ ни свѣта, ни звука; мрачно дремали надъ плотинною вербы; изрѣдка въ темной вышинѣ просвѣтитъ крыльями дикая утка и, садясь на прудъ, занумитъ сонною водою; изрѣдка падучая звѣздочка опишетъ на небѣ свѣтлую струйку—и все станетъ еще темнѣе, еще молчаливѣе.

— Ай-ай-ай! пошелъ! громко закричалъ Василій Ивановичъ и схватился за лобъ. Какая-то невидимая рука такъ его хлеснула по головѣ—какъ самъ Василій Ивановичъ рассказывалъ—что бархатный картузь полетѣлъ въ сторону и миллионы искръ запрыгали въ глазахъ.

Быстро помчался экипажъ съ плотины и едва остановился у крыльца: такъ мальчишка, перепуганный яримъ крикомъ своего пана, помощію кнута привелъ въ бодрость пѣгую кобылу.

Василій Ивановичъ вошелъ въ комнату, послалъ людей, вооруженныхъ дубинами и ружьями, отыскивать свой картузь, и съ отеческой заботливостью примочилъ водкою лобъ, покраснѣвшій отъ ушиба.

Взяло раздумье Василья Ивановича: кто бы это такою ударилъ его? Догадки смѣнялись другими, мысли путались. Василій Ивановичъ съчасъ просидѣлъ, наклоня къ землѣ свой красный лобъ, потомъ быстро поднялъ голову, улыбнулся, всталъ со стула и приказалъ позвать сапожника.

Прудъ составляетъ почти необходимую принадлежность хозяйства всякаго степнаго помѣщика. Изъ пруда со всею патріархальной простотою пьютъ воду стада разныхъ четвероногихъ; на немъ тихо плаваютъ бѣлоснѣж-

ными стаями домашніе гуси. Если вы охотникъ пострѣлять, всегда найдете, туда подалѣе, въ вершинѣ, чопорную семью дикихъ утокъ, или робкую водяную курочку, или нѣсколько паръ болотныхъ франтовъ-куликовъ. А какіе жирные, золотистые караси водятся въ прудѣ! еслибъ вы ихъ покушали зажаренныхъ со сметаню, или хоть посмотрѣли, какъ ихъ ловятъ бреднемъ двѣ молодыя украинки, какъ хохочутъ онѣ, какъ плещутся, и, плавно подвигаясь къ берегу, разбиваютъ легкія волны полною, упругою грудью... Какъ не любить пруда!...

Я навѣрное не знаю, любилъ ли сапожникъ кушать караси, или ловить ихъ, а знаю только, что, недѣли двѣ назадъ, его порядочно за что-то выругалъ Василій Ивановичъ на берегу пруда.

Выругалъ — ну, кажется, и концы въ воду, а вышло противное: когда Василій Ивановичъ, переѣзжая плотину, получилъ отъ неизвѣстной руки ударъ по лбу, то это его сильно заняло: «кто-бы такой это сдѣлалъ?» думалъ Василій Ивановичъ, «да еще такъ ловко угораздилъ, несмотря на тьму ночную».

Василій Ивановичъ началъ припоминать изъ логики Баумейстера статью о силлогизмахъ, и въ минуту у него созрѣлъ самый отчаянный силлогизмъ: «У пруда я недавно порядочно побранилъ сапожника, да и стоялъ: такой неблагопристойный мальчишка!... Да, у пруда я побранилъ сапожника, у пруда меня нѣкто ударилъ по лбу, слѣдовательно: ударилъ сапожникъ. Это ясные дня, а я не видѣлъ сапожника, потому-что мракъ покрывалъ всѣ предметы...» Исполать тебѣ, наука, научающая здраво мыслить!

— Позвать ко мнѣ сапожника! закричалъ Василій

Ивановичъ еще громче прежняго, и въ головѣ своей началъ выдумывать кару для бѣднаго преступника.

Сапожникъ медля приходить. Между-тѣмъ голосъ совѣсти шепталъ Василью Ивановичу: «не торопись наказывать челоуѣка; можетъ-быть, онъ не виноватъ». — «Какъ не виноватъ?» подумалъ Василій Ивановичъ: «онъ кругомъ виноватъ; я дошелъ по логикѣ, я знаю логику, я читалъ ее: тамъ такъ напечатано, вѣдь глупостей не печатають». Вдругъ пришла ему на мысль книга, которою уничтожилъ его совершенно учитель дѣтей Ивана Ильича, пришло на умъ незнаніе прозы, и проч. и проч., и Василій Ивановичъ усомнился въ вѣрности силлогизма. «Нечего дѣлать» подумалъ онъ: «хоть не хочется, а придется повѣрить свой выводъ практически».

Сапожникъ вошелъ въ комнату.

— Ты преступникъ! закричалъ на него Василій Ивановичъ.

Сапожникъ молчалъ.

— Ты преступникъ! самое молчаніе обвиняетъ тебя.

— Я не понимаю, что вы говорите.

— Не понимаешь? Развѣ я говорю не по-челоуѣчески? развѣ во мнѣ нѣтъ логическаго смысла? Ты смѣешь еще говорить здѣсь, рожденный подъ несчастною планетой! Запереть его въ амбаръ!

Сапожника вывели.

Долго послѣ того ходилъ по комнатѣ Василій Ивановичъ, долго разсуждалъ и, не ужинавши, легъ спать, повторяя: «испытаніе, испытаніе, завтра же испытаніе!» потомъ раскрылъ какую-то книгу; переводъ съ нѣмецкаго, въ которой весьма убѣдительно было доказано, что голубой цвѣтъ, минорный аккордъ, флегматическій темпераментъ, цвѣтокъ анемонъ, земля, флейта и лихо-

радка суть вещи равносильныя, т. е. въ случаѣ надобности, могутъ замѣнить одна другую. Эта статья совершенно успокоила Василья Ивановича; онъ заснулъ сладкимъ, пріятнымъ сномъ.

А сапожника заперли двумя замками въ томъ самомъ амбарѣ, гдѣ видны были на потолокѣ человѣческіе слѣды.

II.

На другой день часу въ седьмомъ послѣ обѣда, только-что собралось семейство Ивана Ильича пить чай, какъ вошелъ Василій Ивановичъ.

— Василій Иванычъ! закричалъ хозяинъ: — куда и откуда?

— Изъ дому, къ вамъ нарочно. Вы не можете пожаловаться, что я у васъ рѣдкій гость.

— Спасибо, сосѣдъ. Да отчего это у васъ перевязана голова?

— Такъ, маленькій ушибъ.

— Стыдитесь, Василій Ивановичъ! Вы человѣкъ холостой и закрываете лобъ; вамъ надобно бодриться, молодѣть; намъ, старикамъ — другое дѣло.

— Не слушайте его: онъ всегда говоритъ глупости, сказала хозяйка. — Садитесь поближе къ самовару.

Василій Ивановичъ сѣлъ, но не могъ поддержать общаго разговора. Иванъ Ильичъ, человѣкъ весьма тонкій, раза два начиналъ рѣчь о станціяхъ на собакахъ и о самоѣдскомъ чернокнижии; жена Ивана Ильича — о сибирской наливкѣ изъ княженики; учитель — о прозѣ и стихахъ; но Василій Ивановичъ отвѣчалъ какъ-то неловко, невпопадъ, часто посматривалъ на часы, и, когда ударило девять, всталъ и началъ раскланиваться.

— Куда же вы торопитесь? спросилъ хозяинъ.

— У меня есть важное дѣло.

— Вы, право, странный человекъ! Оставайтесь закусить чего-нибудь на дорогу.

— Нѣтъ, не могу, право не могу, ей-богу не могу.

— Точь-въ-точь какъ вчера: поднялся въ девять часовъ; ни упросить ни умолить было нельзя.

— Вчера другое дѣло: я былъ пораженъ рѣчами вотъ г-на учителя — имени и отчества не имѣю чести знать — на счетъ риторики, и спѣшилъ домой поразмыслить на свободѣ.

— Отъ эти мысли! Вы, право, когда-нибудь отъ нихъ заболѣете. Ну, а сегодня?

— Сегодня? важное дѣло, очень важное. Пріѣзжайте завтра ко мнѣ обѣдать: я вамъ расскажу все, а теперь прощайте.

Василій Ивановичъ прыгнулъ на сибирское сѣдалище и поѣхалъ домой.

Была такая же темная ночь, какъ и вчера. Вотъ долговязый экипажъ опять уже на плотниѣ.

— Держи правѣй! закричалъ Василій Ивановичъ: — еще правѣй, такъ, какъ ты вчера ѣхалъ.

И колеса экипажа опять застучали по вербовымъ кореньямъ. Василій Ивановичъ сидѣлъ неподвижно, вытянувъ голову впередъ, какъ-бы вызывая на поединокъ таинственную руку, задѣвшую его вчера по головѣ. Вдругъ, что-то зашумѣло мимо ушей его и разразилось по лбу ударомъ; картузь опять полетѣлъ въ сторону.

— Пошелъ! закричалъ Василій Ивановичъ, и поѣхалъ прямо къ амбару.

Принесли фонарь, явились люди. Василій Ивановичъ, забывая боль отъ удара, досталъ изъ кармана

ключи и отперъ амбаръ. Сапожникъ спалъ растянувшись въ углу.

— Встань, другъ мой, сказалъ торжественно Василій Ивановичъ: — ты невиненъ; я напрасно подозрѣвалъ тебя. Нѣтъ, не ты ударилъ меня. Это было дѣйствіе стихійныхъ духовъ, какъ говоритъ мудрый Парацельсъ. Теперь я все понимаю. На тебѣ рубль, поди, напейся водки и позабудь все.

Сапожникъ пошелъ домой съ цѣлковымъ въ карманѣ; Василій Ивановичъ — съ краснымъ лбомъ и удивительными мыслями. Вся дворня, вооруженная кто чѣмъ попало, отправилась на плотину, при свѣтѣ фонаря, отыскивать панскій картузь.

Мнѣ случилось видѣть дневникъ Василія Ивановича: тамъ на одной страничкѣ было написано:

«19-го июля 18.... года. Вчера, близъ пруда, на плотинѣ, я получилъ отъ стихійнаго духа пощечину. Сегодня подтвержденіе оной. Въ чемъ я твердо увѣренъ, основываясь на духѣ числа 9-го и на глубокомъ выводѣ, сдѣланномъ изъ онаго великимъ Экартсгаузенномъ, ибо вчера было 18-е число, а $1 + 8 = 9$, да я поѣхалъ въ 9-ть часовъ, а $9 + 9 = 18$. Все ясно; больше говорить нечего!»

Вѣрьте или нѣтъ, а это случилось, давно когда-то, на бѣломъ свѣтѣ.

1839 г.

БРАТЪЯ.

ПОВѢСТЬ.

..... про одно ииѣше
Наслѣдникъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

А. Пушкинъ.

ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ДАВНО, ВЪ СЕЛЕНІИ ЖАВОРОНКОВЪ.

I.

Въ четвергъ, на второй недѣлѣ петрова поста, Федоръ Федоровичъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ жареную щуку, подавился косточкою и умеръ — умеръ какъ-будто отъ какой болѣзни. Въ субботу пріѣхалъ спасать Федора Федоровича уѣздный докторъ, но засталъ его уже на дорогѣ къ кладбищу, снялъ почтительно шляпу, взялъ прогонныя деньги и уѣхалъ обратно. Въ домѣ Федора Федоровича остался неутѣшный сынъ его, Андрей Федоровичъ; другаго сына, Павла, не было дома: онъ служилъ гдѣ-то далеко въ полку.

Жаль мнѣ Федора Федоровича! Онъ былъ добрый человекъ; у него была прекрасная сливянка и не было

ни одного тяжёлага дѣла въ уѣздномъ судѣ. Сосѣди любили Федора Федоровича.

Какъ нарочно, въ среду вечеромъ, его чумаки прѣехали изъ Крыма и выстроили въ рядъ передъ крыльцомъ двадцать возовъ соли. Цѣлый вечеръ тогда сидѣлъ на крыльцѣ Федоръ Федоровичъ, курилъ дюлбекъ изъ трубки, оплетенной мѣдною проволокою, слушалъ пѣсни соловья, разговаривалъ съ Андрюшею о томъ, гдѣ и какъ сбыть соль повыгоднѣе, и, уходя спать, не велѣлъ трогать соли впредь до приказанія... А въ четвергъ вечеромъ — напрасно, рыдая, спрашивалъ Андрей Федоровичъ: *куда батюшка соль отваты?* — безответно лежалъ покойникъ на столѣ; въ изголовьѣ горѣли свѣчи; однообразно, монотонно, безчувственно читалъ святую книгу приходскій дьячокъ; въ растворенное окно вѣялъ изъ сада теплый вѣтерокъ; въ саду, какъ и вчера, пѣлъ соловей. Вчера и сегодня, кажется близко, а между ними прошла цѣлая вѣчность для Федора Федоровича!...

Если вы когда-нибудь наблюдали людей, то-есть обращали болѣе вниманія на рѣчи и дѣла человѣка, нежели на его запонки (хотя и запонки иногда бываютъ очень красивы), то смѣю васъ увѣрить, вы встрѣчали характеры, которые я вамъ хочу описывать.

Видали ли вы человѣка средняго роста, худоцаваго; онъ ходитъ немного наклоняясь впередъ; по лицу его разлита какая-то кроткая задумчивость; глаза его постоянно свѣтятся тихимъ огнемъ; онъ всегда улыбается выразительно: это не животная улыбка льстеца, не горькая юмориста, не бессмысленная дурака — нѣтъ, это улыбка отрадная, утѣшительная, она какъ-будто говорить: *прекрасенъ божій міръ, друзья мои! живите счастливо!* Если у этого человѣка тихій, глухой

голосъ, какъ-бы выходящій изъ груди; если этотъ человѣкъ, видя васъ въ богатствѣ и знатности, старается быть отъ васъ подалѣе, а въ дни невзгоды первый подастъ вамъ руку помощи, то вы знаете очень хорошо Андрея Федоровича.

Братъ Андрея Федоровича, Павелъ Федоровичъ, человѣкъ другаго десятка: онъ былъ тоже роста средняго, но дорожень и широкъ въ плечахъ; имѣлъ высокую грудь, звучный голосъ, полное лицо, глаза немного на выкатѣ и довольно-толстыя губы. Онъ принадлежалъ къ разряду людей, которые имѣютъ способность громко кричать о благородствѣ и возвышенности чувствъ и при первомъ случаѣ готовы сдѣлать всякую низость, нисколько не краснѣя. Не знаю, какъ вы думаете, а мнѣ кажется, эта способность порядочная.

Если Павелъ Федоровичъ зоветъ васъ къ себѣ въ гости, это значитъ, онъ въ васъ нуждается. Если онъ у васъ попроситъ взаймы денегъ на недѣлю — и въ десять лѣтъ не получите; а напомните о долгѣ, онъ на васъ еще разсердится, не захочетъ говорить съ вами... Таковъ у него обычай!... По-мнѣ, и обычай недурень.

Если вы считаетесь другомъ Павла Федоровича, но вы губернской секретарь или поручикъ, то не оскорбляйтесь, когда въ собраніи, гдѣ находится полковникъ или коллежскій совѣтникъ, Павелъ Федоровичъ не замѣтитъ васъ. А подойдете къ нему съ вопросомъ, онъ торопливо скажетъ: «А, здравствуйте! извините, мнѣ некогда», отворотится и пойдетъ отъ васъ къ значительному лицу, станетъ сзади его или съ-боку, хоть ему тамъ и дѣлать нечего, и все будетъ стоять и улыбаться. Такая у него странность! Впрочемъ, и странность, какъ видите, благородная.

Павель Федоровичъ человекъ очень пріятный въ обществѣ. Дайте ему варенья — онъ расскажетъ что-нибудь замѣчательное о вареньѣ; попотчуйте ромомъ — явится анекдотъ о ромѣ.

Славный человекъ Павель Федоровичъ; но не дай вамъ Богъ, мой читатель, служить съ нимъ вмѣстѣ, жить подъ одною кровлей, даже встрѣчаться на дорогѣ. Своротите, въ сторону, право не проиграете. «Съ Павломъ Федоровичемъ», говорилъ одинъ мой знакомый, «очень хорошо дѣлать лихорадку; чуть заспорить — *возьмите себя всю, Павель Федоровичъ!*...»

Братья дѣлили отцовское имѣніе десять лѣтъ и, Боже мой! какой видъ оно приняло! Возы съ солью, которые стояли передъ крыльцомъ Федора Федоровича, сгнили и разсыпались, и никто не смѣлъ ихъ тронуть: все ждали окончанія раздѣла; на крышѣ дома росли и цвѣли разныя травы; она во многихъ мѣстахъ провалилась и дождевая вода лилась ручьями сквозь эти отверстія въ комнаты; на крыльцѣ не было двухъ первыхъ ступенекъ; плотины и мосты такъ разрушились, что съ трудомъ можно было по нимъ проѣхать — и никто ничего не хотѣлъ поправлять; всякій говорилъ: «это не мое». — «Да чье же?» — «А Богъ его знаетъ! кому достанется, того и будетъ».

Можетъ-быть, до сего дня продолжался бы ихъ раздѣлъ, елибъ одно обстоятельство сильно не подвинуло впередъ этого дѣла. На дворѣ покойнаго Федора Федоровича стоялъ старый амбаръ, состоящій изъ пространной комнаты, съ одною дверью. Братья, съ обоюднаго согласія, провели на полу амбара, во всю ширину его, черту мѣломъ, которая и раздѣлила амбаръ на двѣ равныя части. Андрей Федоровичъ имѣлъ пять аршинъ ам-

бара и Павелъ Федоровичъ тоже. Въ одинъ вечеръ Андрей Федоровичъ возвратился изъ гостей чрезвычайно весель; ему кто-то подарилъ мѣрку овса Вольнаго Экономическаго Общества, который, какъ увѣряли, тайно провезенъ жидами черезъ радзивиловскую таможену. А жидь, всякому извѣстно, провезетъ и отца роднаго безъ штемпеля. Вотъ Андрей Федоровичъ пріѣхалъ домой, самъ отнесъ драгоценный овесъ въ амбаръ и пошелъ отдыхать. Павелъ Федоровичъ въ это время сидѣлъ на крыльцѣ, и сказалъ: *и.и!* Скоро пошелъ съ поля скоть, а Павелъ Федоровичъ съ крыльца къ воротамъ.

Мимо воротъ тянулась пестрая толпа четвероногихъ разнаго рода и виду, наполняя воздухъ ржаніемъ, крикомъ, мычаньемъ, бляеньемъ... Павелъ Федоровичъ какъ-будто понималъ этотъ разногласный разговоръ и, сочувствуя ему, улыбался; вдругъ скромная улыбка превратилась въ хохотъ:

— Ха-ха-ха! Гей! пастухъ! отчего *эта пестрая свинья такъ весела?

— Кто ее знаетъ: она всегда такая веселая.

— Прекрасно! ха-ха-ха-ха! Какъ это мнѣ нравится: этакое любезнаго характера! Должно быть, прямодушное животное! Чья она?

— Какъ прикажете... то-есть, изволите видѣть, ея мать осталась послѣ покойнаго вашего батюшки, а это уже отъ той молоденькая.

— Ага! значитъ, въ ней есть моя половина. Хорошо, я заплачу брату за остальную половину, а свинью возьму себѣ. Поймать ее и сейчасъ пустить въ нашъ амбаръ; да смотрите на мою половину: направо за черту.

Павель Федоровичъ еще сказалъ: *Гм!* и пошелъ спать. Вскорѣ уснуло и все Жаворонково.

Вѣроятно, по своимъ понятіямъ, свинья полагала, что братья живутъ между собой дружно и что черта, проведенная на полу амбара, была ни что иное какъ глупость; а можетъ-быть, она, при входѣ въ амбаръ, не замѣтила черты, а когда заперли дверь, то въ темнотѣ и замѣтить не могла. Какъ бы то ни было, но, по теоріи вѣроятностей, свинья начала практически прохаживаться по амбару, перешагнула черезъ завѣтную границу, нашла овесъ и, не понимая его драгоцѣнности, скушала какъ простое кушанье... Сказано: свинья и въ барскомъ амбарѣ не оставила своихъ привычекъ!

На утро Андрей Федоровичъ разсердился на на шутку; укоры посыпались на Павла Федоровича.

— Отвяжись отъ меня, пожалуста! отвѣчалъ Павель Федоровичъ: — я пустилъ свинью въ свою половину амбара; спроси ее, зачѣмъ она перешла къ тебѣ? Отвернулся и пошелъ въ садъ стравливать кошку съ собакой.

— Нѣтъ, сказалъ почти сквозь слезы Андрей Федоровичъ: — этимъ обидамъ конца не будетъ! Поѣду въ судъ: пусть онъ раздѣлитъ насъ, какъ-нибудь да раздѣлитъ; мнѣ покой дорогъ! И поѣхалъ въ городъ.

Павель Федоровичъ самъ въ городъ не поѣхалъ, а послалъ своего любимаго слугу, Бродягу, и при немъ нѣсколько подводъ съ мукой, масломъ, горохомъ, медомъ и прочимъ.

Черезъ недѣлю отсчитали Андрею Федоровичу изъ отцовскаго имѣнія половину ревизскихъ душъ, слѣпыхъ, хромяхъ, или давно уже записанныхъ въ ревизію на мрачныхъ берегахъ Стикса, или путешествующихъ по

зеленыя прибрежья Ингула и Буга. Павелъ Федоровичъ отрубилъ половину отцовскаго дома, амбара, конюшни и голубятни, перевезъ за десять верстъ въ хуторъ и основалъ тамъ резиденцію, а Андрей Федоровичъ, залечивъ отрубленные мѣста тростникомъ, остался въ Жаворонковѣ.

II.

Какъ страненъ вкусъ у женщинъ! Иная дама готова Богъ-знаетъ на какое пожертвованіе, чтобъ только проѣхать по городу съ военнымъ мужчиной. Тутъ есть своя хорошая сторона: очень пріятно, когда, при встрѣчѣ съ вами, солдаты снимаютъ фуражки. Но тотъ же самый мужчина выйди въ отставку — она не обратитъ на него вниманія. И это понятно. Нѣкоторыя дамы любятъ мужчинъ здоровыхъ, плотныхъ, краснощекихъ — будь они глупѣе поверстнаго столба. Даже и это понятно. Другая увидитъ какого-нибудь блѣднаго, узенькаго мужчину — и вздыхаетъ. Вотъ это для меня вовсе непостижимо!

Фридерика Карловна фон-Клокъ, лѣтъ десять назадъ, была молоденькая дѣвушка, и задумывалась, смотря на серебряные эполеты Павла Федоровича; но какъ она была бѣдна, то Павелъ Федоровичъ не замѣчалъ ея *тихой трусти*, а между-тѣмъ время летѣло. Павелъ Федоровичъ вышелъ въ отставку: эполеты исчезли съ его плечъ. Фридерика Карловна сдѣлалась умнѣе, начала разсуждать, и результатъ этого былъ: Андрей Федоровичъ добрѣ брата, слабѣе характеромъ, слѣдовательно, имъ гораздо удобнѣе *управлять*, а этотъ глаголъ чрезвычайно нравился Фридерикѣ Карловнѣ, и потому Павелъ Федоровичъ оставленъ, какъ выдохшійся двѣтокъ, и всѣ ласки обращены на Андрея Федоровича.

Сначала Андрею Федоровичу было очень совѣстно, когда двадцати-шести-лѣтняя дѣвица, распѣвая извѣстный романсъ: *Пойми меня...* обращала къ нему косвенные взгляды. Онъ всегда оборачивался назадъ: не стоитъ ли кто за нимъ; притворно чихалъ, барабанилъ по столу пальцами и думалъ: «неужли этакая воспитанная дѣвица можетъ любить меня?»

И когда, однажды, Фридерика Карловна подала ему конфетку, завернутый въ печатный билетикъ:

«Куда свой взоръ ни обращаю,
Вездѣ Амура я встрѣчаю.»

Андрей Федоровичъ рѣшительно не зналъ, чтò думать. Онъ много видѣлъ рисованныхъ амуровъ и, сравнивая ихъ круглыя, полныя рожицы съ своимъ длиннымъ лицомъ, ихъ легкія одежды — съ своимъ шалоновымъ сюртукомъ, сталъ въ-тупикъ. Первая мысль его была: «это наситъшка!» но Фридерика Карловна такъ мило склонила голову; густой румянецъ горѣлъ даже на ухахъ ея!

«Нѣтъ, это любовь», подумалъ Андрей Федоровичъ: «надобно ободрить ее».

Онъ подошелъ къ тарелкѣ съ конфетами, выбралъ билетикъ:

«Прекрасна и свѣтла натура:
Я признаю въ тебѣ Амура.»

и подаль его Фридерикъ Карловнѣ; она пробѣжала билетикъ, выразительно посмотрѣла на Андрея Федоровича, торопливо поправила на груди косыночку — и билетикъ исчезъ.

А настоящій Амуръ въ это время, летя изъ Греціи

въ Лапландію, съгъ отдохнуть подлѣ пары голубей, на конюшнѣ стараго Германа, и смѣлся до слезъ, смотря въ окно на эти продѣлки.

Да кто же Фридерика Карловна и старый Германъ, на конюшнѣ котораго отдыхалъ Амуръ?

Фридерика Карловна, обрусѣвшая нѣмочка, довольно-стройная, съ черными глазами и бѣлокурыми кудрями. Она очень проворно вяжетъ чулки, и когда чего-нибудь испугается, то преприятно вскрикиваетъ: *ахъ!* не такъ, какъ мы, православные, будто командуемъ отрядомъ глухихъ, а какъ-то потихоньку, втягивая въ себя воздухъ, этакъ: *ахъ!* неподражаемо!

Германъ Карлъ Адамовичъ, отецъ Фридерики Карловны; онъ долго былъ садовникомъ у графа Пустогоорохова; растилъ ананасы и померанцы, и когда имѣніе его сіятельства было продано за долги съ публичнаго торго, онъ на сбереженные деньги купилъ себѣ домикъ съ огородомъ и садикомъ, гдѣ развелъ прекрасные цвѣты. Сосѣди часто навѣщали стараго нѣмца (такъ они называли Германа) мужчины — покурить трубки и посоветоваться о носѣвахъ, а дамы — чтобъ выпросить цвѣточныхъ сѣмянъ.

III.

У Андрея Федоровича былъ камердинеръ Иванъ Утка. Онъ часто являлся передъ своего барина безъ сюртука, часто вмѣшивался въ разговоры барина съ гостями — что весьма обижало поручика Буку — и въ отсутствіе барина всегда назывался нынѣ такъ, какъ только можно быть ныну.

«Уточка! Уточка! гей, Утка! Вотъ не слышать... Иванъ Утка! Иванъ Утка!» кричалъ Андрей Федоро-

вичь, прѣхавъ довольно - поздно отъ Германа. «Вѣрно, пьянъ!» проворчалъ Андрей Ѳедоровичъ, и опять принялся звать камердинера, и опять никто не являлся. Андрей Ѳедоровичъ высѣкъ огня, зажегъ свѣчку и началъ раздѣваться, думая: «пусть выспится человѣкъ! Я былъ въ гостяхъ, провелъ пріятно время съ Фридерикою Карловной, а онъ, бѣдный, скучалъ».

За дверью послышался тяжелый сопъ; она потихоньку начала отворяться и въ комнату вошло какое - то четвероногое животное. Андрей Ѳедоровичъ попятился назадъ, схватилъ свѣчку, и закричалъ: «Боже мой! это ты, Утка?»

Иванъ замоталъ головою и подползъ на четверенькахъ къ барину.

— Чтò съ тобою? Стань на ноги!

— Не...мо...гу, съ разстановками прошепталъ Утка.

— Ты пьянъ. Поди спать.

Иванъ моталъ головой и не подвигался съ мѣста.

— А, понимаю: ты хочешь мнѣ служить? Бѣдный! Ну, ладно, сними сапоги.

При этомъ Андрей Ѳедоровичъ сѣлъ на стулъ, противъ своего слуги и протянулъ ему ногу. Утка, схватя обѣими руками сапогъ, присѣлъ на корточки, посмотрѣлъ на барина, улыбаясь, замоталъ головой, дернулъ за сапогъ и, потерявъ равновѣсіе, опрокинулся назадъ, ударился затылкомъ объ полъ и умеръ на томъ же мѣстѣ!...

Андрей Ѳедоровичъ бросился поднимать бездыханное тѣло Утки; лилъ на него гофманскія канли, муравьиный спиртъ, холодную воду — все осталось безъ успѣха.

На крикъ Андрея Федоровича сбѣжались люди, и отнесли тѣло Утки въ людскую.

На другой день Андрей Федоровичъ хотѣлъ-было послать за докторомъ, да подумалъ: «къ чему это? докторъ прїѣдетъ, какъ къ моему покойному батюшкѣ, на третій день, возьметъ прогоны и уѣдетъ, а помочь не поможетъ; между-тѣмъ, пойдутъ, храни Боже, слѣдствія! Пожалуй, еще будетъ отвѣчать и тотъ добрый человекъ, который напоилъ Ивана. Богъ съ нимъ! Лучше честно похоронить Утку.

И точно, къ вечеру Утка былъ похороненъ.

IV.

На широкомъ дворѣ ходилъ Павелъ Федоровичъ под руку съ откупщикомъ, жидомъ Самойломъ. У нихъ былъ жаркій разговоръ.

— Не могу, ей-богу не могу, любезнѣйшій Самойло, уступить тебѣ ни гроша; въ большомъ количествѣ — дѣло другое.

— Это въ этомъ какъ вамъ угодно. Я только изволилъ говорить, что, примѣрно, у вашего покойнаго батюшки имѣлъ уступку.

— У батюшки—другое дѣло: онъ могъ выкуривать вина вдвое болѣе и продавалъ дешевле; онъ былъ одинъ, а насъ двое сидитъ на его имѣнїи. Андрей тоже курить. Ты не забѣжалъ къ нему?

— Забѣгалъ по дорогѣ, да они въ такихъ хлопотахъ, что ой! Они хоронятъ своего человека, того, что былъ при нихъ человекомъ.

— Утку?

— Да, кажется, Утку, того, что любилъ выпить.

— Странно! Я третьягодня его видѣлъ живаго.

— Онъ вчера умеръ, скоропостижно.

— А сегодня хоронять! Бѣдный Утка!... Потомъ, помолчавъ немного, Павелъ Ѳедоровичъ продолжалъ:— Хоть братъ мнѣ Андрей Ѳедоровичъ, а не скрою отъ тебя, любезный другъ, Самойло, что много грѣха онъ хватилъ тутъ на душу.

— Какъ-такъ?

— Да такъ! Вотъ видишь... какъ бы сказать... ну, да чтò тутъ церемониться! Андрей Ѳедорычъ застѣкъ бѣднаго Утку до смерти... Не пугайся, Самойло! Я знаю, что человѣку съ хорошими правилами это даже слушать трудно; но чтò жь дѣлать? Сердце мое разрывается на части, а долженъ высказать всю правду!... Я надѣюсь, ты будешь такъ добръ, другъ мой, что возьмешь маленькое письмо къ исправнику, котораго я долженъ извѣстить объ этомъ происшествіи.

— Такъ это вы изволите, то-есть, на братца...

— Чтò жь дѣлать, любезнѣйшій!... Гдѣ дѣло совѣсти, тутъ нѣтъ родства... Я на то дворянинъ, чтобъ свято выполнять присягу. Ты самъ умный человѣкъ.

— Извѣстно, вы люди ученые. А какіе Андрей Ѳедорычъ съ виду смиренные! я никакъ бы не подумалъ...

— То-то и есть, любезнѣйшій. «Въ тихомъ омутѣ черти водятся» говоритъ пословица. Онъ не нашъ братъ: чтò на сердцѣ, то и на языкѣ!...

Часа чрезъ три послѣ этого разговора жидъ Самойло, подпрыгивая на тряской повозкѣ, везъ въ уѣздный городъ доносъ отъ Павла Ѳедоровича, въ которомъ онъ съ прискорбіемъ извѣщалъ о противозаконныхъ поступкахъ своего брата, Андрея, и просилъ земскій судъ не замедлить выѣхать въ Жаворонково, для освидѣтель-

ствования умерщвленного побоями человека, которого съ нагнѣніемъ похоронили прежде узаконеннаго срока.

А Павелъ Федоровичъ потиралъ руки и думалъ, ходя скорыми шагами по своей комнатѣ: «теперь ты въ моихъ рукахъ, рябчикъ! Или прикидывайся сумасшедшимъ и отдай мнѣ Жаворонково, или... не бойсь, испугаешься: дѣло уголовное! Впрочемъ, самъ виноватъ: разграбилъ безъ меня отцовское наслѣдство. Ну, да Богъ съ нимъ! жилъ бы себѣ, пока умереть; такъ нѣтъ, вздумалъ еще жениться!... Пойдутъ наслѣдники и имѣніе, нажитое трудами отца, перейдетъ чортъ-знаетъ въ какія руки! А все эта нѣмка: сама навязывается!... Андрей до смерти не рѣшился бы жениться: такъ она сватается да и только, забывъ всякую совѣсть!... Вотъ какова теперь стала нравственность! А все проклятые новѣйшіе романы... Гей, Бродяга!

— Что прикажете, ваше высокоблагородіе, закричалъ усатый лакей, въ военной курткѣ, вбѣгая въ комнату.

— Луна свѣтитъ?

— Свѣтитъ, ваше высокоблагородіе.

— Я сейчасъ иду съ тобой на рѣку, стрѣлять утокъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

V.

Какъ хорошо кладбище въ Жаворонковѣ! Это не ваше сѣверное кладбище, гдѣ на песчаныхъ, полуразмытыхъ дождемъ могилахъ торчатъ, наклоняясь въ стороны, дряхлые кресты и кое-гдѣ вытягиваются изъ бесплодной почвы длинныя, желтыя травы. Мнѣ понятны на сѣверѣ стихи Карамзина:

Страшно въ могилахъ холодной и темней!
Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучать!

Не то на югѣ! Вы похоронили, положимъ, друга, и на слѣдующую весну роскошная природа закидаетъ его могилу цвѣтами и зеленью: широкіе снопы колокольчиковъ лиловыми дугами склонятся надъ его прахомъ, рѣзвый горошекъ взбѣжитъ по кресту, обовѣетъ его, опутаетъ зелеными прядями и повиснетъ на немъ небесно-голубыми гирляндами, или розовыми кисточками душистыхъ цвѣтовъ. Въ пышномъ, веселомъ нарядѣ предстанетъ вамъ могила вашего друга! Живительная мысль о возрожденіи обвѣетъ печаль съ души вашей: вы инстинктивно познаете, что находитесь въ точкѣ соединенія земли съ небомъ, почувствуете душою присутствіе Великаго, Непостижимаго—и сердце ваше затрепещетъ святымъ восторгомъ, и изъ тайника своего пошлетъ драгоценный алмазь—чистую слезу на глаза ваши: и это будетъ слеза не скорби, не печали земной; вы сами себѣ не дадите въ ней отчета и пойдете съ могилы друга съ тихою радостью. Кто скажетъ на южномъ кладбищѣ.

Страшно въ могилахъ холодной и темной..

у того нечистая совѣсть, или онъ не христіанинъ.

Въ оградѣ, изъ густыхъ, вѣтвистыхъ черемухъ, дружно тѣснились зеленыя могилы жаворонковского кладбища; ночныя фіалки, расцвѣтая въ травѣ между ними, разливали вокругъ тонкій, пріятный запахъ. Была полночь. Давно все снало. Прилегши къ землѣ, кажется, можно было бѣ услышать, какъ бьется пульсъ природы—

такъ было тихо!... Нарядка на лугу нугливо вскрикнуть сонная чайка, и опять все молчать. Мѣсяць высоко плылъ по чистому, темносинему небу, и вѣдь иныя и за ныя, какъ легкій наръ, пролетали серебрястым облака.

Вотъ скрикнули кладбищныя ворота и изъ-за черемухи протянулись по могиламъ двѣ дѣви, а за ними показались два человѣка. Они торопливо пробрались между крестами, нашли въ углу свѣжую могилу и начали ее быстро раскапывать. Работа кипѣла; мѣсяць плылъ по небу; все спало вокругъ: только въ тишинѣ раздавалось прерывистое, усмешное дыханіе гробкопателей, и съ шорохомъ разсыпалась по травѣ земля изъ-подъ ихъ заступовъ; вдругъ заступъ глухо стукнулъ въ крышку гроба — и все замолкло.

— Что ты сталъ, Бродяга! сердито прошепталъ человѣкъ, стоящій наверху.

— Страшно стало, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ другой изъ ямы: — такъ руки и опустились!

— Дуракъ, на берегу тонешь! Снимай крышу; подавай *его* сюда.

И черезъ минуту высунулась изъ ямы блѣдная голова мертвеца; густой черной чубъ раздѣлился на лбу и висѣлъ по сторонамъ длинными космами, а открытое чело и лицо страшно сверкало, облитое серебряными лучами мѣсяца. Павелъ Федоровичъ схватилъ мертваго за волосы, отвернулся въ сторону и вытащилъ его на траву; потомъ подаль руку Бродягѣ и Бродяга въ одинъ прыжокъ выскочилъ изъ могилы.

— Воля ваша, говорилъ Бродяга, дико озираясь въ стороны: — а... я... нѣтъ, ей-богу нѣтъ... посмотрите...

— Чтѣ съ тобой?

— Ей-богу, онъ шевелить губами!

— Трусъ! Подай-ка арапникъ, вотъ я его пошевелю; ну же проворнѣй! Завтра судъ прѣдетъ, надо кончить поспорѣй.

Арапникъ хлопнулъ.

— Ай, ай! Павелъ Федорычъ! закричалъ мертвый, поднимаясь на ноги.

Какъ мыши отъ кота, бросились бѣжать съ кладбища Павелъ Федоровичъ и Бродяга. Топотъ своихъ шаговъ они принимали за топотъ мертвеца; собственныя тѣни, мелькавшія въ сторонѣ на дорогѣ, казались имъ безплотными руками какого-то чудовища, которое хотѣло ихъ схватить за затылокъ; въ воздухѣ, свистѣвшемъ мимо ихъ ушей, имъ слышалось сердитое шипѣнье злаго духа.

V.

Мѣсяцъ высоко плылъ по небу. Спокойно спало Жаворонково; только не спалъ Андрей Федоровичъ: грусть о смерти Утки не давала ему покоя.

«Вотъ, уже давно за полночь, а я все сижу нераздѣтый, и не сплю, оттого, что нѣтъ моего Утки», думалъ Андрей Федоровичъ, глядя въ окно на небо. — «Говорятъ старые люди, будто душа умершаго трои сутки летаетъ вокругъ своего дома, какъ ласточка вьется вокругъ разореннаго гнѣзда. Можетъ-быть, и душа Ивана теперь близко гдѣ-нибудь; а можетъ-быть, она вотъ ейчасъ пролетѣла легкимъ облачкомъ мимо мѣсяца! Известно — душа Божія, гуляетъ себѣ по высотамъ, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія!... Ей нѣтъ другой работы».

Легкій стукъ въ окно прервалъ эти размышленія.

Андрей Федоровичъ вздрогнулъ; стукъ повторился сильнѣе — ознобъ пробѣжалъ по тѣлу Андрея Федоровича. «Кто тамъ?» спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Я, отвѣчалъ внизу, за окномъ, знакомый голосъ.

Андрей Федоровичъ взглянулъ внизъ и обмеръ: тамъ стоялъ Иванъ Утка.

— Впустите меня! жалобно говорилъ Утка.

Андрей Федоровичъ молчалъ.

— Впустите меня! Всѣ двери заперты, войти некуда, повторилъ Иванъ.

— Не пущу, Иване! Богъ съ тобою, лежи-себѣ спокойно.

— Гдѣ жъ я тутъ лягу? Святые васъ знаютъ, что выдумали; трава мокра отъ росы. Впустите!

— Оставь меня въ покоѣ! Я знаю, что виновать передъ тобой; видитъ Богъ, я не хотѣлъ тебѣ сдѣлать зла: ты самъ напросился снимать сапоги, самъ упалъ, и самъ умеръ!

— Христосъ съ вами, баринъ! что это вамъ приснилось?

— Не приснилось, Иване! О, когда бъ приснилось!... Иди себѣ съ миромъ да ложись въ могилу; я завтра за твою душу отслужу панихину, то и тебѣ будетъ покойнѣе...

— Перестаньте шутить, баринъ! Я виновать, что вчера былъ немного пьянъ, да и заснулъ... за то вы уже довольно и посмѣялись надо мною... Впустите! мнѣ и ѣсть хочется.

— Оставь меня въ покоѣ! Видно, нечистая сила говоритъ твоими устами; тебѣ ненужна пища.

— Да развѣ я духъ какой, что мнѣ и хлѣба есть ненужно?

— А то жь кто?

— Я вашъ слуга, Иванъ Утка!... Вотъ заспались!

— А перекрестись.

— Хоть десять разъ, коли вамъ хочется; смотрите...

— Такъ! А прочитай молитву.

Иванъ началъ читать «Отче нашъ».

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, читай: «Да воскреснетъ Богъ».

Иванъ прочелъ.

— Да ты въ самомъ дѣлѣ не мертвецъ и не какая-нибудь нечистая сила! Не-уже-ли ты Иванъ Утка, мой слуга?

— Ей-богу Иванъ Утка, вашъ слуга.

«Это мнѣ снится чтò ли?» говорилъ про-себя Андрей Федоровичъ, крѣпко щипля свою руку, носъ и уши.

— Да какой чортъ снится! крикнувъ, разсердясь, Утка:—впустите скорѣе!

— Нехорошо, Иване, произносить имя чорта — будь онъ проклятъ! — ночью; и безъ этого пропасть всякой дряни на бѣломъ свѣтѣ... Когда жь ты хочешь, чтобъ я тебя впустилъ въ комнату, скажи, чтò у меня въ карманѣ?

— А кто васъ знаетъ! Развѣ я могу влѣзть въ вашъ карманъ?

«Онъ долженъ быть человѣкъ», подумалъ Андрей Федоровичъ. — «Если бъ онъ былъ духъ, то зналъ бы, чтò у меня въ карманѣ».

— Ну, скажи мнѣ, чтò я третьягодня ужиналъ?

— Галушки съ молокомъ.

— Правда!

— Колбасы четырехъ сортовъ.

— Такъ! Еще?

— Десять карасей со сметаном.

— Ну!

— Блюдо жареныхъ голубить.

— Да! а еще?

— Миску варениковъ.

— И только?

— А послѣ выпили кубшинъ молока.

— Правда, правда! А что я тогда говорилъ тебѣ?

— Говорили, что мало, что ужинъ безъ борщу не годится...

— Такъ, такъ!... Ты вправду Утка!

Тутъ Андрей Ѳедоровичъ, въ восторгѣ, открылъ окно и продолжалъ:

— Откуда ты пришелъ, моя Уточка?

— Вотъ этого-то я и самъ хорошенько не знаю...

Я былъ немного хмѣленъ и не помню, гдѣ спалъ. Сплю и слышу — меня ворочаютъ съ боку на бокъ и собираются бить арапникомъ; я по голосу узналъ Павла Ѳедоровича; да такъ крѣпко спать хотѣлось, что подумалъ: — «пусть-себѣ бьютъ, а я буду спать!» — Вдругъ, какъ ударить меня Павелъ Ѳедоровичъ, да такъ больно, что куда и сонъ дѣвался! Я вскочилъ на ноги, а они отъ меня... Смотрю, кругомъ кресты да могилы; стало страшно! я скорѣй оттуда, да едва дошелъ сюда: съ похмѣлья ноги не несутъ. ●

«Опять чепуха», подумалъ Андрей Ѳедоровичъ: «ну, да онъ ли сошелъ съ ума или я, а только онъ именно человекъ, живой человекъ»; подумалъ, разбудилъ дворню, да и впустилъ Утку въ горницу. Всѣ крестились и чурали себя, когда вошелъ Иванъ Утка, и только тогда увѣрились, что онъ живой христианинъ, когда

онъ съѣлъ половину жаренаго поросенка и выпилъ добрую чарку водки.

Куда было спать послѣ этакого проишествія! Пока поговорили, потолковали, подумали, а тутъ и день смотреть въ окно. Не успѣло солнце порядочно выйти изъ-за села, а по селу зазвенѣли колокольчики, и прямо на дворъ Андрея Федоровича прискакали два верховые казака, за ними почтовая телега, а въ телегѣ человекъ съ шею, обмотанною краснымъ платкомъ—это былъ земскій исправникъ, одинъ изъ числа нѣсколькихъ десятковъ тысячъ коллежскихъ секретарей Россійской имперіи. У него лѣто и зиму постоянно была обмотана шея краснымъ платкомъ яркаго цвѣта; причина этому мнѣ неизвѣстна. За первую телегою вслѣдъ скакала вторая: въ ней сидѣлъ человекъ почтенной наружности, въ картузѣ, съ предлиннымъ зонтикомъ: это былъ извѣстный въ уѣздѣ лошадиный барышникъ и главный заводчикъ свекловичнаго сахара, уѣздный докторъ. Въ третьей телегѣ сидѣлъ писецъ въ желтомъ нанковомъ сюртукѣ; въ четвертой ѣхалъ фельдшеръ, съ виду очень похожій на молоденькаго зайца, а за нимъ скакали шесть верховыхъ казаковъ.

Андрей Федоровичъ, протирая глаза отъ изумленія, смотрѣлъ на гостей, которые съ шумомъ шли къ нему на крыльцо, будто на непріятельскую батарею, приказывая людямъ готовить посылитѣ обѣдъ да засыпать поболѣе лошадямъ овса. Вотъ дверь изъ сѣней въ комнату распахнулась и на первомъ планѣ картины показалась красная шея исправника, изъ-за нея выглядывалъ длинноносый картузъ доктора, за картузомъ желтѣлъ сюртукъ писца, изъ-подъ мышки котораго выгля-

дывала зачѣмъ мордочка фельдшера; дагдѣ вестрѣли ка-
зачѣмъ шапки.

— Мое почтеніе, Мадагаскаръ Ивановичъ, сказалъ
на встрѣчу исправнику Андрей Федоровичъ, и хотѣлъ-бы-
ло уже съ нимъ поцаловаться.

— Во-первыхъ... громко сказалъ исправникъ, отсту-
пая шагъ назадъ, да и чихнулъ, потомъ утерся носо-
вымъ платкомъ и продолжалъ: — а во-вторыхъ я дол-
женъ дѣйствовать безъ всякаго лицепріятія, то-есть,
вслѣдствіе законнаго основанія... а въ-третьихъ, извольте
отвѣчать: гдѣ вашъ крестьянинъ Иванъ Утка?

— Вотъ онъ, отвѣчалъ Андрей Федоровичъ, пока-
зывая на Ивана.

— Нѣтъ не этотъ, а другой Иванъ Утка.

— Да онъ одинъ только и былъ у меня.

— Какъ же это? Гдѣ же Утка, яко бы умершій
скоропостижно ударомъ и безсрочно-погребенный?

— Это онъ и есть!

Исправникъ поднялъ кверху плечи и брови, рас-
правилъ персты правой руки въ видѣ опахала, а лѣвую
приложилъ къ подбородку, и вопросительно посмотрѣлъ
на обѣ стороны
.
.

Вы догадываетесь, что здѣсь начинается слѣдствен-
ное дѣло, которое ни вы не имѣете охоты слушать, ни
я рассказывать, тѣмъ болѣе, что вамъ извѣстно, кто
правъ, а кто виноватъ.

Между-тѣмъ... ну, между-тѣмъ хоть прочитайте слѣ-
дующую страницу:

Э П И Л О Г Ъ.

Въ июнѣ, въ самый полдень, тянулась по пыльной дорогѣ партія арестантовъ; они едва шагали, побрякивая тяжелыми цѣпами; впереди и сзади партіи шли старые солдаты инвалидной команды во всей походной амуниці. Вотъ, мимо партіи быстро промчалась коляска, запряженная четвернею пѣгихъ лошадей. Въ ней сидѣлъ Андрей Ѳедоровичъ съ своею супругою, Фридерикою Карловною. Быстро приблизилась и исчезла коляска, осыпавъ печальныхъ путешественниковъ облакомъ пыли; но одинъ арестантъ, въ смуромъ кафтанѣ, съ широкою включенною бородой, долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею, и когда она совершенно скрылась изъ виду, зашатался, поблѣднѣлъ и, судорожно хватаясь за товарища, грянулся о землю.

— Свистуновъ! что съ нимъ? спросилъ ефрейторъ.

— Должно быть, сомнѣлъ отъ жару, отвѣчалъ инвалидъ, шедшій сзади.

— Окати его водою!

И солдатъ, ставъ на колѣни передъ арестантомъ, началъ лить ему на лицо изъ манерки воду.

Арестантъ былъ — Павелъ Ѳедоровичъ!...

1839 г.

ЗАПИСКИ СТУДЕНТА.

П О В Ъ С Т Ъ .

Entre le commencement et la fin il y a la vie.

V. Нисо.

Я желалъ бы знать, что думаютъ лошади во время гололедицы?

Не знаю какъ вы, а я съ большимъ сожалѣнiемъ смотрю на лошадей, когда улицы покроетъ гладкiй ледъ и бѣдныя животныя, робко ступая, скользятъ, шатаются и всякую секунду готовы упасть, можетъ-быть, съ тѣмъ, чтобы не встать болѣе. Особенно-гибельны въ это время торцовыя мостовыя и мосты. Люди — животныя разумныя, привыкшия ходить безъ опасенiя на скользкомъ паркетѣ, и тѣ нерѣдко падаютъ во время гололедицы — а лошади, бѣдныя лошади! Право, жаль ихъ...

Осенью 184 . года, часу въ 10-мъ утра, въ Петербургѣ была знаменитая гололедица. Все живое, всякаго пола и возраста, болѣе или менѣе падало. Тучковъ мостъ представлялъ длинное поприще для этого упражненiя.

Онъ былъ похожъ на арену, усѣянную побѣжденными. Особливо камнемъ преткновенія, о который разбивались всѣ усилія путешественниковъ, былъ маленький подъёмный мостикъ посреди длиннаго моста на сваяхъ... Я предполагаю моихъ читателей до того образованными, что они очень-хорошо знаютъ Тучковъ мостъ, что, проѣзжая или проходя его, они на половинѣ своего пути подымались на холмикъ и, спустясь съ холмика, опять продолжали свой путь спокойно, даже до каменной мостовой — и очень-хорошо понимаютъ, что этотъ холмикъ не есть произведеніе природы, но подъёмный мостъ, построенный инженерами для пользы общественной: ночью онъ растворяется и пропускаетъ корабли, а днемъ, имѣя подобіе естественной горки, приятно разнообразить путешествіе...

Утромъ, во время знаменитой гололедицы, о которой уже сказано выше, я подходилъ къ подъёмному мостику на Тучковомъ мосту; деревянная горка, остеклованная льдомъ, представилась глазамъ моимъ; передъ горкою стояла дюжая сѣрая лошадь, запряженная въ роспуски, и, поставя врозь всѣ четыре ноги, съ ужасомъ смотрѣла на предстоящую опасность; такъ-называемый ломовой извозчикъ, стоя съ боку, собралъ возжи въ одну руку и махалъ ими надъ лошадью, приговаривая на распѣвъ: Ну! ну-у-у! у! На роспускахъ лежалъ бѣлый, досчатый гробъ, привязанный веревкою; сзади стояла женщина лѣтъ пятидесяти, въ голубой заячьей шубкѣ, съ желтымъ, поношеннымъ платкомъ на головѣ.

— Ну! ну! ну-у-у! крикнулъ извозчикъ, сильнѣе прежняго.

Лошадь съ усилиемъ ступила передними ногами на

мостикъ, зачастила ими, скользя внизъ по льду, и упала на колѣни.

— Ну! разомъ! ну! Сърко! прикрикнулъ извозчикъ, ударивъ лошадь концомъ возжей. Сърко быстро всталъ, прынулъ впередъ, невѣрно цѣпляясь подковами, и стена растянулся на мосту.

Два офицера выругали извозчика за то, что его лошадь мѣшала имъ пройти свободно.

Извозчикъ ругалъ мостъ и гололедницу, и билъ возжами Сърко, который стоналъ, жалобно смотря на своего хозяина.

— Онъ не подыметъ: развѣ ты не видишь, у него ноги изломаны? сказалъ хладнокровно какой-то прохожій, въ синемъ картузѣ, съ красными выпушками.

— Ой, матушки! вскрикнула старуха въ голубой шубкѣ, стоявшая позади роспусковъ: — бѣдный Яковъ Петровичъ! и тутъ ему талану нѣту: и на Смоленское сразу не доѣдетъ!

— Ты родственника хоронишь, старуха? спросилъ я.

— Какого родственника! Это ихъ благородіе, дворянинъ, чиновникъ. Добрый былъ — царство ему небесное, а какой безталанный!... Вотъ, хороню на свои деньги... хоть сама не купчиха какая, не богачка... Богъ заплатитъ, ради добраго покойника...

Недавно члены какого-то человѣколюбиваго общества, сложась по четвертаку, схоронили безроднаго бѣдняка. Цѣлую недѣлю говорили объ этомъ поступкѣ, и восемь разныхъ статей было написано о немъ въ газетахъ, между-тѣмъ, какъ о пріѣздѣ хивинскаго посланника говорили только сутки, о возвращеніи Тальони — двое, о привозѣ свѣжихъ устрицъ — трои сутки, о механическомъ дивѣ и о *превосходнѣйшихъ* каменныхъ зубахъ (наж-

даго изъ Вагенгеймовъ особю) публикуется въ «Полицейской Газетѣ» только по три раза.

Передо мною стояла простая, необразованная баба, которая, не будучи членомъ челоуѣколюбиваго общества, не складываясь ни съ кѣмъ, на послѣднія деньги, какъ могла, хоронила своего бѣднаго собрата-челоуѣка, и, какъ мнѣ казалось, даже далека была отъ мысли публиковать о своемъ пожертвованіи.

Я вообще очень привязанъ къ прекрасному полу: люблю безъ души молоденькихъ и чрезвычайно уважаю пожилыхъ; но я съ особеннымъ уваженіемъ смотрѣлъ на бѣдную старушку въ голубой шубкѣ, и какъ ниже ея въ то время показались мнѣ многія изъ прекрасныхъ дамъ, читающихъ французскіе романы, отчаянно играющихъ въ карты, и даже могущихъ доставить своему protégé выгодное мѣсто!...

Прохожій, котораго, по синей фуражкѣ, я счелъ за ветеринарнаго врача, болѣе солгалъ, нежели сказалъ правду, потому-что Сѣркѣ наконецъ не выдержалъ манипуляціи извощика, всталъ на всѣ четыре ноги и, кое-какъ переправясь черезъ подъѣмный мостикъ, тихо потащилъ гробъ.

Я пошелъ за гробомъ, разговорился съ старухою и узналъ, что умершій былъ ея постоялецъ; что онъ во время болѣзни даже продалъ все-свое платье; что умеръ не оставя ничего, кромѣ свертка бумагъ. «И умеръ надъ ними голубчикъ! За нихъ если дасть лавочникъ пятачокъ — и то спасибо», прибавила старуха.

Вы догадываетесь, что я купилъ у старухи бумаги; она на другой день принесла мнѣ ихъ. Это былъ повседневный журналъ; между листами его лежали письма; каждое прибито къ тому дню записокъ, въ кото-

рши было получено; все это вместе составило родъ простой повѣсти, и я рѣшился ее напечатать, не измѣняя ни одного слова.

183... года 20 фоя.

Экзамень оконченъ сегодня — и я вступаю въ новую жизнь... Миръ праху твоему, добрый человекъ, основатель лица! Благословляю память твою!...

Давно ли я былъ еще ребенокъ? Какъ сегодня, помню день моего отъѣзда въ лицей. Я на своей маленькой лошаdkѣ хотѣлъ ѣхать гулять въ степь; меня позвалъ папенька.

— Послушай, сказалъ онъ мнѣ: — собери свои книги; мы сегодня поѣдемъ далеко: я тебя отдамъ учиться въ лицей.

— А это очень-далеко? спросилъ я.

— Верстъ полтораста.

— Такъ мы завтра не воротимся?

— Нѣтъ; ты проживешь тамъ долго.

— Болѣе недѣли?

— Гораздо.

— Мѣсяць?

— Больше.

— Не-уже-ли годъ?

— Шесть лѣтъ.

Меня обдало холодомъ. Ёхать въ такую даль, за 150 верстъ отъ дома, на шесть лѣтъ проститься съ папенькою, съ маменькою, съ моею маленькою комнатою, съ бѣлою акаціей, которую я поливалъ каждое утро, а она, какъ нарочно, такъ душмето расцвѣла теперь!...:

Грустно стало мнѣ; я вышелъ на крыльцо; моя лошадка, увидѣвъ меня, привѣтно заржала; я подошелъ

къ ней, машинально сѣлъ на нее и шагомъ выѣхалъ въ поле.

Нивы шумѣли отъ утренняго вѣтерна, росистая степь нестрѣла въ цвѣтахъ, жаворонки пѣли; но ничто меня не радовало. Я не спѣшилъ нарвать букетъ амеоновъ; не старался поймать красивую бабочку, чтобъ подарить ее маменькѣ — одна мысль тяготила меня: я долженъ все это оставить, оставить надолго!... Какъ хороша воля! подумалъ я и соскочилъ съ лошади. «Прощай, лошадка, сказалъ я: ступай на волю!» поласкалъ ее и бросилъ поводъ. Лошадка стояла передо мною. «Глушенькая, ты будешь гулять!» Я обнялъ ее и махнулъ руками. Черезъ минуту, только ея головка далеко ныряла между цвѣтистою зеленью; еще минута и я уже не видѣлъ ничего: все зарадужилось, закружилось въ глазахъ моихъ, наполненныхъ слезами.

Послѣ обѣда мы съ папенькой выѣхали изъ дома. Прощаясь, маменька уговаривала меня не грустить, обѣщала прѣхать ко мнѣ, дала мнѣ коробочку конфетъ — и я утѣшился.

И вотъ я въ лицѣ. Меня ввели и оставили въ этомъ огромномъ зданіи. Все незнакомыя лица, все такія страшныя, классическія фізіономіи профессоровъ, все такъ сухо, такъ важно! Папенька уѣхалъ.

Я подошелъ къ окошку; оно было въ третьемъ этажѣ; внизу красѣли крыши одноэтажныхъ домиковъ; далѣе, стройно вытянулась улица, за нею стояла березовая роща, а тамъ — Боже мой! гладкое поле; на немъ змѣилась дорога на мою родину!... По дорогѣ неслось облако пыли; мнѣ казалось, что я вижу въ немъ нашу коляску, даже казалось, что папенька машетъ мнѣ изъ

каляски платкомъ; но вотъ и это облако слилось съ горизонтомъ... я стоялъ и тихо плакалъ. Тутъ подошелъ ко мнѣ Ш.; онъ такъ много заговорилъ со мною, такое принялъ участіе въ моей печали, что мы съ того дня сдѣлались друзьями.

Милый Ш.! Мнѣ теперь смѣшно, когда вспомню, какъ онъ утѣшалъ меня. Онъ говорилъ, что лицей непременно долженъ сгорѣть, потому-что въ немъ много несчастныхъ, подобныхъ намъ; а когда онъ сгоритъ, то мы опять поѣдемъ по домамъ. И какъ эта глупая мысль восхищала меня! Я цѣлый мѣсяцъ ложился спать, напередъ хорошенько увязавъ всѣ свои книги и платье, чтобъ сейчасъ же бѣжать, когда начнется пожаръ. Вся кровь, бывало, бросится въ голову, когда услышишь запахъ дыма, или кто пройдетъ ночью по корридолу со свѣчою: все ждешь, вотъ загорится, вотъ будетъ тревога, вотъ разольется огонь по комнатамъ... Но утрюмо дремали во мракѣ каменные стѣны огромнаго зданія; изрѣдка гдѣ-нибудь хлопнетъ незатворенное окошко, или въ дальнемъ корридорѣ простонуть тяжелые шаги стараго инвалида, и опять все тихо, тихо... такъ и захочется спать.

Но вотъ, сегодня шесть лѣтъ, какъ я здѣсь; завтра день выпуска. И сколько перемѣнъ съ того времени!... Наука открыла передо мною свои святые сокровищницы; мой умъ смѣло ширяетъ въ тучахъ и разлагаетъ громаы и молніи; я дерзаю вычислять пути свѣтилъ небесныхъ; наука увлекаетъ меня на дно моря и показываетъ жемчугъ и подводныя чудовища, сводитъ въ вѣдра земли, гдѣ растутъ жилы золота и зрѣютъ драгоценные камни; она рассказала мнѣ судьбы народовъ, и дѣла давно минувшія переходятъ въ умѣ моемъ яркою фан-

тасмагоріей; я изучаю природу, изучаю человѣка, самого себя, и люблю Творца, какъ благодѣтеля моего, люблю по убѣжденію.

А поэзія? Боже! и есть люди, которые не понимаютъ поэзіи!... Бѣдные, жалѣю о васъ: вы не знаете лучшаго наслажденія въ жизни! вы не понимаете ни Жуковскаго, ни Шиллера, ни Байрона, ни Пушкина, великаго Пушкина! Вы произносите эти имена, какъ имя славнаго портнаго, парикмахера — и ваше сердце не трепещетъ сладкимъ восторгомъ. Жалкіе! плачьте о нашемъ невѣжествѣ и дивитесь этимъ именамъ, какъ проявленію неба на землѣ... Шестъ лѣтъ — и какъ я выросъ духовною жизнью!...

Я долженъ сказать прости моимъ милымъ товарищамъ, съ которыми я росъ вмѣстѣ, съ которыми дѣлилъ и радость, и горе, съ которыми не разъ тепло молился передъ святымъ алтаремъ; я долженъ сказать имъ прости. Долгъ чести зоветъ меня: я долженъ служить отечеству. Сколько разъ я завидовалъ мудрымъ Сципіонамъ, Фабриціямъ, Аристотелямъ... И вотъ передо мною широкое поле жизни, поле чистое. Какой разгулъ для дѣятельности! Впередъ! какое раздолье быть полезнымъ ближнему... Мой девизъ: презирать все низкое, любить одно возвышенное... Я... увидимъ, что я сдѣлаю!...

27 іюня.

Вотъ я опять въ нашей маленькой деревнѣ. Свободенъ; какъ Божія птица. И Кантъ, и Юстиніанъ, и несносный Лакруа забыты до времени.

28 іюня.

Чудная жизнь въ Малороссіи лѣтомъ! Вчера я пріѣхалъ домой; отецъ обнялъ меня и поздравилъ *челомъ*

колы; мать заплагла; сбѣжались братья, поднялся шумъ, хохотъ — такъ прошелъ цѣлый день. Сегодня мнѣ отвели квартиру, какъ говоритъ батюша, въ саду, въ бесѣдкѣ. Эта бесѣдка утонула въ зелени деревьевъ; передъ моими окнами цвѣтутъ цѣлыя пирамиды душистаго горѣшка, стройно колеблются разноцвѣтныя мальвы, а розы, полныя, пышныя розы, тянутся густою гирляндой вдоль по сторонамъ темнозеленой аллеи. Еслибъ живописецъ могъ нарисовать такую картину, онъ умеръ бы отъ восторга.

29 июня.

Сегодня день моего ангела. Я проснулся рано поутру. Въ-головахъ у меня стояла огромная ваза только-что расцвѣтшихъ розъ. Человѣкъ сказалъ мнѣ, что съ восходомъ солнца моя маменька сама поставила эти розы и ушла тихонько, перекрестивъ меня... Какъ я сладко сегодня молился Богу; эти розы курились чистымъ ошмянкомъ къ Его престолу! Есть минуты въ жизни, которыми выкупаются все страданія человѣчества.

Люди! понимаете ли вы, что такое мать? понимаете ли вы это страдательное существо, эту вѣчную, безграничную, безкорыстную любовь? Мужчины, благоговѣйте передъ матерью: это алтарь, на которомъ неугасимо горитъ любовь къ человѣчеству, можетъ-быть, одна любовь въ мирѣ безъ холоднаго эгоизма.

У насъ были гости: челоѣка четыре сосѣдей, все люди отставные съ мундиромъ. Цѣлый почти день рассказывали о разныхъ случаяхъ войны; мой отецъ говорилъ о взятіи Очакова такъ подробно, какъ-будто вчера только его брали. Тутъ были свидѣтели и семилѣтней войны и войны отечественной. Какая поэтическая жизнь

военнаго человѣка! Сегодня здѣсь, завтра тамъ, послѣ въ третьемъ мѣстѣ; вездѣ новыя лица, новыя знакомства, прелесть отдыха, грусть разлуки — все это должно тревожить сердце, возбуждать духъ къ дѣятельности. А это глубокое самоотверженіе, эта всегдашняя готовность пожертвовать для блага общаго самымъ драгоценнымъ для человѣка — жизнью, не возносить ли это меня самого въ глазахъ моихъ? Какъ понятна благородная гордость рыцарей, надѣвавшихъ мечъ! Нѣтъ, я непремѣнно посвящу себя войнѣ; я буду кавалеристомъ; мои предки жили и умирали на коняхъ; я послѣдую ихъ примѣру.

1 июля.

У насъ есть два сосѣда, статскіе; одинъ Щука-Окуневскій, говорятъ, удивительный вѣстовщикъ и любитъ говорить свысока, а другой Сутяговскій; объ этомъ отзываются какъ объ умномъ человѣкѣ. Они оба вышли въ отставку и пріѣхали изъ губернскаго города въ уѣздъ, въ свои деревни, когда я былъ въ лицѣѣ.

• 14 июля.

Я очень не люблю нашего сосѣда Сутяговскаго, хотя онъ и пользуется какого-то особеннаго рода уваженіемъ всего уѣзда: всѣ за-глаза его ругаютъ, а въ глаза какъ-будто его боятся; даже видъ Сутяговскаго мнѣ не нравится: высокій мужчина, вѣчно наклоненный впередъ; на лбу всегдашняя дума о чемъ-то недоброе; голосъ — хриплый басъ, похожій на ворчанье бульдога; глаза постоянно опущенные внизъ; о чемъ бы ни говорилъ онъ, съ кѣмъ бы ни говорилъ, они всегда устремлены на одно мѣсто, на полъ. Мнѣ кажется, онъ долженъ быть большой грѣшникъ и боится поднять глаза

чтобъ не увидѣть надъ собою карманной десницы правосудія. Важность, съ какою онъ кладетъ въ карману, какъ поправляетъ медленно на шеѣ орденскую ленту, какъ принципially протаскиваетъ, чтобъ больше еще выказать свою ученость, которая, эмге vous zoi dit, не слишкомъ-глубока — все это нестерпимо. Куда бы ни приѣхалъ онъ, всѣхъ передаетъ, начиная съ хозяина до послѣдняго гостя, хотя бы ему кто былъ и неизвѣстенъ — ему все-равно; идетъ по-тихоньку вокругъ комнаты, схватитъ человѣка въ объятія, поцалуется разъ, два, три, заворчитъ какую-то любезность или заклинаніе — кто его разберетъ! — и принимается за другаго, пока всѣхъ обойдетъ... Да это такъ важно, будто онъ Богъ-знаетъ какая знаменитость, и не хочетъ никого обидѣть, лишивъ частички своей высокой ласки.

Я недавно видѣлъ, какъ въ сѣти паука попала муха: въ одну секунду паукъ былъ уже возлѣ своей жертвы, схватилъ ее, прижалъ къ своей груди и долго обнималъ ее двумя передними лапками, опутывая роковой паутиною; потомъ прокусилъ бѣдной мухѣ голову, выпилъ изъ нея кровь и преспокойно возвратился въ свою засаду, какъ ни въ чемъ не бывалъ, только потолстѣлъ немного. Съ этихъ поръ я не могу равнодушно смотрѣть на Сутяговскаго: когда онъ обнимаетъ человѣка, мнѣ все кажется: вотъ зашищитъ бѣдный страдалецъ, вотъ сосѣдъ прокуситъ ему голову...

Сутяговскій тоже меня не очень жалеетъ: то экзаменуетъ меня и чрезвычайно важничаетъ, когда я, чтобъ не огорчить батюшку, отвѣчаю ему, какъ профессору; то беретъ на себя трудъ дѣлать мнѣ наставленія, поѣтъ съ бемольнаго тона о нравственности, какъ пресвитеріанецъ времянь Кромвеля. Несмотря на все это, въ

немъ сильно отзывается духъ прошедшаго XVIII вѣка, неслишкомъ нравственнаго.

Какую онъ состроилъ сердитую рожу, когда я сказалъ, что не считаю Вольтера великимъ поэтомъ! Онъ готовъ былъ скушать меня, какъ паукъ муху, проворчалъ себѣ подъ-носъ, вѣроятно, какую-нибудь глупость, и, сразу переѣнивъ разговоръ, началъ проповѣдывать о чести, обязанности всякаго дворянина служить отечеству, о томъ, что молодому человѣку гораздо приличнѣе служить даже въ городской ратушѣ, нежели заниматься пустыми мечтами, ведущими къ растлѣнію нравовъ; что встарину такъ не бывало; оттого было болѣе и учтивства, и утонченной вѣжливости, и приличнаго всякому обращенія... Я вышелъ изъ комнаты; и возвратился, увидя, что Сутяговскій уѣхалъ.

Несносный человѣкъ!

15 июля.

Скоро будетъ въ Р* ярмарка; весь нашъ уѣздъ приходитъ въ движеніе; только и толкуютъ о ярмаркѣ; чрезъ недѣлю половина нашего народонаселенія двинется въ Р*.

Батюшка тоже хочетъ ѣхать и меня беретъ съ собою. Я скучалъ бы этою поѣздкой, еслибъ не надѣялся увидѣться съ Ш., съ моимъ милымъ товарищемъ.

19 июля, полдень.

Мы въ дорогѣ. Скоро я увижу добраго Ш. Онъ живетъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ будетъ ярмарка. Какъ пріятно будетъ наше неожиданное свиданіе! Я желалъ бы перелетѣть въ Р*. Но мы ѣдемъ на своихъ лошадяхъ, сдѣлали упряжку 30 верстъ, и, говорятъ, надобно отдохнуть лошадямъ, покормить ихъ. На постоянныхъ дворахъ

останавливаться теперь нѣтъ никакой возможности: тамъ жарко, миллионы мухъ, а всякаго народу еще больше; шумъ, крикъ — несносно! Мы выѣхали изъ селенія и сейчасъ же остановились въ тѣнистой дубовой рощѣ, которая отъ дороги спускалась по отлогой горѣ до свѣтлой, быстрой рѣчки.

Пока лошади ѣдятъ овесъ, а поваръ, разведя въ сторонкѣ огонь, хлопочетъ около обѣда, мы вышли изъ коляски и усѣлись въ тѣни на раскинутомъ коврѣ. Батюшка читаетъ «Московскія Вѣдомости», я пишу отъ нечего-дѣлать. Ба! къ намъ еще подъѣзжаетъ экипажъ... останавливается... Господи! да это Сутяговскій; его лошадей отпрягаютъ; онъ уже идетъ сюда, и я часа два долженъ буду слушать его широковѣщательныя пошлости... Нѣтъ, прощайте.

Вечеромъ.

Въ первый разъ въ жизни я благодаренъ Сутяговскому: чтобъ избавиться его присутствія, я взялъ ружье и пошелъ къ рѣкѣ, будто на охоту, велѣвъ извѣстить меня, когда лошади будутъ готовы. По берегу рѣки шла узенькая проселочная дорога; въ двухъ шагахъ отъ дорожки стояла распряженная кибитка, поднявъ къ небу оглобли; на оглобляхъ было натянуто полотно, изъ котораго тройка гнѣдыхъ лошадей кушала овесъ; двое мальчиковъ, лѣтъ около десяти или двѣнадцати, подбирали на берегу раковины и цвѣтные камешки; недалеко отъ берега, на песчаной отмели, сидѣлъ въ водѣ пожилой человекъ, выставя изъ воды свою усатую голову, покрытую кожаныиъ треугольнииъ картузомъ; голова весело разговаривала съ дѣтьми:

— Батюшка, бросьте намъ еще раковинъ.

— Ладно! отвѣчала голова: — я вамъ достану са-

мыхъ пестрыхъ, и отодвинулась еще далѣе отъ берега...

— Гдѣ же раковины? кричали дѣти.

— Господи! что это?! я ѣду въ пропасть... Ухъ!... вскрикнула голова и исчезла подъ водою; треугольный картузь быстро поплылъ по теченію... Секунды черезъ три опять показалась голова, ухнула, и опять скрылась...

— Батюшка тонетъ!... вопили дѣти: — онъ не умѣетъ плавать.

Въ-минуту я былъ уже въ водѣ, схватилъ утопленника, кое-какъ вынесъ на берегъ, скоро привелъ его въ чувство и возвратился къ экипажу, душевно благодаря Сутяговскаго.

Я пришелъ весь мокрый. Сутяговскій, увидя меня, началъ басить моему отцу: — Да, я вамъ говорю, совсѣмъ не то время: все теряетъ свою цѣну; имъ тяжело послушать часъ-другой опытнаго старика, лучше пойдутъ въ болото, убьютъ какую-нибудь пичужку — заряда не стѣдить! ни пуху, ни перьевъ, ни мяса, въ ротъ взять нечего; а зарядъ денегъ стѣдить, а платье и того болѣе, все перепачкаешь, изгадишь... Мы, бывало, у нашихъ стариковъ изволь носить пестрядиное, холстинное и прочее... такъ нанковому платью и цѣну, бывало, знаешь: а суконное — если дождемся суконнаго — бывало, бережемъ какъ свою душу: коли черное, такъ черное, ни пятнышка бѣлаго не допустимъ; а теперь наряжаются въ будни какъ подъ вѣнецъ; различія нѣтъ между возрастами... Право нехорошо!...

Батюшка крѣпко обнялъ меня, когда я рассказалъ ему свое приключеніе, а Сутяговскій началъ ворчать:

— Благородно, не спорю, да неразсудительно; онъ, вы говорите, толстъ и здоровъ, а вы молоды и малосмыльны;

прими дѣло другой оборотъ — осиротили бы своихъ родителей, а пользы никакой...

Тутъ Сутяговскій началъ поправлять на шеѣ свою орденскую ленту, а мы уѣхали.

21 июля.

Любопытно знать, какимъ способомъ распространяются новости въ уѣздныхъ городахъ? Этотъ вопросъ для меня занимательнѣе вопроса о Востоку. — Самые быстрые телеграфы, электрическіе, гальваническіе — какіе вамъ угодно, ничто передъ быстротою уѣздныхъ вѣстей. Положимъ, вы спали одни въ комнатѣ, никого не было даже въ сосѣднихъ покояхъ, и въ-продолженіе ночи раза два кашлянули; поутру, вы не успѣли выйти на крыльцо, вамъ мимоходомъ кланяется Борисъ Ивановичъ и спрашиваетъ:

— Каковъ вашъ кашель? легче ли вамъ?

• — Да кто вамъ сказалъ, что у меня кашель?

— Полно скрывать! весь свѣтъ это знаетъ; я заходилъ въ аптеку, тамъ уже часа полтора для васъ катаютъ пилюли.

— Ахъ они проклятые! кто ихъ просилъ?

— Именно проклятыя пилюли, хоть и изготовляются по рецепту патентованнаго медика Лейбы Францовича. Лучше, я вамъ совѣтую, напиться огуречнаго рассола — испытанное средство.

— Много благодаренъ!

— Не за что! Да, еще Александра Ивановна, проездомъ въ чужой уѣздъ, остановила меня на рынкѣ и говоритъ: «Скажите (тутъ она упомянула ваше имя и отчество) чтобъ поберегся, да пилъ липовый цвѣтъ съ патокою». — До свиданія! берегитесь. Охъ, перенесъ и я въ прошломъ году кашель!

Да, чудная вещь! пока вы спали, дух сплетень незримо прокрался въ вашу спальню, подслушалъ вашъ кашель и вынесъ его на свѣтъ Божій; вы спите, а за васъ уже не дремлютъ ближніе; катаютъ на вашъ счетъ пилюли; докторъ записалъ васъ въ свою приходную книгу; не только Борисъ Ивановичъ, но даже и Александра Ивановна уже знаетъ о вашемъ кашлѣ и, смотрите, черезъ недѣлю изъ чужаго уѣзда прѣдутъ дальніе родственники спорить о вашемъ наслѣдствѣ, а вы еще и не думаете умирать. — Непонятная вещь!

Еслибъ я былъ англичаниномъ, непременно назначилъ бы огромную премію тому, кто вычислитъ съ математическою точностью быстроту провинціальныхъ сплетней.

Первое знакомое лицо, которое попалось мнѣ на встрѣчу въ Р*, былъ мой милый Ш.; онъ обнялъ меня и поздравилъ съ добрымъ дѣломъ. Боже мой! ужъ и здѣсь всѣ знаютъ о томъ, что я вытащилъ изъ воды человѣка. Мы пошли съ батюшкою *въ ряды*; народу было множество; всѣ спрашиваютъ меня объ утопленникѣ, осыпаютъ меня нелѣпыми похвалами; они уже успѣли узнать, что человѣкъ, спасенный мною, называется Ивановымъ, что онъ богатый мѣщанинъ нашего города, перекрещенецъ изъ жидовъ и т. п. Знакомые указывали на меня пальцами людямъ незнакомымъ.

Не-уже-ли самое высокое чувство должно отравляться глупостью? Не-уже-ли святая минута восторга, которую я испыталъ, спасая жизнь ближняго, должна выкупиться оскорбительными часами безтолковаго удивленія праздною толпой, которая черезъ часъ еще съ большимъ вниманіемъ станетъ смотрѣть на канатнаго пясуна, удивляться его прыжкамъ, станетъ толковать

о немъ отъ-почего-дѣлать. Да и что тутъ необходимо-
веннаго — вытащить изъ воды утопающаго человѣка?
Не-уже-ли кто-нибудь изъ этихъ господъ могъ бы сме-
лобно смотрѣть на гибнущаго собрата и не подать ему
помощи?

22 июля.

И ома нѣтъ грудь разсѣтъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, вырывающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ!...

Да, уголь, пылающій огнемъ, пламенѣеть въ груди
моей. Чудные вопросы роятся въ умѣ моемъ: и что со
мною? и что я? и для чего я? и что такое жизнь
наша?... Одинъ извѣстный римскій писатель задалъ
себѣ остроумный вопросъ: *Quid est nostra vita?* (что
такое наша жизнь?) и самъ же отвѣчаетъ: *est forum*
in quo venditur et emitur (рынокъ, на которомъ про-
даютъ и покупаютъ).

Господи! какой прозаическій отвѣтъ: рынокъ, гдѣ
продаютъ и покупаютъ!!.. Какъ это отзывается въкомъ
паденія великаго царства, въкомъ, въ который изгнѣ-
женные потомки доблестныхъ, безкорыстныхъ римлянъ
съ разсвѣтомъ дня выходили за ворота своихъ велико-
лѣпныхъ домовъ, съ вѣсками въ рукахъ, и отдавали
проходящимъ въ-ростъ золото!... Нѣтъ, въ жизни есть
цѣль выше торгашества...

Какъ хороша сестрица Ш.! Сегодня меня Ш. звалъ
къ себѣ обѣдать; я немного опоздалъ. Вхожу въ пе-
реднюю — никого нѣтъ; въ сосѣдней комнатѣ обѣ-
даютъ, стучать тарелками, весело разговариваютъ...
«Я его люблю» говорилъ нѣжный, почти-дѣтскій го-
лосъ: «за его благородный поступокъ и желала бы ви-
дѣть...» Отворя дверь, я прервалъ начатую фразу.

— Легокъ на-поминѣ! закричалъ Ш.: — а мы думали, что ты измѣнишь, и сейчасъ только о тебѣ говорили. Рекомендую: это мои братья и сестры, а вотъ эта мечтательница — полно краснѣть! — сію минуту публично призналась, что тебя любитъ.

Меньшая сестра Ш., о которой онъ говорилъ, наклонилась къ тарелкѣ; густые, темные локоны почти закрывали все лицо ея, только по ярко-розовымъ ушкамъ можно было заключить о пожарѣ, который вспыхнулъ на лицѣ ея отъ словъ брата.

Но долго ли продолжается смущеніе женщины?

Черезъ нѣсколько секундъ она оправилась, подняла голову, рѣзво раскинула рукою кудри, улыбаясь, посмотрѣла на меня — и, Боже мой, какой отраднѣй, утѣшительнѣй ея взоръ!... Я весь затрепеталъ отъ этого взора... затрепеталъ отъ полноты восторга, какъ трепещетъ прозрѣвшій слѣпецъ, впервые увидя міръ Божій, какъ изгнанникъ, услыша пѣсню далекой родины.

Ея лицо мнѣ знакомо: я гдѣ-то видѣлъ его, и видѣлъ не разъ, если не на яву, такъ во снѣ; въ немъ много роднаго, близкаго моему сердцу; я гдѣ-то слышалъ ея рѣчи, эту чудесную музыку голоса человѣческаго; она мнѣ напомнила лучшія мѣста безсмертныхъ созданій Бетховена и Моцарта: въ нихъ отзывается ея рѣчами, — только отзывается, и отъ-того эти созданія такъ хороши! А тутъ сами ея упоительные звуки!... Мнѣ было невыразимо-хорошо, невыразимо-весело у Ш.. Послѣ обѣда я остался пить чай и сидѣлъ у нихъ весь вечеръ.

Пришелъ домой и вдругъ на меня нашла невыносимая тоска. Я легъ въ постель — жарко; отворилъ окно въ садъ — въ саду пѣлъ соловей; у самаго окна

цвѣлъ душистый кустъ фіалокъ... Не знаю, почему фіалки мнѣ напомнили *ее*, въ звукахъ соловья было сходство съ *ея* голосомъ... какая-то гармонія, успокаивающая душу.

Пой, соловей, пока ты свободенъ; быть можетъ, завтра сѣти человѣка опутаютъ тебя, и въ тѣсной клѣткѣ ты станешь повторять свои вдохновенныя пѣсни! Можетъ-быть, завтра и эти фіалки, сорванные жадною рукою, очутятся въ богатой фарфоровой вазѣ и, оторванные отъ роднаго корня, станутъ разливать предсмертное благоуханіе въ покояхъ богатаго. Можетъ-быть, и *она* — чудесное созданіе... Но нѣтъ, не-уже-ли какой-нибудь эгоистъ завладѣетъ этимъ сокровищемъ?!... Господи! и откуда такія черныя мысли? отчего эта душевная тревога? Давно уже соловей умолкъ, дремля около своей подруги, счастливецъ!... давно уже полночь; луна зажглась, все спитъ... а ко мнѣ не слетаетъ сонъ-утѣшитель...

23 іюля.

Сегодня я опять видѣлъ *ее*, слушалъ *ее* — словомъ, былъ счастливъ цѣлый день. Странное чувство овладѣло мною: отчего, когда подхожу къ ней, въ груди у меня что-то трепещетъ, будто пойманная птичка въ рукахъ охотника? хочу говорить. — голосъ прерывается, а между-тѣмъ я вездѣ найду *ее* по какому-то странному инстинкту: въ рядахъ, между сотнею соломенныхъ шляпокъ съ розанами, я безошибочно узнаю *ея* шляпку, такую же соломенную, съ такими же розанами, какъ и другія — отъ-чего это?

Не-уже-ли это любовь? не-уже-ли меня посѣтило это неразгаданное, таинственное, святое чувство, чувство, возвышающее человѣка до невозможности, си-

ла, хранящая весь міръ, альфа и омега благи Провидѣнія, сила, которая заставляетъ бездушный цвѣтокъ трепетать и склоняться къ другому, сдвигаетъ противоположные полюсы твердаго магнита, проявляется въ притягаемости разнороднаго электричества, влечетъ тучи небесныя къ землѣ и соединяетъ небо съ землею огненными нитями молніи; краеугольный камень нашей божественной религіи: «любите и враговъ вашихъ!» сказалъ Богъ устами человѣка...

Да, это ты, любовь! это ты, желанная гостыя! Я схороню тебя какъ драгоценность. Пусть теплится во мнѣ тихое, безпредѣльное чувство, я никому не скажу о немъ — ни другу, ни брату: они, можетъ-быть, улыбнутся, слушая меня, а и этого довольно, чтобъ возмутить непорочное чувство. Я не скажу *ей*: боюсь оскорбить *ее*; даже бумагъ не стану передавать всѣхъ сокровенныхъ помысловъ души моей... Теперь я понимаю глубину стиховъ Пушкина:

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Человѣкъ истинно-любящій не станетъ хвалиться любовью своею, не станетъ пить *ея* здоровье въ кругу товарищей, чтобъ не слышать любимаго имени, произнесеннаго нечистыми устами, чтобъ не подать повода никому даже думать о *ней*; нѣтъ, онъ одинъ, въ тишинѣ, какъ древній жрецъ, совершаетъ жертву своему идолу; онъ пьетъ *ея* здоровье отъ полноты души передъ Свидѣтелемъ, которому извѣстны всѣ тайные помыслы человѣка; я даже никогда не рѣшусь напи-

*

сать ния *ея*... Кто знает будущее? может-быть, чей-нибудь взоръ оскорбится, читая это ния. Оно всегда въ душѣ моей.

16 августа.

Вотъ уже и лѣто приходитъ къ концу: вездѣ жатва, вездѣ видно довольство — чудное время! Съ дѣтства я любилъ тихую семейную жизнь; и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на картинки прошедшаго вѣка, подписанныя *les douceurs de l'automne*; тамъ, въ саду, передъ дверью домика съ навѣсомъ, сидитъ за столомъ счастливое семейство; полныя кружки стоятъ на столѣ, два-три старика, разговаривая, курятъ трубки; прелестный ребенокъ играетъ на колыбельныхъ матери; хорошенькая, круглолицая дѣвушка срываетъ съ дерева яблоки, а молодой человекъ поддерживаетъ ее такъ лукаво... Она покраснѣла, какъ яблоко, которое держать въ одной рукѣ, а другою бьетъ по рукамъ дерзкаго шалуна; но это наказаніе сопровождается такою милою улыбкою, что самъ желаешь быть вѣчно наказаннымъ. Далѣе, видны виноградники; въ нихъ кипитъ веселая работа: кто обрѣзываетъ зрѣлые грозды, кто несетъ полную корзину плодовъ; другіе складываютъ виноградъ въ деревянные чаны; какой-то проказникъ опрокинулъ пустой чанъ на бокъ, усѣлся въ немъ, какъ въ будкѣ, и смѣется; въ сторонѣ двѣ дѣвушки хохочутъ и бросаютъ въ него виноградомъ.

Такъ, бывало, легко и весело, когда смотришь на подобную картину, забываешь, что эти поселяне нидать-ни-взять маркизы мужскаго и женскаго пола вѣка Лудовика XIV, что они въ чарикахъ, фижмахъ, въ розовыхъ бантикахъ, какъ фарфоровыя статуйки, полученные въ наслѣдство отъ покойнаго дѣдушки — все забываешь, глядя на картину тихаго счастья...

У насъ поля покрылись, какъ войскомъ, безконечными рядами копенъ хлѣба. Я всякій день хожу любоваться на полевья работы. Поселяне весело жнутъ и ожидаютъ съ восторгомъ праздника обжинковъ; говорить, онъ скоро будетъ.

20 августа.

Никогда Малороссія не была для меня такъ хороша, какъ теперь. Царь потребовалъ отъ нея казачьихъ полковъ — и вдругъ все зашевелилось: цѣлыя села готовы вооружиться, чтобъ исполнить желаніе своего государя. Гдѣ нужно взять пятьдесятъ человекъ рядовыхъ казаковъ, тамъ является сто охотниковъ; восемь полковъ выступили весною; теперь набираютъ резервы.

На-дняхъ въ уѣздномъ городѣ будетъ дворянское собраніе для выбора офицеровъ. Я имѣю ученую степень — она тоже офицерскій чинъ; попрошу согласія батюшки и матушки и пойду служить. Теперь война; сколько случаевъ быть полезнымъ отечеству! сколько случаевъ отличиться, сдѣлать добро!...

Одного я боюсь: если простой народъ, бросая свои мирныя занятія, стекается толпами подъ знамена, которыя далеко шумѣли громкою славою при ихъ предкахъ, стекается толпами, болѣе многочисленными, нежели нужно, то что будетъ въ дворянскомъ собраніи, куда явятся люди образованные? а у насъ осталось еще довольно дворянъ, служившихъ въ военной службѣ: имъ отдадутъ преимущество — тогда прощай мое желаніе, моя охота!

Я сказалъ батюшкѣ о своемъ желаніи служить въ казакахъ; онъ согласенъ. Мы завтра ѣдемъ на выборы.

21 августа.

Итакъ, я офицеръго малороссійскаго казачьяго полка. Сомнѣнія мои были напрасны... Маршалъ нашего уѣзда сидѣлъ уже въ собраніи, когда я вошелъ туда. Дворянъ было очень-довольно, чтобъ набрать офицеровъ на два полка; а тутъ шло дѣло о избраніи одного обер-офицера. Сутяговскій, пользуясь штаб-офицерскимъ чиномъ и старостью, переважно расхаживалъ и басилъ о пользѣ и важности выборовъ: «Если бѣ мнѣ не подагра, я не посмотрѣлъ бы на свою сѣдину — на коня и въ поле: все-таки придушилъ бы кого-нибудь; жена сама управилась бы съ картофелемъ, а винокурню въ аренду перекресту Иванову — человѣкъ хорошій, честный; это былъ бы второй я...»

Почтенный старичокъ-маршалъ почти дремалъ въ спокойномъ креслѣ; подлѣ него стоялъ письмоводитель, тощій, испитой человѣкъ съ головкою, загнутаю напередъ въ-родѣ крючка; вообще онъ былъ очень-похожъ на цвѣточный стебелѣкъ, убитый морозомъ. Письмоводитель принесъ списокъ; началось избраніе. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что большая часть дворянъ, находившихся въ собраніи, были то коллежскіе ассесоры, то майоры, то подполковники, то надворные совѣтники, а требовался обер-офицеръ; наконецъ дошло до мелкихъ чиновниковъ

Мой аттестатъ былъ прочитанъ и я провозглашенъ казачьимъ офицеромъ, ко всеобщей радости собранія Маршалъ всталъ съ кресла, дверь въ сосѣднюю комнату отворилась, и всѣ отправились завтракать, или, по словамъ маршала, перекусить послѣ трудовъ.

Через недѣлю будутъ готовы лошади, и мы выступаемъ въ походъ.

22 августа.

Обычай старины всегда для меня священны: въ нихъ отзывается патриархальная простота нашихъ предковъ. И нѣтъ, по-моему, лучше обычая и веселѣе праздника обжинковъ. Когда совершенно кончится жатва, поселяне и поселянки сплетаютъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ вѣнокъ, украшаютъ его цвѣтами и ягодами, выбираютъ изъ среды себя дѣвушку, лучшую по красотѣ душевной и тѣлесной, вѣнчаютъ ее этимъ золотымъ вѣнкомъ и съ пѣснями, нарочно сочиненными по случаю праздника, идутъ веселою толпою поздравлять помѣщика съ окончаніемъ полевыхъ работъ.

Еще съ утра батюшка увѣдомилъ близкихъ сосѣдей о праздникѣ. Къ обѣду пріѣхало нѣсколько человѣкъ гостей.

Стало вечерѣть; длинныя тѣни отъ нашего сада вытянулись по двору; верхи пирамидальныхъ тополей, бѣлыя трубы дома и крылья далекой вѣтряной мельницы вспыхнули красноватымъ цвѣтомъ; въ воздухѣ стало свѣжѣе, и вотъ далеко въ степи послышались пѣсни; звонко неслись онѣ съ широкой степи, все ближе, громче и громче, и наконецъ огласили весь дворъ. Разнохарактерная дворня высыпала со всѣхъ угловъ смотрѣть на веселыхъ поселянъ, которые довольно-тихо шли подъ пѣсню. Впереди, окруженная старѣйшинами села, шла, потупя въ землю глазки, царица праздника, премиленькая, быстрая брюнетка; на ней былъ вѣнокъ изъ золотистыхъ колосьевъ ржи, перевитыхъ, словно кораллами, пунсовыми гроздьями калины, что очень шло къ ея смуглому личику и чернымъ косамъ.

Мы вышли на крыльцо; дѣвушка подошла къ намъ, поклонилась въ-поясъ и, снявъ съ головы вѣнокъ, подала его батюшкѣ, а старики въ это время поздравляли съ окончаніемъ работъ; батюшка взявъ вѣнокъ, поцаловалъ его, поцаловалъ царицу праздника и, кланяясь, поблагодарилъ крестьянъ за ихъ лѣтніе труды. Пѣсни раздались громче прежняго... Мой отецъ-старикъ твердаго характера; но когда онъ положилъ вѣнокъ на столъ, свѣтлая слеза, какъ чистая росинка, засверкала, качаясь, на золотомъ колосѣ.

На дворѣ разставлены были столы и поселяне усьлись кушать. Послѣ обѣда или ужина—не знаю какъ назвать правильнѣе—у крестьянъ явилась скрипка; начались танцы. Мы пили чай въ залѣ: въ растворенныя окна съ чистымъ вечернимъ воздухомъ долетали къ намъ веселыя пѣсни, хохотъ и быстрый, звонкій стукъ подковъ. Высоко уже взошла луна, когда разошлись пировавшіе; мало-по-малу пѣсни умолкали на селѣ; сосѣди поужинали и разъѣхались; послѣдняя удалилась бричка Петра Федоровича, стуча и дребезжа всеми членами. Вотъ ея стукъ замеръ въ отдаленіи—все спять, а мнѣ опять не спится... Странное дѣло! дѣвушка въ вѣнкѣ напомнила мнѣ *ее*; не то, чтобы она была похожа—нѣтъ, а такіе же волосы, такого же цвѣта глаза, почти такой же ростъ—и этого довольно! вся кровь прилегла у меня къ сердцу. Не-уже-ли я *ее* не увижу? а дней чрезъ пять я долженъ уѣхать, и, можетъ-быть, на всегда!

24 августа.

Она здѣсь; да, здѣсь! Я не вѣрю глазамъ своимъ; я опять видѣлъ *ее*, опять слышалъ очаровательные звуки ея голоса. Сегодня мы все сидѣли за круглымъ сто-

ломъ и пили чай; батюшка курилъ трубку и рассказы-
валъ мнѣ, какъ военному человѣку, о взятіи Очакова;
меньшіе братья жались ко мнѣ отъ страха, слушая, какъ
турки, отъ-нечего-дѣлать, обрѣзывали своимъ плѣнни-
камъ носы и уши; матушка сквозь слезы посматривала
на меня; сестра оканчивала кошелѣкъ мнѣ на дорогу;
вдругъ къ крыльцу подъѣхала коляска и изъ нея вы-
шелъ Ш. съ братомъ и сестрою. Я не помню, чтобъ я
когда-нибудь обнималъ Ш. такъ, какъ въ эту минуту.
Семейство Ш. ѣдетъ къ одному своему родственнику,
живущему въ нашемъ уѣздѣ, и мой добрый товарищъ
очень кстати заѣхалъ увидѣться со мною. Узнавъ, что я
скоро иду въ походъ, они согласились прожить у насъ
до моего отъѣзда.

27 августа.

Прошли три дня, какъ три минуты... Она дивно-хо-
роша!... А завтра день моего отъѣзда... Ужь все гото-
во; мой быстрый черкесъ подкованъ, пистолеты вычи-
щены, добрая тройка выкормлена; завтра прощай все,
что мило и дорого сердцу! Кто знаетъ, что застаю я,
возвратясь на родину, и когда возвращусь? да и возвра-
щусь ли?... Прочь, темныя мысли! Скоро я обниму от-
ца и матушку, покажу имъ георгіевскій крестъ... Она
меня любить!... Сегодня мы гуляли по саду:

— Вы завтра уѣзжаете непременно? сказала она.

— Да, грустно отвѣчалъ я.

Мы замолчали и прошли длинную аллею. Потомъ я на-
чалъ что-то говорить, самъ не понимая хорошенько, что
такое; тогда оно казалось очень-умно и складно, а какъ
припомню — выходитъ удивительная чепуха; она тоже
говорила о постороннихъ вещахъ, но такимъ голосомъ,
такой смысль выходилъ въ рѣчахъ ея, что я ободрился

и подарилъ ей на память вѣточку помыли. Сать не жалею, какъ я рѣшился на подобную дерзость; отдалъ вѣточку и сейчасъ же готовъ былъ отнять ее, готовъ былъ провалиться сквозь землю, боялся поднять глаза, чтобъ не увидѣть, какъ моя вѣточка, небрежно снятая, съ улыбкою будетъ брошена на землю и съ нею кинется мое счастье, покой, будущность. Я слышалъ, что женщины всегда, улыбаясь, дѣлаютъ подобныя вещи.

Мы вчера читали «Селянгъ», роскошный языкъ цвѣтовъ, и еще III. очень сѣлся, что помыли дано значеніе:

Твой образъ, забывавсь словъ,
Съ послѣдней мыслию сливаю.

Но помыль не брошена; къ ней прибавлено два или три мелкіе цвѣточка—и этотъ букетъ былъ цѣлый день приколотъ къ ея груди.

Вечеромъ она подошла къ роскошному кусту цвѣтущихъ камелій, сорвала одинъ цвѣтокъ и робко отдала мнѣ на память. Я пришелъ въ свою комнату, схватилъ «Селянгъ», началъ быстро отыскивать камелію...

Передо мною мелькали: анемонъ, акація, барбарисъ, вѣтренница, василѣкъ, гвоздика и проч. и проч. Вотъ и камелія... тутъ я прижалъ пышный цвѣтокъ къ губамъ своимъ—камелія: *я люблю тебя*. Я еще разъ прочелъ, не вѣря самъ себѣ... точно, напечатано: *я люблю тебя!* Я пишу, и камелія лежитъ передо мною; ея лепестки, кажется, вытягиваются ко мнѣ, кажется, шевелятся... кажется, шепчутъ: «я люблю тебя». Люблю! какое гармоническое слово! сколько мягкости и нѣги въ этомъ словѣ! какъ очаровательно должно быть оно въ устахъ ея! Еслибъ мнѣ удалось услышать отъ нея мелодическіе звуки этого слова!...

28 августа.

Сегодня я простился съ роднымъ домикомъ. Отслужили молебень, матушка надѣла мнѣ на шею образъ Спасителя, отецъ благословилъ меня саблею, съ которою онъ во время Екатерины впереди своихъ храбрыхъ гусаръ вѣзывался въ турецкія колонны и казачествовалъ въ отечественную войну. Я обнялъ отца, матушку, братьевъ, сестеръ, милаго Ш., поцаловалъ ея ручку, которая видимо затрепетала въ моей рукѣ, и поскакалъ на тройкѣ. Я скоро догналъ казачій отрядъ, выступившій уже въ походъ.

1 сентября.

Третій день мы идемъ, и нашъ походъ очень похожъ на торжественное шествіе: вездѣ народъ встрѣчаетъ насъ съ восторгомъ; ненужно посылать впередъ квартиргеровъ: старшины казачьихъ селъ, куда мы приходимъ на ночлегъ, на-перехватъ приглашаютъ казаковъ на квартиры, кормятъ ихъ, кормятъ лошадей, и ни за что не хотятъ брать ни гроша. Это пріятно, но утомительно; такой незаслуженный триумфъ несносенъ: дѣло другое, еслибъ мы возвращались побѣдителями... Когда бы скорѣе попасть въ непріятельскую землю!

2 сентября.

Вѣчно мнѣ ничего не удастся! Пришедши въ городъ П***, я уже засталъ приказъ остановиться и дожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Очень весело стоять въ дрянномъ городкѣ, гдѣ даже нѣтъ порядочнаго трактира пообѣдать, а-какая-то скверная харчевня! Для перваго моего дебюта въ харчевнѣ ничего болѣе не отыскалось, кромѣ жареной курицы и половины поросенка, вѣроятно завяленныхъ на медлен-

номъ огнѣ въ средніе вѣка за еретичество. Эти кушанья представили въ лицахъ поговорку: «видитъ око, да зубъ нейметъ». Спросилъ чаю — мнѣ дали сбитню, и какая-то скверная рыжая борода, называвшая себя хозяиномъ харчевни, смѣетъ еще увѣрять, что это чай, и что почти всѣ семинаристы пьютъ его подъ этимъ названіемъ. А тутъ еще нѣтъ квартиры! Это уже не казачье село, а городъ; здѣсь уже никакого толку не добьешься. Едва ночью показали квартиру, и я голодный легъ спать.

10 сентября.

Вотъ уже недѣля, какъ стоимъ въ П***, а о походѣ и слуха нѣтъ. Тамъ люди получаютъ почести, отличія и славныя раны за отечество, а здѣсь изволь сидѣть да скучать. Городъ осмотрѣлъ въ два часа; раза три ходилъ къ Днѣпру: отъ воды сыро; наступаетъ осень, погода дѣлается холоднѣе...

Вчера ко мнѣ явился мой хозяинъ, человекъ очень фантастическій, въ сѣрыхъ брюкахъ и въ синей венгерской курткѣ; его маленькая головка постепенно суживалась и, выдвигаясь впередъ, перешла въ большой красный носъ, отчего мой хозяинъ очень похожъ на птицу, называемую дубельшнепомъ; онъ улыбался, то есть, приподнявъ немного кверху носъ, оскаливъ зубы и, кланаясь, поставилъ на землю порядочной величины гробъ, который принесъ подъ мышкою.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Ничего, милостивѣйшій государь. — Я полагаю, вамъ должно быть скучно, и принесъ вамъ утѣшеніе.

«Хороша утѣха» подумалъ я и сказалъ:

— Согласенъ, что это утѣшеніе для всякаго христіанина, но...

— Извините, милостивый государь, и до христіанства у іудеевъ это было въ большемъ употребленіи, какъ средство, разгоняющее темныя мысли.

— А иногда, я полагаю, и нагоняющее...

— Извините, милостивый государь.

— По-крайней-мѣрѣ я бы просилъ васъ избавить меня отъ этого страннаго утѣшенія. Смотрѣть на гробъ, хотя онъ и выкрашенъ, какъ вашъ, для меня неочень пріятно.

— Хе-хе-хе! государь мой любезный! вы не поняли дѣла; оно сходственно, да совѣтъ не то; это доброгласныя гусли.

Тутъ онъ поставилъ свой ящикъ на столъ, поднялъ крышку, и я засмѣялся своей ошибкѣ; это были точно гусли; мой хозяинъ попросилъ позволенія сыграть и забавлялъ меня цѣлый вечеръ.

4 октября.

Вотъ и мѣсяць, а о походѣ и слуха нѣтъ; война, говорятъ, утихаетъ. Не-уже-ли придется кончить службу, не выходя изъ П***? Здѣсь умрешь со скуки. Жизни, однообразіе моей, и выдумать невозможно. Рано поутру выслушаешь донесенія урядника, поѣдешь на конюшню: тамъ лошади ѣдятъ овесъ; монотонный звукъ отъ ихъ челюстей, жующихъ зерна, уже нагоняетъ скуку. Возвратясь домой, пьешь чай, долго пьешь — часа два, чтобъ убить время; потомъ стрѣляешь въ цѣль изъ пистолетовъ, тамъ обѣдаешь; послѣ обѣда или свисшишь, или, глядя въ окно, барабанишь по стекламъ пальцами, пока не настанетъ время отправиться на конюшню; на конюшнѣ по-старому слышишь, что «все обстоитъ благополучно», и лошади опять ѣдятъ овесъ. Приѣдешь домой, напьешься чаю, поучишь часъ-другой

собаку носить повеску, и спать вара. Завтра то же, то же и то же!...

Еще, пока было теплое, меня веселили какие-то два ученика въ тиковыя халаты удивительныя дутомъ: у меня передъ окномъ растетъ пребольшая шелковица; каждый день, бывало, при солнечномъ закатѣ являлися два ученыя существа, одно лѣтъ шестнадцать или семнадцать, а другое лѣтъ двѣнадцать. Старшій ученый усадется, бывало, въ полдерева верхомъ на толстомъ суку и, болтая ногами, звучнымъ баритономъ начинаетъ спрягать латинскій глаголъ *ато*, а меньшой взберется на самый верхъ шелковицы, совершенно укроется въ вѣтвяхъ — только и видишь изъ зелени одну торчащую книжку въ красномъ переплетѣ — и самымъ пронзительнымъ дискантомъ распѣваетъ какое-то греческое склоненіе. Да какъ припустить, бывало, вдвоємъ — истинная музыка! Ни одна баба не пройдетъ мимо двора, не остановясь минуты на двѣ, чтобъ послушать иностраннаго пѣнія.

— Съ трудомъ дается наука, милостивѣйшій государь мой! всегда, бывало, скажетъ мой хозяинъ, поглаживая красный носъ, когда услышитъ латино-греческій дуеть. — Смѣю вамъ доложить, что лучше бѣ согласился пахать землю, нежели пѣть подобнымъ образомъ по деревьямъ.

Теперь я лишился и этого удовольствія; осень обрвала почти всѣ листья на деревѣ, вечера стали холодные и пѣвцы сокрылись невѣдомо куда. Хозяинъ и его гусли мнѣ стали противны: всякій день играетъ одно и то же; выпросить у меня стакана два пуншу, напьется и начнетъ пѣть такія гадости, что слушать отвратительно...

Уже начались мелкіе осенніе дожди и цѣлый день не выпускаютъ изъ комнаты; въ городѣ нѣтъ ни одной книжной лавки, хоть улицы полны такъ-называемымъ ученымъ народомъ, а винныхъ погребовъ, кажется, около десятка. Я очень жалѣю, что не взялъ съ собою изъ дома ни одной книги; приказалъ своему челоуѣку говорить сказки, да у него какія-то лакейскія сказки — все барыни, да господа, да нѣмцы... Чтò ты мнѣ не рассказываешь про Бабу-Ягу, про Змѣя Горыныча, про Гаркушу, про Наливайку?... «Все это, сударь, мужицкія сказки, я такихъ не знаю...» Чтò съ нимъ дѣлать? Вотъ полупросвѣщеніе! вретъ нелѣпости на новый ладъ и знать не хочетъ старины! Толковалъ ему, толковалъ — ничего не понимаетъ!

4 декабря.

Наконецъ я опять дома, въ своей деревнѣ, въ кругу своего семейства! Наши резервы распущены по домамъ. Вотъ и конецъ моей службѣ! Какая злая насмѣшка судьбы надо мною! Гдѣ мой крестъ? гдѣ моя слава? чтò я сдѣлалъ полезнаго? Мнѣ совѣстно смотрѣть на людей. Мой походъ похожъ на гору, родившую мышонка; я разыгрывалъ роль синицы, которая собиралась зажечь море. Рыцарская страсть къ приключеніямъ, жажда опасностей и славы — все это дало результатъ: изъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ убійственной скуки и горечи разочарованія, одна польза — опытъ.

138., 4 января.

Часто, улыбаясь, смотрѣлъ я на танцы и мысленно повторялъ извѣстный стихъ:

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Люди, кажется, и порядочные, и говорятъ довольноно-

умно, и знаютъ приличія — мужчины не стануть ни прыгать по комнатѣ отъ скуки, ни свистѣть за столомъ, дамы ходятъ тихо, плавно, будто боясь вывихнуть себѣ ногу, все опускають глазки, ни на волосъ изъ устава *Куту* китайцевъ о десяти тысячахъ церемоній; заиграла музыка, эти люди стали въ кружокъ — и пошла потѣха! Замахали руками, зашаркали ногами, засуетились, запрыгали. Кто скачетъ прямо, кто бочкомъ, кто толчется на одномъ мѣстѣ; да всѣ такъ храбрятся, точно воробьи надъ просыпанною крупой.

Уморительно-смѣшно! А теперь я самъ танцую съ утра до вечера, съ вечера до утра... Согласенъ, что танцовать, такъ, лишь бы танцовать съ кѣмъ попало, для *vis-à-vis*, для компаніи, и т. п. — мученіе; танцовать съ дамою, которую не только любить, но даже уважать не можешь — жесточайшая казнь; но танцовать съ *нею*, кружиться подъ волшебные звуки вальса Штрауса въ какомъ-то обаятельномъ мірѣ фантазіи, забывая и людей, окружающихъ меня, и все, кромѣ *ея*, держать это чудное созданіе въ объятіяхъ, чувствовать какъ бьется, трепещетъ подъ рукою сердце, за которое радъ бы отдать и мечты прошедшаго, и будущность, пить *ея* дыханіе, слышать легкое прикосновеніе *ея* кудрей къ лицу вашему, обдающее васъ электрическимъ огнемъ — верхъ блаженства! Выносить всю нѣгу этихъ ощущеній можетъ душа любящая, но передать ихъ — никто!... Съ недѣлю какъ *она* пріѣхала съ своими родными и гоститъ у насъ, и я, прежде танцовавшій только для приличія, сдѣлался страстнымъ охотникомъ до танцовъ — все почти танцую съ *нею*.

Какъ *она* добра и умна! Матушка моя очень полюбила *ее*, а она полюбила мою маменьку. Съ дѣтства ли-

шенная отца и матери, *она* круглая сирота; ей любо отогрѣть душу любовью.

1 мая.

Настала весна. Весело щебечуть въ полѣ жаворонки, цвѣтуть подснежники, зазеленѣли рощи, зацвѣли сады; соловей прилетѣлъ уже и цѣлыя ночи поетъ свои страстные пѣсни; все живетъ, все радуется, а мнѣ скучно...

Какъ весело встрѣчалъ я весну, будучи ребенкомъ! какъ меня радовала первая травка, зазеленѣвшая на пригоркѣ! я съ восторгомъ встрѣчалъ южныхъ гостей — перелетныхъ птицъ. Природа и теперь все та же; отчего же мнѣ грустно? Какое тяжелое чувство тѣснить грудь мою и слезы готовы брызнуть изъ глазъ? Отчего это? Я не бѣденъ, отецъ и мать мои живы и такъ любятъ меня; а люблю *ее* и любимъ — не верхъ ли это благополучія? Женюсь и стану жить въ тишинѣ и спокойствіи... Нѣтъ, я такъ люблю *ее*, что не могу теперь жениться... Какое имя я принесу ей? *дѣйствительный студентъ!*... Это значить унизить *ее* предъ уѣздною спѣсью, такъ овладѣвшею моими землячками, что нѣкоторые даже подписываются на пріятельскихъ запискахъ: *майорша и кавалерша* N. N. и проч. въ родѣ этого. Нѣтъ, я долженъ служить, сдѣлаться хоть чѣмъ-нибудь, и тогда... Да и батюшка мнѣ это совѣтуетъ; а я не хочу быть ослушникомъ его воли... Мнѣ необходимо служить; я долженъ употребить на пользу отечества мои познанія.

Въ военную службу я теперь ни за что не пойду; война кончилась: что я буду дѣлать? опять закочую изъ села въ село, изъ городка въ городишко; скучать или волочиться за дочками помѣщиковъ, чтобъ отъ-не-

чего-дѣлать какъ-нибудь убить праздное время? Нѣтъ, я переищу саблю на перо, поѣду въ столицу, въ Петербургъ: тамъ широкое поле для умственной дѣятельности, тамъ столько министерствъ, тамъ я съ пользою употреблю мои познанія.

Рѣшено: ѣду въ Петербургъ. Года два, много три — и я надѣюсь отличиться; я постараюсь укоротить, облегчить дѣловыя переписки; профессоръ правъ такъ много намъ толковалъ о нихъ; я ночей не стану спать... Я достигну чего-нибудь и возвращусь домой. Тогда какъ будетъ приятно съ гордостью подать ей руку и сказать: «все для тебя!...» Ёду, ёду, въ Петербургъ! тамъ же есть братъ моей матушки, человѣкъ въ чинахъ, давно уже дѣйствительный статскій совѣтникъ. Батюшка говоритъ, что онъ его когда-то отправилъ на свой счетъ въ Петербургъ... Ну, да это въ сторону; довольно, что онъ братъ моей безцѣнной матери. Я пріѣду, обниму этого добраго старичка, передамъ вѣсти о матушкѣ, о нашемъ житѣ, о своихъ надеждахъ; онъ вѣрно не оставитъ меня на первый разъ своимъ совѣтомъ и покровительствомъ.

10 мая.

Несносный Сутяговскій былъ у насъ и мучилъ цѣлый день своими хитрыми и злыми разсказами. Когда смотрю на него, невольно приходятъ на умъ стихи Пушкина:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Намеки его на мою праздную жизнь нестерпимы; я сказалъ ему, что ѣду въ Петербургъ: ему, кажется, это досадно. Онъ ворчалъ батюшкѣ о высокомеріи моло-

дыхъ людей, о выгодѣ служить сначала въ уѣздномъ казначействѣ и постепенно переходить даже до сената, гдѣ можно, дослужась до секретаря, быть *человѣкомъ* — да я и не слушалъ его вздора.

Сегодня пріѣзжалъ Ивановъ; онъ разсыпался передо мною въ благодарностяхъ; говорилъ, что онъ обязанъ мнѣ жизнью и просилъ моего батюшку дать ему въ залогъ нашу деревню на какія-то соляныя озера, обѣщая за это заплатить за крестьянъ подати. «Мнѣ, говоритъ, многіе съ радостью дадутъ имѣнія для этой операціи; но, какъ я обязанъ вашему сыну жизнью, то хочу какъ-нибудь быть вамъ полезнымъ, хоть ващимъ крестьянамъ. Это дѣло моей совѣсти, позвольте облегчить ее; а между-тѣмъ и вы дадите мнѣ возможность получить огромныя выгоды и составите счастье моихъ дѣтей». Отецъ мой согласился и даетъ Иванову довѣренность. Сутяговскій очень одобряетъ это и, по своему образу мыслей, сказалъ, что можно бы еще было сорвать съ Иванова тысячу-другую.

30 мая.

Вчера я простился съ *нею*. Это было на степномъ хуторѣ ея дяди, гдѣ все семейство Ш. гоститъ теперь. Часу, въ десятомъ утра *она* пошла въ степь искать полевой земляники; я пошелъ съ ружьемъ стрѣлять перепелокъ и нашелъ ее около версты отъ хутора.

Утро было чистое, ясное; мы сѣли въ долину; все вокругъ улыбалось; цвѣты весело помахивали головками; душистый чаберъ благоухалъ въ долину. Грустно сидѣли мы; я рассказалъ *ей* необходимость поѣздки въ Петербургъ. Судорожно обняла меня *она*, какъ-бы боясь выпустить, потомъ, склонясь на грудь мою, тихо заплакала... Я тоже плакалъ... Горьки были для меня эти

минуты, тяжело было на душѣ моей, а вокругъ все было свѣтло, весело: птички пѣли, ароматные цвѣты ярко пестрѣли. Мы немного успокоились, поклялись въ вѣчной любви и обмѣнялись кольцами. На небѣ не было ни облачка; но когда *она* стала надѣвать мнѣ на руку свое колючко съ незабудкою, вдругъ на лицо ея набѣжала тѣнь — мы разомъ вздрогнули, взглянули вверхъ: надъ нами вился степной коршунъ. Кто бы могъ повѣрить, что такое ничтожное твореніе могло заставить насъ затрепетать отъ неизвѣстнаго страха?...

Нѣсколько минутъ мы сидѣли неподвижно, смотря другъ на друга; я еще разъ обнялъ *ее*, наконецъ оторвался отъ прощальнаго поцалуйа и побѣжалъ въ степь; *она* тихо возвратилась на хуторъ. Къ обѣду мы сошлись оба печальные, а послѣ обѣда я уѣхалъ.

15 іюня.

На-дняхъ я выѣду въ Петербургъ; мнѣ приготовили хорошую дорожную брику на рессорахъ; ѣхать будетъ спокойно; долго ли проскакать полторы тысячи верстъ? Черезъ недѣлю я увижу нашу приморскую столицу, увижу новый свѣтъ; образованность, науки, искусства — все тамъ имѣетъ свою цѣну. Чудный городъ!... что ты готовишь мнѣ?

Почепкина станція. 23 іюня.

Давно ли — еще сегодня утромъ я былъ окруженъ милыми моему сердцу — и вотъ я одинъ брошенъ въ свѣтъ; съ каждою минутою удаляюсь отъ знакомыхъ мѣстъ моего счастливаго дѣтства и беззаботной жизни, и приближаюсь Богъ-знаетъ къ чему, къ худому ли, къ доброму ли, во всякомъ случаѣ къ могилѣ. Когда я отправлялся въ походъ на войну, гдѣ готовъ былъ

всякую минуту стать лицомъ-къ-лицу смерти, я не грустилъ ни мало, мнѣ было весело; отчего же теперь грущу? Отчего я такъ плакалъ, въ послѣдній разъ обнимая добрыхъ моихъ родителей? отчего мнѣ безпрестанно мерещется этотъ проклятый, зловѣщій коршунъ, съ распущенными крыльями, съ раздвинутыми когтями, висящій надо мною?

Выѣхавъ изъ дома, я все смотрѣлъ назадъ, пока не скрылась изъ виду наша деревня; долго еще была видна вершина пирамидальнаго тополя; подъ нимъ еще вчера мы весело пили чай... вотъ и онъ скрылся изъ виду; я вздохнулъ, прилегъ на подушку и подъ однообразную пѣсню моего ямщика:

Какъ жена бала мужа
Да еще пошла на него жаловаться,

вздремнулъ. Въ минуту я былъ въ какомъ-то безграничномъ храмѣ; тамъ множество народа; вотъ батюшка, матушка, братья и сестры; бѣгу къ нимъ — они отъ меня отодвигаются; далѣе, въ нишѣ, стоитъ она, въ вѣнчальномъ нарядѣ; я къ ней, хватаю ее за руку — она отнимаетъ руку, строго смотритъ на меня... я кличу ее по имени, спрашиваю: узнаешь ли ты меня? — она презрительно улыбается и говоритъ: «я, *васъ* не знаю». Я вздрогнулъ и проснулся... Какой нелѣпый сонъ!...

Вотъ я уже три часа сижу на станціи; долговязый писарь говоритъ: «нѣтъ лошадей». — «Не вѣрьте ему бездѣльнику» говоритъ какой-то проѣзжій, котораго я засталъ здѣсь: «онъ на водку хочетъ. Вотъ я шестой разъ сижу на этой дурацкой станціи и ни разу не выѣхалъ, не давъ четвертака этому пьяницѣ — вотъ онъ чего

хочеть!...» Пришелъ еврей, содержатель станціи, под-
нялся крикъ, ссора, споръ — писать невозможно.

7 іюля.

Къ безчисленному множеству мшвоовъ, порожденныхъ
просвѣщеніемъ, должно также отнести и прославленную
быструю русскую почтовую ѣзду. Четырнадцать сутокъ
ѣду день и ночь, и не могу проѣхать полторы тысячи
верстъ: то нѣтъ лошадей, то лошади не везутъ... А
безпрестанныя неприятности, просьбы ямщиковъ и ста-
рость на водку, а рублевья порціи телятины, которыхъ
мало десяти человѣку позавтракать — все это нестер-
пимо.

Здѣсь встрѣтилъ меня человѣкъ въ родѣ откормлен-
наго кабана, въ красной рубахѣ, съ рыжею бородою, съ
претолстою шею, сквозь которую едва пробивается
хриплый голосъ: это былъ самъ староста. Онъ посмо-
трѣлъ на мою подорожную и посоветовалъ мнѣ идти въ
гостиницу, потому-что лошадей нѣтъ. Я отыскалъ смо-
рителя и подалъ подорожную.

— Надобно спросить у старосты, сказалъ онъ.

— Я старосту видѣлъ.

— Чтò же онъ?

— Говорить: нѣтъ лошадей.

— Вотъ видите! Я вамъ говорю: гонъ ужаснѣйшій!...

Хоть сами посмотрите въ книгу... у меня каждая ло-
шадь записана.

— Скоро ли будутъ лошади?

— А Богъ знаетъ. Часовъ черезъ шесть, можетъ,
соберемъ, если кто не подоспѣетъ по казенной.

— А если подоспѣетъ, то мнѣ опять придется
ждать?

— Дѣлать нечего, у насъ иногда сутокъ по двое сидять: подь столицею разгонъ всегдашній. Бейся, бейся, какъ рыба объ ледъ— бѣдовое дѣло!

— Нѣтъ ли у васъ своихъ лошадей?

— Куда намъ держать! служимъ изъ хлѣба; а если хотите, здѣсь есть вольный извозчикъ, у него лошади знатныя: мигомъ васъ доставить въ Питеръ.

— Ради Бога, пошлите за нимъ.

— Только онъ менѣ сорока рублей не возьметъ за тройку.

— Богъ съ нимъ, лишь бы доставилъ скорѣе.

— Такъ вы пожалуйста деньги, я ему отдамъ.

— Возьмите.

Добрый старичокъ смотритель! Онъ взялъ деньги, открылъ окно и закричалъ! Оумка, живѣе барину тройку! Пожалуйте вашу подорожную.

— Для чего жъ это? вѣдь я поѣду на вольныхъ.

— Конечно; но все, знаете, оно безопаснѣе; вы уѣзжаете изъ станціи, надобно беречь себя.

— Развѣ здѣсь шалать?

— Богъ миловаль; а на всякій случай не мѣшаетъ, знаете, ради острастки.

Смотритель, записавъ подорожную, отдалъ мнѣ ее, приговаривая: «Вотъ такъ лучше! Ну, теперь съ Богомъ». Добрый человекъ этотъ смотритель!

8 июля.

Много радости приносить намъ фантазія, а еще больше печалей. Какъ сравнишь мечту съ дѣйствительностью — вѣчный проигрышъ на сторонѣ послѣдней, и человекъ—постоянная жертва разочарованія. Я въ Петербургѣ, и недоволенъ имъ! Моя фантазія состроила

идеаль этого города; существенность не подошла къ идеалу, и Петербургъ мнѣ не нравится. Я ожидалъ гораздо лучшаго... Нештукатуренные дома некрасивой архитектуры, въ родѣ фабрикъ, поразили глаза мои не-приятнымъ ощущеніемъ. Даже, мнѣ кажется, мало въ немъ жизни, мало движенія для столицы. Впрочемъ, я не видѣлъ еще главной улицы — Невскаго проспекта. На этой улицѣ живетъ мой дядюшка. Завтра приѣдусь и поѣду къ нему.

9 іюля.

Я приѣхалъ къ дядюшкѣ въ 10 часовъ утра. «Его превосходительство изволятъ почивать», сквозь зубы проворчалъ мнѣ надутый лакей и хлопнулъ передъ носомъ дверь. Прихожу въ одиннадцать: «чай кушаютъ!» отвѣчаетъ таже ливрейная кукла.

— Доложи, братецъ, что я племянникъ генерала приѣхалъ изъ губерніи и привезъ ему отъ родной сестры письма.

Лакей окинулъ меня глазами съ головы до ногъ и, указавъ рукою на дверь, ведущую въ пріемную, сказалъ: «обождите тамъ».

Цѣлый часъ бродилъ я по комнатѣ, разсматривая эстампы, висѣвшіе на стѣнахъ, и не переставая удивляться, отчего бы дядюшкѣ не пригласить меня выпить съ нимъ чашку чаю. Ударило двѣнадцать; лакей отворилъ дверь въ гостиную и просилъ меня войти.

Дядюшка въ виц-мундирѣ, съ звѣздою на груди, сидѣлъ на диванѣ; возлѣ него въ креслѣ почти лежалъ молодой гвардейскій офицеръ, а возлѣ офицера сидѣла дѣвушка блѣдная, худая, перетянутая до-нельзя, очень похожая на стрекозу. При первомъ взглядѣ на дядюшку, меня оставила мысль броситься къ нему на шею. Это

былъ чопорный старикъ, одѣтый съ изысканностью, съ бѣлымъ фарфоровымъ лицомъ, безъ жизни, безъ выраженія. Когда я ему отдалъ письма, онъ, не читая ихъ, подавъ мнѣ два холодные, какъ ледъ, пальца и хладнокровно проговорилъ: — Очень радъ, садитесь. Вы, вѣроятно, пріѣхали на службу?

— Точно такъ.

— Здѣсь чрезвычайно-трудно доставать мѣста по статской службѣ.

Тутъ вбѣжалъ въ комнату какой-то чиновникъ и низко поклонился дядюшкѣ; дядюшка обнялъ его, усадилъ на диванъ и началъ толковать о вчерашнемъ

Мой дядюшка одушевился, глаза его какъ-то задвигались скорѣе; онъ засыпалъ своего гостя сюркупамъ, онѣрами; три левэ, два левэ, четыре левэ такъ и лились съ языка. Противникъ не плошалъ и быстро отстрѣливался фразами въ родѣ: тузъ, король и дама самъ-пять.

Дѣвушка шепталась съ офицеромъ, смѣялась и изрѣдка посматривала на меня въ лорнетку. Кажется, мой провинціальнѣйшій костюмъ очень тѣшилъ ее: такъ, крайней-мѣрѣ, я заключилъ изъ немногихъ словъ, долетѣвшихъ до меня; а офицеръ держалъ оппозицію, увѣряя, что въ Польшѣ, во время похода, онъ видѣлъ много подобныхъ оригиналовъ, что это въ провинціи въ модѣ. Вѣроятно, язычокъ милой дѣвицы уже слишкомъ заѣхалъ далеко: она сдѣлала какое-то замѣчаніе на ухо офицеру и, лукаво кивая головкою, громко сказала: *n'est ce pas?* а тотъ прехладнокровно отвѣчалъ: *je crois que non.*

— *Dites encore, que la neige n'est pas blanche!* съ сердцемъ скоро проговорила дѣвушка, сжала отъ злости губки, отворотилась отъ офицера и, презрительно посмотрѣвъ на меня, вышла изъ комнаты.

Офицеръ не тронулся съ мѣста, только зѣвнулъ.

Видя, что мною никто не занимается, я раскланялся. Дядюшка на этотъ разъ не подалъ мнѣ и одного пальца, только сказалъ, слегка кивая головою: «Когда устроитесь, извѣстите меня: мнѣ будетъ пріятно слышать; да кланяйтесь вашимъ родителямъ, если будете писать». Въ передней я спросилъ слугу:

— Кто эта дѣвушка и офицеръ?

— Это дѣти его превосходительства.

— А гость во фракѣ?

— Сочинитель Единороговъ.

— Чтò же онъ сочиняетъ?

— Не могу доложить. Кажется, онъ намъ сказывалъ, пишетъ исторію дома его превосходительства. Писать лишь бы охота, а домъ большой, съ флигелями, съ конюшнями...

Грустно я вышелъ на улицу. Мой дядюшка человекъ надутый; его дѣти—жалкія, пустѣйшія созданія! Никогда нога моя не будетъ въ этомъ домѣ. Еслибъ мнѣ пришлось умереть на улицѣ отъ холода, я не укроюсь у него подъ воротами. Гдѣ радушный пріемъ, о которомъ я мечталъ всю дорогу? гдѣ, наконецъ, благодарность? Опять разочарованіе!...

8 августа.

Вотъ уже мѣсяцъ живу я въ Петербургѣ; всѣ мои занятія—обѣдъ, сонъ и прогулка. Чѣмъ болѣе узнаю я Петербургъ, тѣмъ болѣе ему удивляюсь. Очаровательный городъ!... Острова его — заглядѣнье. Еслибы холодная сырость, проникающая васъ по закатѣ солнца, не напоминала о близкомъ сосѣдствѣ съ Лапландіей, можно бы подумать, что находишься подъ небомъ счастливой Италіи: кругомъ прелестныя рѣчки съ зелеными берегами;

въ ихъ чистыя воды глядятся изящно-красивыя домики, тѣнистыя сады, цѣлый мѣръ цвѣтовъ Вы идете; пахнулъ вѣтерокъ и обдалъ васъ благоуханіемъ цвѣтущихъ померанцовъ. На чистой площадкѣ сада, усыпанной бѣлымъ пескомъ, вы видите извѣстную статую Меркурія флорентинскаго, онъ вылетаетъ изъ куста прекрасныхъ синихъ колокольчиковъ.

Персть указываетъ на даль, на главѣ развилися крылья,
Дышетъ свободою грудь, съ легкостью дивною онъ,
Въ землю удара крылатой ногой, выдается въ воздухъ...
Мигъ — и умчится...

Боишься отвести глазъ, чтобъ не потерять этотъ мигъ...

Далѣе, въ павильонѣ изъ розъ и акацій, Амуръ обнимаетъ Психею; ихъ позы полны нѣги и сладострастія; съ какою любовью смотритъ Амуръ въ очи Психеи, будто читаетъ въ нихъ вѣчную, безпредѣльную повѣсть счастья! Егѳ мраморныя крылья, кажется, трепещутъ отъ восторга, и эта группа облита темнымъ полусвѣтомъ, проходящимъ между зеленыхъ вѣтвей акацій, обвѣяна тонкимъ ароматомъ розъ... Тамъ ярко пестрѣетъ широкополосная, въ восточномъ вкусѣ, шелковая палатка; шалунъ-вѣтерокъ мимолетомъ тронетъ ее — и роскошно заволнуются, перельются въ радужныхъ отливахъ ея фантастическія полы, и засверкаютъ алые шнуры и кисти, перевитыя золотомъ. Тихе!... вы слышите звуки, будто летящія къ вамъ съ вышины—это бѣглая проба на арфѣ, аккордъ, другой — и чистый голосъ запѣлъ въ палаткѣ итальянское болеро; струны арфы то гремятъ, то замираютъ подъ руками, и голосъ пѣвицы, проходя по всемъ измѣненіямъ страсти, дрожить, прерывается,

*

растаяваетъ въ какомъ-то самозабвеніи и сливается съ арфою; голосъ умоля, одна только арфа, какъ далекое эхо, въ тихихъ аккордахъ повторяетъ страстную мелодію... Очаровательно!...

1 сентября.

Теперь уже Невскій проспектъ началъ оживать; впрочемъ, посѣщая его въ извѣстные часы нѣсколько дней сряду, я замѣтилъ, что онъ похожъ на огромную гостиную: народу пропасть, а встрѣчаешь все однѣ и тѣ же лица. Я ни съ кѣмъ незнакомъ въ Петербургѣ, но знаю очень много людей по фizioноміи и, кажется, узналъ бы ихъ, еслибъ встрѣтился съ ними въ Америкѣ; особливо обратилъ мое вниманіе одинъ почтенный старичокъ: въ четвертомъ часу онъ каждый день идетъ по Невскому, въ коричневомъ длинномъ сюртукѣ и шляпѣ съ широкими полями; лицо у него важное — такъ много на немъ думы; глаза всегда съ размышленіемъ опущены въ землю. Я, ежедневно встрѣчаясь съ нимъ, вчера только замѣтилъ, что у него на лѣвомъ глазу бѣльмо. Можетъ-быть, это одинъ изъ свѣтльнниковъ науки, какой-нибудь извѣстный въ мірѣ ученый, академикъ. Четверть часа ранѣе встрѣчаются два молодые франта — должно быть, высокіе аристократы; они идутъ вѣчно вмѣстѣ объ-руку другъ съ другомъ; вѣчно веселы, громко говорятъ, хохочутъ... что за манеры у нихъ: то искоса мигнуть на встрѣчную субретку, то слегка задвнуть тросточкою бѣгущую мимо собаку — прелесть!... Полчаса спустя, послѣ старичка въ широкой шляпѣ встрѣтишь... Ну, да Богъ съ ними! и въ недѣлю не опишешь Невскаго. Весело, а все-таки нѣтъ мѣста!

Въ какомъ министерствѣ я не былъ! вездѣ принять

ласково, и отвѣчаютъ: «къ величайшему сожалѣнію, нѣтъ ваканціи». Одинъ добрый секретарь даже сказалъ мнѣ, что такъ уважаетъ мои таланты и такъ полюбилъ меня (поговоря минутъ пять), что готовъ самъ умереть, лишь бы доставить мнѣ ваканцію. Нечего сказать, народъ вѣжливый!...

5 сентября.

Наконецъ я опредѣленъ. Проходя по улицѣ, вымощенной камнемъ, я замѣтилъ надпись: «Департаментъ ***». Я взялъ свой аттестатъ и явился къ начальнику. Начальникъ, маленькій, толстенькій человекъ, съ круглымъ, веселымъ лицомъ и коротко-выстриженными волосами, зачесанными кверху, вышелъ въ приемную и, быстро поворачивая въ рукахъ золотую табакерку, спросилъ: «что вамъ угодно?» Я объявилъ ему о намѣреніи служить подъ его начальствомъ и просилъ о мѣстѣ. Директоръ протянулъ ко мнѣ руку и, какъ-бы ожидая, что я подамъ ему письмо, спросилъ:

— Кто вамъ рекомендовалъ нашъ департаментъ?

— Никто.

— И вы ни отъ кого не имѣете письма?

— Ни отъ кого.

— Но вы имѣете руку?

— Даже и двѣ, чтобъ работать все полезное.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, вы имѣете знакомство, связи, родство?

— Никакого.

— Да какъ же это вы такъ?... Кто за васъ поручится? Извините меня...

— Мое происхожденіе, мое воспитаніе...

— Ха-ха-ха! извините меня, это неслыханное дѣло! Петръ Иванычъ! Егоръ, позови Петра Иваныча!

Скоро пришелъ Петръ Ивановичъ, высокій, сухощавый человѣкъ.

— Послушайте, Петръ Ивановичъ, говорилъ директоръ: — вотъ молодой человѣкъ пришелъ безъ рекомендательнаго письма опредѣляться на службу — безъ рекомендательнаго письма! Да это оригинальная штука! Миѣ бы хотѣлось опредѣлить его; у насъ есть вакансіи?

— Есть одна; отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, мрачно посмотрявъ на меня: — на первый окладъ.

— Прекрасно! напишите, молодой человѣкъ, просьбу, приложите ваши бумаги и отдайте Петру Ивановичу. Удивительное приключеніе! Я сегодня же расскажу объ этомъ въ англійскомъ клубѣ — похочетъ князь Ѳеодотъ!...

Черезъ часъ я былъ уже опредѣленъ въ какіе-то чиновники 1-го оклада. Вотъ какъ! разомъ въ 1-й окладъ! Завтра явлюсь на службу.

6 сентября.

Меня упрятали, просто, въ писаря, съ жалованьемъ 420 рублей ассигнаціями въ годъ!...

— Вы учились ариметикѣ? спросилъ меня начальникъ отдѣленія, Петръ Ивановичъ. Я не успѣлъ отвѣчать на этотъ нелѣпый вопросъ, какъ онъ продолжалъ: — такъ возьмите у журналиста Кокоровкина вѣдомость, повѣрьте въ ней итоги и подведите общій итогъ. Кокоровкинъ дослужился до надворнаго совѣтника, славно запечатываетъ и подписываетъ пакеты, а все не знаетъ сложенія: самъ вызвался составить вѣдомость о людяхъ, да и концовъ не сведеть: все въ итогъ приходится то половина, то треть человѣка!

Канцелярія засмѣялась, и я пошелъ къ журналисту.

При первомъ взглядѣ на журналиста я замѣтилъ въ немъ разительное сходство съ старичкомъ въ широкой шляпѣ: такой же глазъ съ бѣльмомъ, та же важная фizioномія, только вмѣсто коричневаго сюртука журналистъ былъ въ виц-мундирѣ. Я взялъ вѣдомость, посмотрѣлъ на итогъ и чуть не захохоталъ во все горло: въ итогѣ было написано $5643\frac{3}{4}$ человекъ; послѣ $\frac{3}{4}$ были зачеркнуты карандашомъ и сверху приписано $\frac{5}{8}$.

— Вѣдомость, должно быть, трудная? спросилъ я у журналиста.

— Попробуйте, такъ и узнаете.

— Отчего же у васъ тутъ вышло $\frac{3}{4}$ человекъ?

— Нѣтъ, должно быть $\frac{5}{8}$.

— А пять восьмыхъ отчего?

— Отчего? чортъ его знаетъ отчего! такъ выходитъ. Попробуйте, такъ перестанете смѣяться. Тутъ такое, я вамъ скажу: и мертвыя души, и несовершеннolѣтнія... такая путаница, самъ чортъ ногу сломить.

— А у него непрочныя ноги?

— Попробуйте-ка, попробуйте, перестанете смѣяться.

Еще я замѣтилъ здѣсь двухъ молодыхъ писцовъ — незнакомыя лица, какъ-будто я гдѣ-то ихъ видѣлъ, или они снились мнѣ: въ старыхъ сюртучкахъ, обшитыхъ галунами; сидятъ они за особымъ столомъ и Петръ Ивановичъ въ-продолженіе всего присутствія ворчалъ на нихъ, выговаривалъ, что они русской грамотѣ не знаютъ и не хотятъ слушать, только озорничаютъ, и грозился оставить ихъ въ департаментѣ безъ сапоговъ. «Я, говорить, дескать, вспомню старыя времена, когда я служилъ въ вашемъ чинѣ».

Въ три часа директоръ уѣхалъ. Петръ Ивановичъ ушелъ въ-слѣдъ за нимъ, и въ департаментѣ поднялась

кутерьма: всѣ прятали бумаги; первые выскочили въ переднюю два писца, надѣли короткіе сюртучки, взяли тросточки и помчались по Невскому; теперь только я ихъ узналъ совершенно — монхъ невскихъ аристократовъ. Немного погода, вышелъ журналистъ, натянулъ сверхъ виц-мундира коричневый сюртукъ, покрылъ мудрую голову шляпою съ широкими полями и важно двинулся по Невскому. «Такъ вотъ мой академикъ, механикъ, астрономъ!» подумалъ я и, увлеченный общимъ потокомъ, пошелъ тоже по Невскому — домой.

1 декабря.

Третій мѣсяць служу я и все переписываю бумаги скучныя, безжизненныя! Стоило для этого ѣхать въ Петербургъ! Я могу, при счастіи, лѣтъ чрезъ пять поступить на жалованье 750 р. и все-таки буду переписывать; а я еще при вступленіи нажилъ себѣ не-пріятеля въ лицѣ Петра Ивановича: онъ приберегалъ мѣсто, которое я занялъ, своему крестнику, и вдругъ я какъ съ облаковъ свалился.

Петръ Ивановичъ называетъ меня вольнодумцемъ оттого, что я, переписывая его бумаги, исправляю букву *ь*, которую онъ ставитъ какъ попало; онъ напишетъ *веденіе*, а я поправлю *вѣдѣніе*; споримъ часть, и кончится тѣмъ, что онъ расскажетъ сказку, какъ янычъ курицу учили, и тому подобныя любезности, и согласится принять одно *ь* и писать *вѣдѣніе*.

Ванька несетъ съ почты письмо. Въ сторону журналъ! Что-то новаго мнѣ пишутъ изъ дома?

«Милостивый государь,

«Яковъ Петровичъ!

«Будучи въ сосѣдствѣ и находясь въ пріязни съ домою вашимъ, я всегда питалъ къ вамъ чувства моего почтенія, иначе выразиться, чувственную привязанность, не найдивъ въ васъ трагическаго духа. Съ особеннымъ неудовольствіемъ спѣшу извѣстить васъ о надежнн вашего черкеса: онъ палъ, иначе выразиться, издохъ отъ сильнаго перегона, будучи посыланъ за докторомъ по причинѣ удара, приключившагося вашему батюшкѣ, отъ коего онъ и померъ; ваша матушка осталась теперь во вдовствующемъ положеніи, но что же дѣлать! Не печальтесь, ибо мы все ходимъ подъ Богомъ и кончаемся за грѣхи Адама. Въ васъ на похоронахъ было много почету и нашъ предводитель генералъ Н. Н., который, можно выразиться, и генералъ и человекъ генеральный, и Сутяговскій очень оскорблялся и плакалъ, и прочіе, все извѣстные, были въ сильномъ расположеніи и въ слезахъ, а послѣ обѣда разѣхались. За симъ съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія и совершенной преданности имѣю честь пребыть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою—

Иванъ Щука-Окуневскій.

183... года, ноября 15 дня.

Село Скоробрежн.

«Прилагаю при семъ рецептъ, доставленный для васъ нашимъ аптекаремъ для самопалительныхъ сѣрныхъ спичекъ.

Возьми: Phosphor: gr. x. т.-е. фосфору 10 грановъ,
Flor. Sulph. — j — сѣрныхъ цвѣт. 1 гранъ,
Kalioximurialici ʒj — солянокислаго поташа 1 драхму,

разотри въ тридцати граняхъ слези арабской кассиди и обмакнуй спички, а послѣ суши въ сухомъ воздухѣ.»

29 декабря.

И еще мѣсяць; я все переписываю бумаги; въ положенные часы прихожу, и выхожу въ положенный часъ; я сдѣлался сущимъ автоматомъ!... Впрочемъ, со смерти моего добраго отца, я хожу какъ въ туманѣ, неспособенъ понять ни одной живой мысли, и для меня занятіе переписчика очень по-рукѣ; даже я не могъ ничего написать въ своей памятной книжкѣ: онъ умеръ — и больше ничего! Я даже смѣялся, читая безтолковое письмо съ стѣрыши спичками, а на грудь будто легъ тяжелый камень, голова трещала отъ жара, а руки стали холодны какъ ледь.

Сегодня немного мнѣ легче; слезы брызнули изъ глазъ, и мнѣ такъ стало жалко добраго моего старика! Я вспомнилъ, какъ онъ прощался со мною и плакалъ, обвиняя меня, какъ долго смотрѣлъ вслѣдъ за уѣзжавшимъ моимъ экипажемъ; какъ его сдѣлая голова медленно кланялась мнѣ изъ окна... И зналъ ли я тогда, что прощаюсь съ нимъ на вѣки... что я схороню его... что мои поцалуи были надгробное лобзаніе сходявшему въ могилу? Блаженъ человекъ, что не вѣдаетъ будущаго!...

183... 1 января.

Сегодня новый годъ. Коллежскій ассессоръ Алеутниковъ, служащій въ одномъ со мною отдѣленіи, затаящилъ меня поздравить съ праздникомъ Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ одѣвался, однако принялъ насъ очень ласково и, разговаривая о погодѣ, началъ появлять передъ зеркаломъ галстухъ. Петръ Ивановичъ

не любить бантовъ и всегда завязываетъ галстухъ на затылкѣ; теперь, какъ-нарочно, концы платка не сходились, руки двигались врозь, и Петръ Ивановичъ начиналъ морщиться отъ досады. Въ два прыжка низенькій Алеутниковъ очутился сзади своего патрона, вытянувшись на цыпочкахъ овладѣлъ галстухомъ и повязалъ его. Я невольно улыбнулся.

— Чувствительно обязанъ! сказалъ Петръ Ивановичъ, быстро оборотясь къ Алеутникову, и даже взялъ его за руку, а на меня бросилъ самый мрачный взоръ.

2 января.

Косо посмотрѣлъ на меня въ департаментѣ Петръ Ивановичъ и почти бросилъ передо мною бумагу, исписанную ужаснѣйшими крючками и хвостами, сказавъ сердито: «переписать скорѣе, да не ошибиться. Эти ученые много о себѣ думаютъ, а мало дѣлаютъ».

Началъ я разбирать кудрявое письмо моего благодѣтеля, по слову, по два переводить на бумагу и къ концу присутствія явилось очень чистенькое отношеніе отъ лица нашего директора къ одному важному духовному лицу. Петръ Ивановичъ долго разсматривалъ мою копію, сличалъ ее съ оригиналомъ, придирался къ запятымъ, и вдругъ поблѣднѣлъ отъ ужаса и, гордо поднявъ голову, грозно посмотрѣлъ на меня:

— Какъ вы смѣете дѣлать подобныя дерзости, невѣжественности? Вотъ что значить принимать на службу неизвѣстныя лица!

— Какія дерзости?

— Еще и какія! Какъ вы могли смѣть исказить смыслъ бумаги, данной вамъ начальникомъ?

— Гдѣ же, позвольте узнать?

— Гдѣ же! гдѣ же! вы хотите подѣ судъ меня упрятать? еще гдѣ же?... Этакое фанфаронство, съ позволенія сказать, вольнодумство, сущее безбожіе! неуваженіе властей...

— Я васъ не понимаю.

— Не хотите понимать, лучше скажите... Да, возьмите, читайте, что тутъ написано: съ совершеннымъ и прочая... читайте!

Съ совершеннымъ высокопочтеніемъ честь имѣю...

— Довольно, довольно! какъ вы сказали, съ совершеннымъ...?...

— Высокопочтеніемъ.

— Да, высокопочтеніемъ, еще и смотреть такую невинностью! развѣ можно писать такъ неуважительно?

— У васъ такъ написано.

— Неправда, подайте сюда! видите: — выс. Поч. и только — это значить, что я далъ вамъ только намекъ, надѣясь на ваше образованіе, а вы и этого не знали, или не хотѣли знать, я полагаю.

— Что же здѣсь написать надобно?

— Съ совершеннымъ высокопочтаниемъ — понимаюте? не почтеніемъ, а почитаниемъ; это означаетъ степень великаго уваженія. Хорошо бы я былъ, еслибъ подалъ къ подписанію его превосходительству эту бумагу, и вдругъ бы мнѣ наклеили носъ, вотъ какой — при этомъ словѣ Петръ Ивановичъ приставилъ къ своему носу указательный палецъ и сдѣлался очень смѣшонъ.

Петръ Ивановичъ еще пѣтушился, еще ворчалъ, но я уже не слышалъ его замѣчаній: сторожъ принесъ мнѣ письмо; я вышелъ въ приѣмную, чтобъ прочитать... нѣтъ, прописать... или да, точно, прочитать и прочи-

талъ, перечиталъ, нѣтъ, зачиталъ... голова кружится— жарко — не могу писать... лягу прочитать.

«Дорогой товарищ мой!

«Давно мы съ тобою не видались. Какъ вышли изъ лица, подали на прощаньи другъ другу руки и разошлись по разнымъ дорогамъ: ты зажилъ въ деревнѣ, а я отправился къ своему дядѣ, командовавшемумъ уланскимъ полкомъ, получилъ *virtuti militari*, чинъ поручика, и теперь стою съ полкомъ въуѣздѣ. Славный уѣздъ! помѣщиковъ пропасть, ребята все веселые, *хорошенькихъ* бездна — извини за армейскій слогъ: гдѣ намъ угоняться за вами, столичными! У насъ, вмѣсто зеркала блистаетъ свѣтлой сабли полоса, и диваны заиѣняетъ куль овса, какъ тамъ поется въ этой гусарской пѣснѣ—ты знаешь; я не мастеръ былъ и въ классѣ заучивать стихи; грѣшенъ только въ четырехъ строкахъ, которыя профессоръ приводилъ въ примѣръ слога, не помню какого роста, чуть ли не высокаго, и за которые я сидѣлъ три дня въ карцерѣ; врѣзались въ память проклятые! вотъ они, возьми ихъ себѣ на здоровье:

Хоть съ вами бѣ Россы къ намъ достигли
Поюца западъ быстранны,
Хотя бы вы на насъ воздвигли
Союзы ваши всѣ страны...

А дальше, хоть убей, не знаю. Желалъ бы и этихъ не помнить, да запали въ голову какъ смертный грѣхъ. А за стихи ты, по старой дружбѣ, сослужи службу: вышли по первой почтѣ двѣ пары эполетъ, одну форменную, а другую бальную, побольше, потолкаще, поблестящее, со всевозможными блѣстками. Чтѣ будетъ стоить,

деньги я вышлю. А прогос! Я забылъ-было! Въ здѣшнемъ уѣздѣ живетъ нашъ товарищъ Ш.; растолстѣлъ, братаецъ; все спитъ послѣ обѣда, а у него сестрица — объяденье, такая сантиментальная! Я къ нимъ очень часто ѣзжалъ прежде съ корнетомъ фон-Шпекъ. Лихой малый, говоритъ по-нѣмецки, и по-русски объясняется порядочно: можно понять; играетъ шибко — вотъ бѣда! Такой бѣшенный нѣмецъ: все ставитъ на карту, пока есть чтò на немъ; радъ бы и душу загнуть на уголь, да на чтò кому она? никто и въ грошъ не приметъ! прошли времена Громобоевъ...

Съ нимъ было уиорительное приключеніе: сестрица Ш. начала на него заглядываться; онъ былъ дорогой гость въ домѣ. Однажды Шпекъ проигрался въ пухъ и цѣлую недѣлю питался кортофелемъ и солью; я, ѣдучи къ Ш., взялъ Шпека съ собою. Дорогою Шпекъ мнѣ разсказалъ о своемъ картофельномъ постѣ. Пріѣзжаемъ — намъ очень рады. Приходитъ пора обѣдать. Шпекъ съ удовольствіемъ посматриваетъ въ столовую. Сѣли за столъ: первое кушанье — картофельный супъ; я посмотрѣлъ на Шпека и не могъ не улыбнуться; подають соусъ картофельный, другой тоже изъ картофеля, жареный картофель и пирожное изъ картофельной муки. Шпекъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; онъ принялъ это въ насмѣшку, тѣмъ болѣе, что при всякой перемѣнѣ черные глазки m-lle Ш. быстро посматривали на Шпека. Я человекъ неслишкомъ тонкій, а каюсь, подумалъ, что это насмѣшка на нѣмецкую натуру моего товарища. Послѣ обѣда Шпекъ закапризился ѣхать домой; я боялся, чтобъ онъ не состроилъ какой сцены, и мы уѣхали.

Дорогою Шпекъ разразился въ проклятiяхъ. «Дьяволъ бы побралъ всѣхъ этихъ быстроглазыхъ!» кричалъ онъ:

«сама дала мнѣ поводъ волочиться за собою, а теперь издѣвается. Да что она мнѣ? Еслибъ не ея имѣніе я и не смотрѣлъ бы на нее. Я знаю себѣ цѣну; въ сюртукѣ еще ничего, а надѣну уланскій мундиръ — всѣ дамы засмотрятся на меня; выбирай любую! Рѣшительно голодень; въ желудкѣ пусто какъ въ карманѣ! А вы, чай, и хлѣба не видали, Ѳедотовъ?»

Ѳедотовъ, деньщикъ Шпека, сидѣвшій на козлахъ вмѣстѣ съ моимъ кучеромъ, сдѣлалъ пол-оборота направо и, приподнявъ фуражку, отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, до отвалу накормили; едва могу сидѣть на козлахъ, да и ко мнѣ прибѣгала только-что мы пріѣхали, горничная барыни, да все спрашиваетъ: «да скажи, Ѳедотычъ, что твой баринъ больше всего любитъ?» — Наше дѣло служивое, ваше благородіе; я и говорю: «вотъ такихъ чернявочекъ». Она хватъ меня по рукѣ, да и говоритъ: «не о томъ спрашиваютъ; что твой баринъ любитъ кушать?»

— Все, что люди ѣдятъ.

— Да что больше всего ѣсть?

— Коли голодень, что подашь первое, то и ѣсть больше всего.

— Да что чаще всего ему готовить?

— Вотъ съ недѣлю, молъ, все ѣсть картофель.

— Такъ бы и давно! — и побѣжала отъ меня словно угорѣлая.

Шпекъ, слушая разсказъ деньщика, былъ въ восторгѣ. Теперь объяснилась причина картофельнаго обѣда: ему хотѣли угодить. Я поздравлялъ Шпека съ завоеваніемъ, взялъ съ него честное слово послѣ вѣнца купить мнѣ одному бутылку шампанскаго, а я обязался при немъ и при женѣ его выпить. Вчера бутылка выпита,

свадьба была нешумная — только свон. Шпекъ едва утерпѣлъ, чтобъ въ день свадьбы не съѣсть играть отъ радости. Его молодая супруга была въ восхищеніи; ея черныя глазки такъ и сыпали искры... Черезъ мѣсяцъ назначенъ огромный балъ у молодыхъ, а тамъ и пойдутъ танцы — то у того, то у другаго изъ родственниковъ. Очень радъ, что узналъ твой адресъ; поспѣвши выслать эпюлеты къ этому времени; авось и мы выкинемъ такую штуку... Прощай, mon ange, какъ пишутъ молоденькія пансіонерки. Не забудь твоего друга.

«А. Завитаевъ.»

25 января.

Третій день, какъ я началъ прохаживаться по комнатамъ; силы мои быстро возобновляются. Сегодня я уже могу писать и докончить описаніе ужаснаго дня... Два раза перечиталъ я письмо Завитаева и началъ читать уже въ третій разъ, какъ понялъ страшную истину и судорожно измялъ его въ рукѣ. Мысль, что Завитаевъ ничуть невиноватъ, быстро мелькнула въ умѣ моемъ; я молча спряталъ письмо въ карманъ; въ это время кольцо съ незабудкою блеснуло мнѣ въ глаза, я сорвалъ его съ пальца и хотѣлъ выбросить въ окошко.

— Погодите, ваше благородіе, сказалъ сторожъ Егоръ.

— А что?

— Вы хотите выбросить на улицу колечко.

— Тебѣ какое дѣло?

— Такъ, вѣдь оно, кажись, золотое?

— Ну, да.

— Пожалуйста лучше мнѣ его.

— А тебѣ на что?

— У меня, сударь, есть дочка, дѣвчонка лѣтъ пятнадцати, да какая охотница до перстеньковъ.

— Нѣтъ, еслибъ ты хотѣлъ его пропить въ кабакѣ, я, можетъ-быть, отдалъ бы тебѣ его, а дочери твоей не отдамъ. Не хочу я, чтобъ въ добрыхъ рукахъ было это кольцо.

— На улицѣ могутъ поднять его и добрые люди.

— Это правда; спасибо за совѣтъ.

Я спряталъ предательское кольцо въ карманъ; но оно не давало мнѣ покоя, шевелилось, жгло меня. Пойду къ Невѣ, думалъ я, и брошу въ Неву гадкій перстень; но Нева такъ хороша, всегда такъ величественно; благородно несетъ свои синія, прозрачныя волны: не хочу осквернить ее моимъ кольцомъ. Въ этихъ мысляхъ шелъ я по Невскому и уже былъ на Полицейскомъ мосту. Была оттепель; у ногъ моихъ, какъ змѣя, вилась грязная Мойка; ея густыя, зловонныя струи лѣниво переливались въ широкой проруби... «Вотъ достойное мѣсто для ея подарка», подумалъ я, досталъ кольцо, положилъ его на руку, по старой привычкѣ поцаловалъ его, и щелчкомъ сбиль въ Мойку. Делетая до воды, оно еще разъ сверкнуло, повернулось ко мнѣ голубымъ цвѣточкомъ и — ушло на дно.

Въ эту минуту что-то будто порвалось въ груди моей, и я почувствовалъ необыкновенно-пріятную теплоту; я кашлянулъ — кровь хлынула изъ горла. Пришедъ на квартиру, я съѣлъ пару апельсиновъ, выпилъ стакана два со льдомъ воды и волненіе крови унялось. Я сталъ, по-видимому, спокойнѣе, даже съѣлъ писать свои записки, но не могъ кончить... Иванька говоритъ, что онъ нашелъ меня въ креслѣ въ обморокѣ, уложилъ въ постель, и я на третій день едва очнулся отъ сильнаго

брѣда. Доктора взяли меня въ руки, поохотились порядкомъ надо мною, и травляли цѣлыми стаями злыхъ пиявокъ, и чего не дѣлали они, а спасибо — помогли.

1 февраля.

Я хочу не думать о ней, я презираю ее; а несносное воображеніе безпрестанно мнѣ ее представляетъ; она не стоитъ того, чтобъ я о ней думалъ: она хоть и хорошенькій бюстикъ, но безъ души; ея глаза хоть и глядятъ такъ уповательно, но въ нихъ свѣтится огонь сладострастія—и больше ничего; ея улыбка хоть и очаровательна, но полна лжи... такъ вовсе я не хочу думать о ней, хочу заставить себя забыть ее, и между тѣмъ все больше думаю... Странное созданіе человѣкъ!

3 февраля.

Сегодня я проснулся; мой Иванька стоитъ у постели моей и плачетъ.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ я его.

— Ничего, отвѣчалъ онъ, смѣшавшись: — такъ.

— Быть не можетъ; развѣ ты боишься сказать мнѣ?

— Вотъ видите что. Вы спали, а я смотрѣлъ на васъ, да мнѣ даже страшно стало: лежите вы блѣдные, ни кровинки въ лицѣ, словно мертвый; щоки запали, на рукахъ хоть кости считай!... Такой ли вы были дома, какъ пріѣхали изъ лица, подумалъ я, кровь съ молокомъ!... Бывало, смѣетесь, такъ въ пятой горницѣ слышно, а какъ сядете на коня, на черкеса, да какъ пуститесь по степи, ястребъ васъ, бывало, не обгонять!... А теперь что?... Ни живой, ни мервый, голосу не отведете. И зачѣмъ мы пріѣхали въ этотъ Петербургъ? что тутъ хорошаго? Я съ перваго дня покачалъ

головую, какъ нарядили васъ въ узкія нѣмецкія брюки. Сейчасъ увидѣлъ, что тутъ толку мало... Сколько вотъ служите, а и эпюлетовъ не дають вамъ. А знаете что?

— А что, Иванька?

— Поѣдемъ домой, поѣдемъ въ наши степи. Тамъ у насъ весело, тамъ широко, привольно, много полей, много всякаго хлѣба, много плодовъ — всего довольно. Чего намъ искать здѣсь? Что мы потеряли? Выздоровливайте, да поѣдемъ скорѣе!... Станете гулять по степи, стрѣлять дичь, опять станете веселы... Дастъ Богъ женитесь, а тутъ ей-богу, вы умрете.

И добрый Иванька плакалъ и цаловалъ мои руки...

— Полно, Иванька, перестань, я и самъ думаю вхвать.

— И слава Богу! Заживемъ опять дома, уѣдемъ отсюда! Чтò это за городъ! безъ гроша воды не дадутъ напиться, а войдешь въ лавочку, тотчасъ бороды на смѣхъ подымутъ: и «хохоль голоухій», и то и другое... Богъ съ ними!

6 февраля.

Я изъ департамента получилъ записку, въ которой экзекуторъ, по приказанію начальства, приглашаетъ меня сегодня же явиться на службу, а въ случаѣ невозможности — прислать просьбу объ увольненіи. Далѣе говорится, что я только занимаю мѣсто, безпрестанно болѣя, отчего останавливается теченіе дѣлъ: другой, дескать, былъ бы полезнѣе на моемъ мѣстѣ. Я съ радостью написалъ просьбу и отправилъ.

7 февраля.

Мой Иванька разсуждалъ благоразумно. Чтò я тутъ буду дѣлать? Поѣду въ деревню. Матушка одна: ей надобно пособить въ управленіи имѣніемъ, пристроить

братьевъ и сестеръ. Рѣшено: завтра же пишу къ матушкѣ, чтобъ выслала денегъ на прогоны, да и расплатиться здѣсь: я въ болѣзнь задолжалъ таки-порядочно — и прощай Петербургъ, въ тебѣ очень-холодно.

Иванька съ утра поетъ въ-полголоса свои родныя пѣсни и собирается въ дорогу; ему кажется, будто мы завтра должны выѣхать; я и самъ цѣлый день мечталъ о тихой деревенской жизни... Иногда мнѣ приходило на мысль: не будетъ ли воспоминаніе о *ней* тревожить меня въ мѣстахъ, бывшихъ свидѣтелями первой любви нашей? Нѣтъ, я уже простилъ *ее!*

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнясь!...
Утѣшься, другъ! — она дитя.
Твое умышье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шута...

Эти стихи великаго сердцевѣдца нашего, Пушкина, примирили меня съ нею, обвѣяли тишиною тревожную мою душу. Мнѣ жаль даже кольца: зачѣмъ я его бросилъ, да еще въ такую скверную тину! оно бы мнѣ напоминало лучшія минуты въ жизни, которыя даровала мнѣ судьба; не всегда же быть человѣку вѣчно счастливу:

Порою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Нѣтъ, я былъ злымъ человѣкомъ въ минуту, когда бросилъ перстень въ Мойку... Спасибо Пушкину, онъ успокоилъ меня. Какой-то, чуть-ли не греческій, балагуръ сказалъ, что поэта должно увѣнчать и выпроводить изъ города. Желалъ бы я посмотрѣть въ лицо этому мудрецу; оно должно быть нелѣпѣе суздальской картинки.

8 февраля.

Сегодня я только-что сталъ писать домой о своей от-
ставкѣ и о высылкѣ мнѣ денегъ на прогоны, какъ Иванька
подалъ мнѣ письмо съ почты. Со смерти отца я не по-
лучалъ ни одного пріятнаго письма, и какъ прежде, бы-
вало, бьется сердце отъ радости, когда увидишь киверъ
почтальона, такъ теперь трепещеть оно отъ какого-то
темнаго предчувствія. Я взялъ письмо и даже боялся
его распечатать; почеркъ Сутяговскаго — странное дѣло!
«Теперь уже я не поѣду», сказалъ я Иванькѣ, пробѣ-
жавъ письмо: «а ты одинъ будешь дома:...» Онъ робко по-
смотрѣлъ на меня, какъ-бы стараясь прочесть что-ни-
будь въ глазахъ моихъ, и когда я ему прочелъ письмо
Сутяговскаго, громко закричалъ: «Этому не бывать!
я уйду съ первой станці!»

«Милостивый государь,

«Яковъ Петровичъ!

«Любя васъ и уважая память покойнаго родителя ва-
шего, я спѣшу извѣстить васъ о неприятномъ положеніи
дѣлъ вашихъ: г. Ивановъ оказался несостоятельнымъ по
причинѣ различныхъ неудачъ въ соляной операціи, и ва-
ше имѣніе, бывшее по сему случаю въ залогѣ, продано
съ публичнаго торга. Я, какъ ближайшій сосѣдъ, не хо-
тя пустить его въ незнакомыя руки, купилъ оное и за-
коннымъ образомъ введенъ во владѣніе; но, разсматривая
ревизскія сказки, я не отыскалъ въ наличности одного
человѣка, Ивана Добряка; а какъ по справкамъ оказалось,
что оный мой крестьянинъ, Иванъ Добрякъ, находится у
васъ въ услуженіи, то я и отнесся въ санктпетербург-
скую полицію о высылкѣ означеннаго Ивана на мой счетъ

по этапу, и, не желая огорчить васъ нечаянностью, рѣшился писать къ вамъ объ этомъ. Впрочемъ, уважая память покойнаго вашего батюшки, я ничего не стану требовать съ васъ за услуги означеннаго моего крестьянина, до отправленія его изъ Петербурга, надѣясь, что вы, съ вашей стороны, не оставите за сіе снабдить его на дорогу приличнымъ платьемъ. Я полагаю, что вы, какъ человѣкъ ученый всякимъ наукамъ, не станете скорбѣть о потерѣ пустаго имѣнія. Блага земныя непрочны, и въ свѣтѣ все такъ дѣлается, какъ сказано въ новѣйшихъ россійскихъ прописяхъ: «Всякій въ свою очередь является на сцену и сходитъ съ нея». Я учился по этой прописи и теперь мой сыночекъ Павлуша ее пишетъ. За сямъ, при желаніи вамъ всѣхъ благъ, имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

«И. Сутяговскій.»

183... года, января 24.

С. Грабуново.

9 февраля.

Сегодня получилъ письмо отъ матушки. Она пишетъ, что когда Ивановъ объявилъ себя банкротомъ, Сутяговскій пріѣхалъ къ ней, уговорилъ ее не писать объ этомъ ничего кому нѣ, чтобъ не потревожить меня — какое человѣколюбіе! — а самъ Сутяговскій плакалъ передъ нею, говоря, что и онъ немного виноватъ въ этомъ, совѣтовавъ покойнику дать залогъ Иванову и, сознавая свою ошибку, самъ поѣхалъ хлопотать объ этомъ въ губернской городъ, откуда возвратился уже владѣтелемъ нашей деревни. Сама же матушка съ дѣтьми, не желая пользоваться ничѣмъ снисхожденіемъ, наняла въ городѣ у одного мѣщанина небольшой домикъ и живетъ кое-какъ. Нашъ домъ занялъ какой-то шляхтичъ, управитель Сутяговскаго.

16 февраля.

Иванька отправился по этапу. Тяжело было мнѣ расстаться съ нимъ: онъ у меня былъ одно существо, съ которымъ я могъ дѣлить радость и горе; онъ понималъ меня, сочувствовалъ мнѣ, когда я говорилъ о родинѣ... Теперь я одинъ, сирота въ шумномъ городѣ!... Прощаясь, я уговорилъ Иваньку не бѣгать ни съ первой, ни съ какой станціи, совѣтовалъ честно служить новому господину, и мы расстались... Чрезъ четверть часа опять входитъ Иванька въ комнату.

— Что тебѣ надобно?

— А вотъ, баринъ, я нечаянно унесъ вашъ ножикъ: онъ былъ у меня въ карманѣ, да я такъ и ушелъ; вспомнилъ дорогою, да такъ стало совѣстно, что подумаете, можетъ-быть, будто я нарочно взялъ его. Едва уговорилъ солдата воротиться къ вамъ на минуту.

Онъ подаль мнѣ ножикъ; руки бѣднаго Иваньки дрожали, крупныя слезы падали на землю.

Еще разъ обнялъ я моего добраго слугу, и болѣе уже не видалъ его.

17 февраля.

Теперь я *долженъ* остаться въ Петербургѣ, *долженъ* работать, жить скромно, *долженъ* сколько-нибудь помогать моему бѣдному семейству: я не допущу, чтобъ матушка, добрая матушка, которая такъ любитъ меня, дожила до необходимости питаться трудами рукъ своихъ. Я не напрасно учился; здѣсь много пансіоновъ, отыщу себѣ гдѣ-нибудь мѣсто — надѣюсь, что мой аттестатъ будетъ уваженъ учеными людьми — и стану передавать свои знанія молодымъ людямъ. Мнѣ кажется, нѣтъ святѣ этой обязанности... Я понимаю науку не какъ сухое собраніе правилъ, которыя *долженъ задолбить* себѣ

въ голову бѣдный ученикъ — нѣтъ, наука, по-моему, есть извѣстная форма, посредствомъ которой мы передаемъ молодымъ умамъ живую идею, обогащая умъ знаніемъ и вмѣстѣ согрѣвая душу любовью къ прекрасному, высокому... А прежде всего мнѣ нужно расплатиться съ долгами.

20 февраля.

Мебель, часы и всѣ лишнія вещи проданы; денегъ было довольно, а какъ расплатился съ долгами, и въ аптеку, и за квартиру, и за то, и за другое — осталась въ карманѣ двадцати-пяти-рублевая ассигнація и гривенникъ; на эти деньги не раскутишься, а пока мѣста нѣтъ... Сегодня же поищу квартиру и завтра переѣду на нее. Говорять, должно искать дешевую квартиру на Петербургской Сторонѣ.

24 февраля.

Едва отыскалъ квартиру по своимъ деньгамъ — все дороги. Теперь моя резиденція въ Теряевой улицѣ на Петербургской Сторонѣ. Кто бывалъ на Петербургской, на Большомъ проспектѣ, или около кадетскихъ корпусовъ, тотъ не имѣетъ никакого понятія о характерѣ Теряевой улицы: тамъ аристократія Петербургской Стороны, здѣсь чистый плебсъ; тамъ домики довольно-опрятные, выкрашенные, — здѣсь мрачнаго, желѣзнаго цвѣта; тамъ вы иногда увидите и солиднаго чиновника, ѣдущаго на своей лошаdkѣ, и атласный салопъ, иногда услышите звуки фортепьяно, если погода позволяетъ открыть окошко; иногда на улицѣ наступите ногою на сотерновую пробку или на листокъ газеты, — здѣсь подобныя вещи баснословіе! Тишина изумительная; въ шесть часовъ на улицѣ нѣтъ живой души; съ вечера упадетъ снѣжокъ, а утромъ вы увидите подъ

вашими окнами свѣжіе слѣды волка!... Можетъ-быть лѣтомъ будетъ веселѣе.

Я занимаю маленькую комнату отъ жилицы, за 15 рублей ассигнаціями, со столомъ, на условіи, учить грамотѣ ея семилѣтняго сына *Ваську*. Хозяйку мою зовутъ Анисья Карповна, а домъ принадлежитъ какому-то отставному арапу. Впрочемъ, онъ человѣкъ бѣлый: я его разъ видѣлъ.

2 марта.

Цѣлую недѣлю ходилъ по пансіонамъ — и вездѣ отказъ. Всѣ спрашиваютъ: кто рекомендовалъ васъ? Былъ и у м-г Куку, и у м-г Коко, и у м-ше Шнейбахъ, и у м-ше Гольцкопфъ, и у цана Ютржицкаго, и у десятаго, и у двадцатаго — не беретъ!... Одинъ посылаетъ къ другому, другой — къ третьему... Еще попытаюсь; говорятъ, гдѣ-то за Черною-Рѣчкою есть, на болотѣ, пансіонъ отставнаго капитана Лисицына, и у него всегда найдешь вакансію, лишь бы подешевле.

«Уживетесь ли вы съ нимъ долго — за это не отвѣчаемъ: у него никто больше мѣсяца не выживетъ, а принять-то онъ приметъ» — такъ говорили люди о Лисицынѣ. Люди не всегда правду говорятъ, и иногда охотнѣе скажутъ дурное, нежели хорошее, я думаю; притомъ же не умирать мнѣ съ голоду; пойду въ пансіонъ на болотѣ.

4 марта.

Договоръ съ Лисицынымъ сдѣланъ. Я вотъ уже недѣлю учу его школу читать, писать и ариметикѣ за 50 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Я долженъ быть въ пансіонѣ каждый день съ семи часовъ утра до двѣнадцати, и съ двухъ часовъ до семи вечера; а опоздаешь минуты двѣ-три — все Лисицынъ записываетъ и,

при окончаніи мѣсяца, слагаетъ минуты въ часы и, по расчету, вычитаетъ изъ жалованья.

Незавидна моя участь: съ утра до ночи толковать безмозглымъ шалунамъ одно и то же, толковать имъ изъ послѣднихъ силъ, что дважды-два — четыре, и замѣчать, что слушатели въ это время или спятъ, или рисуютъ съ меня каррикатуры, между-тѣмъ, каждый день выносить невыносимо-холодный и презрительный взглядъ сѣдаго капитана Лисицына, регулярно каждый день слышать одну и ту же фразу: «У васъ мало старанія! Получая деньги, надобно заниматься дѣломъ!...» Надменный человѣкъ! будто я не понимаю своихъ обязанностей... Видно, онъ провѣлъ свой вѣкъ, обучая рекрутъ!... О, деньги, деньги! сидите вы у меня на сердцѣ.

Говорять, бѣдность не порокъ. Безсовѣстная ложь: порокъ бѣдность, ужасный порокъ, отлучающій человека отъ общества, кладущій печать отверженія на лицо человека, убивающій душу и тѣло!... Одна религія спасаетъ меня... Благославляю минуту, въ которую она озарила меня истиннымъ свѣтомъ Евангелія... Придешь домой съ душою истерзанною, съ тѣломъ истомленнымъ, станешь на колѣни передъ образомъ Спасителя, простишь обиды гордому человѣку — *не въдастъ бо что творитъ* — и слезы и молитвы текутъ изъ успокоеннаго сердца, и всѣ печали отлетятъ отъ тебя, и станешь свѣтло и легко на душѣ, и духъ и тѣло укрѣпятся на завтра, на новую битву съ жизнью, на новыя страданія..

5 апрѣля.

Мѣсяцъ прошелъ. Я получилъ жалованье. Съ меня вычли рубль пять копеекъ — отняли сахаръ у нища-

го!... Изъ этихъ денегъ пошлю красную ассиграцію матушкѣ...

27 мая.

Настала весна и мученія мои умножились: на дачи наѣхало пропасть празднаго народа и, гуляя отъ нечего-дѣлать, всякая сволочь заходитъ въ пансіонъ. Лисицынъ сейчасъ начинаетъ экзаминовать воспитанниковъ, для поддержанія славы заведенія. Приходящіе отъ скуки даютъ Лисицыну разные совѣты, а онъ сейчасъ же проводитъ ихъ въ исполненіе...

Бѣда учить русскому языку! Каждый лавочникъ, умѣя записать расходъ и приходъ, воображаетъ, что онъ знаетъ русскій языкъ! и каждый лавочникъ — смѣю васъ увѣрить — дастъ какой-нибудь безтолковый совѣтъ касательно русскаго языка, только попросите его. Начнешь опровергать какую-нибудь нелѣпость, Лисицынъ сдвинетъ съдыя брови и скажетъ такую любезность, что всѣ внутренности перевернутся; а молчишь... О бѣдность!...

16 іюля.

Лѣто не веселитъ меня; даже ни разу я не былъ на островахъ... Богъ съ ними! Тамъ все такія веселыя лица... Погода непостоянная: то жаръ нестерпимый, то холодъ съ дождями. Придешь изъ пансіона, поучишь Ваську, помолишься — и спать пора... Моя хозяйка очень добрая баба; ей лѣтъ за пятьдесятъ, была замужемъ за солдатомъ, три года какъ овдовѣла и живетъ одна съ сыномъ, занимаясь мытьемъ бѣлья.

2 сентября.

Приходитъ осень; падаютъ листья, вечера дѣлаются длиннѣе, по утрамъ морозъ бѣлѣетъ по заборахъ. Моя

грудь начинаетъ опять болѣть; я два дня не былъ въ пансіонѣ — не могъ дойти туда: въ ногахъ тяжело и во всемъ тѣлѣ какая-то слабость, все спать хочется. На третій день Лисицынъ прислалъ мнѣ отказъ, извѣщая, что онъ не намѣренъ содержать богадельню, что больной человѣкъ, не принося пользы, наноситъ уже вредъ. При концѣ онъ прибавилъ, что отказывается мнѣ не изъ каприза, но *по дому*, и весьма обо мнѣ сожалѣть.

Я замѣтилъ, что Лисицынъ не такъ золъ отъ природы, какъ выказывается въ своихъ поступкахъ. Онъ прочелъ «Исторію Наполеона»; замѣтилъ, что тотъ часто, для пользы государственной, ставилъ въ ничто и жизнь и счастье одного человѣка, и сталъ примѣнять это къ своему пансіону... Слабость человѣческая! онъ даже и руки складываетъ à la Napoleon. Богъ ему судья!

Анисья общала мнѣ отыскать работу: переписывать что-нибудь; она моетъ бѣлье на какого-то сочинителя. Спасибо, хоть та польза отъ моей службы въ департаментѣ, что выучился четко писать. Работать нужно. Последнія деньги я отправилъ къ матушкѣ, въ надеждѣ на жалованье изъ пансіона. Чѣмъ стану жить, чѣмъ заплачу за квартиру? а обременять собою добрую старушку-хозяйку я не намѣренъ.

4 сентября.

Былъ сочинитель, это — Единороговъ, котораго я видѣлъ у дядюшки. Онъ не узналъ меня — и къ лучшему! Онъ мнѣ привезъ свое сочиненіе.

— Будетъ ли имѣть эта книга успѣхъ? спросилъ я.

— Невѣроятный; я ее *посвящаю* одному важному

лицу — и я въ барышахъ. Для этого вотъ вамъ четыре печатныя книги; вы выпишите только изъ нихъ въ одну общую тетрадь все, что отмѣчено карандашомъ — и книга составитя.

— А эта тетрадь? спросилъ я.

— Здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ заглавія; вы въ эту тетрадь и выписывайте. Надѣюсь, что мы останемся довольны другъ другомъ. Современемъ я похлопочу о васъ; графъ Б., графиня С., баронъ П. и всѣ за васъ постараются — это все мои друзья; а между-прочимъ, позвольте спросить, что вы берете съ листа?

Этотъ вопросъ сбилъ меня съ толку; я покраснѣлъ и едва могъ сказать:

— Я не знаю; что вы другимъ платите?

— Я моему писарю плачу сорокъ копеекъ мѣдью съ листа.

— И я на это согласенъ.

— Но, позвольте, любезнѣйшій, тотъ пишетъ съ писанаго — это труднѣе, а вы будете писать съ печатнаго: здѣсь нѣтъ никакой трудности — читай-себѣ и пиши! По этому, я надѣюсь, вы возьмете по 35-ти копеекъ съ листа?

— Пожалуй.

— Еще одно условіе: чтобъ завтра къ вечеру все было готово; я долженъ поднести мою книгу его превосходительству въ день его рожденія. Прощайте, तोплюсь на завтракъ къ князю Прохору Иванычу.

Единороговъ уѣхалъ на прекрасной парѣ собственныхъ лошадей.

5 сентября.

Сегодня къ вечеру я окончилъ работу, но уже не могъ самъ отнестъ ее: моя грудь разболѣлась — и не

удивительно: я написалъ въ сутки около тридцати листовъ. Кровь сильно показалась изъ горла. Холодно, а голова горитъ. Лягу въ постель.

6 сентября.

Я слегъ. Анисья принесла мнѣ отъ Единорогова деньги, безъ гривенника: «тѣ, сказалъ, послѣ отдамъ: мелочи нѣтъ. На долго ли станеть этихъ денегъ? а мое здоровье все хуже и хуже. Анисья—добрая баба, а никакъ не соглашается топить у меня въ комнатѣ. «Богъ съ тобою» говоритъ: «теперь еще начинаются утренники, а тебѣ, кормилецъ, топи печку! Что же зимой дѣлать?» Хорошо ей ходить съ утра до вечера въ своей голубой шубѣ: ей тепло.

8 сентября. Утро.

Вѣрно я крѣпко боленъ: Анисья безъ моей просьбы истопила печку и пошла за докторомъ, какъ говорилъ Васька.

Вечеръ.

Къ вечеру пришла Анисья, ругая наповаль всѣхъ докторовъ: «Экіе они какіе!» ворчала старуха: «которому ни расскажу о тебѣ, всѣ говорятъ: «некогда, бабушка». Въ-силу отыскала одного и оставила адресъ».

Часа черезъ два пріѣхалъ докторъ — мальчикъ лѣтъ восемнадцати; онъ очень-важно вошелъ, поговорилъ со мною издалека, безпрестанно нюхая какія-то капли, будто я лежалъ въ чумѣ, сказалъ словъ пять по-латинѣ и увѣрялъ, что эта латинщина моя болѣзнь; потомъ прописалъ рецептъ на полулистѣ, приказалъ принимать микстуру (которая должна родится изъ его рецепта) чрезъ часъ по ложкѣ, и уѣхалъ, объявивъ Анисѣ, что въ другой разъ онъ ни за что въ свѣтѣ не пріѣдетъ въ такую чертовскую даль.

4 октября.

Вотъ уже мѣсяць я лежу въ постели, и все въ одинакомъ положеніи: ни лучше, ни хуже. Не будь я слабъ, я былъ бы совершенно здоровъ. На дворѣ октябрь; грязно, сыро; у меня надъ постелью появилась течь; въ комнатѣ тяжело пахнетъ глиною. Вчера продалъ послѣднюю книгу «Сочиненій Пушкина», подаренную мнѣ въ лицей за успѣхи въ наукахъ.

7 октября.

Сегодня отдалъ старый серебряный рубль Петра Великаго, именинный подарокъ моей матушки, когда я еще былъ ребенкомъ. Двадцать лѣтъ я носилъ его съ собою; онъ былъ мнѣ вдвойдѣ дорогъ — какъ память матушки и память о великомъ государѣ. Впрочемъ, я его отправилъ въ лавочку, съ уговоромъ выкупить современемъ. Немного оправлюсь, и хоть стану дрова рубить, а достану денегъ на выкупъ.

8 октября.

Какой-то поэтъ сказалъ, что юноша вступаетъ въ свѣтъ въ вѣнкѣ изъ прелестныхъ цвѣтовъ. Человѣкъ живетъ — и опытъ неумолимою рукою обрываетъ на вѣнкѣ, одинъ за другимъ, всѣ цвѣты; остаются подъ конецъ только засохшіе стебельки, которые, какъ терны, мучатъ человѣка. Въ этомъ вѣнкѣ онъ сходитъ въ могилу... Давно ли я смотрѣлъ на жизнь какъ на веселый праздникъ! Всѣ люди были мнѣ пріятелями, всѣ дѣвушки казались чистыми, непорочными Сильфидами. Я былъ окруженъ родными; отецъ, матушка, братья любили меня... она — горькое воспоминаніе! — такъ жарко клялась въ безпредѣльной любви, въ вѣрности до гроба... мнѣ совѣстно за нея! И все исчезло, прошло

как сонъ, какъ разлетается отъ вѣтра позолоченная гора облаковъ... Я имѣлъ достатокъ и могъ помогать ближнему, а теперь моя матушка въ бѣдности, и я не могу помочь ей! Самъ лежу безъ куска хлѣба, одолженъ существованіемъ милостынѣ отъ бѣдной солдатской вдовы!...

Часто смотрю по цѣлымъ часамъ въ окно; у самаго окна стоитъ береза; на черныхъ безлистныхъ вѣтвяхъ ея трепещетъ запоздалый, блѣдный листочекъ... Гдѣ его товарищи, съ которыми онъ такъ сладко шептался въ знойные часы лѣта? ихъ давно умчалъ холодный вѣтеръ; онъ одинъ остался сироткою, и тихо лепечетъ между вѣтвями свои жалобы, пока порывъ бури не умчитъ его туда,

Куда и листъ лавровый мчится
И легкій розовой листокъ!...

Мнѣ жалко бѣднаго листочка: его моетъ осенній дождь и нѣтъ товарища прикрыть его... защитить его. Его судьба похожа на мою. Я люблю его: онъ мнѣ родной... А далѣе, тамъ, за березою, несутся по небу сѣрыя тучи, одна другой темнѣе, мрачнѣе, тяжеле!... И день и ночь грустно тянутся онѣ, какъ погребальное шествіе за гробомъ прекраснаго лѣта. Куда летятъ онѣ, гонимыя буйнымъ вѣтромъ? и зачѣмъ летятъ онѣ?... Въ этомъ туманномъ небѣ, обремененномъ тяжелыми тучами, въ этомъ тоскливомъ воѣ вѣтра, какъ въ зеркалѣ, отражается душа моя. Мнѣ любо слушать и созерцать грустную природу... Современемъ вѣтеръ перенесетъ облака, опять засвѣтитъ солнце—и міръ оживетъ снова; а я?... Кто знаетъ, можетъ-быть, мнѣ придется сказать съ Жильберомъ:

Je meurs, et sur la tombe où lentement j'arrive,
 Nul ne viendra verser des pleurs.
 Salut, champs que j'aimais, et vous, 'douce verdure,
 Et vous, riant exil de bois!
 Ciel, pavillon de l'homme, admirable nature,
 Salut pour la dernière fois...

Во всякомъ случаѣ будущее отраднo — если не здѣсь, то тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, тамъ отдохну отъ страданій...

16 октября.

Какъ благодѣтельна природа! При однообразномъ моемъ положеніи, при нестерпимой скукѣ, которая ѣсть меня, какъ ржа желѣзо, она мнѣ даровала какую-то способность дремать; стоить только закрыть глаза — сейчасъ передо мною чудесныя картины: горы, лѣса, рѣки; все живеть, движется, говоритъ, поеть... невыразимо-приятно! А между-тѣмъ я слышу шаги Анисьи, или частый стукъ дождя по оконнымъ стекламъ.

Болѣе всего мнѣ представляются картины моего дѣтства. Кажется, утро. Солнце только-что поднялось надъ землею; вездѣ блеститъ роса; мы съ сестрою выбѣжали въ садъ и ѣдимъ клубнику. Ягоды такія крупныя, сочныя... «Стыдно, дѣти; ѣсть безъ спросу ягоды!» говоритъ маменька, отворяя окошко. — Мы такъ и сгорѣли отъ стыда!... Бѣжимъ въ комнаты, а на встрѣчу намъ папенька: «Куда, дѣти? ко мнѣ; на шею!» И мы бросились цаловать его... Вотъ мы все ѣдемъ по степи въ линѣйкѣ, а вокругъ етолько цвѣтковъ, да такіе душистые... Мы, дѣти, побѣжали срывать цвѣты — такъ весело! на цвѣтахъ садятся и ползаютъ хорошенькіе жучки — и золотые, и серебряные, и красные... Я подбѣгаю къ кусту ракиты... порхъ изъ куста птица и полетѣла, свистя крыльями. «Какая это птица, папенька?» — «Стре-

петь». — «Уть, какое страшное названіе! слава Богу, она далеко улетѣла.» — «Ты трусь!» говоритъ папенька. «Нѣтъ, я не трусь, посмотрите» — и я иду къ ракиѣ, толкаю кустъ ногою, а сердце такъ и бьется, такъ и кажется, еще вылетитъ другой стрепеть. Иногда въ нѣсколько минутъ вырастаешь — и вотъ я казачій офицеръ, стою у окошка и слушаю дуэть школьничковъ на шелковицѣ, а между-тѣмъ думаю: «любитъ ли она меня?» Является она, полна невинности, очаровательно-хороша, улыбается мнѣ и даетъ цвѣтокъ камелин; а хочу обнять ее... скрипнула дверь, я открылъ глаза — все улетѣло: и цвѣты, и сады, и чистое небо, и зелень лѣсовъ, и милыя лица...

Опять дынешь гнилымъ воздухомъ, видишь сырыя, грязныя стѣны. За окнами шумитъ дождикъ, и одинокій желтый листочекъ дрожить и трепещетъ отъ вѣтра на обнаженной вѣткѣ. Закроешь глаза — и снова являются знакомые образы, и снова душа полна блаженства. Такъ проходятъ мои дни и ночи.

20 октября.

Попутру я смотрѣлъ въ окно и не видѣлъ уже желтаго листочка: онъ улетѣлъ куда-то темною ночью, и уже не кланяется мнѣ такъ привѣтно... еще я осиротѣлъ болѣе. Писемъ изъ дома нѣтъ; хоть бы еще разъ увидѣть руку матушки, поцаловать ея строки! А тучи идутъ по небу мрачнѣе вчерашняго...

21 октября.

Сегодня я всю ночь бесѣдовалъ съ батюшкою.

— Скажите, пожалуйста, говорилъ я ему: — вы живы и здоровы и даже попрежнему веселы, а мнѣ писалъ Щука-Окуневскій, что будто вы умерли.

— Нѣтъ, мой другъ, это неправда, отвѣчалъ батюшка.

— Я такъ и думалъ. Старый сплетникъ Окуневскій вѣчно лжетъ.

— Не брани человѣка; можетъ-быть, такъ надобно было.

Я началъ думать и убѣдился, что Окуневскій правъ, что иначе сдѣлать было нельзя, какъ написать ко мнѣ такое письмо. Послѣ долго мы говорили съ старикомъ. Вошла Анисья—и видѣніе исчезло; но я ясно слышалъ слова «до свиданія!» и за Анисьей въ темномъ углу что-то кивнуло мнѣ головой.

— Кто здѣсь былъ? спросилъ я у Анисьи.

— Никого, батюшка; ты бредишь!

Я не хотѣлъ спорить съ доброю женщиной, а попросилъ придвинуть ко мнѣ столикъ и подать мою памятную книжку.

— Куда тебѣ писать! сказала она, покачивая голову: — чай пера въ рукахъ не удержишь. Однако пода-ла, и я пишу-пишу, а писать не хочется — такъ очаровательны видѣнія! такъ и хочется закрыть глаза... Допишу послѣ... чудесныя видѣнія... вотъ батюшка... вотъ еще кто-то

Недавно я былъ въ Большомъ театрѣ. Давали «Озеро Волшебницъ». Театръ былъ полонъ. Волшебница Тальони, обвивъ рукою рѣзвую Шлефохтъ, неслась по сценѣ въ живомъ галопадѣ. Вотъ онѣ летятъ къ зрителямъ: минута — и удаляются въ глубину сцены, подъ прихотливые звуки оркестра, восхитительно улыбаясь,

сладоураствіе наші руки какаго-то счастливца. Вос-
торгу не было границъ, театр дрожалъ отъ *bravo*...

— Какъ вамъ нравится нашъ театръ? спросилъ
одинъ мой знакомый у толстаго челоука съ огромными
усами, сидѣвшаго рядомъ со мною въ креслахъ.

— Изрядно! отвѣчалъ толстякъ.

— Кто этотъ жирный чудакъ? въ свою очередь спро-
силъ я, въ антрактѣ, знакомаго. — этотъ толстякъ, съ
которымъ говорилъ ты?

— Извѣстный челоукъ, даетъ чудесные обѣды! От-
купщикъ Ивановъ.

— Онъ не здѣшній, какъ видно?

— Да, онъ недавно прѣхалъ изъ...

— Мнѣ кажется, онъ былъ банкротомъ?

— Богъ его знаетъ! впрочемъ, онъ выдалъ свою дочь
замужъ за какаго-то секретаря и обдѣлываетъ все дѣла
подъ его именемъ. Да мнѣ что за дѣло? Онъ славный
малый; простоватъ немного, немного матеріаленъ, а
обѣды даетъ *поэтическіе*. Хочешь, я тебя завтра пред-
ставлю къ нему прямо въ столовую? По рукамъ, что ли? /я

— Ни за что въ свѣтъ!

1840 г.

КУЛИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

Всякъ куликъ свое болото хвалить.
НАРОДНАЯ ПОСЛОВИЦА.

Куликъ
Не великъ
А все-таки птица!
ФИЛОСОФСКАЯ ПѢСНЯ.

I.

Россія — страна богатая, изобилуетъ водами, лѣсами и пажитями; въ ней есть много золота и серебра, много драгоценныхъ камней, а еще болѣе отставныхъ поручиковъ.

Я намѣренъ познакомить васъ съ однимъ изъ безчисленнаго множества этихъ поручиковъ, Макаромъ Петровичемъ Медвѣдевымъ; онъ служилъ въ кавалеріи корнетомъ года полтора, и вышелъ въ отставку поручикомъ вслѣдствіе разсужденія:

«Служба отъ меня много не выиграетъ; я тоже не хочу быть фельдмаршаломъ, да, признаться, и трудно!... Много есть людей бѣдныхъ, которые рвутся служить, а

у меня порядочное состояніе; уѣду въ деревню, женюсь-себѣ, да и буду жить бариниомъ».

Подумалъ, взявъ оставку, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

Пріѣхавъ на родину, Медвѣдевъ сшилъ себѣ модную венгерку, привелъ въ порядокъ охотничьи ружья, купилъ въ Ромнахъ на ярмаркѣ парныя дрожки и женился на хорошенькой брюнеткѣ, Аннѣ Андреевнѣ, дочери сосѣднаго помѣщика.

Теперь Медвѣдевъ женатъ, независимъ, спокоенъ: живи-себѣ да толстѣй! Завидная перспектива, право завидная!

Не улыбайтесь такъ зло, мой пріятель съ пожелѣвшею, поношенною фізіономіей; вы ненавидите всѣхъ толстяковъ, потому-что сами высохли отъ злости, какъ наскѣемое; вѣчно бранитесь, клеветаете, сплетничаете, какъ старая дѣва; пѣняйте на себя, сами виноваты... Изъ-за чего хлопчете? Согласитесь, что тихая деревенская жизнь чего-нибудь да стоить? Тѣнистый садъ, съ своими золотыми, румяными плодами, чистое озеро, по которому такъ весело гуляетъ ваша лодка, прудъ обсаженный плакучими ивами, на прудѣ подъ-вечеръ робкое стадо дикихъ утокъ, за прудомъ звонкія пѣсни поселенокъ идущихъ съ поля домой... А поле съ душистымъ сѣнокосомъ? а молодая супруга - красавица, не растратившая первыхъ дней жизни въ безсонныхъ ночахъ однообразныхъ баловъ, супруга, привѣтствующая возвратъ вашъ крѣпкимъ поцалуемъ? а этотъ свѣжій, чистый поцалуй?... ай-ай! сколько тутъ поэзіи, сколько... нѣтъ, полно, лучше замолчать.

Вы теперь знаете оставшаго поручика Медвѣдева, знаете, что онъ женатъ—кажется, и все тутъ. Позвольте, еще есть одно замѣчательное лицо: это—Петрушка!

слуга Макара Петровича, его крестьянинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крестный сынъ. Макаръ Петровичъ почти росъ вмѣстѣ съ Петрушкою, и когда уѣзжалъ въ полкъ, то уговорилъ покойнаго своего отца отдать Петрушку въ уѣздное училище. Баринъ служилъ, крестьянинъ учился. Макаръ Петровичъ, пріѣхавъ домой, нашелъ Петрушку красивымъ 18-ти лѣтнимъ парнемъ, да еще грамотнымъ и проворнымъ; онъ взялъ его къ себѣ, любилъ какъ сына, и даже немного баловалъ, какъ говорили сосѣди, позволяя читать всѣ книги изъ своей доревенской библіотеки.

II.

Чащій:

Молчаливъ: Мнѣ завѣщалъ отецъ....

Горк отъ Умла.

Медвѣдевъ въ началѣ ноября, часу въ седьмомъ вечера, съ своею супругою пилъ чай; они сидѣли на диванѣ передъ круглымъ столомъ, на которомъ кипѣлъ свѣтлый бронзовый самоваръ, и въ тяжелыхъ старинныхъ подсвѣчникахъ горѣли двѣ свѣчки; у двери стоялъ, съ подносомъ въ рукахъ, Петрушка; на коврѣ, у ногъ Макара Петровича, видѣлъ Трезоръ — большая лягавая собака.

Въ комнатѣ было тихо. Изрѣдка раздавалось протяжное: *ти-бо! ти-бо!* потомъ скорое: *пил!* потомъ нѣсколько секундъ было слышно, какъ Трезоръ ѣлъ сухарь, и опять все умолкало. Анна Андреевна, отъ-нечего-дѣлать, очень прилежно ловила ложечкою въ чашкѣ чайный листочекъ; Макаръ Петровичъ затягивался и потомъ какъ-то особеннымъ образомъ перепускалъ черезъ усы табачный дымъ.

Супруги, съ позволенія скакать, скучали — не то, что

бы они наскучили другъ другу — Боже сохрани! нѣтъ нѣтъ; а только просто скучали. Осенній дождь стучалъ однообразно въ окна, самоваръ шепталъ какую-то усыпительную легенду, свѣчи горѣли тускло. Въ такія минуты въ деревнѣ особенно пріятно зѣвается. Тогда гость — дорогой человѣкъ, неоцѣненный подарокъ, благодареніе судьбы.

Въ гостиной Макара Петровича тишина продолжалась по-прежнему. Вдругъ Трезоръ тревожно поднялъ голову, вытянулъ шею, заворчалъ и бросился въ переднюю съ громкимъ лаемъ.

— Назадъ, назадъ, Трезоръ! Тибо! тибо! закричалъ Медвѣдевъ: — Кто тамъ, Петрушка?

— Не безпокойтесь, это я! сказалъ, улыбаясь, тоненькій гость, въ синемъ фракѣ, и началъ вѣжливо разкланиваться.

— Ба, ба! Юліанъ Астафьичъ! мое почтеніе! Откудова, братецъ — а?

— Мое почтеніе, Макаръ Петровичъ! изъ П—вы, прямо изъ канцеляріи губернатора, посланъ курьеромъ въ П...ъ.

— Здоровы ли вы?

— Слава Богу! слава Богу!

— Очень радъ! слава Богу!

— Мое почтеніе вамъ, Анна Андревна. Здоровы ли вы?

— Слава Богу!

— И слава Богу!

— Полно вамъ строить комплименты! Эти губернскіе господа такъ и засыплютъ рѣчами!... Лучше давай-ка жена поскорѣ чаю: онъ озябъ съ дороги.

— Ваша правда, грѣшный человѣкъ. Ба! да какъ Петрушка выросъ, поздоровѣлъ! Ну, подойди сюда, поца-

луемся; мы съ тобой пріятели. Экой молодець! Въ прошедшемъ году, когда прїѣзжалъ съ вами на выборы, онъ былъ гораздо моложе... А! Трезоръ! не узналъ меня? злая собака! только одного барина и любить. Позвольте ему дать сухарикъ?

— Перестаньте возиться съ собакою, вы ее вѣчно балуете! пейте чай, да расскажите намъ, какъ тамъ у васъ въ губернскомъ свѣтѣ? что новенькаго?

— Рѣшительно ничего. Войны не слышать, набора тоже.

— Набора тоже?

— Тоже!...

— Это хорошо. А Катерина Федоровна что?

— Слава Богу! здорова; велѣла вамъ кланяться. У нея для дочери есть женихъ на примѣтѣ... Что вы говорите, сударыня?

— Военный?

— Да, военный, сударыня, и, говорятъ, очень богатъ: гдѣ-то въ Олонецкой губерніи свои виноградники...

— Скажите! какая завидная партія!

— Да, и еще, говорятъ, у него есть гдѣ-то возлѣ Торжка свой судоходный каналъ; что прошла лодка — гривна въ карманѣ; барка или тамъ что другое — двадцать копеекъ. Такое заведеніе!...

— Не-уже-ли!?

— Да, сударыня! и нашъ совѣтникъ Горохъ Дороховичъ, и Ульяна Ульянова... и... всѣ говорятъ; а самъ такой молодець, эплеты какъ жаръ горять...

— И въ чинахъ? спросилъ Макарь Петровичъ.

— Чинъ офицерскій; уже восьмой мѣсяць прапорщикомъ.

— Ну, такъ послужить бы еще немного.

— Говорять, ему въ этомъ году приходится въ подпоручики.

— Понимаю, черезъ годъ въ отставку поручикомъ— это другое дѣло... Ну, да пусть-себѣ онъ убирается къ болотному дѣдушкѣ, наше дѣло сторона. А сама-то Катерина Федоровна?

— Ничего! живетъ по-прежнему; недавно купила у барышника для себя сѣраго рысака.

— А Петръ Потапычъ? спросила Анна Андреевна.

— Все танцуетъ мазурку.

— Охота же спрашивать объ этомъ чурбанѣ! перебилъ Медвѣдевъ.— Чтò нашъ почтеннѣйшій Тузь Ивановичъ?

— На прошедшей недѣлѣ схоронили.

— Схоронили?!

— Да, схоронили; впрочемъ, потѣшилъ-таки онъ весь городъ. Представьте себѣ, въ духовномъ завѣщаніи запретилъ своей женѣ покупать карету.

— Какъ такъ?

— Такъ; написалъ просто: «Какъ-де моя жена происходитъ изъ хвастливаго рода, да и въ продолженіе многолѣтняго сунружества нашего всегда оказывала немовѣрную склонность къ суетности и тщеславію, чтò неоднократно выражалось нелѣпыми требованіями о покупкѣ кареты, то я, сохраняя пользу дѣтей нашихъ и не желая видѣть ихъ современемъ нищенствующими, запрещаю, подъ опасеніемъ моего проклятія, женѣ моей покупку кареты, не только новой, но даже и потѣженной, какъ вещи, могущей служить поводомъ къ разоренію моего семейства».

— Ха-ха-ха! экой пострѣлъ! Царство ему небесное! Утѣшилъ!

— Что же бѣдная его вдовушка? спросила Анна Андреевна.

— Тутъ нечего спрашивать, душа моя: вѣрно ругается.

— Изволили отгадать: сильно ругается, ругаетъ покойника, и дома, и въ гостяхъ, и на улицѣ. Такая стала сердитая; недавно сдѣлала большой афронтъ жениху дочери Катерины Федоровны.

— Оставьте его въ покоѣ: смерть не люблю прапорщиковъ, которые сватаются, лучше бы вы сами женились.

— Это единственная цѣль моей жизни; я радъ жениться, но, вы знаете, я человѣкъ небогатый...

— А если бы я тебѣ, пріятель, нашелъ невѣсту съ состояніемъ?

— Полноте шутить!

— Нѣтъ, право. Помнишь ли ты полковницу Фернамбукъ, которая цѣлое лѣто прожила съ дочерью въ губернскомъ городѣ?...

— Какъ же, я ее имѣлъ честь часто видѣть у Катерины Федоровны, еще у нея дочка сущій амуръ или грація!

— Ни амуръ, ни грація, а такъ, дѣвушка недурная, съ 300 душъ приданаго. Эта самая дама безъ души отъ тебя. Какъ пріѣхала въ деревню, все твердила: «вотъ человѣкъ, Юліанъ Астафичъ, какой вѣжливый, услужливый, толковый!...» Влюблена въ тебя да и баста!...

— Шутите! Она, кажется, уже степенныхъ лѣтъ.

— Экой приказный! ей лѣтъ за шестьдесятъ; женись на ея дочкѣ...

— Куда намъ! такого счастья я и во снѣ не видывалъ.

— Что за счастье? ты молодецъ, добрый малый, дворянинъ. Чего этой бабѣ еще надобно?...

— Она можетъ найти себѣ зятя офицера.

— Стыдись, братецъ, развѣ ты не офицеръ? какой на тебѣ чинъ?

— Губернскій секретарь.

— Чортъ васъ разберетъ! переведи, братецъ, какъ это будетъ по-христіански.

— Въ рангъ поручика.

— И прекрасно! чѣмъ ты не женихъ? Хочешь, я женю тебя?

— Будьте благодѣтелемъ! Да нѣтъ, меня смѣхъ беретъ, ха-ха-ха! вотъ казія!... впрочемъ, дѣлайте, что хотите!

— Ладно? Куда ты ѣдешь курьеромъ?

— Въ П—въ.

— Сколько ты можешь прожить у меня?

— Дня два.

— Вздоръ! ты долженъ прожить недѣлю.

— Невозможно, Маркъ Петровичъ!

— Почему? какія-нибудь дрянныя бумаги нужно отдать кому? Это можно сдѣлать: я пошлю въ П—въ фореитора Ваську, онъ ихъ отдастъ по адресу, а на другой день привезетъ отвѣтъ. П—въ всего отъ насъ 50 верстъ. Остаешься? Завтра же начну дѣйствовать — и не будь я Медвѣдевъ, если ты не женишься на молодой Фернамбуковой. Поѣдешь — пѣняй на себя.

— Дѣлать нечего, сказалъ Юліанъ Астафьевичъ.

— Люблю за обычай. Давай, пріятель, руку! Благодарю, жена: теперь не будемъ скучать цѣлую недѣлю въ эту скверную погоду. А я право женю молодца!...

— Если дастъ Богъ вамъ успѣхъ, сказала Анна

Андреевна: — какой вы будете близкій сосѣдъ: деревня Фернамбуковой отъ насъ всего три версты; только черезъ рѣку.

— Скажите: и сосѣдъ, и вашъ покорнѣйшій слуга.

— Это уже много; а шутки въ сторону, у меня будетъ къ вамъ просьба.

— Приказывайте, сударыня.

— Если вы женитесь, прежде всего должны исправить плотину и мостъ, а то всякій разъ, какъ переѣзжаю плотину Фернамбуковыхъ, я прощаюсь съ бѣлымъ свѣтомъ: кажется, такъ коляска и слетитъ съ плотины или провалится подъ мостъ.

— Будьте увѣрены, что въ мирѣ не будетъ другой подобной плотины: самъ пойду работать, лишь бы угодить вамъ.

— Что за страсть, подумаешь, у этихъ губернскихъ франтовъ нести такую чепуху! Полно, братъ, мою жену морочить, а я себѣ выговариваю право стрѣлять дичь во всѣхъ твоихъ дачахъ безданно и безпошлинно.

— Помилуйте, Макаръ Петровичъ! на что мнѣ эта дичь? Я самъ отъ-роду не стрѣлялъ изъ ружья и не знаю, какъ оно стрѣляетъ. Вся дичь — ваша. Мое почтеніе къ вамъ всегда было непреложно, и если вы пособите моей карьерѣ такую выгодною женитьбою, то я... и проч... и проч...

Въ такомъ родѣ разговоръ продолжался до самаго ужина.

Четверо сутокъ изволилъ кутить Макаръ Петровичъ на радостяхъ, что поймалъ губернскаго гостя, и каждый вечеръ губернский гость почти сквозь слезы говорилъ Медвѣдеву: «Боже мой! когда же мы будемъ сватать m-elle Фернамбукъ?»

— Погоди, братецъ, время впереди, отвѣчай Медвѣдевъ: — не возьметъ ее нечистая сила, завтра непременно поѣдемъ.

Приходило завтра, и опять та же исторія.

Наконецъ на пятый день Медвѣдевъ представилъ своего гостя семейству Фернамбукъ, а еще чрезъ день поѣхалъ самъ съ рѣшительнымъ предложеніемъ.

Это былъ роковой день для Юліана Астафьевича. Задумчиво ходилъ бѣдный губернской секретарь по комнатамъ, по временамъ щелкая пальцами; лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго; принужденная улыбка на тонкихъ губахъ его превращалась въ какое-то судорожное кривлянье; иногда онъ, тяжело вздыхая, обращалъ глаза къ образамъ, иногда, подойдя къ окну, очень правильно барабанилъ по стеклу, модную пѣсенку:

Во всей деревнѣ Катенька
Красавицей слыла.

Онъ очень хорошо чувствовалъ, что въ эти минуты рѣшалась судьба всей его будущности; отъ *да* или *нѣтъ*, зависѣло быть ему достаточнымъ человѣкомъ или прозябать въ канцеляріи съ перспективою сѣдыхъ волосъ, при великомъ счастьи секретарскаго мѣста и чахотки.

Напрасно Анна Андреевна старалась развеселить Чурбинскаго (это была фамилія Юліана Астафьевича) своими шутками: онъ, противъ обыкновенія, не понималъ ихъ, не старался предупредить окончаніе какого-нибудь анекдота, давно извѣстнаго всей губерніи, улыбкою удивленія или громкимъ хохотомъ. Юліанъ Астафьевичъ былъ не похожъ на самого себя.

Пришло время обѣдать — нѣтъ Макара Петровича;

вотъ и вечерѣтъ — нѣтъ его; вотъ уже и самоваръ на столѣ — все его нѣтъ. Несносный день, несносный человѣкъ Макаръ Петровичъ!

Но вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ, бѣлая тройка остановилась передъ крыльцомъ, и въ комнату вошелъ Медвѣдевъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что Фернамбуковы его приняли *за юстя*: лицо Макара Петровича горѣло румянцемъ удовольствія, глаза блестѣли; онъ живо переступалъ съ ноги на ногу, потирая руки.

— Ну что, почтеннѣйшій Макаръ Петровичъ? рѣшайте мою участь! отказъ? гарбузь? говорите, говорите, я напередъ это знаю!

— Въ чистую, братецъ, безъ мундира и пенсіона!

— Такъ, такъ, я это зналъ. Душа моя это предчувствовала. На смѣхъ подняли!... И не грѣхъ ли вамъ меня, беззащитнаго сироту, вводить въ такія исторіи, будто я не понимаю, что я, а что онъ? Богъ свидѣтель, я никогда и не думалъ о Фернамбуковыхъ; вы сами затѣяли неподобное; вамъ смѣхъ, а я что теперь стану дѣлать? еще подъ арестъ посадятъ!...

— Что, пріятель, впятилъ тебя въ бракъ — а?

— Хорошо вамъ издѣваться, что меня забраковали, какъ лошадь никуда негодную, а мнѣ каково?...

— Ха-ха-ха! у тебя страхъ и разумъ-то выгналъ! Кто тебѣ говоритъ о негодности? Ха-ха-ха! Запиши, жена, каламбуръ: въ бракъ тебя введемъ, т. е. въ законное супружество — вотъ что! давай руку! поздравляю! И старуха и дочь сначала-было, знаешь, этакъ немного закуражились, да какъ я имъ объяснилъ все толкомъ: и ты что за человѣкъ, и то, и другое, и прочее — онѣ и сдались, и дѣло въ шляпѣ, какъ гова-

риваль мой эскадронный командиръ — понимаешь?...
Завтра ѣдемъ къ Фернамбурковымъ вмѣстѣ; завтра же
надо извѣстить сосѣдей, а послѣзавтра — и подѣ въ-
нецъ. Куй желѣзо пока горячо!... Не радъ, что ли?

— Понимаю, что значить въ бракъ! Я кажется не
подалъ повода къ шуткамъ. Грѣхъ вамъ, Макарь Пет-
ровичъ!

— Прямое ты, братъ, чучело гороховое! еще и грѣ-
тушишься! прошу покорно!... Коли не хочешь — сей-
часъ ѣду къ невѣстѣ и въ полчаса все разстрою, заварю
такую кашу, что весь домъ пойдетъ вверхъ дномъ. Эй!
Петрушка, лошадей!...

— Перестаньте, что вы, что вы! ей-богу, я не
знаю, какъ принимать слова ваши, мнѣ все не вѣрится!
Не уже ли?... счастье такъ велико!...

— Такъ велико, что я остался ѣсть обѣдъ съ дере-
вяннымъ масломъ — Господи, прости мое согрѣшеніе! —
и выпилъ лишнюю рюмку гадкой наливки. Уговоръ луч-
ше денегъ: сейчасъ послѣ свадьбы прошу запретить
во всемъ домѣ употребленіе деревяннаго масла, и улуч-
шить питьейную часть...

— Какъ прикажете! что угодно! вы благодѣтель
мой, второй отецъ!...

Юліанъ Астафьевичъ обнималъ Медвѣдева, цало-
валъ руки Анны Андреевны и даже, въ торопяхъ,
толкнувъ нечаянно Трезора, взявъ его за морду и пре-
нѣжно сказалъ: «извини, душа моя!...»

Макарь Петровичъ, человѣкъ добрый отъ природы,
былъ очень радъ счастію знакомаго, тѣмъ болѣе, что
эта свадьба доставляла ему развлеченіе въ скучные
осенніе дни, когда, какъ нарочно, ненастье препятство-
вало ѣздить на охоту. Онъ хлопоталъ объ экипажахъ,

о лошадяхъ, созвалъ своихъ музыкантовъ и приказалъ имъ повторять увертюры изъ «Калифа, Багдадскаго» и «Двухъ Слепыхъ».

— Слушай, жена, кричалъ онъ: — вѣдь Юліанъ Астафьичъ нашъ гость, мы его женимъ; послѣ свадьбы будетъ у насъ балъ; смотри, не ударь лицомъ въ грязь, прикажи наготовить по болѣе всякой всячины: пирамидъ, кремовъ и разной этакой дряни, а я ужь тревожу свой погребъ — кутить такъ кутить!... О чемъ ты, Юліанъ Астафьичъ, опять загрустилъ?

— Знаете ли чтò? сказалъ Юліанъ Астафьевичъ, взявъ тихонько Медвѣдева за полу венгерки и, отвѣдая его къ окну, повторилъ въ полголоса: — знаете ли что?

— Ровно, братецъ, ничего не знаю.

— Не кричите такъ. Мнѣ кажется, что намъ не слѣдуетъ вѣнчаться такъ скоро.

— А почему?

— Да такъ, видите, мнѣ невозможно.

— Это чтò значить? сказалъ Медвѣдевъ, прищуривая лѣвый глазъ. — Понимаю, какія-нибудь шашни.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! не думайте, чтобъ я что-нибудь такое, или этакое — нѣтъ!

— Такъ чтò жь?

— А вотъ видите, я выѣхалъ изъ П — вы налегкѣ, со мной нѣтъ приличнаго платья.

— Вадоръ, братецъ! есть о чемъ думать! сегодня же пошлю человѣка на всю ночь, и завтра къ вечеру все здѣсь будетъ.

— Къ чему посылать? Это лишнее безпокойство, лучше я самъ съѣзжу и чрезъ недѣлю-другую, явлюсь.

— Пустое, тебя-то не пуцу! Эй, кто тамъ? человѣкъ!

— Не дѣлайте шуму и не посылайте, потому-

что я не знаю хорошенько, отдалъ ли мой пріятель немного передѣлать мой фракъ; сукно отличное, самъ платилъ по 18 р. за аршинъ, да фасонъ некрасивъ; если привезутъ непередѣланный, то еще хуже!...

— Прямо сказать: у тебя нѣтъ фрака вовсе; давно бы такъ и говорилъ! Не безпокойся: у меня цѣлая дюжина этихъ дурацкихъ фраковъ, выбирай любой. Да, кажется, у тебя нѣтъ ни бѣлья, ни прочаго? Полно краснѣть, прикажи Петрушкѣ приготовить, что нужно, изъ моего гардероба. Не къ чему скромничать! Эхъ, странный народъ, эти господа статскіе!...

III.

Милостивый государь, любезнѣйшій другъ,

Кузьма Демьяновичъ!

По обстоятельствамъ я женился на прекраснѣйшей дѣвицѣ, извѣстной фамиліи Фернамбукъ. Еще въ П—вѣ я плѣнилъ сію дѣвицу своимъ свѣтскимъ обращеніемъ, и теперь, мимоѣздомъ, окончилъ начатое, а что главнѣе всего, получилъ въ приданое 300 душъ крестьянъ. Я теперь намѣренъ жить, ни мало не безпокоясь насчетъ службы, буду служить по выборамъ дворянства. Еще есть къ вамъ моя просьба, а именно: вамъ извѣстно, что я взялъ, въ угодность Катеринѣ Федоровнѣ, билетъ въ собраніе на всю зиму, и со взносомъ 25 р. записался въ члены; а какъ я теперь, по дальности разстоянія, бывать въ собраніи не могу, то вспомнилъ о Григоріѣ Михайловичѣ, который когда-то, кажется, при васъ выразился: «Я взялъ бы зимній билетъ, да дорогъ, анаемскій, по нашему, еслибы рубликовъ 15—никуда бы шло!» Я, любя Григорія Михайло-

вича, рѣшился уступить ему оный билетъ за 15 р. хотя и понесу убытку 10 р. И еще сдѣлайте одолженіе: у меня на квартирѣ остался горшокъ коровьяго масла, подаренный мнѣ Катериною Ѳедоровною, масло очень хорошее, добраго качества и пріятнаго вкуса; его было десять фунтовъ, мною израсходовано онаго масла 2 фунта, слѣдственно осталось 8; безъ меня же оно убыть не могло, ибо, уѣзжая, я запечаталъ горшокъ собственною моею вензеловою печатью, а потому возьмите на себя трудъ, посмотрѣвъ предварительно, не нарушена ли печать; взять горшокъ и приказать вашему Петькѣ продать заключающееся въ немъ масло; еще разъ повторяю, что масло очень хорошее, чтобы Петька, при продажѣ, не опростоволосился. Не вѣрьте, если, паче чаянія, хозяинъ квартиры моей станетъ претендовать на масло: онъ всегда былъ грубіянь. Скажите ему, въ случаѣ надобности, что еслибъ онъ былъ почтительнѣе и не входилъ ко мнѣ въ комнату въ колпакѣ, то я и ему удѣлилъ бы что-нибудь изъ означеннаго масла. Надѣюсь, вы не замедлите выслать деньги за билетъ, равно и за масло, а прочія мои вещи, какъ-то: старый фракъ, сапожныя щетки, двѣ пары ножей съ костяными колодочками, и проч. сохраните у себя до моего пріѣзда: хочу по зимнему пути побывать въ П — вѣ съ женою.

Имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь,
благопріятелемъ

Юлианъ Чурбинскій.

18.7 года, ноября 12 дня.

Деревня Фернамбуковка.

P. S. На случай, сіе письмо затеряется, то я сію же почту пишу и отсылаю другое, точно таковаго же содержанія, къ Марку Титовичу, въ коемъ, упоминаю о

*

вышепрописанномъ вамъ порученіи, прошу и его принять участіе, въ случаѣ вашей (чего Боже сохрани!) болѣзни, или чего другаго. — . — Еще просьба: еще съ прошедшаго лѣта я общалъ Аннушкѣ, знаете, которая мнѣ мыла манишки, купить золотыя сережки. Дѣлать нечего! изъ полученныхъ денегъ за мои вещи возьмите 80 копеекъ ассигнаціями и купите ей сережки, изъ металла, называемаго *семилѣръ*: этотъ металлъ немного дешевле золота, по въ нѣмъ пріятнѣе и имѣетъ разительный блескъ. Я полагаю, послѣдняя порученность вамъ не безъ пріятности.

IV.

Милая моя сестрица,

Анисья Парамоновна!

Наказалъ меня Богъ, сестрица, наслѣдствомъ въ глупой сторонѣ: ни сосенъ, ни ёлокъ, ни людей нѣту — все чучелы; крестьяне безъ бородъ; и бань не строить, и въ семикъ не пляшутъ, и сохой не пахутъ. Одинъ, кажись, былъ человекъ изъ сосѣдей — Медвѣдевъ, да и тотъ, какъ я узнала, змѣя подколодная. Я писала къ тебѣ, милая, что выдала дочку за Чурбинскаго: золотой малый, ни въ чемъ не перечесть, такъ насъ любить, мнѣ и платокъ подаетъ, и скамеечку подъ ноги ставить, да въ дѣла не мѣшается, говоритъ: «имѣніе ваше, и я вашъ, дѣлайте, что хотите». А мы съ дочкой что знаемъ? наше дѣло женское; вотъ мы и хотимъ ему записать нашу деревню, авось охотнѣе дѣломъ займется. Только зять мой все упрашиваетъ: «не говорите, дескать, объ этомъ Медвѣдеву». А что? я спросила. Вотъ онъ тутъ мнѣ всю правду и рассказалъ:

что онъ совѣтъ не пріятель нашему дому, что насмѣхается надъ нашимъ хлѣбомъ-солью, говорить, что у насъ въ кушаньяхъ скверное деревянное масло... ужаси такіа наговорилъ, что бѣда! Меня вотъ такъ лихо-радка и взяла, а онъ, говорить: «сваталъ меня изъ своихъ интересовъ; и плотину почини, чтобъ его женѣ было хорошо ѣздить, и то, и другое; да еще обращается со мною; какъ съ какимъ-нибудь лакеемъ, все ты да братецъ, при публикѣ такъ унижаетъ». Третьягодня обѣдалъ у насъ окаянный Медвѣдевъ; я сама нарочно подлила во всѣ кушанья деревяннаго масла — что жъ? и не ѣлъ ничего, надулъ усы, словно сомъ-рыба, и сидитъ. «Что не кушаете, сосѣдъ? я спросила. Можетъ статься, у насъ не умѣютъ готовить?» — «Нѣтъ, говорить онъ, что-то голова болитъ», да и уѣхалъ сейчасъ послѣ обѣда. Вотъ что, моя милая сестрица, а я только и надѣялась на одного сосѣда, а и тотъ въ лѣсъ смотритъ!... Я уже совѣтовала своему зятю не позволять наступать себѣ на ногу. Да, моя милая! скверная сторона! скоро петровъ день, клубника у насъ отошла, а была крупная; черешень въ саду пропасть, и бѣлыхъ и красныхъ, и черныхъ, да все скверныя ягоды, какъ сахаръ сладкія; и вишни поспѣваютъ, и шелковицы, а нѣтъ ни клюквы, ни брусники, ни черники, ни голубики, ни одной ягоды съ кваскомъ, я уже о морошкѣ и не вспоминаю... Сахаръ у насъ дорогъ, а медъ свой; варю варенье больше медовое для поста. Прощай, моя милая сестрица, пришли записку, какъ дѣлать шипучку, моя гдѣ-то затерялась. Прощай милая сестрица,

Полковница Ѡ. Фернамбургъ.

18.8 года, іюня 26 дня.
Деревня Фернамбуковка.

V.

Свѣтлое июльской солнце взошло уже высоко; былъ часъ десятый утра; широкій скошенный лугъ Юліана Астафьевича далеко развернулся свѣтлозеленою скатертью, испещренною частыми копнами сѣна, на которыхъ, то тамъ, то тамъ, сидѣли, охорашиваясь, маленькіе степные ястреба; на горизонтѣ луга, какъ оазы, виднѣлись темнозеленые кусты тростника; тамъ были небольшія озера; надъ ними, легкимъ облачкомъ, безпрестанно мѣняющія формы, носилось стадо скворцовъ, подлѣ одного озера паслась стреноженная пѣгая лошадь; съ полверсты въ сторону человѣкъ около сотни крестьянъ сметывали копны сѣна въ одну огромную скирду.

По дорогѣ къ озерамъ ѣхалъ какой-то вооруженный экипажъ, въ-родѣ блаженной памяти испанской армады; разсмотрѣвъ хорошенько, можно было узнать въ немъ широкую, длинную и глубокую брику безъ верха; на козлахъ сидѣлъ кучеръ и два человѣка, съ ружьями въ рукахъ; на запяткахъ тоже два человѣка съ ружьями; изъ самой внутренности брики торчало пять или шесть головъ въ картузахъ, столько же ружейныхъ стволовъ и четыре собачьи морды. Брика остановилась у озера; изъ нея выскочилъ человѣкъ, въ сапогахъ до пояса, въ зеленой курткѣ и такихъ же шараварахъ; черезъ правое плечо у него висѣла охотничья сумка съ сѣткою для дичи, черезъ лѣвое, на зеленомъ сиуркѣ, деревянная черкесская трубка, съ короткимъ чубукомъ. Едва-едва въ этомъ рыцарѣ изумруднаго образа можно было узнать Макара Петровича. За Макаромъ Петровичемъ выскочилъ Трезоръ, далѣе начали выгружаться

пріятели и егеря Медвѣдева. Встѣхъ набралось человѣкъ около десятка.

— Рекомендую вамъ, господа, чудесное озеро, сказалъ Медвѣдевъ:— здѣсь мы найдемъ пронасть молодыхъ утокъ. Охъ! жаль, что бекасы еще нехороши. Впрочемъ, не давать и имъ спуска, коли попадутся.

Пріятели молча осматривали ружья.

— За работу, что ли? продолжалъ Макаръ Петровичъ. — Выпьемъ на дорогу, да и съ Богомъ. Петрушка! дорожную фляжку!

На этотъ разъ пріятели оставили ружья и подошли къ Медвѣдеву.

Петрушка подавъ барину плоскую, обшитую краснымъ сафьяномъ, фляжку. Медвѣдевъ отвинтилъ на ней серебряную крышку, которая имѣла форму и вмѣстимость порядочнаго стаканчика, наполнилъ этотъ мудрый сосудъ, выпилъ и передалъ слѣдующему. Отставной капитанъ Здравъ, съ золотою головою, закусилъ кусочкомъ чернаго хлѣба съ солью; другой сосѣдъ, русскій нѣмецъ, досталъ на этотъ случай изъ своего ягдташа сухую корку голландскаго сыра, погрызъ ее немного и, завернувъ въ бумажку, опять спряталъ въ карманъ. Прочіе ѣли что поналось подъ-руку.

Перекусивъ, охотники осмотрѣли ружья, подсыпали на полки свѣжаго пороху, выстроились въ рядъ и нѣрными шагами вступили въ болото; собаки шныряли впереди охотниковъ; нѣсколько паръ испуганныхъ утокъ поднялось съ озера и, сопровождаемыя выстрѣлами, сновали надъ болотомъ. А между тѣмъ, оставивъ работу, съ дикимъ крикомъ и воплями бѣжала къ озеру толпа полушьяныхъ мужиковъ, вооруженныхъ граблями и вилами. Въ минуту озеро было окружено.

— Стой, стой! кричали мужики: — отпущай ружья, представляй въ судъ — такъ приказано!

Стрѣльба остановилась.

— Что вамъ надобно? закричалъ Медвѣдевъ.

Крестьяне Чурбинскаго, какъ ни были пьяны, однако ужали Медвѣдева, и уваженіе, которое народъ искони питаетъ къ кореннымъ панскимъ фамиліямъ, въ минуту пробудилось. Славъ шапки, стояла толпа, а прикащикъ Полтановичъ, въ синень кафтанѣ, подносанный пестрымъ кушакомъ, подошелъ къ Медвѣдеву, разгладилъ длинные усы и, низко кланяясь, сказалъ:

— Извините, пане, мы васъ не узнали: но все-таки, видите, стрѣлять невозможно — я въ этомъ не причиною.

— А какой же дьяволъ?

— Оно, разумѣется, вы люди ученые, и знаете, что дьяволъ, когда восхощетъ, принимаетъ образъ человѣка, ибо хитра сила нечестая, но все-таки это не безплотный дьяволъ, а нашъ многопочитаемый баринъ причиною.

— Убирайся съ твоею чепухою, не нѣмай намъ охотиться!

— Да что вамъ въ этомъ болотѣ, такое гадкое, только лягушки водятся... лучше бы поѣхали вотъ версты за три на болото генеральши Оглоблиной. Господи твоя воля, чего тамъ нѣтъ!... что шагъ, то мѣстоположеніе, всякая дичь кишмя-кишитъ.

— Полю вратъ. Намъ и здѣсь хорошо; впередъ, ребята!

— Нѣтъ, ей-богу нѣтъ, пане! я буду въ отвѣтъ. Не моя вина, а стрѣлять все-таки нельзя, не приказано. Говорить баринъ: «пусть птица плодится; можетъ быть я, когда-нибудь, возьму ружье, попрошу кого знающаго зарядить, да и поѣду стрѣлять на озеро; къ то-

му времени дичь освоится и зарядъ не пропадетъ даромъ: сразу убью паръ десятокъ» говорить.

— Кого другаго не пускай, а мнѣ вѣрно не станеть запрещать твой баринъ.

— Будь кто другой, а не ваша милость, мы бы его давно спровадили въ городъ — такъ приказано. Говорить: «лови, Потаповичъ, всѣхъ моею рукою, да и въ судъ, да и въ судъ, хотя бы мой родитель, говорить, пришелъ, и того въ судъ; не его земля, моя земля!»

— Что онъ, съ ума сошелъ?

— Уповательно это ихъ воля, и я объ этомъ прямо сказать не могу; а если хотите, я пошлю хлопца справиться: вѣрно баринъ вамъ позволить.

Озеро было верстахъ въ двухъ отъ дома Чурбинскаго, а потому охотники тутъ же, въ болотѣ, присѣли на кочкахъ, въ ожиданіи, пока сынъ прикащика, проворный мальчикъ, поскакавшій во весь духъ на отцовской лошади къ барину, привезетъ милостивый фирманъ.

Черезъ четверть часа обратно прискакалъ мальчикъ, слѣзъ съ лошади и, утирая рукавомъ съ лица потъ и пыль, крестился и кричалъ:

— Не можно, пусть я пропаду если можно.

— Врешь! ты вѣрно не разслышалъ, сказалъ Медвѣдевъ.

— Какъ бы то не разслышалъ? Я прѣзжаю, а баринъ стоять въ красномъ халатѣ у амбара, гдѣ дѣвки подточиваютъ пшеницу, и такіе веселенькіе; вотъ я и говорю имъ: «Какъ зволите прикажете, у насъ стрѣляютъ на болотѣ птицу». — «Зачѣмъ же ты прѣехалъ? говорятъ они: ловите ихъ бездѣльниковъ, дармоедовъ,

да и въ судъ». Я имъ поклонился да и говорю: «такой человекъ, что и ловить нельзя, настоящий панъ». — «Губернаторъ что ли?» — «Не знаю, можетъ ихъ и такъ дразнить, а мы всё зовемъ ихъ Медвѣдевыми». — «Дуракъ!» сказали баринъ, топнувъ ногою, «я такой же панъ, какъ и Медвѣдь, когда не почище его. Скажи, чтобы сейчасъ убирался вонъ изъ болота. А твой отецъ за чѣмъ смотритъ? вотъ я его, старого осла!»

— Такъ, таки, такъ! я такъ и думалъ, ворчалъ Потаповичъ.

— И только? спросилъ Медвѣдь.

— Нѣтъ, еще оборотились къ Фескѣ, дочери нашего кузнеца, взяли ее за подбородокъ, да и говорятъ: «Отчего ты такъ покраснѣлась, Θεодосія?» Я вижу, что это уже не ко мнѣ, взялъ да и уѣхалъ.

Макаръ Петровичъ съ досады кусалъ усь.

— Какъ изволите, замѣтилъ ему, кланяясь прикащикъ:— а неуждно ли вамъ убираться; не моя воля; невмѣнъ гвоздь, что лѣзетъ въ стѣну, коли его колотятъ по головѣ обухомъ.

Молча вышелъ изъ болота Медвѣдь и его спутники. Мужими значительно переглядывались между собою, не вѣря сами: какъ это можно Медвѣдева выгнать изъ болота?...

По моему мнѣнью, куликъ самая безхарактерная птица; иногда онъ увидитъ человекъ за версту, подыметъ съ мѣста, кружить надъ болотомъ, кричить, свистѣть, будитъ всю окрестность; иногда зауститъ въ болотную тину свой носъ и сидитъ-себѣ въ травѣ преспокойно, развѣ толкнешь его ногъ бокъ, тогда только онъ

схватится, зачастить крыльями, завопить какъ... ну, какъ человекъ, когда затронуть его самолюбіе.

Петрушка выходилъ изъ болота, и вдругъ изъ-подъ ногъ его выпорхнулъ куликъ и съ жалобнымъ крикомъ понесся въ степь; Петрушка выстрѣлилъ — и бѣдная птица, закружась въ воздухѣ, упала передъ прикащикомъ.

— Не дурачиться! закричалъ Медвѣдевъ, и подошелъ къ толпѣ мужиковъ. Въ это время прикащикъ поднялъ застрѣленнаго кулика и, разсматривая его, ворчалъ: «экое страданіе!...»

— Дѣлать нечего, ребята, скажите вашему пану, что такъ дѣлать нехорошо; онъ жалѣетъ для меня нерелетной птицы, а я не пожалѣлъ ему дать къ вѣнцу и свое платье, и... можетъ, слыхали!

— Мы сами безъизвѣстны объ этомъ, заговорили мужики; но Потаповичъ погрозилъ пальцомъ — и все притихло.

— Прощайте, ребята. Вотъ вамъ рубль серебра: выпейте по чаркѣ водки; теперъ жарко.

— А вашъ куличокъ? сказала прикащикъ, подавая Петрушкѣ застрѣленную птицу.

— Отвезите его, дядюшка, своему барину, пусть онъ имъ подавится.

Охотники уѣхали, мужики ушли, скворцы улетѣли, и возлѣ озера опять только осталась стреноженная гнѣгая кобыла...

VI.

Мѣсяца за два до женитьбы Чурбинскаго, Медвѣдевъ съ женою были въ гостяхъ у Фернамбуковыхъ. Въ гостиной старуха Фернамбукъ рассказывала о вче-

ранинень вистѣ, какъ она съ управителемъ сдѣлала шлемъ, а играли четверо: она, ея дочь, управитель и ея сосѣдъ, отставной юнкеръ; какъ у нея на рукахъ быть валець и т. п. Богъ съ нею, она всегда рассказываетъ скучныя вещи. Молодая Фернамбукъ показывала Аннѣ Андреевнѣ баночку духовъ съ надписью: *Extrait triple à la violette*, привезенную будто-бы изъ Парижа, нюхала пробку и, подымая глаза къ небу, восторженно шептала: «Ахъ, какое благовоиѣ! ахъ, какъ должно быть хорошо въ Парижѣ!» Медвѣдевъ дѣлалъ по временамъ странныя ужимки, пересмливая зѣвоту, и посматривалъ на жену, какъ бы спрашивая: не пора ли домой?

Въ передней было веселѣе. Петрушка, сидя на длинной зеленой скамейкѣ, толковалъ Филькѣ, лакею въ тиковой курткѣ, какъ цвѣтутъ орѣхи, и отчего на орѣхахъ бываетъ цвѣтъ двухъ родовъ.

— Э, Петрушка, надуваешь! протяжно говорилъ Филька, нюхая табакъ изъ тавлинки.

— Придетъ весна — посмотри самъ.

— Развѣ посмотрю, а такъ не повѣрю, и ты не вѣрь книгамъ: тамъ, я думаю, все написано такое!... Филька махнулъ рукою.

— Имъ нельзя иначе цвѣсть.

— Такъ, конечно, орѣхи, не бойсь, у тебя спрашиваютъ?

— Не спрашиваютъ, а это оттого...

— Хе-хе-хе! ну, отчего?

— Оттого... послушай, Филька, что это за барышня перешла черезъ комнату?

— Вотъ тебѣ и грамотный! знаетъ отчего орѣхи цвѣтутъ на-двое, коли-то еще цвѣтутъ, а нашего брата

называетъ барышней! Это, братъ, Машка, горничная нашей барышни.

— Полно, Филька, кто она?

— Я не грамотѣй, надувать не умѣю, сказалъ разъ — и правда. Не диво, что ты ее первой разъ видишь: она шесть лѣтъ училась около моря въ Аддестахъ у мамзели убирать головы, знаешь, разными цапками; вотъ какъ наша барышня на порѣ замужъ, такъ и выписали Машку для уборовъ; вотъ уже другая недѣля, какъ она прѣхала, да какая, братъ, бойкая, и книги читаетъ потвоему, и день въ день ситцевое платье носить, а на нашего брата и смотрѣть не хочетъ; на что прикащикъ Потапычъ — человекъ и почетный и грамотный, третьяго дня подошелъ къ ней и началъ заигрывать — она хватъ его по рукамъ. «У васъ» говорить «сѣдина въ головѣ, а не умѣете обращаться съ дѣвушками», засмѣялась ему подъ-носъ и убѣжала. «Тю-тю» сказалъ Потапычъ, «для нея судовой паничъ растетъ! Бросьте ее, хлопцы, вишь какая бучная!...» А мы такъ и покатились по землѣ отъ смѣха. Вотъ что, ей-богу!... Этакая! а сама не больше, какъ дочь нашего коновала Ивана. — О чемъ ты задумался?

— Ничего, такъ; а какая хорошенькая эта Маша!

— Да, нечистой ее не взялъ; сухопара немного.

Маша была очень хороша: ей было 17 лѣтъ. Высокій, стройный ростъ давалъ ей какую-то особенную величавость; ея черные волосы были украшены алою нахровою маковкою; смугловатое лицо Маши, отбѣненное легкимъ румянцемъ — признакъ чистой украинской крови — длинныя, пушистыя рѣсницы, большіе голубые глаза, легкая походка, даже самый покрой платья, отличный отъ здѣшняго — все очаровывало Петрушку...

При первомъ взглядѣ на Машу онъ затрепеталъ отъ удовольствія; какое-то тревожное и вмѣстѣ пріятное чувство запало въ грудь его.

Люди много толкуютъ о сочувствіи душъ; я мало вѣрю людямъ, но въ этомъ случаѣ въ-половину соглашаюсь.

Когда Петрушка и Филька разговаривали, дюжая дворовая дѣвка внесла въ переднюю коробку яблокъ. Минуты черезъ двѣ вышла Маша, подошла къ коробкѣ и, несмотря ни на кого, сказала: «снеси, Дуняша, эти яблоки въ дѣвичью, барыня приказала сосчитать ихъ».

— А позвольте узнать, какія это яблоки, кислыя или сладкія? спросилъ Петрушка, подойдя къ коробкѣ, да и покраснѣлъ, самъ не зная чего.

— Не знаю, отвѣчала Маша, посмотрѣла на Петрушку и сама покраснѣла еще болѣе Петрушки, взяла изъ коробки яблоко и начала вѣртѣть его въ рукахъ.

— Его можно попробовать, сказалъ Петрушка: — вотъ прекрасный ножикъ.

Петрушка вынулъ изъ кармана складной охотничій ножъ своего барина и подалъ его Машѣ.

Маша разрѣзала яблоко и отдала половицу его, вмѣстѣ съ ножомъ, Петрушкѣ.

— А какой это удивительный ножъ! замѣтилъ Петрушка: — это у насъ, въ Россіи, въ Тулѣ такіе великіе мастера.

— Да, отвѣчала Маша.

— Вотъ, видите, точно нѣмецкій складной, и какъ умно все придума но одинъ большой ножъ — видите? одинъ маленькій, вотъ пробойникъ, огниво, гвоздь — чистить трубку, и ухвертка. Говоря это, Петрушка раскрывалъ ножъ и показывалъ каждую штуку особенно.

— Спрячь-ка, пріятель, свой ножъ, сказалъ Филька: — а вы съ яблоками проваливайте: застанеть старая ба-рыня, что вы ѣдите фрукты, надаеть вамъ тумановъ и мнѣ, какъ свидѣтелю, достанется — слышь? идуть!

Дѣвушки ушли въ боковую дверь, въ переднюю во-шелъ Медвѣдевъ и приказалъ подавать лошадей.

Такъ началось знакомство Петрушки съ Машею, а если хотите — и любовь ихъ.

Съ-этихъ-поръ всякій разъ, когда пріѣзжалъ Медвѣ-девъ къ Фернамбуковымъ, Маша всегда находила какой-нибудь предлогъ придти въ переднюю. Петрушка, съ сво-ей стороны, всегда нигдѣ что-нибудь любопытное пере-дать Машѣ; мало-по-малу они до того ознакомились, что Петрушка началъ привозить Машѣ изъ господской би-бліотеки романы: *Природа и Любовь*, Лафонтена, *Алек-сисъ или Домикъ въ лѣсу* Дюкре-Дюминья, и другіе, подобныя.

VII.

Замѣтили ли вы, господа, что, пируя на свадьбѣ, хо-лостые люди и дѣвушки бываютъ какъ-то особенно на-строенны; они откровеннѣе, мечтательнѣе, рѣшительнѣе, разговорчивѣе, довѣрчивѣе?... Право! Музыка ли распо-лагаетъ къ этому человѣческія сердца, или веселыя, сча-стливыя лица новобрачныхъ, или яркое освѣщеніе — не знаю; но увѣряю васъ, что мое замѣчаніе справедливо.

На свадьбѣ Чурбинскаго пиръ приходилъ къ концу. Музыка играла мазурку. Юліанъ Астафьевичъ танцо-валъ въ первой парѣ съ своею супругою, дагѣ Макарь Петровичъ съ Еленою Павловною, еще Василій Алек-сандровичъ съ Александрою Ивановною, и еще много, много паръ. Можете представить, какъ было весело!

Лакон и горничная прихватили господь столышникъ у дверей залы и съ изумлениемъ смотрѣли, какъ убитый учитель математики, приглашенный на свадьбу ради великаго искусства и знанія танцевальнаго дѣла, изогнуть данную ему Божень, облыковенную человѣческую фигуру въ выношенную букву S, отчаянно носился по залѣ изъ угла въ уголъ; правую руку поддерживалъ онъ за кончики пальцевъ огромную даму, а въ лѣвой держалъ за уголокъ бѣлый носовой платокъ, который, какъ флюгеръ, шумѣлъ, кружился, насакалъ въ воздухѣ и летѣлъ за своимъ господиномъ, точно хвостъ за конною. Зрѣлище диковинное и не для однихъ лаконевъ.

Машин не было въ толпѣ любопытныхъ зрителей. Петрушка и прежде видѣлъ эти танцы, потому онъ и не тискался впередъ, закинулъ за спину руки и сталъ почти у самой двери, ведущей въ сѣни. Вдругъ ему послышалось будто за нимъ отворяется дверь; онъ взглянулъ — нѣтъ никого; черезъ минуту кто-то дернулъ его сзади за сюртукъ: оглянулся — опять никого; немного погодя, чья-то нѣжная ручка робко пожала его руку: въ секунду Петрушка былъ за дверью въ большихъ темныхъ стѣнахъ — ему на встрѣчу какая то женщина, бросилась на него и обвила жаркими руками.

— Это ты, Маша?

— Я, Петруша!

— Я, не вѣрю самъ себѣ, это ты, моя ненаглядная! Что съ тобою? Ты плачешь?

— Грустно мнѣ, Петруша: они пляшутъ, веселятся, а мнѣ грустно, грустно... такъ и хочется заплакать... да все хочется говорить съ тобою: кажется, все и отляжетъ отъ сердца отъ твоихъ рѣчей. Какъ я люблю те-

бя Петруша! Сми́йся надо мною, а я давно хотѣла тебѣ сказать это...

Петрушка отвѣчалъ длиннымъ поцалуемъ.

— Ахъ, Петруша, какъ ты хорошъ! Я сегодня все на тебя смотрѣла, пока начали надо мною смѣяться. Дунька такая злая! «Посмотрите, говорить, Марья Ивановна и на пановъ не смотритъ, какъ въ танцахъ прохлаждаются, да все на Петрушку, и глазъ съ него не спустить». А я себѣ думаю: «Петрушка стѣбитъ того», и нарочно хотѣла на тебя глядѣть, да такъ стало совѣстно; ушла въ дѣвичью и оттуда въ щелку все на тебя смотрѣла—ты лучше всѣхъ!

— Я давно люблю тебя, да сказать боялся: ты такая быстрая, кажется, съ-разу на смѣхъ подынешь.

— Грѣхъ тебѣ говорить это, Петруша! Не бойся меня, что я быстра. Сова тиха, да птиць душить; а ласточка цѣлый день летаетъ да щебечетъ, только хвалить Бога, зла никому не дѣлаетъ. Скажи мнѣ еще разъ, что ты меня любишь—мнѣ такъ весело слушать... отъ радости, кажется, не доживу до утра.

— Люблю, люблю, моя радость!... А я все не вѣрять, что ты меня любишь, хоть Филька и божился... Вздумаю - было тебѣ сказать такъ что-нибудь стороною, да вспомню, какъ ты насмѣялась надъ прикащикомъ—и языкъ оживѣетъ.

— Богъ съ тобою! То прикащикъ, съдой дурень, а то ты—мой ясочка: съ тобой и жить и умереть готова...

— Послушай, завтра же, если хочешь, я скажу своему барину: насъ перевѣчаютъ—и будемъ жить счастливо.

— Дѣлай какъ знаешь, мой голубь сизый.

Тутъ музыка перестала играть; въ сѣняхъ раздаеся

звонкій поцалуй. Маша выбѣжала изъ стѣней въ садъ, а Петрушка тихо вошелъ въ переднюю.

Дня черезъ два Петрушка сказалъ Машѣ, что Макарь Петровичъ не соглашается теперь его сватать: скажутъ, дескать, что нарочно женилъ Чурбинскаго, чтобъ чрезъ него отнять у Фернамбурковыхъ ученую дѣвочку, «а ты, говоритъ, молодъ, и она молода, потерпите до осени — это менѣе года: тогда я самъ буду сватомъ; если не согласится господа ее выдать, и имъ заплачу, что они захотятъ».

— Какъ не согласится! отвѣчала Маша: — вѣдь, ты самъ говорилъ, что у Чурбинскаго ни кола ни двора, а твой баринъ женилъ его на такой богатой невѣстѣ; да и на что я имъ? нѣтъ, не стану противиться, будемъ ждать да молиться Богу!...

— Будемъ, отвѣчалъ Петрушка! — А нескоро придетъ эта осень!... Зима, весна, лѣто, а тамъ ужь осень!...

VIII.

Я очень люблю начало осени, особливо на Украинѣ: томительный жаръ лѣта смѣняется прохладой; природа наградила труды людей своими дарами: вездѣ довольство; вездѣ веселыя лица. Ёдешь полемъ: — и направо и налево отъ дороги длиннымъ строемъ вытягиваются конны хлѣба; въ сторонѣ гдѣ-нибудь краснѣетъ запоздалая нива гречихи, тяжелыя, черныя грозди ея, какъ виноградъ, клонятся къ землѣ на вѣтвистыхъ, пурпурныхъ стебляхъ... Вечерѣтъ. Крикливыя стада журавлей пируютъ на поляхъ, вереницы утокъ шумятъ надъ головою... передъ вами вьется въ чистомъ воздухѣ легкій дымокъ. Вы подъѣзжаете къ куреню баштанника (такъ

у насъ называютъ стариковъ, которые смотрятъ надъ (бахчею), старичекъ разложилъ огонь передъ своимъ шалашомъ и варить къ ужину кашу. Пламя съ трескомъ обхватываетъ вѣтви степнаго раkitника, голубоватый дымъ тонкою струйкою вьется кверху и исчезаетъ въ воздухъ; противъ старика сидитъ его внукъ — ребенокъ лѣтъ десяти; онъ разбилъ арбузъ, чуть не въ себя ростошь, рветъ руками его сочное, алое, сахаристое мясо, ѣсть и хохочетъ отъ удовольствія; за шалашомъ лежитъ косматая сѣрая собака и весьма пристально разсматриваетъ летающаго вечерняго жука; далѣе кучи арбузовъ и дынь... и эта тихая картина облита яркимъ золотомъ заходящаго солнца. По дорогѣ вы обгоняете возы, нагруженные тяжелыми снопами; въ деревнѣ изъ-за хатъ выглядываютъ золотые стоги, какъ залогъ благоденствія многихъ людей; въ садахъ цѣлыя семейства собираютъ яблоки, груши и бергамоты; на васъ вѣетъ благоуханіе душистыхъ плодовъ; вы слышите въ саду хохотъ и пѣсни дѣвушекъ...

Хороша, богата природа! Невольно снимешь шапку и отъ души перекрестишься! Стоитъ ли человекъ прекрасныхъ даровъ Божіихъ?

Кромѣ того, осень — время свадебъ; поселяне, кончивъ уборку хлѣба, хотятъ отдохнуть, повеселиться. А гдѣ же лучше попить какъ не на свадьбѣ? Старосты, перевязанные чрезъ плечо поясами, начинаютъ ходить по улицамъ. Не одна пара черныхъ дѣвичьихъ глазъ высматриваетъ ихъ, жданныхъ гостей; не одна роскошная, полная грудь дрожитъ отъ страха и сомнѣнія: *любой* или *нелюбъ* шлетъ къ ней сватовъ?...

Августъ приближался къ концу. Въ селеніи Медвѣдева изъ улицы въ улицу ходили толпы свадебныхъ

гостей, съ музыкою, съ пѣснями, съ красивыми женщинами...

Петрушка загрустилъ... Отъ рокового дня охоты на озерахъ Чурбинскаго, онъ раза два видѣлъ Машу въ церкви; но Маша такъ печально говорила ему: «Чуетъ мое сердце, что не бывать намъ счастливыми; намъ баринъ готовъ съѣсть нашего барина; не отдастъ онъ меня за тебя!» Петрушка утѣшалъ ее какъ могъ, но въ душѣ и самъ чего-то боялся напомнить барину о его обѣщаніи, грустилъ, скучалъ — и слетѣлъ въ постель.

Медвѣдевъ, узнавъ о причинѣ болѣзни Петрушки, написалъ къ Чурбинскому письмо, предлагая за Машу тысячу рублей или болѣе, если Юліанъ Астафьевичъ будетъ согласенъ, и въ отвѣтъ получилъ на лоскуткѣ бумаги четыре слова: *ничего не хочу, не бывать этому.*

Оправился отъ болѣзни Петрушка или нѣтъ — Богъ его знаетъ... только онъ всталъ съ постели, взявъ ружье и пошелъ на охоту; подошелъ къ рѣкѣ и побрелъ тихими шагами берегомъ прямо къ деревнѣ Чурбинскаго.

Утреннее солнце свѣтило ярко, стада дичи, подымаясь съ рѣки, кружили надъ головою Петрушки — онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Вотъ и деревня Чурбинскаго, вотъ и роца надъ рѣкою; по рѣкѣ плаваетъ большое стадо своейскихъ утокъ; на берегу, подъ кустомъ, сидитъ босоногая дѣвка въ лохмотьяхъ. Петрушка смотритъ и не видитъ — идетъ далѣе.

— Петруша! закричалъ кто-то позади его; бѣднякъ вдругъ очнулся, будто тяжелый сонъ слетѣлъ съ глазъ его. «Кажется, голосъ Маши», подумалъ онъ и

началъ осматриваться. Дѣвка въ лохмотьяхъ стояла передъ нимъ — это была Маша.

Ружье выпало изъ рукъ Петрушки.

— Ты ли это? прошепталъ онъ.

— Я, мой милый, ненаглядный, отвѣчала Маша, обнимая его: — а ты и не узналъ меня... не-уже-ли платье такъ перемѣнило меня?... а я все та же, такъ же люблю тебя; тѣмъ они злѣе, тѣмъ больше я люблю тебя. Пусть они... Богъ съ ними. Ты былъ боленъ, мой голубчикъ, я все слышала, а меня и болѣзнь не беретъ... Рыданія заглушили голосъ Маши.

— Успокойся, моя рыбка... сядемъ вмѣстѣ да Расскажи мнѣ, что у васъ такое дѣлается и отчего ты такая простоволосая?...

— Охъ, много я вынесла! Была бы я давно рыбою, бросилась бы въ самую быстрину, еслибъ не хотѣла хоть еще разъ увидѣть тебя...

Маша обняла Петрушку, склонилась головою къ нему на грудь и тихо плакала.

— Богъ съ тобою, моя горлица, успокойся: все будетъ хорошо...

— Маша покачала головою.

— Садись вотъ здѣсь, продолжалъ Петрушка: — здѣсь будетъ покойнѣе... Господи! ты босая!... теперь холодна осенняя роса, холоденъ мокрый рѣчной песокъ... возьми мою шапку, положи въ нее свои ножки, пусть отогрѣются...

— И вспомнить страшно, какъ разсердился баринъ, получа письмо отъ твоего барина. «Это, говорить, на-смѣшка; меня обидѣли и еще сватаютъ мою дѣвушку за урода, который публично желалъ мнѣ подавиться

куликомъ»; кричалъ, кричалъ, ругался, а послѣ и говоритъ: «да у меня для Марьи есть женихъ получше этого сорванца, я ее сдѣлаю счастливою. Позвать ко мнѣ Машу!» Я пришла ни живая, ни мертвая. «Послушай, Маша», сказалъ баринъ, «я давно хочу наградить тебя за службу и составить тебѣ *partію*. Потапычъ, нашъ прикащикъ, очень желаетъ на тебѣ жениться; я, съ своей стороны, согласенъ... Что же ты молчишь?» — «Помилуйте, баринъ, сказала я», у прикащика дѣти отъ первой жены старѣе меня; мнѣ Потапычъ годеи въ отцы, а не въ мужья». — «Дура!... а богатство его развѣ ничего не значитъ?» — «Богатство, пусть останется при немъ, мнѣ ничего не нужно!...» — «Ого - го! сударыня, такъ вамъ прикажете выписать жениха изъ губернскаго города?...» — «Будьте милостивы» сказала я и бросилась ему въ ноги, «не разлучайте меня съ Петрушкою; или за нимъ, или ни за кѣмъ не буду замужемъ...» Какъ онъ толкнетъ меня ногою прямо въ лицо! какъ закричить... я и свѣта не увидѣла... «Такъ и ты за одно съ моими врагами! они и тебя, знать, подкупили на мою обиду. Вотъ я тебѣ самъ отъищу жениха, а до времени... Гей! Потапычъ! сейчасъ съ нея долой панское платье да въ черную работу».

— Обрадовался Потапычъ этому приказанію. «Помните, Марья Ивановна, сказалъ онъ мнѣ», вы говорили, что я не умѣю обходиться съ дѣвушками — вотъ увидимъ. Пока отправляйтесь варить для работниковъ галушки, да поварачивайтесь проворнѣе! я человекъ сердитый, знаете, отъ старости! берегитесь, отеческое наказаніе у меня въ рукахъ» и онъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на свою длинную палку.

— Трои сутки варила я галушки, носила воду тяжелыми ведрами, мыла чугунную посуду... отъ непривычки работа валилась изъ рукъ моихъ. Сердитый Потапычъ за всякую бездѣлицу безъ милосердія меня наказывалъ... Вчера я нечаянно опрокинула огромный горшокъ кипятку и — вотъ видишь, совсѣмъ обварила себѣ лѣвую руку... меня все-таки наказали и до выздоровленія заставили пасти господскихъ утокъ...

— Бѣдная моя Маша! шепталъ Петрушка, цалуя ея больную руку.

— Еще не все. Сегодня... когда я гнала сюда утокъ, повстрѣчался мнѣ Потапычъ и говорить: «я старъ, Марья Ивановна, и глупъ, и непригожъ, и не гожусь вамъ въ мужья, а все-таки люблю васъ, отыскалъ вамъ жениха, и баринъ приказалъ 'завтра вечеромъ перевѣнчать васъ... знаете Фомку-дурачка, что пасеть господскихъ свиней; правда, онъ не пересчитаетъ на рукахъ пальцевъ, за то человекъ молодой; готовьтесь къ вѣнцу.

— Да онъ пугалъ тебя, сказалъ Петрушка.

— Охъ, нѣтъ! Еще вчера баринъ приказалъ выстричь и вымыть Фомку и дать ему новую рубашку... Весь дворъ удивился, за что такая милость къ этому дураку .. а теперь я знаю... я не переживу своего несчастія!...

— Нѣтъ, Маша! нѣтъ, быть не можетъ, чтобъ эти ясныя очи, черныя косы, бѣлая грудь, это сердце, такое доброе, которое такъ меня любить... чтобъ все это досталось неумытому дураку... онъ—это животное, станетъ ласкать тебя, станетъ цаловать тебя... нѣтъ, Маша, этого быть не можетъ!...

— А будетъ!... едва слышно сказала Маша.

Молчаніе.

— Послушай, говорила Маша: — ты любишь меня и я люблю тебя болѣе всего на свѣтѣ; намъ еще можно снестись, насъ никто не разлучитъ... послушай меня...

И, пританувъ къ себѣ на грудь Петрушку, она что-то стала шептать ему.

Петрушка пришелъ домой веселѣе, спокойнѣе; необыкновенная радость блистала въ глазахъ его.

— Тебѣ лучше, Петрушка?. Спросилъ Медвѣдевъ.

— Лучше, баринъ, я совсѣмъ здоровъ.

На другой день рано поутру, чуть стало солнышко показываться изъ за лѣсу, Петрушка, съ охотничьею сумкой за плечами, съ ружьемъ въ рукахъ, былъ уже въ роцѣ Чурбинскаго на берегу рѣки; немного погодя, пришла Маша. На ней была бѣлая, шитая шелкомъ рубаха, завязанная красною лентою; косы лежали на головѣ чернымъ вѣнкомъ и между ними блистали осеннія бѣлыя астры...

— Хороша твоя невѣста? сказала Маша, подходя къ Петрушкѣ!...

Петрушка бросился цаловать ее.

— Погоди, Петрушка, не цалуй меня: станемъ молиться Богу, чтобъ онъ не разлучалъ насъ и въ будущей жизни...

Они упали на колѣни и тихо молились; въ рѣчномъ тростникѣ пѣла пѣночка... Солнце величественно выходило на небо... Село начинало пробуждаться...

Помолясь, Петрушка подошелъ къ Машѣ, обнялъ ее, и уста ихъ слились долгимъ поцалуемъ.

— Слышишь, говорила Маша: — они придутъ сюда —

и все пропало! поспѣшимъ, моя радость: тамъ насъ не разлучать. До свиданія!...

Она стала на колѣни и распахнула рубашку на полной груди своей.

— Смотри же, мой милый, стрѣлай прямо въ сердце, вотъ оно, вотъ бьется, стрѣлай сюда, а какъ я умру, и самъ за мною скорѣе: безъ тебя мнѣ будетъ скучно и минуто... Ахъ какъ весело умереть отъ твоей руки!...

Петрушка поднялъ ружье и прицѣлился.

— Чего же ты ждешь? я душею чую, что идутъ сюда! и отдадутъ меня Фомкѣ!...

Выстрѣлъ раздался—и Маша упала на траву. «Приходи ко мнѣ скорѣе...» были послѣднія слова ея... алая кровь теплымъ ключомъ била изъ ея раны; свѣтлые глаза подернулись смертнымъ туманомъ.

Петрушка торопливо началъ заряжать ружье, а между-тѣмъ въ роцѣ раздавались голоса: «Кто смѣетъ стрѣлять! Лови, лови, да и въ судъ, кто бъ ни былъ, моею рукою... барская земля!» и Потаповичъ съ тремя десятниками бѣжалъ къ Петрушкѣ.

Вотъ они уже близко. Петрушка спѣшитъ прибить зарядъ, взводитъ курокъ, упирается дуломъ ружья въ грудь и, перегнувшись впередъ, спускаетъ курокъ: щелкъ!... не выстрѣлило: Петрушка въ торопяхъ забылъ насыпать на полку пороху.

Десятники схватили Петрушку.

— И умереть не дадутъ! простоналъ Петрушка.
— Прощай, Маша; я сдержу слово; скоро увидимся!...

IX.

Быль осенній вечеръ. Въ гостиной Медвѣдева, по-старому, на кругломъ столѣ кипѣлъ самоваръ и горѣли

ли сидеть въ тебѣ, а въ тебѣ сидеть: на диванѣ у стола, Анна Андреевна разливала чай, въ креслѣ сидѣлъ Медвѣдевъ, только не было Трезора, а передъ нимъ сидѣлъ сестра съ большынъ, крутить шнуръ, да у двери, кѣсето Петрушка, стоить шайбъ чернильный ланей.

— Прескверная погода! говорить, споркасть, се-
сѣдъ: давно ли было тепло, и вдругъ стало холодно! ка-
жется, и не пора бы: еще половина сентября!

— Будто очень холодно? спросила Анна Андреевна.

— Нѣтъ, оно не холодно, а дождикъ идетъ, такой,
знаете, ехидный, такъ всего и измочить, кажется, и не-
большой, а прозятельный.

— Такъ вы такъ бы и говорили, перебилъ Макарь
Петровичъ.

— Нельзя же иначе выразиться, когда хочется съ
дороги пушму!

— Ну, то-то! Охъ, Евграфъ Пантелеймонычъ, вы
все еще не спроста говорите, все смекай его, да сме-
кай, куда что сказано! Откуда же васъ Богъ несетъ?

— Изъ нашего уѣзднаго города.

— Что тамъ новенькаго?

— Новенькаго? гм! особеннаго ничего. Развѣ, что
вашъ Петрушка вчера умеръ.

— Царство ему небесное! въ одинъ голосъ сказали,
перекрестясь, и Медвѣдевъ и его супруга.

— Да, умеръ и, знаете, очень странно; со дня вступ-
ленія въ тюрьму, онъ все худѣлъ, таялъ, какъ свѣчка;
послали и доктора — не признается: я, говоритъ, совер-
шенно здоровъ, а все чахнетъ, все день отъ дня хуже,
да вчера и умеръ!... Что жъ бы вы думали? весь
хлѣбъ, что ему давали, нашли у него подъ постелью;

ничего не ѣлъ и умеръ съ голода!... Впрочемъ, тутъ вы много виноваты: зачѣмъ было давать ему читать книги?!... самъ бы не выдумалъ такой штуки! прочиталъ гдѣ-нибудь — и баста!...

Медвѣдевъ молча всталъ и началъ скорыми шагами ходить по комнатѣ.

— А вы зачѣмъ ѣздили въ городъ? спросила Анна Андреевна.

— Избирать судью на мѣсто умершаго въ прошломъ мѣсяцѣ, нашего почтеннѣйшаго Цвиринковскаго.

— И выбрали?

— Общимъ голосомъ Юліана Астафьича.

1840 г.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЗАЙЦА.

— Очень любопытно иметь дойную корову и получать отъ нея молоко.

— Да-съ, всѣ животныя очень любопытны.

А. КОКАМБО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основьяненко сказалъ великую истину, что все на свѣтѣ измѣняется: теперь уже и политика не та, и архитектура не та, и обычаи, и настойки — все измѣнилось! Съ этимъ легко всѣ согласятся; но вы не повѣрите, какъ измѣнилось просвѣщеніе: мы сдѣлались энциклопедистами, судимъ, рядимъ обо всемъ поверхностно, торопимся жить, спѣшимъ освободиться изъ рукъ доброй, заботливой няни, чтобъ поскорѣ надѣть университетскій мундиръ; не успѣемъ порядочно прослужать двухъ лекцій профессора — уже его осуждаемъ, уже онъ намъ наскучилъ, насъ тяготятъ наши познанія, и мы мѣняемъ шпагу студента на мечъ война или на покойное мѣсто въ департаментѣ... И вотъ является въ свѣтъ новый гражданинъ, новый членъ общества; ему только 17 лѣтъ, но у него высшіе взгляды, у него

запасъ свѣтскихъ идей, куча свѣднѣй!... Привѣтствую васъ, новый членъ общества, желаю вамъ всякаго благополучія и — отхожу отъ васъ подальше. Мы люди простые: наше дѣло сторона!...

Не такъ учились встарину; я еще помню многихъ стариковъ изъ сосѣдей моего отца, которые были люди небогатые, а окончили курсъ въ разныхъ иностранныхъ университетахъ. Бывало, если родители замѣтятъ въ сынѣ склонность къ наукамъ, то отдають его въ кievскую академію учиться; учится долго птенецъ, лѣтъ пять брѣшетъ бороду, а все учится, и наконецъ, получивъ аттестатъ, является въ домъ отца.

— А зачѣмъ ты пришелъ? спрашиваетъ отецъ.

— Окончилъ всѣ науки.

— Такъ ты уже все знаешь?

— Все, чему учили.

— Врешь, ты ничего не знаешь, ты дуракъ. Отдохни съ недѣлю, да ступай во Львовъ поучиться, я тебѣ дамъ для этого два червонца.

Долго-ли идетъ недѣля, особливо въ домѣ родителей? Вотъ ея какъ не бывало, и молодой студентъ вышелъ изъ роднаго села, напутствуемый благословеніемъ отца и матери; въ его ушахъ отдаются послѣднія слова: «будь добръ и честенъ». На черномъ казакинѣ студента еще блеститъ прощальная слеза матери; у него въ карманѣ звенятъ два червонца; во рту дымится походная трубка; сердце полно грусти, голова — чудныхъ замысловъ... На крыльцѣ стоитъ старушка-мать, и дрожащею рукою креститъ ему дорогу; за темнымъ кустомъ бузины мелькаетъ красная лента и сверкають въ слезахъ черные глаза молодой казачки: ей совѣстно показать предъ людьми любовь свою.

А студентъ все знаетъ... И вотъ уже его нещадно.. Долго еще въ убогомъ сельскомъ храмѣ предъ иконою скорбящей Богоматери ставила свѣчи старуха-мать и жарко молилась и клала земные поклоны; долго наедая казачка цѣлыя ночи плакала, ходя одна по зеленому саду... А студентъ во Львовѣ учится, учится, кончаетъ курсъ, и уже безъ помощи узнаетъ, что онъ — почти ничего не знаетъ; постигаетъ Кёнигсбергъ, Лейпцигъ, вездѣ получаетъ ученые дипломы и возвращается на родину образованный и въ школы науки и въ школы горькихъ опытовъ. Не въ обиду будь намъ сказано, эти старики куда больше насъ знали! Мы, если знаемъ два-три иностранные языка, хоть бы и плохо понимали свой, русскій, сейчасъ кричимъ: и Шекспиръ не то, и Байронъ не такъ, и Гёте негодится, и того передѣлаемъ, и этого поправимъ; это по-китайски не такъ, *sic* по-санскритски невозможно! Намъ, ли дескать, не знать? мы все знаемъ, насъ всѣ знаютъ!... Поневогѣ вспомнишь золотой стихъ:

А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ!...

Нѣтъ, господа! вотъ я вамъ расскажу про моего двоюроднаго дѣдушку: онъ, можно сказать, былъ представителемъ ученыхъ блаженнаго стараго времени — разумѣется, по моему крайнему разумѣнью; онъ всегда говорилъ: «я ничего не знаю, а въ этомъ-то и вся мудрость!» Чего онъ не зналъ, Боже мой!...

Не стану говорить здѣсь о его глубокихъ познаніяхъ во всѣхъ наукахъ; умолчу о способности рѣшать арифметическія задачи римскими и арабскими цифрами; но не могу вспомнить его даръ говорить на всѣхъ воз-

можныхъ языкахъ. Да, милостивые государи! дѣдушка былъ, кажется, такъ-себѣ человѣчекъ, штука небольшая: ходить лѣтомъ по саду въ бѣломъ холстинномъ сюртукѣ и соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой какъ хвостикъ, торчитъ съдая коса, ходить и цѣть подь-носъ:

Весна весела, цвѣты приносить,
Пастушокъ пастушку во лузи просить,
Пастушка столь рада
Овечки погнала
Въ тѣя луга, въ тѣя луга !...

Со стороны подумаешь: дьячокъ какой-нибудь, а это самъ дѣдушка. Попробуй прѣхать жидъ, съ нимъ дѣдушка ни слова по-человѣчески, все по-жидовски, заговорить, закашляеть, захлопаеть ртомъ — настоящій арендаторъ Ицька, если вы его изволите знать — даже подергиваетъ плечомъ по-жидовски!... Осенью привезутъ татары продавать виноградъ — уже дѣдушка съ татарами пріятель, сидитъ съ ними подъ арбою, ѣсть виноградъ и говоритъ по-татарски лучше нежели сами татары; у татаръ все-таки разберешь какое-нибудь слово: *Иванъ*, или что-нибудь подобное, а у дѣдушки ровно ничего не поймешь: какъ заговорить, языкъ словно колетушка болтается во рту, такъ и стучить, будто деревянная пробка въ пустомъ боченкѣ... бойкость необыкновенная!... Однажды онъ схватился на рѣчахъ съ плѣннымъ французомъ... вѣроятно, болѣе я не услышу и не увижу подобнаго разговора: ярые иностранные звуки быстро летѣли изъ усть дѣдушки, глаза хлопали, брови ёжились, уши шевелились, ноги топали, а руки вольно махали во всѣ стороны, какъ крылья у вѣтреной мельницы. Французъ сначала-было огрызался, пожималъ плечами, а послѣ спасовалъ и

молча отошелъ къ окошку... Тяжелъ французскій разговоръ! поговори такъ полчаса, устанешь какъ отъ доброй старинной мазурки. «Ну, что, спросили всѣ гости у дѣдушки, что говорить французъ?» — «Развѣ вы не слышали?» отвѣчалъ дѣдушка: «о, онъ просто дуракъ! сказалъ, что здоровъ слава Богу, да и молчитъ...» Мало этого! не только всѣ людскіе языки, но и всѣ животныя знаютъ дѣдушка. Бываю, сидеть у окошка и не смотреть на дворъ; вдругъ зашумятъ воробьи — «коршунъ летитъ» скажетъ дѣдушка, и точно: выбѣжишь на дворъ, смотришь — коршунъ вѣется гдѣ-нибудь надъ кустомъ сирени, машетъ широкими крыльями, а въ кустѣ штукъ десять воробьевъ не знаютъ куда дѣваться отъ страха, прыгаютъ съ вѣточки на вѣточку, суетятся и кричатъ какъ бабы на рынкѣ. Иногда, бывало, лѣтомъ погода такая прекрасная; солнце свѣтло и ярко зайдетъ за гору, вечеръ теплый; рон ночныхъ бабочекъ носятся надъ цвѣтникомъ, такимъ упонительнымъ запахомъ вѣетъ отъ цвѣтущей каприфолин, такъ на душѣ весело... «Дѣдушка, дѣдушка!» закричишь, бывало: «завтра поѣдемъ въ степь, наберемъ полевой клубники».

— Нѣтъ отвѣчаетъ дѣдушка: завтра будетъ дождь.

— Отчего же? Вы шутите, только меня пугаете. На небѣ ни облачка, откуда взятъ дождю?

— Развѣ ты не слышишь?

— Ничего, дѣдушка.

— А что говорятъ на рѣкѣ лягушки? Прислушайся.

И точно, вдали, на рѣкѣ, безпрестанно повторялись однообразные звуки: кумъ, кумъ, кумъ!

— Пустое, дѣдушка. Это лягушка зоветъ своего кума въ гости.

— Это лягушка говорить: будетъ дождь.

— Да вы отчего знаете?

— Поживите съ мое, побывайте въ иностранныхъ земляхъ, и вы узнаете.

Шутить дѣдушка, подумаешь, и ляжешь спать, мечтая о завтрашнемъ днѣ, о веселой прогулкѣ, о вкусной клубникѣ, которая такъ пріятна со сливками.

На-завтра проснешься, скорѣе къ окну — такъ и руки опустятся: откуда набрались сѣрыя тучи и заволкли чистое небо; густой дождикъ, какъ сквозь сито, сѣется на землю, скрывая подъ сѣдымъ туманомъ всѣ окрестности; деревья опустили листочки, цвѣты — головки, съ нихъ льется вода; на дворѣ лужи... скучно станеть, готовъ заплакать; ляжешь опять въ постель и заснешь, думая: какой умный дѣдушка!

Какъ жаль, что онъ умеръ, когда я еще былъ ребенкомъ, и только предъ смертью успѣлъ выучить меня писать арабскія цифры; всѣ знанія погибли съ нимъ!...

Осенью мы съ дѣдушкой гуляли въ полѣ. День былъ прекрасный; на скошенномъ лугу пестрѣли, какъ звѣздочки, на короткихъ стебелькахъ, розовыя гвоздички; на сжатой нивѣ гуляла стая голубей; по дорогѣ перепархивали золоторудые подорожники. А какъ хороша была роща, къ которой мы подходили! грушевыя деревья будто окутались въ красныя мантии; жимолость покрылась темно-синимъ цвѣтомъ; кудрявыя липы красовались въ желто-золотыхъ листочкахъ, и между ними свѣтлозелеными конусами высились тополи и выбѣгали серебряныя стволы березокъ, перевитые темнозелеными прядями вѣтвей. Надъ рощею вилаась запоздалая пара горлицъ; въ рощѣ цвѣли голубыми букетами осенніе колокольчики.

— Какъ хорошо здѣсь, дѣдушка! сказалъ я, бросаюсь, самъ не жам для чего, на шею доброй старухѣ.

— Да, прекрасное и умирать прекрасно!

— Что, что такое дѣдушка?

— Ничего, другъ мой. И дѣдушка отвѣтъ платкомъ покрасивѣе глаза.

— Смотрите, смотрите: вотъ къ намъ орелъ летитъ!

— Это не орелъ, а кажется Петръ Ивановичъ.

— Развѣ Петръ Ивановичъ умѣетъ летать?

— Онъ скачетъ къ намъ верхомъ на лошади.

Точно, это скакалъ Петръ Ивановичъ; а отчего онъ мнѣ показался летящимъ орломъ — вотъ причина: Петръ Ивановичъ, нашъ сосѣдъ, былъ очень великъ ростомъ и худъ, не то, чтобъ онъ былъ худой, т. е. нехорошій человекъ — нѣтъ, насъ Богъ избавилъ отъ такихъ сосѣдей, а Петръ Ивановичъ былъ худъ, сухощавъ, т. е. сухопарь, иначе выразиться — тонокъ. У Петра Ивановича была верховая лошадь маленькая, очень маленькая; у странствующаго нѣмца - комедiantа она бы съ пользою носила поноску, какъ лягавая собака. У Петра Ивановича, кромѣ лошадки, была борзая собака Великанъ, ростомъ немного поменьше лошадки. Петръ Ивановичъ очень любилъ въ праздное время — а оно всегда у него было праздное — ѣздить на охоту по полямъ верхомъ на своей лошадкѣ и травить Великаномъ зайцевъ. Для этого онъ обыкновенно надѣвалъ длинную бекешу бурога сукна, доходившую до самыхъ пятъ, садился верхомъ на лошадку, бралъ въ руки арапникъ, въ карманъ бутылочку пѣнника, привязывалъ къ поясу турецкій кинжалъ и выѣзжалъ въ поле. Пока Петръ Ивановичъ ѣхалъ спокойно, ша-

гомъ, то еще ничего, ноги на два вершка не досягали до земли, и полы бекеши, какъ длинная мантия, скрывали отъ глазъ половину лошади; но когда, бывало, Великанъ подыметъ зайца, Петръ Ивановичъ вскрикнетъ дикимъ голосомъ, распуститъ арапникъ, опишетъ имъ надъ головою какой-то фантастическій знакъ — въ родѣ вензеля покойнаго турецкаго султана — и, опустивъ поводъ лошаdkѣ, понесется въ слѣдъ за убѣгающимъ звѣркомъ. Тутъ картина совершенно измѣняется: Петръ Ивановичъ пригнется къ лукѣ сѣдла, ноги прикорчитъ къ лошадиному крестцу, и доселѣ спокойная бекеша, рязвѣваемая противнымъ вѣтромъ, подымаетъ свои полы, какъ птица крылья, выше головы Петра Ивановича. Если вы такъ счастливы, что онъ скачетъ къ вамъ, то увидите совершенное подобіе баснословнаго грифа, летящаго надъ землею во всемъ блескѣ красоты и величія. Изумленіе окуетъ ваши чувства. А если вы отъ природы робкаго характера, то, пожалуй, и струсите. Въ профиль онъ былъ похожъ на бабочку, увеличенную въ миллионъ разъ; но это до насъ не касается... Не успѣлъ я хорошенько рассмотретьъ Петра Ивановича, скакавшаго прямо на насъ по дорогѣ, какъ онъ былъ ужъ очень не'далеко; передъ нимъ скакали еще два существа — заяцъ и Великанъ. Бѣдный заяцъ бросился намъ подъ ноги, испугался, оторопѣлъ, свернулъ въ сторону, а тутъ Великанъ хватъ его за шею и понесъ на воздухѣ. Какъ ребенокъ закричалъ несчастный звѣрокъ, но скоро затихъ подъ кинжаломъ Петра Ивановича.

— Ахъ, дѣдушка, какой злой Петръ Иванычъ! къ чему онъ зарѣзалъ бѣднаго зайца?

— Нѣтъ, ты ошибаешься: Петръ Иванычъ доб-

рѣшій человекъ, а заяцъ онъ зарѣзалъ — такъ, для удовольствія, отъ вѣсело-дѣлать.

— Бѣдѣлка, какъ онъ закричалъ жалко! Я никогда не забуду его стога: совершенно дитя въ камыбели!... Что онъ кричалъ дѣдушка? вѣдь вы знаете?

— Жаловался на судьбу.

Въ это время Петръ Ивановичъ указалъ свою добычу въ торока, сѣлъ на лошаку и сказалъ дѣдушкѣ:

— Мое почтеніе. Вы гуляете?

— Гуляемъ.

— А что, какова погода?

— Прекрасная.

— А каковъ заяцъ?

— Отличный!

— А каковъ мой Великанъ?

— Удивительный!

— Именно удивительный! прекуръёзная собака! Ахъ, ты мой Великанушка, ты мое золото! — Прощайте.

— Прощайте!

И Петръ Ивановичъ уѣхалъ, разговаривая съ собакою.

— Несчастливая судьба этого зайца! сказала дѣдушка, помолчавъ немного.

— А вы его знали?

— Нѣтъ; но я знаю исторію его жизни.

— Онъ вамъ рассказывалъ?

— Я читалъ.

— Гдѣ же вы читали? развѣ зайцы пишутъ?

— Пишутъ; теперь всѣ животныя грамотны, и лѣсные, и полевые, и водяныя: всѣ пишутъ; даже насекомыя имѣютъ свою грамоту и своихъ писателей!

— Ахъ, какъ это весело!...

— Не очень, другъ мой!...

Дѣдушка наклонился, сорвалъ листокъ лошадинаго щавеля и, показавъ мнѣ на красныя точки и черточки, испещрявшія весь широкій темно-зеленый листокъ, сказалъ:

— Вотъ одинъ листъ изъ рукописи этого зайца.

— Переведите мнѣ это на языкъ человѣческій.

— Пожалуй, нарви ихъ побольше.

Мы съ дѣдушкой возвратились домой, неся большую связку листьевъ щавеля, которые, мы думаемъ, расписываетъ такими красивыми письменами рука осени, между-тѣмъ, какъ это литература зайцовъ.

На-завтра мнѣ дѣдушка сдѣлалъ переводъ, который и предлагаю въ подлинникѣ. Если не понравится, ругайте покойнаго дѣдушку: онъ уже умеръ, отбраниваться не станетъ. Это же и въ духъ времени!

ЗАПИСКИ ЗАЙЦА.

I.

Заяцъ оставляетъ свою родину.

— Идутъ, идутъ, оставь меня, бѣги, мой другъ!

— Прощай, моя радость!...

Онъ торопливо поцаловалъ ее и выбѣжалъ въ садъ, забывъ даже притворить дверь. Изъ сосѣдней комнаты вошелъ, съ арапникомъ въ рукахъ, въ длинной бекешѣ, Петръ Ивановичъ.

— Здорово, жена! а я вотъ это съ охоты, хотѣлъ-было заночевать на хуторѣ, да блохи кусаются.

— Какъ я рада! Миѣ что-то нездоровится, другъ мой.

— Да, ты вся горюшь!

Петръ Ивановичъ началъ цаловать свою жену, а я пробрался въ полуотворенную дверь, прыгнувъ съ крыльца въ кусты и, скорѣе нежели кошка можетъ съѣсть порядочную крысу, былъ въ своей родимой рошѣ.

Вся польза двадцатидневнаго пребыванія моего въ домѣ людей была та, что я выучился понимать ихъ рѣчи и сдружился съ прелестною Сиволапушкой, любимой кошечкой жены Петра Ивановича.

Какая *милашка* Сиволапушка! Она такая же съренькая, какъ и мы, зайцы, только на шейкѣ бѣленькое пятнышко, за-то глазки — прелесть! Я готовъ три сутки не кушать молодого гороха, чтобъ у моей будущей жены были такіе глазки: зеленые-презеленые, какъ листочки свѣжей травки послѣ теплаго весенняго дождика. Шерсть на ней мягкая, пушистая; походка скромная; движенія тихія, плавныя — вѣжливость необыкновенная! Поутру, бывало, только-что я начну ѣсть молоко, поставленное для меня подъ столонъ въ чистенькой тарелочкѣ, тотчасъ явится Сиволапушка, станетъ противъ меня, изогнувъ дугою спину, надуеъ усики и скажетъ на общемъ звѣриномъ языкѣ (разумѣется, кошачьимъ выговоромъ):

— Какъ прекрасно вътихое утро освѣжать свою натуру благовоннымъ молокомъ.

Я не люблю говорить кушая, и потому въ отвѣтъ очень благосклонно махну правымъ ухомъ.

Я полагаю, извѣстно всѣмъ звѣрямъ, что у насъ, у зайцевъ, махнуть правымъ ухомъ значитъ изъяснить радость, согласіе, удовольствіе и прочее — словомъ, этимъ

движеніемъ выражается все пріятное. Махнуть лѣвымъ ухомъ — значить показать неудовольствіе, даже презрѣніе; обѣими ушами мы, зайцы, машемъ только въ случаѣ изумленія.

— Смѣю ли просить иностраннаго гостя о милости участвовать въ его пріятномъ занятіи?..

Я махну два раза правымъ ухомъ — и Сиволапушка начнетъ кушать со мною молоко изъ одной тарелки, нѣжно, ловко, снисходительно... и послѣ завтрака такъ благопріятно утретъ пушистою лапкою свою розовую мордочку, такъ лестно начнетъ благодарить, что мое правое ухо разъ пятнадцать махнетъ ей передъ самымъ носомъ. Будь у Сиволапушки подлиннѣе уши да покороче хвостъ, она была бы красивѣе всѣхъ зайчихъ на бѣломъ свѣтѣ.

Сиволапушка очень великодушна. У Петра Ивановича висѣлъ на окошкѣ въ проволочной кѣткѣ снѣгирь. Чуть забрежжется день, уже снѣгирь просыпается, клонетъ зернышко-другое коноплянаго сѣмени, сѣлъ на жердочку, надуетъ свою красную грудь и свиститъ потихоньку, цѣлый день свиститъ, пока станетъ темно, придетъ пора спать.

— Отчего это у васъ такъ свиститъ снѣгирь? спрашиваютъ, бывало, Петра Ивановича сосѣди.

— Отчего же ему и не свистѣть? отвѣчаетъ Петръ Ивановичъ: — корма достаточно, вода свѣжая, воздухъ чистый, живи-себѣ припѣваючи!

А у меня душа разрывалась, слушая пѣсню снѣгирия: съ утра до ночи онъ жаловался на судьбу свою, вспоминалъ родной лѣсокъ и чащу терновника, гдѣ у него было гнѣздо, была подруга, были дѣти; онъ пѣлъ и просилъ у неба смерти; онъ пѣлъ, что «Петръ Ивановичъ

хуже совы, которая ночью нападаетъ на беззащитныхъ птичекъ, потому-что сова поймаетъ птицу да и съѣсть, а Петръ Ивановичъ мучить ее для своего удовольствія; ему любо, дескать, какъ я плачу. Хорошо, что Петръ Ивановичъ не понималъ снѣгиря.

Вотъ что случилось въ одинъ ясный, солнечный день:

Въ комнатѣ никого не было, кромѣ меня и Сиволапушки. Съ восхода солнца тихо жаловался снѣгирь на свою судьбу и ругалъ Петра Ивановича; моя участь очень походила на участь снѣгиря; я задумался.

— О чемъ вы мечтаете? спросила Сиволапушка, нѣжно трогая меня лапкою.

— Ни о чемъ, сударыня, такъ.

— Быть не можетъ! въ вашихъ глазахъ отражалось такъ много чувства...

— Это правда; меня разжалобилъ снѣгирь.

— Ахъ! и меня тоже!

— Ему, бѣдняжкѣ, жизнь въ тягость.

— Я сама такъ думаю, и давно хочу помочь ему.

— Помогите, ради прекрасной погоды и свѣтлаго солнышка!

Съ истиннымъ самоотверженіемъ начала взбираться чувствительная кошечка вверхъ по окошку, хватаясь безпрестанно за шнурокъ, которымъ была привязана стога; бѣдная Сиволапушка то висѣла вытянувшись всѣмъ тѣломъ, то сжавшись въ мячикъ, словно нашъ лѣсной колдунъ-ѣжъ, качалась на шнурочкѣ, какъ яблоко на тонкой вѣточкѣ. Нѣтъ, за два кочна самой свѣжей капусты я бы не продѣлалъ подобной штуки!... Смотрю—уже Сиволапушка на клѣткѣ, обхватила ее всѣми четырьма лапами и кротко, любовно глядитъ на снѣгиря, а онъ, дуракъ, будто угорѣлый мечется по клѣткѣ. Не-

много погода, моя кошечка просунула въ клѣтку правую лапу и тихо начала водить ею надъ птичкою; снѣгирь припалъ на дно клѣтки; лапа быстро опустилась надъ нимъ, подняла его на воздухъ. Откуда явилась быстрота и сила у Сиволапушки! Снѣгирь пицаль: «помогите, помогите!»

— Я помогаю тебѣ, ворчала кошечка, и проворно тянула снѣгирия изъ клѣтки между прутиковъ... Клѣтка кружилась, плясала, кормъ сыпался изъ клѣтки, вода плескалась, пухъ и перья носились въ воздухъ... Наконецъ Сиволапушка спрыгнула на полъ, держа въ лапѣ снѣгирия.

— Освобожденъ! закричалъ я и подбѣжалъ къ снѣгирию, но, увы, онъ былъ безъ дыханія!— Сиволапушка положила его у ногъ своихъ; слезы горести катились изъ глазъ ея на трупъ бѣдной птички.

— Чтò вы надѣлали? спросилъ я.

— Хотѣла облегчить участь несчастнаго и нечаянно умертвила его. Ахъ!...

— Бѣдняжка!

— Впрочемъ, благодарю судьбу: я хоть что-нибудь для него сдѣлала: онъ жаловался на жизнь, она была ему въ тягость, и я сняла съ него эту тягость. Уже отъ этого сердце мое бьется радостнѣе.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!... Мнѣ и въ голову не пришло это сначала! Какъ вы добры Сиволапушка!

— Я родилась съ наклонностями ко всему доброму и прекрасному. Разумѣется, маменька примѣрнымъ воспитаніемъ развила и укрѣпила ихъ... шептала кошечка сквозь слезы, разсматривая снѣгирия.

— Оставьте его! это зрѣлище слишкомъ жестоко для вашего чувствительнаго сердца.

— Нѣтъ, любезный иностранецъ, я не оставляю его:

я не хочу, чтобъ люди нечистыми руками трогали эту красивую птицу.

— Какая чувствительность!... Такъ возьмите ее и спрячьте въ саду въ густую траву, или заройте въ песокъ.

— А насъкомыя!... фи!... не могу, не могу.

— Что же вы съ нимъ сдѣлаете?...

— Я думаю... я съѣмъ его.

— Скушаете?... птичку? да это, я полагаю, не вкусно!...

— Что жь дѣлать? лучше перенесу маленькое удовольствие, нежели... И Сиволапушка начала, вздыхая, кушать сивгиря.

«Господи!» подумалъ я: «до чего доводитъ иногда нашего брата, звѣря, излишняя доброта!... Положимъ, кошка употребляетъ мышей, какъ враговъ своихъ, да и мыши все-таки звѣри, имѣютъ шерсть — это какъ-то акуратнѣе; а то рѣшится скушать птицу, единственно для того, чтобъ избавить ее неприятности попасть въ чьи-либо руки, птицу въ перьяхъ!... Я взялъ одно перышко, чтобъ узнать какой въ немъ вкусъ... грызъ, грызъ, да и выплюнулъ: рѣшительно никакого вкуса; сухо, жестко, хуже гречневой соломы!...

Вотъ какъ великодушна, добра и чувствительна была Сиволапушка! вотъ какого друга приобрѣлъ я, живя двадцать дней съ людьми!...

Можетъ-быть, кому-нибудь изъ почтенныхъ дикихъ звѣрей покажется страннымъ, что я, будучи природнымъ кореннымъ зайцомъ, настоящимъ дикимъ звѣремъ, сдружился съ кошкою; можетъ-быть, мнѣ скажутъ, что выбирать друга должно по шерсти, т. е. одного рода. Въ такомъ случаѣ я попрошу господина звѣря пожить не-

дѣлку въ домѣ Петра Ивановича — и онъ перемѣнить свои мысли.

Повѣрите ли, мои дичайшіе, я тамъ видѣлъ поросенка — очень порядочнаго юношу, съ обширнымъ умомъ и прекраснымъ аппетитомъ, который былъ друженъ со столбикомъ — да, со столбикомъ! Чтò бы, кажется, такое могло быть въ столбикѣ? а поросенокъ не отходилъ отъ него; отлучится на самое малое время, для какихънибудь необходимыхъ занятій: покушать свеклы, или что-нибудь подобное, и бѣжитъ скорѣе къ столбику и ласкается къ нему, и чешетъ объ него свою спину, и называетъ его всякими пріятными именами, да и заснетъ тутъ, прислонясь къ нему... Этому я самъ былъ свидѣтель! Почему же мнѣ не быть дружнымъ съ кошечкою? Да, коли на правду пошло, такъ и шерсть-то у насъ одинаковая: оба сѣренькіе!...

Но пора къ дѣлу. Я заговорился о Сиволапушкѣ. Чтò дѣлать? любовь и дружба любятъ болтать.

Первый предметъ, который попался на мои глаза въ родной рошѣ, была матушка. Горестъ очень измѣнила черты ея лица; она сидѣла подъ кустомъ малины, сложивъ лапки, опустивъ голову; ея уши развѣсилились въ разные стороны, какъ листья на увядшемъ кустѣ лилій; она держала въ зубахъ вѣточку дикой мяты, вѣроятно, хотѣла скушать это лакомое растеніе, но, отъ горести, задумалась и забыла. Легкимъ, ровнымъ, самымъ приличнымъ скокомъ приближался я къ матушкѣ и, соблюдая всю дикую вѣжливость, при каждомъ прыжкѣ ловко наклонялъ на бокъ голову, причемъ мое правое ухо почти касалось земли. Чего же болѣе? иной отъ этихъ знаковъ уваженія получилъ бы позывъ на пищу, а матуш-

ка даже не замѣтила моего приближенія — такъ меланхолія овладѣла ею!...

Шага за три я остановился и началъ лапками разгребать землю; шорохъ отъ этой вѣжливости вывелъ матушку изъ задумчивости; она вздрогнула, быстро поднялась на переднія лапки, выронила изо рта вѣточку мяты и проворно замахала обѣими ушами...

— Матушка! развѣ вы не узнаете вашего сына, пойманнаго, назадъ двадцать дней, какимъ-то чело-вѣкомъ, и проданнаго Петру Ивановичу за рюмку водки?... Это я! я! я! я!... *)

— Сынъ мой, какъ ты выросъ! какъ перемѣнился! двадцать дней — шутка ли!...

Тутъ матушка замолчала; я тоже. Въ сильныхъ ощущеніяхъ слова какъ-то не вяжутся, путаются; гораздо выгоднѣе молчать. Мы съли другъ противъ друга, смотрѣли другъ на друга, лизали мордочки и кивали правыми ушами; такъ застала насъ ночь. Тихо, спокойно заснулъ я въ родимой норкѣ, на сухихъ кленовыхъ листьяхъ, поужинавъ двумя листочками заячьей капусты.

Петръ Ивановичъ кормилъ меня молокомъ и цвѣт-ною капустою; я спалъ у него на мягкой подушкѣ, нарочно для меня приготовленной; но никогда у него я не былъ такъ сытъ, такъ спокоенъ!...

Жизнь моя опять пошла попрежнему: рано утромъ, до восхода солнца, мы съ матушкой выбѣгаемъ на опушку лѣса; вездѣ еще тихо, тихо... въ воздухѣ свѣжо, такъ и хочется прыгать; всѣ травы покрыты круп-

*) Животныя вообще очень любятъ мѣстоименіе я.

Примѣч. дѣдушки.

ными каплями росы; тронешь нечаянно какой-нибудь кустикъ — въ-мигъ обдасть тебя частый дождикъ; встрепенешься — онъ скатился на землю, а ты опять сухъ, опять прыгаешь высоко, широко, привольно!... Взойдетъ солнышко — еще станетъ веселѣе; все пробудится; птички, оставя гнѣзда, начнутъ пѣть... чего не услышишь въ это время! Жаворонокъ, поднявшись высоко надъ землею, рассказываетъ всему свѣту, что ему видно: какія рѣчки, поля, лѣса, озера, сады, города — все рассказываетъ. Малиновка сто разъ повторяетъ, какой она видѣла сонъ; чирикъ кричитъ на всю рощу, что онъ выпилъ три капли самой чистой росы и готовъ драться хоть съ ястребомъ; соловей очень-откровенно болтаетъ о своихъ ночныхъ походахъ; ястреба подъ облаками перекликаются куда имъ летѣть на охоту; далеко въ деревнѣ собаки начинаютъ ругать весь свѣтъ и самихъ себя; но вотъ и люди пошли на работу; мы съ матушкой прячемся въ молодой, колосистый овесъ; люди близёхонько идутъ мимо насъ и не видятъ, а мы только слышимъ, какъ они съ первымъ кускомъ хлѣба, которымъ завтракаютъ на дорогѣ, осуждаютъ своихъ ближнихъ и начальниковъ, поносятъ своихъ братьевъ, идущихъ сзади, а идущие сзади, въ свою очередь, взводятъ небыллицы на переднихъ, и такъ далѣе... Я дотѣхъ-поръ перевозжу матушкѣ людскія рѣчи, пока она махнетъ лѣвымъ ухомъ и поскачетъ въ глубь овсяной нивы; я послѣдую за нею.

Настанетъ полдень — и мы роскошно отдыхаемъ въ овсѣ; частые, колосистые стебли заткутъ надъ нами сѣтку, непронускающую солнечныхъ лучей; вѣтерокъ, гуляя по нивѣ, скользитъ отъ верхушекъ до корней растений и освѣжаетъ насъ; захотѣлъ ѣсть — стодить

только водить мордочку — и кисть полновѣснѣе, молодѣе, сочныѣ зернышекъ овса прямо падаетъ къ тебѣ въ ротъ; покусалъ и дремлешь. Придетъ вечеръ — опять въ рошу скачешь, прыгаешь, рѣзались; на ночь въ норку, на кленовыя листья... Чудная жизнь!...

Въ одинъ день мы съ матушкой лежимъ въ овсѣ, и слышимъ, кто-то идетъ къ намъ, шума и ломающыя стебли; шелестъ все ближе и ближе. Мы, притая уши, ползкомъ выбрались на опушку нивы, смотримъ: на другомъ концѣ стоитъ Петръ Ивановичъ верхомъ на своей лошади, а по нивѣ прыгаетъ Великанъ: то подымется на заднія лапы, сверкая во всѣ стороны жадными глазами, то опять нырнетъ въ зеленый овесъ. Я взглянулъ на матушку: она махнула лѣвымъ ухомъ, и мы съ-разу быстро понеслись по небольшой полянѣ въ свою рошу.

Ого-го! у-лю-лю! а-ту! а-ту! закричалъ Петръ Ивановичъ; за нами раздался топотъ лошади, шелестъ прыжковъ Великана; мы слышали его радостные взвизги, но спасеніе недалеко: вотъ знакомый кустарникъ, вотъ знакомыя деревья, вотъ наша норка! Я первый юркнулъ въ нее; матушка за мною. Отлегло отъ сердца!... Я, какъ былъ моложе и вдвое меньше матушки, то и забился въ боковую норку, а матушка осталась въ главной, тутъ же, возлѣ меня, такъ что мнѣ было ее видно. Не успѣли мы спокойно вздохнуть, какъ надъ нашими головами послышался топотъ лошади; онъ умолкъ, и вдругъ, я слышу, посыпалась въ норку земля, и что-то, сопя, лѣзетъ къ намъ; сопъ все болѣе и болѣе приближался; душно стало мнѣ; и вотъ мимо меня сверкнули глаза и просунулась острая вооруженная страшными зубами морда Великана, схватила мою матушку и повлекла изъ норки...

Бѣдная матушка! какъ жалко застонала она въ зубахъ этой собаки! «Сынъ мой» прошептала она задышавшимся голосомъ: «бойся собакъ и людей!...» только я и слышалъ! Бѣдная матушка! много дней прошло съ-тѣхъ-поръ, но и теперъ, вспоминая послѣднія слова твои, я плачу какъ ребенокъ.

Ко мнѣ въ норку долетали предемертвые вдохи матушки; но они скоро затихли; опять послышался страшный сопъ Великана, опять показалась его морда и оставилась противъ меня; глазъ сердитой собаки горѣлъ какъ раскаленный уголь и, казалось, готовъ былъ сжечь меня; отъ страха я прижался еще плотнѣе къ стѣнкѣ своей норки, вросъ въ землю. Великану, чтобъ взять меня, нужно было поворотить голову въ сторону, но голова его была очень велика, а норка узка; злобно запищалъ онъ, искрививъ, сколько могъ, свою морду на бокъ въ мою норку и защелкалъ зубами; судорожно разводилъ онъ и сжималъ челюсти, оскаливъ на меня свои кривые зубы — все напрасно: зубы задѣвали только верхушки моей шерсти; вытянувъ свой длинный, сухой языкъ, онъ дотрогивался имъ до меня, обдавалъ меня жаркимъ дыханьемъ... Это были страшныя минуты въ моей жизни!... Еще немного — я бы умеръ отъ ужаса.

«Назадъ, назадъ! Великанъ, назадъ! полно врать!» закричалъ наверху Петръ Ивановичъ. Великанъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, щелкнулъ зубами почти у самой моей кожи и попятился изъ норки... Вскорѣ хлопнулъ арапникъ, затопотала лошадка — и опять все утихло.

Только ночью я рѣшился выползть изъ норки. Все было тихо; мѣсяцъ высоко плылъ по небу; широкіе дубы, какъ темныя горы, рисовались на темно-голубомъ небѣ; роща дремала; между травой блестѣли свѣтляки,

въ орѣшникѣ, какъ и прежде, спала сорока; далеко въ болотѣ за рощею лягушки, какъ и всегда, хоромъ спорили о какомъ-то новомъ танцѣ; ничто не измѣнилось, кромѣ моего положенія: я остался сиротой на бѣломъ свѣтѣ! Не съ кѣмъ мнѣ сказать слова, не съ кѣмъ раздѣлить ни печали, ни радости! Матушка, добрая матушка! я тебя не увижу болѣе!... Гдѣ ты, моя родная? что съ тобой? О, Петръ Ивановичъ! о Великанъ!... Я горько заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь, дитя мое? спросилъ меня знакомый голосъ; смотрю — передо мною стоитъ нашъ дѣдушка-колдунъ ёжъ, покашливаетъ и жуётъ какой-то корешокъ.

— О чемъ я плачу? Ахъ, еслибъ вы знали, дѣдушка-колдунъ, я лишился матери! И, рыдая, я рассказалъ ему свою несчастную исторю.

— Подлинное несчастье, сказалъ ёжъ, глотая остатки корешка. — Жаль, жаль, очень жаль твоей матушки! я ее зналъ еще въ дѣвицахъ; она была очень дикая особа... И тебя-то жаль, мой другъ, рано остался безъ опоры.

— Правда ваша, дѣдушка-колдунъ!

— Я никогда не лгу, мой другъ — это мое правило. Что же, у тебя норка теперь пуста?

— Да, много ли для меня нужно мѣста?

— Ну, такъ и быть, я тебѣ окажу услугу: это въ моемъ характерѣ; остаюсь у тебя жить, тебѣ будетъ веселѣе, а я старъ-звѣрь, беспокоить тебя не стану; захочешь слушать — скажу сказочку, а нѣтъ — и замолчу.

— Вы благодѣтель мой! сколько дикости въ этомъ поступкѣ!... Пойдемте, расположитесь въ норкѣ на су-

хихъ листьяхъ, гдѣ почивала моя матушка; будьте какъ у себя...

Ежъ вошелъ въ мою норку, проворчалъ-себѣ поднось какія-то волшебныя слова, перекрутился раза четыре на одномъ мѣстѣ и, свернувшись въ комокъ, уснулъ. Я сдѣлалъ тоже въ боковой норкѣ.

На-завтра, возвратясь съ прогулки, я не узналъ своего жилища: вся боковая норка была завалена лягушками, ящерицами, змѣями и другими гадами. Ежъ очень хладнокровно и съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ небольшого ужа.

— Фи! дѣдушка-колдунъ! что это? Къ чему вамъ эта мерзость?

— Необходима, другъ мой, для моихъ практическихъ занятій, для опытовъ.

— Для какихъ опытовъ?

— Видишь, узнаю, что вкуснѣе.

— Это нестерпимо, дѣдушка-колдунъ! Гдѣ же я буду спать?

— Гдѣ угодно.

— Вытаскайте изъ моей норки этихъ уродовъ!

— Этого не будетъ, другъ мой; спи возлѣ меня, здѣсь.

— Но ваши иглы колются; около васъ близко быть страшно.

— Молодъ другъ мой, поживи съ мое и у тебя выростутъ такія иглы... А боишься меня — можешь провести ночь на вольномъ воздухѣ.

— Да въ васъ нѣтъ никакой дикости! это самый образованный поступокъ: въ чужомъ домѣ распорядиться какъ въ собственномъ и почти выгнать хозяина.

— Можетъ-быть.

— Не можетъ быть, а есть. Прощайте! И я выско-
чилъ изъ норки, съ намѣреніемъ провести ночь гдѣ-ни-
будь вблизи; но пахнулъ вѣтерокъ, нагналъ тучи и по-
шелъ частый дождикъ. Дѣлать нечего: я опять въ
норку. Что жъ бы вы думали? не успѣлъ сдѣлать двухъ
шаговъ, лѣзетъ мнѣ навстрѣчу ёжъ, уставя противъ ме-
ня свои иглы; я назадъ — онъ остановится; я въ нор-
ку — онъ опять противъ меня.

— Что это значить, дѣдушка-колдунъ?

— Ничего, другъ мой. Во мнѣ нѣтъ дикости; я са-
мый образованный звѣрь!

— Вы хотите выгнать меня изъ моей родной норки,
лишить меня наслѣдія родителей?

— Можетъ-быть.

— Не можетъ быть, а есть... Вы неблагодарны!
Какъ можно въ дождикъ выгонять на дворъ хозяина!

— Это тебѣ урокъ, молодой звѣрь, чтобъ ты умѣлъ
уважать старшихъ себя...

Дѣлать нечего! я махнулъ лѣвымъ ухомъ и оставилъ
родное жилище. Дождь лилъ рѣкою; я измокъ и, согнув-
шись подъ кустомъ, едва имѣлъ силы дождаться утра,
пока взошло солнышко и осушило меня, сиротку, ли-
шеннаго даже роднаго пріюта.

Грустно провелъ я весь день, и къ вечеру брелъ по
рощѣ безъ цѣли, безъ намѣренія, не зная, гдѣ преклоню
свою голову; смотрю — идетъ Сиволапушка.

— Здравствуйте, Сиволапушка! закричалъ я, прыгая
ей на встрѣчу.

— А! мое почтеніе! отвѣчала она, очень граціозно
шевелила пушистымъ хвостомъ.

— Какъ вы попали въ нашу рощу?

— Единственно чрезъ свое добродушіе: Петръ Ива-

нычь, вмѣсто снигири, котораго я освободила, посадила въ клѣтку чижики: я и этого избавила отъ неволи...

— И также мертваго?

— Нѣтъ, этотъ, по выходѣ изъ клѣтки, у меня въ лапахъ еще вздохнулъ раза два.

— Ага!... это хорошо. Чтò же далѣе?

— Мѣсто чижики занялъ скворецъ, такой печальный!... Два дня смотрѣла я на него, и наконецъ на третій рѣшилась, во чтò бы ни стало, освободить; все шло какъ-нельзя-лучше, но этотъ дуракъ поднялъ такой крикъ, что приближалъ Петръ Иванычъ и...

— Чтò же такое?

— И... надѣлалъ мнѣ много неприятностей, такъ-что я рѣшилась тогда же оставить домъ этого грубіяна, и только по ночамъ посѣщаю иногда кухню и комнаты, чтобъ покушать чего-нибудь да послушать какихъ-нибудь исторій.

— Я понимаю; это очень пріятно.

— Даже и полезно. Сегодня, напримѣръ, я слышала вѣсточку, которая, можетъ-быть, спасетъ васъ отъ смерти.

— Какъ?

— Съ-нѣкоторыхъ-поръ, именно съ того времени, какъ привѣзли молодаго студента учить сына Петра Иваныча, бѣдная наша барыня все хвораеть, и все посылаетъ своего мужа доставать дичи, такъ-что онъ часто по цѣлой недѣлѣ пропадаетъ; то заохаетъ жена: «убей мнѣ цаплю съ бѣлымъ хохломъ: кажется, какъ посмотрю на нее, станетъ легче». Привезетъ Петръ Иванычъ цаплю — опять стоны: «еслибъ была съ чернымъ хохломъ». Вотъ такъ все и капризничаетъ.

— Да, это и при мнѣ бывало, и учителя-то я знаю: онъ меня вѣхотя выпустилъ на свободу.

*

— И прекрасно! Слушайте жь: вотъ вчера сижу я подъ кроватью и слышу: «Накорми меня, Петръ Иванычъ, зайцомъ, да тѣмъ самымъ, что у насъ жилъ». Петръ Иванычъ отвѣчаетъ, что онъ затравить цѣлую сотню, хотя теперь порядочные люди и не ловятъ зайцовъ, а ждутъ осени; «я, дескать, и третьягодня затравилъ для тебя, да ты и не ѣла.» — «Потому-что тотъ былъ старикъ», отвѣчала жена, «а я хочу молоденькаго, вотъ того, что у насъ росъ да ты выпустилъ». — «А узнаешь ты его?» спросилъ Петръ Ивановичъ. — «Узнаю». — «Ну, ладно, завтра же обшарю все кустики во всемъ околоткѣ». — «Эге! подумала я: надобно извѣстить объ этомъ моего пріятеля» — и побѣжала въ рощу, а вы, какъ нарочно, идете на встрѣчу.

— Что жь мнѣ дѣлать?

— Сидите цѣлый день въ норкѣ. Ночью покушайте да и опять въ норку: дня въ три буря пройдетъ.

— Да у меня проклятый колдунъ отнял норку.

— Въ такомъ случаѣ путешествуйте. Люди всегда путешествуютъ, когда хотятъ чего-нибудь избавиться.

— Куда же? Не оставьте меня вашимъ совѣтомъ.

— Я думаю, какъ вы звѣрь молодой и ловкій, вамъ не бесполезно было бы побывать въ Муромскихъ лѣсахъ: тамъ-то, говорятъ, настоящее звѣрство, неподдѣльная дичь. Тамъ, говорятъ, наше невѣжество — сущее образование; тамъ-то можно перенять превосходныя дикія манеры, темныя мысли, неистовыя чувства... Ахъ, путешествуйте! туда, туда!...

— Рѣшено: путешествую! сказалъ я, протягивая лапу Сиволапушкѣ.

— Будьте счастливы, прошептала мнѣ очаровательница, и исчезла, какъ видѣніе.

Не успѣло еще разсвѣсть порядочно, какъ я уже былъ въ дорогѣ; съ сосѣдняго пригорка взглянулъ еще разъ на рощу и поскакалъ далѣе и далѣе, все на восходъ солнца: тамъ, говорятъ, Муромскіе лѣса!...

II.

Заяцъ знакомится съ нѣкимъ насѣкомымъ.

Вотъ скачу-себѣ все далѣе и далѣе, скокъ да скокъ, впередъ да впередъ... Далекo осталась за мною родимая роща; давно уже ея не видно. Прощай, моя зеленая! Кажется, о чемъ бы мнѣ грустить? матери у меня не осталось, моимъ жилищемъ завладѣлъ старый колдунъ съ колючками — скверный ёжъ; меня тамъ ждетъ неминуемая смерть, коли не отъ Петра Иваныча, такъ отъ собаки Великана. Гадкая роща! пропадай она со всѣмъ отъ верхушки до корня! А все-таки ее жаль, самъ не знаю отчего. Я плакалъ бы, еслибъ путешествіе не было такъ пріятно. — Ахъ, звѣри, звѣри! и малые и большіе, и сѣрые и пестрые, путешествуйте, путешествуйте! Я теперь только понимаю высокое наслажденіе мыши-пеструшки *), которая, оставляя свою родину, часто отправляется путешествовать безъ цѣли, безъ намѣренія, такъ, лишь бы путешествовать.

Что шагъ впередъ, то открываются передо мною новые виды: незнакомыя рощи, темные лѣса, широкіе луга... подъ небесами плаваютъ орлы, въ болотѣ пресмыкаются разнообразныя гады, на встрѣчу летятъ стаи скворцовъ, ползутъ насѣкомыя, сороки сплетничаютъ, воробьи врутъ чепуху — скачешь и упиваешься

*) *Mus lemmus*. Linn.

Примѣчаніе дядюшки.

блаженствомъ: вездѣ такая прекрасная дичь!... ни слова, ни звука образованнаго, ни лица, ни голоса человѣческаго; всё мы, звѣри, и прочія животныя. Что же ожидаетъ меня въ Муромскихъ лѣсахъ?

Проскакавъ одну порядочную рошу, я выбѣжалъ на чистое, обширное поле; по полю шла дорога; по обѣимъ сторонамъ ея кое-гдѣ росли кусты ракиты. День былъ жаркій, полуденное солнце не грѣло, а просто жгло безъ милосердія. Кто меня гонить? подумаль я и, сворота съ дороги, улегся спокойно въ тѣни раKITоваго куста. Легкая дремота начала овладѣвать мною; вдругъ почти у самаго моего уха раздался какой-то пронзительный, пискливый голосъ; прислушиваюсь: кто-то поетъ пѣсню:

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! какъ ты прекрасно, солнце, свѣтишь!
Повѣрь мнѣ, солнце, я одинъ лишь правду говорю;
Всмотрись, о'царь свѣтилъ! и ты съ высоты тотчасъ прамѣтишь,
Что дремлетъ птица, звѣрь, и гадъ, и цѣтъ, и злэкъ, а я одинъ пою!
Возможно ли сравнить съ тобою блѣдную луу и звѣзды?
Всѣ знаютъ здѣсь меня; я знаю всѣхъ и потому
Прилично воспѣвать тебя всегда мнѣ одному,
Когда пернатые пѣвцы убрались въ гвѣзды!...

— Перестань, сосѣдъ, пищать! сказалъ пѣвцу какой-то голосъ.

— Не перестану, почтеннѣйшій! не могу. Посмотри, какъ прекрасно оно, это благодѣтельное свѣтило — не могу: я весь проникнутъ признательностью; моя пѣсня — чистое изліяніе души.

— Не дальше, какъ прошлую ночь, ты мнѣ не далъ спать, напѣвая такую же пѣсню луиѣ.

— Тогда шла луна по небу, а теперь идетъ солнце; ночью и луна хороша, а днемъ она дрянъ — это мое

убѣжденіе, почтеннѣйшій. До свиданія, сосѣдъ. Не хотите послушать?

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! какъ ты прекрасно, солнце, свѣташь!...

Я поднялъ голову и увидѣлъ недалеко отъ себя поющее насѣкомое: оно было худощаво, желтоватаго цвѣта, съ зеленоватыми глазами и длинными, тонкими, сухими ножками; скорчившись, оно сидѣло подъ листкомъ чертополоха и, надрываясь, кричало нелѣпую пѣсню солнцу. Вотъ чтò значить путешествовать, подумалъ я, у насъ въ роцѣ нѣтъ такихъ насѣкомыхъ; само маленькое, невзрачное, поджарое, а кричитъ какъ добрый поросенокъ, да какую великолѣпную дичь!... Насѣкомое, замѣтивъ, что я смотрю на него, сдѣлало ловкій прыжокъ и, очутившись возлѣ самого моего носа, начало присѣдать и шаркать самымъ вѣжливымъ образомъ, безпрестанно повторяя: «какъ я радъ, что имѣю удовольствіе видѣть на нашемъ полѣ иностраннаго звѣря — сына роци и лѣсныхъ предѣловъ».

— Какъ это дико! отвѣчалъ я.

— Помилуйте-съ, на этомъ только и живемъ, это уже наше дѣло; все окрестное поле меня знаетъ; спросите у всякаго, вотъ недалеко муравейникъ — хотите справиться?

— Покорно васъ благодарю! Но позвольте васъ спросить: какъ вы узнали, что я иностранецъ?

— Вы вовсе непохожи на нашихъ полевыхъ животныхыхъ.

— А вы постоянный здѣшній житель?

— Да-съ. Впрочемъ, насъ живетъ искони на этомъ полѣ множество и, для различія, ихъ именуютъ разнó:

здѣсь живетъ полевая мышь ¹⁾, полевой жаворонокъ ²⁾, полевой жукъ ³⁾, полевой скакунь ⁴⁾, и проч., всѣхъ не перечесть и до вечера.

— А вы?...

— Я полевой сверчокъ, — къ вашимъ услугамъ ⁵⁾.

— Очень пріятно!

— А! вы, вѣрно, обо мнѣ слышали много кое чего? Это правда, меня всѣ знаютъ, да и я таки-понялъ эти окрестности. Положа лапку на сердце, осмѣлюсь вамъ доложить, мой добрый путешественникъ, что въ томъ, что я вамъ буду говорить, есть много занимательнаго и поучительнаго.

— Рассказывайте.

— Наше поле обширно; много животныхъ населяетъ его, но въ особенности я счастливъ моими родственниками: нѣкоторые изъ нашей породы, извѣстные подъ названіемъ саранчи ⁶⁾, опустошаютъ поле чело-вѣка и, подивитесь! что то, что посѣяно съ трудомъ и стараніемъ, поѣдаетъ саранча въ одно мгновеніе, и что въ то же время мы, что называется, благодѣтельствуемъ гордому чело-вѣку, потому-что другую нашу породу люди

¹⁾ *Mus arvalis* (Linn.), le carmagnot, ou petit rat des champs. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти животныя до того размножаются, что дѣлаются настоящимъ бичомъ, казнью неба. Если полѣвки заведутся въ какихъ-нибудь мѣстахъ, то бываютъ причиною голода. (Зоол. Эдварса, ч. II. стр. 293).

²⁾ *Alauda arvensis*. Linn.

³⁾ *Scarabeus agricola*. Linn.

⁴⁾ *Cicindela campestris*. Linn.

⁵⁾ *Grillus campestris* (Linn.). Le Grillon des champs. Il se creuse sur les bords des chemins, dans les terrains secs et exposés au soleil des trous assez profonds, où il se tient à l'affût des insectes, dont il fait sa proie... Le mâle produit un bruit aigu et désagréable (Cuvier).

⁶⁾ *Grillus migratorius*. Linn.

Примѣчанія дядюшки.

ѣдать вмѣсто хлѣба ¹⁾. Мы казнимъ, но мы же и милуемъ человѣка; мало этого, что сказалъ я, мы, чтобы что-нибудь сдѣлать ему пріятное, за грабежи нашихъ родственниковъ отрядили искони одну отрасль нашего рода жить къ нему въ домъ и увеселять его прекрасными пѣснями. Этотъ пѣвецъ извѣстенъ подь именемъ запечнаго сверчка ²⁾.

— Знаю, знаю сверчка: когда я проживалъ въ домѣ Петра Иванаыча, то часто слушалъ его пѣсни.

— Ну, вотъ видите, я вамъ говорилъ, что то, что ³⁾ я вамъ скажу, будетъ очень для васъ поучительно. И я готовъ перекричать всѣхъ насѣкомыхъ, что Петръ Иванаычъ великій человѣкъ.

— Ваша правда, очень великій: будетъ съ поверстный столбъ, который стоитъ при началѣ этой дороги, если знаете.

— Я все знаю! Но позвольте вамъ доложить, что одинъ изъ сверчковъ, именно братъ дѣдушки моего пріятеля, жилъ во время оно въ домѣ пастуха Демида— а вамъ безъизвѣстно то, что пастуха уважаютъ и слушаются всѣ, даже быки и кони!— жилъ, былъ уважаемъ и пѣлъ такъ громко, что заглашалъ синичку, летавшую всю зиму по избѣ, съ которою онъ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, потому-что боялся, чтобы она его не съѣла. Обиталище его было подь печкой,

¹⁾ Acridum. Сію саранчу въ Аравіи и другихъ восточныхъ странахъ различно приготавливаютъ и употребляютъ въ пищу, и также дѣлаютъ изъ нея муку для печенія хлѣбовъ. (Ест. Ист. Ловецкаго).

²⁾ Grillus domesticus. Linn.

³⁾ *Что*—безпрестанно встрѣчается въ рѣчахъ полевого сверчка, а потому и рѣшился оставить эту частицу, какъ она была въ оригиналѣ, для сохраненія самостоятельности слога.

Примѣчанія дѣдушки.

въ глубокой, уединенной трещинѣ, откуда онъ только выходилъ ночью и; покровительствуемый глубокимъ мракомъ, воспѣвалъ отъ полноты души восторженные пѣсни!... Мало этого, родъ человѣческій уже давно оцѣнилъ заслуги нашего рода и даже сочинилъ въ похвалу намъ какое-то пріятное изреченіе ¹⁾. Я пытался перевести его на наше нарѣчіе, потому-что знаю языкъ человѣческій...

— Вотъ видите! это величайшая рѣдкость! Гдѣ же вы учились языку человѣческому?

— Почти нигдѣ. Я разъ какъ-то подслушалъ, какъ проѣзжавшій мимо извозчикъ бранилъ лошадей; эту фразу я взялъ за основаніе, составилъ себѣ систему, а остальное дополнило воображеніе... и вышло очень хорошо — спросите у всѣхъ. Пойдемте въ муравейникъ.

— Увольте меня, ради знойнаго дня.

— Какъ вамъ угодно. Теперь я расскажу вамъ о себѣ. Я... ахъ! извините... мнѣ должно пѣть, видите, взлетѣла на горизонтъ птица, да какъ высоко летитъ!... Пою, пою...

И полевой сверчокъ затянулъ пѣсню:

Привѣтствую тебя, прекраснѣйшая птица:
Какая прелесть, красота, пернатая, въ тебѣ видна!
О! недоступная для нашихъ глазъ ты быть должна,
Всѣмъ соколамъ, чижамъ, скворцамъ и воробьямъ сестрица.
Лети себѣ, крылами воздухъ разсѣвая.
Счастлива я и на землѣ, тебя лишь воспѣвая!... ²⁾.

Окончивъ пѣсню, полевой сверчокъ высунулъ го-

¹⁾ Я полагаю: *знай сверчокъ свой шестокъ*.

²⁾ Всей красоты подлинника невозможно передать языкомъ человѣческимъ; однако и прозу и стихи полевого сверчка я старался переводить какъ можно ближе, сохраняя въ послѣднихъ даже размѣръ подлинника. *Примѣчанія дядюшки.*

ловку изъ-подъ листка и, увидя, что птица уже пролетѣла, немного успокоился.

— Ваша пѣсня довольно дика, замѣтилъ я изъ вѣжливости.

— Помилуйте-съ! скажу вамъ откровенно, что въ томъ, что поется на бѣломъ свѣтѣ, никто не знаетъ болѣе толку, чѣмъ я. Я самъ пою безпрестанно; ничто не уйдетъ отъ моей пѣсни; я перепую всѣхъ животныхъ. Да, если по правдѣ сказать, то кто теперь поетъ? жаворонки, зяблики, скворцы, соловьи и прочіе... Сами посудите, что это за народъ! ни одного насѣкомаго! всѣ—птицы. Птицы! Эка невидаль какая!... Рады, что живутъ въ гнѣздахъ повыше нашего брата! А самъ ихъ соловей учился у меня. Вы слышали соловья?

— Какъ же! прекрасно поетъ.

— Да, порядочно; но главная красота его пѣнія заключается въ звукахъ: чикъ, чикъ, чикъ, чикъ! и это онъ у меня перенялъ.

— У васъ?

— Да-съ. Прежде соловей пѣлъ какъ-то странно: пикъ, пикъ... Но я первый рѣшился запѣть чикъ, чикъ— и соловей нѣсколько разъ прилеталъ къ муравейнику, у котораго я пѣлъ, и сиживалъ долго, изучая мое пѣніе. Послѣ слышу: онъ поетъ *чикъ, чикъ!*... Да-съ! перенялъ; а злоба и зависть даже и на это не соглашаются! Вообразите: мои недоброжелатели распустили слухъ по всему полю, что соловей прилеталъ къ муравейнику, гдѣ я пѣлъ, не за тѣмъ, чтобъ учиться пѣть, но чтобъ покушать муравьиныхъ яичекъ!

— Это ужасно!

— Именно ужасно! Поютъ какія-нибудь верхолѣтки, которыя порхаютъ по верхушкамъ деревъ, а нашему

брату, изучающему природу въ ея основаніи, при корнѣ, не даютъ хода! То ли было въ старинныя времена! Здѣсь пѣлъ пѣтухъ, потерянный на нашемъ полѣ хитѣльною бабой, да, самъ пѣтухъ, котораго даже люди разводять въ домахъ своихъ ради пѣнія; мало этого, здѣсь свистѣлъ свои пѣсни сурокъ, изучавшій природу, какъ и мы, въ уединеніи, въ нѣдрахъ темной норки. И теперь не могу вспомнить равнодушно о томъ, какъ свистѣлъ онъ: его рѣзкій свистъ рѣшительно заглушалъ все и даже самого пѣтуха. Да, было времечко! Охъ, старина, старина!...

— Вы полагаете встарину было лучше?

— Несравненно! Тогда даже одинъ соловей пѣлъ пѣсни кузнечнику, одному изъ моихъ знаменитыхъ родственниковъ.

— Вашему родственнику?

— Да-съ, родственнику: онъ былъ двоюродный дядя брата сожительницы моего прадѣда, умерщвленнаго сѣропѣгою жабою исполинскаго роста, въ достопримѣчательную эпоху, известную въ исторіи подъ именемъ войны мышей съ лягушками.

— Развѣ онъ былъмышь?

— Нѣтъ; онъ былъ тоже полевое насѣкомое, а попалъ въ войну единственно по добротѣ сердца и врожденной храбрости: не могъ терпѣть трусовъ. Мыши поколотятъ лягушекъ — онъ тотчасъ къ мышамъ и поетъ имъ похвалу. Лягушки ли одержать верхъ — онъ въстанѣ лягушекъ, и танцуетъ съ ними галопадъ, и превозноситъ ихъ удалество, и поетъ имъ пѣсню. Сколько разъ говорили ему родственники: «Эй, кузнечикъ, не юли! не ярысь!» и слушать не хотѣлъ, пока, пойманный въ непріятельскомъ лагерѣ, не былъ предательски

умерщвленъ огромною сѣропѣгою жабой!... Не правда ли, что то, что я вамъ говорю, послужитъ вамъ источникомъ къ размышлениямъ?

— Согласенъ. Но скажите, ради вашего прекраснаго голоса, какой это птицѣ вы пѣли похвалу?

— Удовлетворить вполне васъ я не могу, потому-что самъ хорошенько не знаю ея породы, но полагаю, что она птица сильная, отъ того, что летитъ высоко; слабая птица такъ не подыметя: побойтjся; сверхъ-того, она полетѣла по направленію къ Муромскимъ лѣсамъ, а тамъ, вы знаете, что все отъявленная дичь, такъ пусть и о насъ тамъ слово скажетъ, что, дескать, и въ полѣ не безъ дичи-съ.

— А! такъ я ее еще увижу?

— Извините-съ, повѣрьте, что я все знаю; вы ее не увидите, потому-что она полетѣла въ Муромскіе лѣса.

— Да и я, вѣдь, скачу туда же.

— Какъ, и вы въ Муромскіе лѣса? и вы туда же путешествуете?

— Чтò тутъ удивительнаго?

— Разумѣется, ничего, мой благородный гость. Я восклицаю отъ радости, что, наконецъ, познакомился съ животнымъ, которое такъ необразованно... такъ...

— Перестаньте льстить!

— Я не льщу; кладу лапку на сердце и увѣряю васъ, что не льщу. Ахъ! еслибъ вы знали, что и я давно уже собираюсь путешествовать. Еслибъ вы знали, чтò я терплю на поле за свое добродушіе и правдолюбіе! Вотъ, напримѣръ, мой сосѣдъ, полевой скакунъ — мой злѣйшій врагъ! онъ готовъ сдѣлать мнѣ всевозможныя неприятели... даже вотъ недавно, передъ началомъ на-

шего пріятнѣйшаго знакомства, не захотѣлъ слушать моей пѣсни солнцу.

— А я думалъ, что онъ вашъ пріятель. Вы, кажется, его называли почтеннѣйшимъ сосѣдомъ!...

— Изъ одной только политики. Дай миѣ побольше силы — онъ бы заплясалъ по моей дудкѣ. Но я, слабое, тощее, обиженное природой насѣкомое, что могу я сдѣлать? только терпѣть, или удалиться. Рѣшаюсь на последнее: путешествую! Скачемъ вмѣстѣ, мой добрый гость?

— Вотъ моя лапа.

Полевой сверчокъ съ чувствомъ схватилъ мою лапу своими двумя лапками и, присѣдая на одномъ мѣстѣ, пожалъ ее. Черезъ нѣсколько времени я скакалъ уже далѣе и полевой сверчокъ, взмогся на спину, кричалъ всѣмъ встрѣчнымъ животнымъ: «не нужно ли вамъ чего въ Муромскихъ лѣсахъ? мы, вотъ, туда путешествуемъ.»

III.

ПОЛЕВОЙ СВЕРЧОКЪ ЛѢСТИТЪ ЖУРАВЛЯМЪ.

Скачу да скачу я, все далѣе и далѣе; кругомъ меня исчезаетъ всякая образованность и возникаетъ дичь. Ахъ, какъ весело!... уже рѣдко встрѣчаются обработанные поля и нивы, лѣса становятся чаще, пустыри огромнѣе, кустарники и дикій верескъ почти непроходимы. Я скачу, у меня на шеѣ сидитъ мой товарищъ, полевой сверчокъ, и поетъ пѣсни — очень весело! Послала же мнѣ судьба такого прекраснаго товарища! Меня удивляетъ непонятная способность

полевого сверчка пѣть обо всемъ; вѣдемъ въ лѣсъ —
онъ поеть:

О лѣсъ, о лѣсъ, о лѣсъ, великій лѣсъ,
Пою тебя, кладу на сердце руку
И говорю: о лѣсъ! всегда ты здѣсь:
Не перенести съ тобою мнѣ разлуку!...

Прискакали въ рощу — ужь онъ пищитъ другую
пѣсню:

О, роща! я тебя люблю, какъ человекъ квась и кашу;
И лѣсъ противъ тебя — естественный дуракъ.
Собой ты прославляешь, роща, землю нашу...
Я говорю, пою — такъ это вѣрно такъ...

Выскачу я изъ рощи на степь, полевой сверчокъ
покрѣпче ухватится мнѣ за шею задними лапками, пе-
реднія подыметъ кверху и дико запищитъ:

О степь! о трогательный видъ!
И лѣсъ и роща — дрявь передъ тобою!
Кто, глядя на тебя, спокойствіе хранишь,
Или о рощахъ смѣетъ говорить,
Тотъ низокъ, тотъ не дикъ душою!...
Я знаю толкъ во всемъ — повѣрь мнѣ, не шута!
Что, глядя на тебя, я плачу какъ дятя...

И много, много, подобной дичи напѣвалъ мнѣ надъ
самымъ ухомъ мой товарищъ; иногда дичь доходила до
такой нелѣпости, что выразить ее нѣтъ никакихъ словъ
на языкѣ звѣриномъ, даже, сколько я понимаю, и на
языкѣ человѣческомъ. Часто я, слушая пѣсни полевого
сверчка, останавливался на всемъ бѣгу и, пораженный,
уничтоженный высочайшею ихъ необразованностью и
звѣрствомъ, стоялъ благоговѣнно, какъ пень, какъ мерз-
лая лягушка. Нѣтъ, кто что ни говори, а по-моему по-

левой сверчокъ — умнѣйшее насѣкомое: чего онъ не знаетъ, чего онъ не вѣдаетъ! Запечнаго сверчка я не уважаю; но полевой — дичайшій звѣрь!...

Разъ, подвечеръ, мы встрѣтились съ дикимъ кроликомъ; разговорились о томъ, о другомъ, вышло, что онъ мнѣ съ родни. Славный малый, почти безъ образованія; далеко выше стоитъ тѣхъ, которыхъ я видывалъ на дворѣ Петра Ивановича: тѣ, живя съ людьми, почти потеряли свою дикость, изнѣжились, ослабѣли, бредяты какимъ-то комфортомъ (должно быть, слово рыбаго языка, котораго я не знаю), стали очень довѣрчивы и отъ того часто, не думано, не гадино, попадаютъ въ сущъ, а сущъ такая гадость, которую, я полагаю, ни одинъ хоть немного дикій звѣрь не можетъ попробовать, не потерявъ на цѣлыя сутки аппетита.

Мы съ родичемъ съѣли листка по четыре хорошей заячьей капусты. Полевой сверчокъ не отказался раздѣлить нашу трапезу. Между разговорами, кроликъ сказалъ мнѣ: «я такъ вы, любезнѣйшій родственникъ, скоро достигнете цѣли вашего путешествія, проскакавъ денёкъ-другой, будете въ Муромскомъ лѣсу — славное мѣсто! заросли необыкновенныя, собаки не бѣгаютъ, люди тоже — прелесть!...

— Ахъ, какъ я радъ! сказалъ я.

— Только, продолжалъ кроликъ: — если вы любите овесъ, то совѣтую вамъ покушать его сегодня вдоволь.

— А развѣ въ Муромскихъ лѣсахъ нѣтъ овса?

— Нельзя сказать, чтобъ не было — чего тамъ нѣтъ! но, видите, его очень мало и вообще онъ поѣдается звѣрями сильными, большими: лошадьми, оленями, зубрами; даже простой быкъ не рѣшается кушать овса, боясь неприятностей, потому-что тамъ овесъ звѣриный,

а не сѣянный людьми. Но сегодня вы еще можете воспользоваться. Недалеко отсюда какой-то человекъ вздумалъ засѣять ниву овса, и мы, звѣри, считая это нарушеніемъ своихъ правъ, опустошаемъ его частенько. Мое почтеніе, любезнѣйшій родственникъ. Кланяйтесь отъ меня тушканчикамъ *), познакомьтесь съ ними: ребята теплые, отличные прыгуны, они же намъ съ родни приходятся.

— Прощайте! А овесъ я гдѣ найду?

— Тутъ, недалеко, вамъ по дорогѣ будетъ нива.

— Прощайте, почтеннѣйшій, запищаль полевой сверчокъ. — Минуты вашего драгоценнаго знакомства никогда не изгладятся изъ моего сердца.

— Прощайте, доброе насѣкомое.

Кроликъ ускакалъ, и я отправился своею дорогой.

— Вашъ родственникъ, не чета вамъ, сказалъ полевой сверчокъ, когда кроликъ скрылся изъ виду.

— Какъ такъ?

— Да такъ; я повседневно, можно сказать ежедневно, удивляюсь вашему уму, а онъ...

— А онъ?

— Дуракъ, чистый дуракъ, образованный, съ позволенія вашего...

— Не слишкомъ ли это? вы ошибаетесь.

— Повѣрьте, то, что я говорю, всегда правда; это я знаю, и всѣ знаютъ, я говорю по убѣжденію.

— По какому?

— Развѣ вы не замѣтили, что когда вы сказали слово комфортъ, какъ онъ глупо махнулъ лѣвымъ ухомъ; онъ рѣшительно не понимаетъ этого слова, хотя то, что

*) *Mus jacalus* (Pall.)

Примлчаніе дядушки.

вы замѣтили, что это слово изъ рыбаго языка — чрезвычайно справедливо.

— Вы полагаете?

— Помилуйте-съ, совершенно увѣренъ, на этомъ живемъ-съ! Комфортъ значитъ камышинка; и если, положимъ, говорятъ: улитка влѣзла въ комфортъ, это значитъ улитка спряталась въ камышинку. Ужь я знаю рыбагій языкъ; между нами сказать: скверный язычишка; кажется, и смысла нѣтъ по нашему, очень образованно, а по ихъ это хорошо, дико.

Убивая время подобными разговорами, мы наконецъ прискакали къ желанной нивѣ съ овсомъ и услышали очень дикую музыку. На нивѣ было гостей множество — цѣлое стадо журавлей. Пять или шесть особъ изъ этого стада стояли въ концѣ нивы, каждый поджавъ подъ себя одну ногу, и во все горло кричали на голосъ стариннаго экоссеа известную журавлиную пѣсню:

Прилетѣли на овесъ
И покушали овесъ.
Ай люли, ай люли! (bis.)
Хоть не любимъ мы овса,
Но отвѣдали овса.
Ай люли, ай люли! (bis.)
Мы бродили по ову,
Честь мы сдѣлали ову.
Ай люли, ай люли! (bis.)
Мы пѣвнелися овсомъ,
Подкѣвнелися овсомъ.
Ай люли, ай люли! (bis.)

Музыканты играли неумоимо, а прочіе журавли танцовали препріятный танецъ: то собирались въ кружокъ, подымая кверху крылья, то, разсыпаясь, пры-

гали по нивѣ и каждый въ одиночку неподражаемо плуталъ длинными ногами и выдѣлывалъ самыя дикія пѣ.

Я хотѣлъ-было, вздохнувъ, проскакать мимо овсяной нивы, но мой товарищъ запищалъ мнѣ: «не дѣлайте этого, вѣдь вамъ журавли хоть и не большіе пріатели, но и не враги; насъ, другое дѣло, эти невѣжи часто очень образованно хватаютъ своими длинными носами; полевой сверчокъ самое несчастное животное!... А вы можете воспользоваться пищей, да не забудьте унести и для меня во рту одинъ колосокъ.

— А вы куда? спросилъ я.

— Э, почтеннѣйшій! журавли враги мнѣ, я спрячусь; ужъ позвольте мнѣ влѣзть въ ваше ухо: я помѣщусь въ немъ очень спокойно, оно такое большое; признательно сказать у васъ уши, какъ у добраго дикаго осла — удивительныя уши, чуть ли не больше ослиныхъ; я даже гдѣ-то читалъ объ этомъ, кажется, въ диссертациі о превратности счастья, сочиненія сѣраго попугая Попки, или синей мясной мухи — не могу сказать утвердительно, а помню даже форматъ этой лапописи: на зеленомъ лапушномъ листѣ въ полскачка длиною.

Говоря такимъ образомъ, полевой сверчокъ залѣзъ мнѣ въ ухо и шепнулъ, чтобъ я бѣжалъ смѣло къ нивѣ. Ему хорошо было давать совѣты спрятавшись, а меня немного взяло раздумье: «что если одинъ изъ этихъ болвановъ, для потѣхи, такъ разыгравшись, мимоходомъ задѣнетъ меня носомъ: шутки плохи: можно лишиться глаза», и я робко подскочилъ къ музыкантамъ и остановился въ недоумѣніи. Музыканты разомъ повернули ко мнѣ свои шеи и, увидѣвъ, что я не изъ числа враговъ, занялись своимъ дѣломъ. Вдругъ мое ухо запѣ-

ло — да, полевой сверчок началъ изъ моего уха под-
пѣвать журавлямъ! Чуть музыканты окончатъ:

Ай люли, ай люли,

а полевой сверчокъ и подпоетъ:

Патріоты журавля!

танцоры скоро замѣтили эту прибавку въ стихахъ
эксесза и шумной толпой подбѣжали къ музыкантамъ,
крича: «браво! браво! молодцы!»

— Кто это изъ васъ такъ хорошо подхваливаетъ?
спросилъ самый большой журавль, вѣрно, начальникъ.

— Не можемъ знать, отвѣчали въ одинъ голосъ му-
зыканты.

— Быть не можетъ, я самъ слышалъ.

— И мы, и мы, закричало все стадо.

— Не бойтесь ничего, это дѣло хорошее, сказалъ
старый журавль: — не къ чему запираться.

— Право-слово, не можемъ знать. Развѣ вотъ они.

Говоря это, музыканты показали на меня. Стадо сто-
яло въ недоумѣніи; старый журавль призадумался съ
минуту и сказалъ музыкантамъ: «а ну-тка еще!» Музы-
канты вытянули шеи и начали отхватывать прежнюю
пѣсенку; но чуть они кончили:

Ай люли, ай люли,

полевой сверчокъ подпѣлъ изъ моего уха громче
прежняго:

Патріоты журавля!

Прелесть — наши журавля!

— Стой! закричалъ старый журавль: — теперь по-
нимаю.

Музыканты остановились, а онъ подошелъ ко мнѣ, расшаркался самымъ вѣжливымъ образомъ, произнесъ рѣчь, въ которой изъявилъ свое удивленіе, встрѣтивъ между четвероногими такого пріятнаго пѣвца, наговорилъ мнѣ кучу любезностей и пригласилъ раздѣлить съ его стадомъ человѣческой овесъ. Я покушалъ препорядочно и еще унесъ съ собой нѣсколько самыхъ сочныхъ вѣточекъ. Удивительно сметливое и находчивое насѣкомое — полевой сверчокъ!

IV.

ЗАЯЦЪ ПРИСКАКАЛЪ БЛАГОПОЛУЧНО.

Наконецъ мы прискакали въ Муромскій лѣсъ. Чудное мѣсто! Глубочайшая дичь! Кругомъ чертополохъ, репейникъ, терновникъ, шиповникъ и всякія добрыя растенія, далѣе — дубы, сосны, ели, березы... трава невылазная... Мой товарищъ, сидя у меня на шеѣ, еще издали началъ громко хвалить Муромскій лѣсъ, сравнивалъ его съ другими и ругалъ, насмѣхался надъ другими лѣсами, называя ихъ лѣсишками — даже наскучилъ мнѣ. Узенькой тропинкой я выскочилъ на небольшую чистенькую площадку, тетервиный точекъ, какъ я узналъ послѣ; на площадкѣ гордо ходилъ пѣтухъ, подлѣ площадки, въ болотномъ камышѣ, сидѣлъ селезень и лежала большая свинья. Я хотѣлъ-было проскочить мимо, какъ пѣтухъ загорѣдилъ мнѣ крыломъ дорогу, гордо оставилъ одну ногу впередъ и крикнулъ на извѣстный напѣвъ кукареку: «кто такіе?»

— Путешественникъ, отвѣчалъ я, низко кланаясь.

— Кто такіе? повторилъ пѣтухъ, громче прежняго.

— Я заяцъ, сърый заяцъ, русакъ, что называется, а это мой искренній другъ, полевой сверчокъ, невообразимо-дикій пѣвецъ.

— Такъ, такъ, дѣти, такъ! заговорилъ хриплымъ голосомъ селезень, выбираясь изъ камыша.

Пѣтухъ свысока, надмѣнно смотрѣлъ на насъ; селезень тоже подошелъ, переваливаясь съ боку на бокъ, любопытно оглядѣлъ насъ кругомъ и сказалъ: — такъ, такъ!

— Полно кричать! спать не даютъ проклятые, проворчала свинья, приподнявъ немного изъ болота свою жирную голову, и опять улеглась.

Селезень тоже убрался въ камышъ, повторяя:

— Такъ, такъ, такъ!..

— Убирайтесь! прокричалъ пѣтухъ прежнимъ напѣвомъ и пошелъ ровнымъ шагомъ по площадкѣ, а мы поскакали въ самую чащу лѣса.

V.

ЗАЯЦЪ НЕМНОГО РАЗСУЖДАЕТЪ.

Хороши Муромскіе лѣса, а правду сказать въ нихъ часто придется нашему брату, маленькому звѣрю, умирать съ голода. Я началъ-было ѣсть траву подлѣ терновника; откуда ни возмись коза, привѣтливо раскланялась и говорить:

— Позвольте узнать, что вы намѣрены дѣлать?

— Хочу немного перекусить, отвѣчалъ я.

— Миѣ очень жаль, сказала она, что я должна вамъ отказать въ этомъ удовольствіи: я персона бѣдная, только и имѣю, что это мѣсто для корма; и если буду позволять всякому пользоваться, то, посудите сами — вы умный человекъ — могу остаться безъ пищи, и,

говоря это, она довольно-неприятно направила на меня пару своих острых роговъ.

— Извините, пробормоталъ я и поскакалъ далѣе.

Въ другомъ мѣстѣ баранъ очень вѣжливо говорилъ мнѣ, что считаетъ за честь со мной познакомиться, что очень много хорошаго слыхалъ обо мнѣ; но, при всемъ желаніи мнѣ добра, никакъ не можетъ позволить пастись около себя. Тамъ осель просто говорилъ: «убирайся, братецъ, къ чорту! самому травы мало; здѣсь лошадь, не говоря ни слова, такъ значительно подымала свою ногу, вооруженную широкимъ, твердымъ конь-томъ, что я, сколько силъ, улепетывалъ подальше; но болѣе всѣхъ меня удивила лисица, и эта не позволила щипать травки: «я, говорить, здѣсь живу близко».

— Помилуйте, сударыня, сказалъ я, всеѣмъ извѣстно, что вы не употребляете постнаго: ни травы, ни листьевъ, на что же вамъ они? Позвольте попользоваться бѣдному звѣрю.

— По вашему выговору, и еще болѣе по образу мыслей, замѣчаю, что вы иностранецъ, отвѣчала лисица:— и потому позвольте вамъ дать совѣтъ прыгать подальше отъ моего жилища: вы звѣрь очень дикій и безъ всякаго образованія, но слабый; знаете, у насъ, какъ и вездѣ, плотоядные звѣри любятъ иногда, для потѣхи, придушить вашего брата. Согласитесь, какъ мнѣ будетъ неприятно, когда волкъ, или кто другой, гоняясь за вами, ворвется въ мое гнѣздо: я должна буду защищать свое семейство, и, ни за что ни про что, входитъ въ драку и ссорится съ сильными звѣрями.

— Однако... началъ было я, но лисица зѣвнула передъ самымъ моимъ носомъ и такъ страшно оскалила свои собачьи зубы, что я вспомнилъ Великана и опро-

метью бросился далѣе. Въ-смы къ вечеру набрелъ на семейство тушканчиковъ, передалъ имъ поклонъ отъ кролика, посчитался съ ними родствомъ и перекусилъ не очень вкуснаго моху; они и сами, бѣдные, кое-какъ имъ перебиваются, а живутъ весело, скачутъ, прыгаютъ — славный народъ!

— Кто васъ заставляетъ жить въ этомъ лѣсу, спросилъ я своихъ родичей: — если здѣсь пища такъ трудна?

— Да мы лучше станемъ поститься три сутки, нежели бросимъ Муромскій лѣсъ, завопили они хоромъ.

— Помилуйте, гдѣ вы найдете такую дикость, такое тонкое невѣжество, такое отсутствіе всего, что носить хоть тѣнь образованія?

— Правда, правда. Однако у меня въ родимой рошѣ столько заячьей капусты, столько...

— Зачѣмъ же вы пришли сюда? жили бы тамъ у себя, ждали бы каждый часъ, что васъ затравитъ человекъ или придушитъ собака!... Тутъ воля, свобода, звѣрство.

Родственники говорили правду, но я не привыкъ питаться мохомъ: я избалованъ съ дѣтства, и рѣшился подражать сильнымъ звѣрямъ. Я замѣтилъ, что медвѣди и волки всегда жирнѣе нашего брата, всегда у нихъ бока полны и шерсть лоснится. Вотъ я и пошелъ къ одному извѣстному волку проситься въ науку. Голодъ не свой братъ.

VI.

ЗАЯЦЪ БЕРЕТЪ УРОКИ.

Волка я засталъ грызущимъ косточку.

— Позвольте потревожить ваше занятіе, сказалъ я самымъ благоприличнымъ голосомъ, наклоня правое ухо до земли.

— Что-съ? спросилъ волкъ, не выпуская изъ рта косточки.

— Позвольте бѣдному травоядному, грызуну, отнять у васъ нѣсколько минутъ драгоцѣннаго времени, посвящаемаго вами такимъ полезнымъ занятіямъ!

— Говори, братецъ, яснѣе: ничего не понимаю.

— Будьте отцомъ и благодѣтелемъ, сказалъ я, падая на колѣни: — научите меня охотиться по-вашему. Я бѣдный звѣрь, трава мнѣ прискучила, плохо жить нашему брату; хочу ѣсть мясо, хочу сдѣлаться волкомъ...

— Благодарю судьбу, что я сытъ, а то примѣрно наказалъ бы тебя за твою дерзость. Какъ ты смѣлъ, скверный мальчишка, подумать о чести сдѣлаться волкомъ! Посмотри на себя въ лужу: похожъ ли ты съ виду на нашъ великолѣпный родъ? гдѣ у тебя нашъ увѣсистый хвостъ, этотъ чувствометръ, какъ назвала его одна лягавая собака? гдѣ у тебя сильныя, крѣпкія лапы? гдѣ широкая пасть и многоуважаемые волчьи зубы? Ты съ ума сошелъ, или гдѣ-то у людей образовался, молодой звѣришка — правда?

— Точно, вы изволите говорить правду, мой кровожаднѣйшій! Я имѣлъ несчастье прожить двадцать дней въ человѣческомъ домѣ и, смѣю васъ увѣрить, кромѣ языка, ничего по человѣчески не понимаю. Но вы не поняли меня; я очень далекъ отъ чести сдѣлаться волкомъ; мнѣ бы хотѣлось только перенять ваши приемы, ваши средства, вашу ловкость при нападеніи на звѣрей...

— Смѣшно мнѣ твое желаніе; впрочемъ, поучись, пожалуй; а если ты понимаешь человѣческія рѣчи, то можешь немного быть мнѣ полезнымъ, но не сегодня;

сегодня я съ пріателемъ хорошо позавтракалъ и хочу отдохнуть.

— Могу ли выразить мою величайшую...

— Безъ благодарности; эта штука ни грѣеть, ни кормить.

О волкъ, о звѣрь, о кровожадность!

Тебя хочу я пѣть и голосъ мой теряетъ всю пріятность.

О даво...

запѣлъ-было полевой сверчокъ.

— Это что за дрянъ пищить? спросилъ волкъ.

— Мой пріатель, полевой сверчокъ...

— Слишкомъ, братаецъ, много чести, что я и тебя принялъ подъ свое покровительство, а ты еще привелъ сюда гадкое насѣкомое. Вонъ его!

Я сказалъ нѣсколько словъ въ защиту полевого сверчка, но волкъ разсердился и хотѣлъ придушить его лапой. Сверчокъ въ два прыжка очутился на деревѣ, разругалъ волка и меня, сказалъ, что я неблагодарнѣйшее животное, что я дѣйствую очень образованно и, положи руку на сердце, поклялся мстить мнѣ до конца дней. Такъ мы разстались съ дорожнымъ товарищемъ. Не знаю, за что полевой сверчокъ разозлился на меня; я, кажется, и привезъ его въ Муромскіе лѣса на спинѣ своей, и всегда дѣлилъ съ нимъ послѣдній листочекъ зелени, и пряталъ его отъ непріателей въ свое ухо. Не умереть же мнѣ съ голоду ради пріателя, ради поющего насѣкомаго, когда мой благодѣтель, будущій мой наставникъ и покровитель не взлюбилъ его.

Волкъ уснулъ, приказавъ оберегать его во время сна отъ всякаго шума, особливо не допускать на его персону падающихъ листочковъ. Я присѣлъ на заднія

лапки, поворачивалъ безпрестанно голову во всѣ стороны и, схватывая на-лету падавшія съ дерева листья, съѣдалъ ихъ. Подобное занятіе немного безпокойно, но полезно.

Поутру волкъ послалъ меня провѣдать, нѣтъ ли гдѣ на опушкѣ лѣса домашнихъ животныхъ, и если есть, то нѣтъ ли близко людей.

Я скоро возвратился.

— Ну чтò? спросилъ волкъ.

— Есть, отвѣчалъ я.

— Чтò такое?

— Здоровая, возовая лошадь.

— А люди?

— Людей нѣтъ, ушли версты за полторы въ кабакъ, а лошадь пустили подальше въ лѣсъ, чтобъ напаслась.

— Нѣтъ ли засады?

— Нѣтъ. Я слышалъ людскія рѣчи: молодой, говорилъ: «Заѣдемъ, дядюшка, въ кабакъ, тамъ лошади и овса купимъ и сами перекусимъ». — «Вишь какой бойкой» говорилъ старикъ, «много у тебя денегъ на овесъ?» — «Баринъ, кажись, вамъ пожаловалъ?» — «Мало чего нѣтъ! станешь овесъ покупать, такъ не на чтò будетъ и выпить. Молодая у тебя голова, глупа!... Мы вотъ тутъ пустимъ гнѣдка напастись въ волю, пускай идетъ подалше отъ дороги въ лѣсъ, а сами сбѣгаемъ въ кабакъ, недалеко ёлка видна; повозка тутъ постоитъ, благо пустая». — «А кабы чтò не случилось?» началъ-было молодой, да старикъ перебилъ его: «молодъ, братъ; впервые ѣдишь по барскому дѣлу, вотъ такъ бы и дрожалъ по немъ! Слушай меня, старика, я человѣкъ быва-

лой». — Вотъ и пошли они въ кабакъ, а я со всѣхъ ногъ сюда.

— Мерси! сказалъ волкъ, и мы отправились въ походъ.

Когда мы прискакали на мѣсто, людей еще не было; большой, жирный, гнѣдой конь стоялъ у куста орѣшника и въ полголоса высчитывалъ тяжесть покупокъ, которыя долженъ будетъ везти обратно изъ города, а между-тѣмъ, вытянувъ кверху шею, щипалъ съ куста молодые побѣги.

— Теперь приготовимся, сказалъ волкъ отвѣдя меня въ сторону. — Первое правило для уничтоженія большихъ животныхъ — большой вѣсъ. Чѣмъ болѣе въ насъ вѣсу, тѣмъ быстрѣе и легче мы душимъ сильныхъ животныхъ. Я сегодня очень легокъ! и съ этимъ словомъ онъ началъ ѣсть землю.

— Чтѣ у меня глаза красны? сказалъ волкъ покушавъ немного земли.

— Немного.

Волкъ опять принялся за землю.

— А теперь?

— Красны, очень красны.

— Шерсть оцетинилась?

— Нѣтъ.

Волкъ опять покушалъ земли.

— Теперь оцетинилась?

— Оцетинилась.

— Бока потолстѣли?

— Потолстѣли.

— Хвостъ приподнялся?

— Виситъ, какъ палка.

— Плохо! И волкъ началъ ѣсть землю во весь ротъ.

— Не подымается?

— Приподымается.

— Ну, хорошо, теперь видишь, я сердить и тяжелъ, брошусь на лошадь, она меня не потащитъ.

И, съ этимъ словомъ, въ два прыжка онъ повисъ на шеѣ бѣднаго гнѣдка; гнѣдко съ перерѣзаннымъ горломъ упалъ на траву.

У! какъ сталъ страшенъ волкъ въ это время! онъ жадно, торопливо раздиралъ трепетавшую лошадь, пилъ ея кровь, оскаливалъ красные зубы; глаза его сверкали, въ горлѣ слышался удушливый хрипъ. Я бросился изо всѣхъ ногъ, радуясь, что знаю секретъ волчьяго промысла.

— Хорошо! сказалъ кто-то у меня надъ самымъ ухомъ, когда я отскакалъ съ версту отъ волка.

— Это вы, полевой сверчокъ? спросилъ я, узнавъ пріятеля по голосу.

— Я, почтеннѣйшій. Извините, я опять сижу на вашей шеѣ: знаете, у меня къ вамъ влеченье, родъ недуга...

— Вы, мнѣ кажется, разсердились на меня?

— Помилуйте! можно ли на васъ разсердиться? вы, просто, дичайшій изъ зайцовъ! Я все слѣдилъ за вами, съ вѣточки, на вѣточку, съ листочка на листочекъ, боялся спустить васъ съ глазъ, и очень радъ, что вы знаете средство сражаться съ лошадьми.

— А вы слышали? видѣли?

— Какъ же! Удивительный способъ! Положа лапу на сердце, увѣряю васъ, что вы теперь станете ужасомъ всѣхъ звѣрей; лучшая трава и горошекъ во всемъ Муромскомъ лѣсу будутъ къ вашимъ услугамъ. Повѣрьте мнѣ, мнѣ эта грамота немножко извѣстна: я часто видывалъ подобные примѣры; одинъ даже опи-

санъ мнѣ дѣдушкой съ тѣткной стороны, во время известной въ исторіи войны мышей съ лягушками. Знаете, я вамъ скажу, что вы теперь, что бы ни захотѣли, можете, что называется, съ-разу уничтожить. Вотъ, напримеръ, баранъ; хотите, нападѣмъ на него?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; если нанадать такъ нападать на что-нибудь покрупнѣе.

— Превосходно! О, дичайшій мой! вотъ пасется осель: нападѣмъ, что ли?

Я покушалъ земли — препротивное кушанье, ничего не могъ проглотить, все втюкнулъ, и спросилъ у полевого сверчка: — а что, глаза красные?

— Красны, какъ огонь? отвѣчалъ онъ.

— А шерсть щетинится?

— Словно ежовыя иглы!

— Бока потолстѣли?

— Будто арбузъ, такъ потолстѣли...

— А хвостъ подымается?...

— Поднимается! такъ и лѣзетъ кверху.

— Ну, хорошо, сказалъ я, приосанился и подскочилъ къ ослу; но тутъ, признаюсь откровенно, на меня нашла сильная робость, сердце тревожно забилося, ноги задрожали, я не взвидѣлъ свѣта.

— Смѣлѣе, смѣлѣе! кричалъ мнѣ полевой сверчокъ, высоко качаясь надо мной на березовой вѣточкѣ.

Мнѣ стало совѣстно и я прыгнувъ прямо на горло ослу, оборвался, упалъ и легъ передъ нимъ, не могши, отъ страха, пошевелить ногами. Хладнокровно посмотрѣлъ на меня осель и пошелъ далѣе, лягнувъ меня копытомъ. Тутъ я ужъ ничего не помню — все исчезло передо мной. Кажется, я уснулъ.

VII.

ПОЛЕВОЙ СВЕРЧОКЪ КЛЕВЕЩЕТЪ НА ЗАЙЦА.

Просыпаюсь и чувствую страшную боль во всемъ тѣлѣ; въ головѣ шумить; надо мной кто-то бойко, бѣгло разговариваетъ.

— Зачѣмъ онъ тутъ, кто онъ такой? говорилъ одинъ голосъ.

— Вѣрно воръ, вѣрно плутъ! прибавилъ другой.

— Разспросить, разузнать бы не худо! трещалъ третій.

— Позвольте, позвольте, я вамъ объясню, пищаль кто-то: — я все знаю, повѣрьте мнѣ mesdames; то, что я вамъ сообщу, будетъ очень любопытно. Этотъ звѣришка, что лежитъ передъ вами, долженъ быть, что называется, какой-нибудь бѣглецъ и самаго буйнаго характера; я его не знаю, да и что мнѣ за нужда знать всякую сволочь? Эка невидаль какая! но вѣрно то, что онъ вздумалъ... содрогнитесь, почтеннѣйшія дамы! вздумалъ растерзать осла, нашего добраго осла, всѣми уважаемаго осла, самаго дикаго осла! Разумѣется, осель, съ чувствомъ своего достоинства, легонько оттолкнулъ дерзкаго копытомъ и — противъ правилъ своихъ, рѣшительно противъ своего убѣжденія — убилъ гадкую тварь. Я знаю, mesdames, вашъ тонкій гастрономическій вкусъ, но знаю, что вы, изъ снисхожденія, иногда кушаете заячье мясо, которое гораздо лучше души этого звѣрька; знаю, что вы, просвѣщая муромскую дичь разными поучительными разсказами, еще не успѣли пообѣдать, и совѣтую, чтобъ что-нибудь извлечь изъ этого приклю-

ченія, отвѣдать этого зайца. Истинный мудрец изъ всего извлекаетъ пользу. Probatum est!...

Я открылъ глаза: вижу надъ собою семью сорокъ, которыя, прыгая по дереву съ вѣточки на вѣточку все ниже и ниже, жадно засматривали мнѣ въ глаза, а противъ нихъ разглагольствуетъ полевой сверчокъ, спрятавшись, для безопасности, въ щелку дубовой коры, и высовывая только оттуда по временамъ свою голову. Сороки, увидя, что я еще живъ, быстро отлетѣли на верхушку дерева, переговорили наскоро между собой и разлетѣлись въ разныя стороны свѣта оглашать Муромскій лѣсъ новою сплетней о моемъ несчастномъ сраженіи. Полевой сверчокъ, видя, что сороки удалились, вылѣзъ изъ своей щелки и тоже рѣзво поскакалъ по лѣсу, не обращая на меня никакого вниманія.

— Милостивый государь, простоналъ я:— господинъ полевой сверчокъ, куда вы? Не оставляйте меня; я не сержусь за ваши сплетни съ сороками, не сержусь за ваше отреченіе; ради овса и капусты оставайтесь со мной! Видите, я раненъ, не могу встать съ мѣста...

Но полевой сверчокъ прикинулся, что не слышитъ моихъ стоновъ и ускакалъ далѣе. Этотъ поступокъ, очень образованный, крѣпко меня опечалилъ; я лежалъ беззащитный съ перебитыми *скоками*, не могъ протянуть шеи, чтобъ достать листочекъ травки, стебелекъ папоротника или клочокъ моху, а онъ, мой товарищъ, котораго я привезъ на своей шеѣ въ Муромскіе лѣса, котораго пряталъ въ свое ухо, кормилъ, оберегалъ, онъ оставилъ меня! Я лежалъ и горько плакалъ.

VIII.

ЕЩЕ КЛЕВЕТА. ПЛОХО ЗАЙЦУ.

Передъ вечеромъ сѣлъ недалеко отъ меня, на деревѣ, сѣрый дроздъ, очистилъ носъ, оправилъ имъ свои перья, встрепенулся и запѣлъ пѣсню:

Жилъ былъ заяцъ, сѣрый заяцъ,
Пребольшой дуракъ.
Вѣрите мнѣ, весь свѣтъ меня знаетъ-съ
Что скажу, то быть тому такъ!...

Я не упомянулъ всей пѣсни, но въ ней весьма подробно было рассказано мое несчастное приключеніе съ осломъ. Пѣсня была, какъ всякій можетъ судить по началу, довольно-дика, по содержанию, близка моему сердцу, и я рѣшился разспросить о ней у дрозда.

- Здравствуйте, милостивый государь, сказалъ я.
- Bon jour! отвѣчалъ дроздъ.
- У васъ прекрасный голосъ, чистый теноръ.
- Vous trouvez? вы думаете?
- Я, рѣдко слыхалъ подобный голосъ.
- Всѣ синички, всѣ чечотки говорятъ то же.
- Позвольте узнать, какую это пѣсню вы такъ прекрасно пѣли?
- Самую новую; она сегодня только-что вышла, напечатана въ «Трубадуръ-дю-дичъ».
- Ваше сочиненіе, смѣю спросить?
- Нѣтъ, ее написалъ какой-то полевой—не то жукъ, не то кузнечикъ, не помню хорошенько, а пѣсня пріятная, много, этакъ, знаете, чепухи...
- Не полевой ли сверчокъ?

что онъ съ роткии, и хотѣлъ-было начать описывать его пригѣты.

— Ги! ги! сказала лошадь.

— Важное обстоятельство! сказалъ осель:—разберите его хорошенько, господишь секретарь.

— И мы вызываемъ къ вамъ объ этомъ, замѣчалъ быкъ, значительно глядя на лисицу.

— Очень хорошо, отвѣчала лисица.— Но, господа, вы, кажется, устали, много работали сегодня; не пора ли разойтись? Завтра, на свѣжую память, все разсмотримъ, а дощоника посадимъ до завтра подъ карауль.

Слѣдователи разошлись; лисица отдала гуся подъ карауль двумъ волкамъ.

— Смотрите вы мнѣ, бирюки, сказала лисица:— только уйдетъ гусь, и сами на глаза не кажитесь!

На утро, къ изумленію всѣхъ слѣдователей, гуся не оказалось, волковъ тоже. На мѣстѣ, гдѣ содержался преступникъ, нашли немного крови и нѣсколько перьевъ. Въ лѣсу до-сихъ-поръ толкуютъ это происшествіе разно: волкоманы увѣряютъ, что волки съѣли гуся и уши, а гусоманы—будто гусь проглотилъ обоихъ волковъ и улетѣлъ за границу. Какъ бы то ни было, но медвѣдь началъ подозрѣвать въ покражѣ всѣхъ роконосцевъ и велѣлъ удвоить стараніе при слѣдствіи. Всѣ были въ отчаяніи. Вдругъ явилось тощее насѣкомое и объявило, что гусь доносилъ вполнину справедливо, *ибо*, по своей близорукости, принялъ уши за роги; а что съѣлъ овесъ заяцъ, извѣстный всему околотку за грубіяна, буяна и самага дерзкаго кутилу, который, забывъ всякое уваженіе, еще недавно бросился весьма злобно на шею его ослиной милости.

— Такъ это онъ? спросилъ осель поднявши кверху уши и брови.

— Онъ-съ, право онъ, отвѣчало насѣкомое. — Я былъ большой пріятель съ гусемъ, и мы вмѣстѣ, разсуждая о блаженствѣ сумасбродства и прочихъ отвлеченныхъ идеяхъ, нечаянно наткнулись на реченнаго зайца, когда онъ пожиралъ воровской овесъ. Отвратительное было зрѣлище! Я содрогаюсь, вспоминая его.

— А вы кто такой? спросила лошадь.

— Я полевой сверчокъ, къ вашимъ услугамъ.

— Да правду ли вы говорите, точно ли вы видѣли? замѣтилъ быкъ.

— Помилуйте-съ! я все знаю, меня всѣ знаютъ — спросите въ муравейникѣ. Стану ли я лгать передъ вашимъ говяжьимъ достоинствомъ! Я, еще не имѣя счастья видѣть васъ, пѣлъ въ честь вамъ пѣсню:

Ай-да быкъ!

Превеликъ! и проч.

Я знаю этого зайца, я даже имѣлъ несчастье быть его товарищемъ въ путешествіи; но, узнавъ короче образованность, нравъ его и наклонности, поспѣвшиль съ нимъ разойтись.

— Хорошо! сказала лисица: — поклянитесь.

— Съ удовольствіемъ. Клянусь, положила лапку на сердце, что то, что я вамъ сказалъ — истинная правда.

— Чего же больше? промывчалъ быкъ.

— Да, да, заржали радостно конь и осель.

— Bravo! порѣшили, братцы! заблѣялъ баранъ.

Я было-хотѣлъ вступиться за васъ, родичъ, да мнѣ лисица и шкнутъ не дала. И тутъ же составили опре-

дѣленіе поймать васъ, обгрызть, въ наказаніе, вамъ уши и доставить ихъ къ воеводѣ. Исполненіе приговора возложили на чекалку *) и, будьте осторожны, онъ уже давно васъ ищетъ: это ему на зубы! уши онъ доставить медвѣдю, а съ прочимъ поступить по усмотрѣнію. Не вѣковать вамъ!

— Какъ же это поклялся полевой сверчокъ въ такой неправдѣ? спросилъ я у моего родича-тушканчика.

— Я и самъ не понималъ этого, да нечаянно открылъ истину: пробѣгая по лѣсу, я услышалъ, что быкъ шепчется съ лисой въ кустахъ; я подкрался и все выслушалъ. Быкъ, добрый звѣрь, изъявлялъ свое удивленіе лисицѣ, какъ вы теперь мнѣ.

— Какъ вы просты! говорила лисица: — благодарите судьбу, что я дѣло хорошо съ рукъ спустила!.. а полевому сверчку клясться легко, положила лапку на сердце, потому что у него нѣтъ сердца вовсе.

— Можетъ ли быть?

— Я вамъ докажу. Господинъ полевой сверчокъ! гдѣ вы? пожалуйста сюда! скорѣе! дѣло есть, закричала лисица. И, немного, погода прискакало это насѣкомое.

— Ну спасибо вамъ, поддержали вы моего кума, продолжала лисица. Дайте вашу лапку, и другую.

Полевой сверчокъ, униженно присѣдая, подалъ лисицѣ обѣ лапки. Лисица крѣпко взяла его за обѣ лапки и громкимъ голосомъ спросила: «какъ ты смѣло, противное насѣкомое, говорить и клясться противъ совѣсти?»

Полевой сверчокъ позеленѣлъ отъ страха и началъ корчиться.

*) *Canis agens.* (Естест. Исторія А. Ловецкаго.)

Примѣчаніе дядушки

— Ты сегодня вралъ на зайца, а завтра соврешь и на меня, бездѣльникъ, продолжала лисица: — такъ вотъ тебѣ... и при этомъ словѣ она разорвала его на части и показала быку, говоря: — посмотрите, гдѣ тутъ сердце?

— Рѣшительно нѣтъ и признака, сказалъ быкъ, мотая въ раздумьи головой. — Повѣрьте, кумушка, въ первый разъ въ жизни вижу подобнаго звѣря!...

— Эти всѣ насѣкомыя, любезный кумъ, которыя присѣдаютъ, да прискакиваютъ, да увиваются вокругъ чего-нибудь, всѣ безъ сердца! *)

Не успѣлъ тушканчикъ окончить печальнаго разсказа, какъ вдругъ остановился, прислушался и торопливо сказалъ мнѣ: — бѣги, бѣги скорѣе! идетъ сюда чекалка! Плохо тебѣ будетъ. Я слышу его шаги!

— Прощай, сказалъ я родичу, и бросился въ чашу, оглянулся: чекалка, словно тѣнь, летитъ за мною; я вправо и онъ вправо, я влево и онъ влево; были бы у меня здоровые скоки, я бы и не подумалъ о немъ; но я прихрамывалъ и крѣпко боялся за свою шкуру. Стало разсвѣтать я выскакалъ изъ лѣса, а чекалка налегалъ на меня все ближе и ближе; зубы его щелкнули надо мной, я рванулся и выскочилъ далеко впередъ, оставя только хвостъ въ зубахъ непріятели. Тутъ, на мое счастье, повстрѣчалась намъ повозка; люди стали кричать на чекалку, онъ повернулъ въ лѣсъ, а я кое-какъ ушелся въ кустарникъ и прилегъ, измученный, усталый.

*) Насѣкомыя снабжены желудкомъ и кишечнымъ каналомъ... У нихъ нѣтъ сердца, но одни тонкіе пасоковосные сосудцы, содержащіе въ себѣ бѣлую и холодную жидкость. (Естест. Исторія А. Ловцакаго. Ч. II. стр. 104.)

Примѣчаніе дѣдушки.

Отдохнувъ, я началъ разсуждать о своей несчастной жизни. «Вездѣ несприятности, вездѣ гоненія! вездѣ я виноватъ безвинно отъ-того, что слабѣ всѣхъ, думалъ я. И куда я покажусь хромой, безхвостый?!... всѣ стануть смѣяться надо мной!» Подобныя мысли, одна мрачнѣе другой, бродили въ головѣ моей; я рѣшился не страдать болѣе, то-есть, не жить, рѣшился утопиться и прямо побѣжалъ къ рѣкѣ.

— Звѣрь, звѣрь, заяцъ, заяцъ! бѣгите! спасайтесь! раздалось по всему рѣчному берегу, и куда я ни прибѣгу: лягушки, сломя голову, скачуть отъ меня въ воду.

«Стой!» подумалъ я, «значить, есть же твари беззащитнѣе меня, которыя и меня боятся, а живутъ, весело поютъ пѣсни, а порой и пляшуть», и мое намѣреніе утопиться сильно остыло при этомъ разсужденіи. Я не утопился; я рѣшился возвратиться на родину, отыскать свою старую норку: авось околѣлъ колдунъ-ѣжъ; если же не околѣлъ, то обзавестись хорошимъ логвомъ, что теперь гораздо приличнѣе моему возрасту, и спокойно провести свою старость.

IX.

ЗАЯЦЪ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДИНУ.

Вотъ я и на родинѣ! Осень очень измѣнила мою рошу; но все я узналъ ее и привѣтствовалъ какъ стараго друга: здѣсь мнѣ веселѣе, привольнѣе!.. Всѣ знѣкомые звѣри стали очень уважать меня: это, кажется, единственная польза отъ путешествія... Нѣтъ, есть, правда, еще и другая: возвратясь изъ путешествія, какъ-то лучше цѣнишь свою родину, понимаешь пословицу,

которую я въ дѣтствѣ слышалъ отъ людей въ домѣ Петра Ивановича: *славны бубны за горами!* Разумѣется, въ Муромскихъ лѣсахъ отъявленная дичь, но одна дичь да дичь, право, нехороша для нашего брата, маленькаго звѣря, иногда не мѣшаетъ и немного образования...

Старый колдунъ-ѣжъ очень со мной почтителенъ, даже предложилъ мнѣ поселиться въ моей норкѣ, да я отвѣчалъ ему, что теперь я уже не ребенокъ, что добродушному зайцу не пристало жить въ норѣ, и сдѣлалъ себѣ прекрасное логово подъ кустомъ ракиты, опутаннымъ до-нельзя полевымъ горошкомъ. Мое логово въ чистомъ полѣ недалеко отъ рощи, а въ рощѣ жить безпокойно: все теперь падаютъ листья и своимъ шелестомъ напоминаютъ мнѣ шелестъ шаговъ чекалки.

Сегодня прекрасное утро, солнце грѣетъ, пищи пропасть — я счастливъ и спокоенъ! Ай да родина — славная сторона!

На весну обзаведусь дѣтками и стану съ ними прыгать по рощѣ, вспоминая покойную матушку... Что сдѣлалось съ Петромъ Ивановичемъ? издохъ ли гадкій Великанъ? Завтра надобно поразспросить о немъ у сорѣкъ: эти сплетницы выносятъ всякій соръ со двора... Непремѣнно завтра; не будь я заяцъ, если не узнаю...

Этими словами оканчивается переводъ моего двоюроднаго дѣдушки. Завтра — какъ вы уже знаете изъ предисловія (если его не забыли) — завтра не пришло для бѣднаго зайца и всѣ его замыслы, всѣ мечты утихли,

замерли съ послѣдними воплями голоса подь книжалоу Петра Ивановича.

Покойный дѣдушка, переводя записки зайца, перевелъ изъ нихъ множество эпизодовъ, неидушихъ къ исторіи зайца, но очень любопытныхъ, на примѣръ: *Сказаніе синицы о томъ, какъ полевой сверчокъ управлялъ муравейникомъ и что изъ того произошло* и т. п. Если понравятся людямъ простыя, нехитрыя приключенія, чувства, бѣдствія и радости звѣрей и всякихъ животныхъ, то я современемъ напечатаю еще нѣсколько переводовъ моего двоюроднаго дѣдушки.

1840 г

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	v
Евгеній Павловичъ Гребенка. (<i>Біографическій очеркъ</i>)	ix

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

1836.

Разказы Пиратинца:

1. Двойникъ. Быль	3
2. Страшный звѣрь. Народное преданіе	25
3. Телепень. Быль	33
4. Мѣсяць и Солнце. Преданіе	62
5. Потапова недѣля. Быль	74

1837.

Вотъ кому зузуга ковала! Разказъ	95
--	----

1838.

Воспоминанія. Разказъ	108
Мачиха и панночка. Малороссійское преданіе	120
Лука Прохоровичъ. Разказъ	138
Такъ иногда люди женятся. Разказъ	174

1839.

Вѣрное лекарство. Повѣсть.	187
Горевъ, Николай Федоровичъ. Повѣсть.	228
Бывальщина. Разсказъ	264
Братья. Повѣсть.	274

1840.

Записки студента. Повѣсть	296
Куликъ. Повѣсть.	373
Путевыя записки зайца.	442

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

BOOK DUE
6687495
FEB 18 1980
FEB 5 1980

